

Лара Альм

«Клуб по интересам»

Ростов-на-Дону

2016

Иронический детектив о женщине, которое мечтала о счастье, а оказалась втянутой в криминальную историю. Можно сказать – сама себя втянула, а заодно – и подругу. Но кто бы знал, что одним убийством криминальная история не ограничится...

С любовью к читателям,

Лара Альм

Я зла не имею.
 Я сердцем не лгу.
 Живу, как умею.
 Живу, как могу.
 Живу, как лечу.
 / Р. Рождественский /

- Ой, мамочки! – воскликнула Наталья Романовна Алешечкина, женщина средних лет, средней комплекции, среднего роста. В общем, всё у нее было средним, включая зарплату бухгалтера. Ей показалось, что голос поглотил все шумы кафе, в котором Наталья Романовна находилась. На самом деле, это был вовсе не вскрик, а сдавленный испуг, сначала застрявший в начале гортани, потом с трудом проделавший себе дорогу и вновь застрявший в середине, там, где полость гортани напоминает песочные часы. Наталья решила погибнуть от удушья, но быстро передумала, тем более, что вскрик-испуг все-таки просочился глубже. Женщина отчаянно закашлялась. Посетители кафе «Магнолия» повернули головы в ее сторону и с явным недовольством воззрились на нее, на женщину без особых примет. Стать центром внимания Наталья всегда мечтала, но в настоящий момент ей было не до себя любимой. Центром внимания обязана стать миловидная особа.

Девушка в мешковатом мини-платье, незадолго до случившегося, вошла в кафе с высокомерно вздернутой головой, при этом излишне виляла бедрами. Заказала чашку кофе и принялась поочередно изучать посетителей, изучала прилипчиво – взгляд «приклеивался», что всегда считалось показателем некачественного воспитания, но сей факт девушке был до лампочки. Отношение к незнакомым людям сразу отражалось на лице: все подряд женщины вызывали у девушки неприятие, при этом она хмурилась и отворачивалась; мужчины заставляли ее играть на публику – притворяться звездой сцены, уставшей от назойливых поклонников. Для этой цели она периодически напяливала на нос солнцезащитные очки, тайно-наглядно вздыхала и показательно отворачивалась, но была начеку. Наталье Романовне сначала показалось, что девушка за кем-то следит и боится, что ее заметят. Понаблюдав за фифой в очках некоторое время, Наталья сообразила, что та отвратительно играет свою роль мировой знаменитости, занесенную неведомыми силами в кафе провинциального города. Фифа в мини-платье напоминала «известную в узких кругах знаменитость», которая мечтает о славе: она призывно осматривалась, приклеивала взгляд к любому мужчине, мимоходом обратившему на нее внимание, и как бы мысленно спрашивала: «Ну что, узнали? Узнали?.. А теперь попробуйте узнать вот так – в очках». Затравленная звезда продолжала трепать

солнцезащитные очки, по большей части сидела в шпионском виде, но время от времени очки с помощью изящных ухоженных ручек съезжали на кончик носа, и изучение очередного мужчины, заслуживающего внимания, продолжалось из-под очков. Особа считала, что мужчина обязан тут же броситься к ней, завязать знакомство и вкрадливо, с волнением спросить: «А это не вы снимались в фильме...?» На нее поглядывали, поверхностно, как мужчины, так и женщины, особа продолжала сидеть в одиночестве и воевать с очками, которые стоили половину месячной зарплаты среднего бухгалтера.

Наталье показалось, что девица не только желает познакомиться с мужчиной, но и нарывается на скандал: на «парных» мужиков она тратила больше времени, чем на мужчин-одиночек. Возможно, Наталья ошибалась, потому что перетянуть интерес к себе «парника» легче. Оторвать мужчину-одиночку от ноутбука, в экран которого был устремлен его взгляд, или от мобильного, по которому бегали его пальцы, была архисложно. «Парники» не очень-то приклеивали взгляды к своим спутницам, успевали, исподтишка или явно, поглядывать на других женщин. Один мужик, лысый, как нектарин, прозванный детьми лысым персиком, зацепил глазами Наталью Романовну в тот момент, когда она вошла в кафе, и довел глазами до столика. Натка чувствовала спиной его взгляд, с трудом доковыляла до свободного столика и бухнулась на стул. Представительная дама, с которой беседовал Лысый, поднялась со своего места, он тоже приподнялся, пожал протянутую ему руку, недолго думая, приложился к руке губами. После чего воззрился на нее с подчеркнутым ожиданием. Будто бы ничего ей не успел сказать, но дама в ответ отрицательно покачала головой. Наверное, она читает по глазам, - решила Алешечкина. - Прочла предложение проводить ее до дома и отказалась.

Пышнотелая дама отчалила. Лысый тотчас заинтересовался Алешечкиной, на расстоянии. Наталья зарделась, как скороспелое яблоко под жарким солнцем. При этом ее зардевшееся лицо, черт побери, покрылось бисеринками пота, как будто женщина проделала сложную и ответственную работу, а именно - вышла победителем в неравной схватке. На самом деле, Натка сильно разволновалась - с нетерпением ждала развития событий. Мужик победоносно взглянул на Наталью Романовну – мол, я удалил свою спутницу, теперь готовься, твой час настал. Наталья Романовна расценила этот победный взгляд, как предупреждение – сопротивление бесполезно. Никто и не собирался сопротивляться. Каждый выходной день Алешечкина, три месяца назад получившая документ о расторжении брака с Алешечкиным Михаилом Дмитриевичем, шаталась по улицам, бутикам, кафешкам, чтобы не сидеть одной в четырех стенах, и тайно надеясь на встречу с нормальным мужчиной без вредных привычек. Этот Лысый подходил под громкое название «нормальный мужик». Наклеивалось знакомство.

И надо было заглянуть в кафе этой худющей загорелой мумии в мини-платье! Наверное, целыми днями загорает под жарким «солнцем солярия», - мысленно решила Наталья Романовна, тайно злясь не столько на конкурентку, сколько на себя – зачем уделять ей внимание?

Худобу девицы не скрывало мешковатое платье. Натка быстро нашла десять отличий загорелой мумии с собой. Все найденные без труда отличия были в ее, Наткину, пользу. Было бы неплохо, если бы Лысый тоже заметил преимущества женщины в самом соку. Увы. Оказалось, что у мужика есть вредная привычка – бегать за каждой юбкой. Бабники не относятся к категории нормальных мужиков. Лысый привычно проводил заинтересованным взглядом молодую девицу до столика и принялся ее изучать, как биолог изучает резкое насекомое – с ноткой восхищения и недоверия: неужели ему привалило такое счастье?! В свою очередь девица посмотрела на него, как на приставучего попрошайку, прыгавшего рядом с ней целый квартал и нагло проследовавшего за ней в кафе: пренебрежительно-доходчиво, чтобы попрошайка пошел своей дорогой. Лысый был догадлив, потому возобновил прием пищи, прерванный приходом Натальи и уходом его спутницы. Но на девицу все же поглядывал незаметно, осторожно – с такими надо держать ухо остро, не ровен час, вывалит на голову содержимое тарелки.

Алешечкину не занимали особы женского пола, но эта мумия в мини-платье увела из-под носа мужика. Поэтому Алешечкина послала на ее голову всяко-разные несчастья, взялась на ароматный кофе и пирожное, а параллельно сверлила мечтательным взглядом особу, делая вид, что смотрит сквозь нее. Обычная на вид женщина погружена в свои фантазии, в кафе сидит ее оболочка, вся она витает в облаках нереальности.

Если бы не пристальный интерес к девице в мини, Наталья никогда бы не заметила, как та взяла двумя пальчиками чашечку кофе, кокетливо пригубила содержимое чашки, и тут же чашка выпала из ослабевшей руки, кофе вылился из чашки на платье. Чашка катилась по девице, как ком снега с плохо припорошенной снегом горы – оставляла грязный след, а девица оставалась безучастной. Не просто безучастной, а недвижимой. Наталья решила, что милостивая особа прикидывается, хочет, чтобы избранник прискакал и оказал первую медицинскую помощь. Естественно, произойдет чудо – незнакомец спасет даму, в благодарность дама... что-то придумает, отношения разовьются с быстротой молнии... Везет некоторым...

Но девица в мини-платье, по которому скатился «ком снега» кофейного цвета, была не театрально недвижима. Почему не театрально? Потому что ноги некрасиво вывернулись, сильно оголилось бедро, на котором красовался свеженький синяк – каждая женщина знает, что прятать, что показывать. И едва ли кто-то пожертвует красивым платьем, которое к тому же очень идет.

Собравшись с силами, Наталья Романовна крикнула:

- Ой, мамочки! – И закашлялась, как профессиональный туберкулезник.

Чтобы посетители кафе поняли причину ее недостойного поведения, указала на особу с синяком на бедре. Посетители дружно повернули головы, следуя указанию, и замерли. Лысый мужик клевал салат на тарелке и делал несчастный вид - «один, совсем один», причем клевал и делал чересчур показательно. И чудакораво. Как можно не отреагировать, если не на сдавленный вскрик, то на кашель туберкулезника со стажем. У любого вспыхнет отвращение, захочется понять, где находится заразный источник, чтобы отдалиться на безопасное расстояние.

Мужик соблюдал правило – «когда я ем, я глух и нем».

Неизвестно, что потрясло Наталью больше – внезапная отключка девицы или подозрительное поведение Лысого?

Как любительница детективов она сразу связала два события в одно – Лысый отравил кофе, который девице принесла официантка. Натка за мужиком не наблюдала, переключилась на «мини-платье», но краем глаза заметила, что он подходил к барной стойке. Поднос с кофе, предназначенный для девицы, стоял на стойке и ждал официантку. Лысый что-то прихватил и вернулся на место. Кажется, вилку. Неплохо придумано: уронил вилку на пол, самостоятельно завладел чистой вилкой на барной стойке, успев что-то... не что-то, а отраву, бросить в чашку с кофе. Кому есть до него дело? Никому, одной Алешечкиной.

И теперь, когда все служащие кафе и все посетители сгрудились возле особы в мини, подозрительный мужик выбрался из-за стола, расплатился по счету у барной стойки, предварительно «написав» что-то пальцем по воздуху. Ни слова не сказал при этом. В кафе поднялся гвалт. Кто-то выдавал советы, кто-то требовал «доктора-доктора», кто-то утверждал, что девушка мертва и ей уже ничем не помочь – надо вызывать наряд полиции. После такого предложения народ засуетился, вспомнил, что дел по горло. Натка расплатилась сразу, как только принесли кофе и пирожное, поэтому улизнула первой. Если правильно, то второй, после подозрительного субъекта.

Выпрыгнув из кафешки, как пробка из бутылки шампанского, она поозиралась по сторонам. Мужик успел отойти метров на двадцать. Он шел по тротуару, нагло размахивая портфельчиком.

Наталья Алешечкина потрусилась за ним.

Не пройдя и нескольких метров, она услышала, как ее кто-то окликнул, причем назвал девичьей фамилией. Встретаться с человеком, который был с ней знаком в прошлой

холостяцкой жизни, совсем не хотелось: начнутся суды-пересуды, копания-доставания, выворачивания-выкручивания. Тем более, не нужны встречи в данный момент, когда Натка преследует подозрительного субъекта с портфелем. Но участник бывшей жизни сдаваться не собирался. Не дождавшись отклика, он припустил за ней, без труда догнал и схватил за руку.

- Натка! Соловьева! Ты что, не слышишь? Я тебя зову, зову.

Кто бы мог подумать, что это Эдуард Канарейкин. Одноклассник девицы Соловьевой, отчаянный задавала и «первый парень на деревне». В пору юности он не обращал внимания на Наталью Соловьеву, предпочитал общаться с красавицами и дочками богатеньких папенок. Те, кто совмещал в себе эти «качества», вызывали у Канарейкина бешеный азарт с последующим преображением. И без того прелестный отрок с неплохим красноречием на глазах превращался в сказочного принца, которые вещает неземными словесами. Но Канарейкин всегда любил только себя, вскоре уставал от напряженных выкрутасов и находил себе другой объект для нефанатичных ухаживаний. Новая пассия с необыкновенными глазами и невероятной длиной ног окружала обалденного красавца Эдика сумасшедшей любовью. И что самое главное – постоянно напоминала Эдику о его невероятных показателях по всем статьям. А показатели были: парень был невероятно красив, несравненно умен, заоблачно высок, сумасшедше обаятелен. Все-все девчонки были в него безумно влюблены. У некоторых, например, как у подруги Натальи – Катьки Куприян, любовь зашкаливала. Она ходила к ворожеям, дарила Эдику милые безделушки, громче всех хохотала над его шутками, льстила ему при каждом удобном и неудобном случае, просила «дать списать домашку по алгебре», хотя, была лучшим математиком в школе. Иногда Эдик опускался до уровня средних величин, и осчастливливал первую попавшую из этих средних величин. Чаще всех осчастливленной оказывалась Катька, которая постоянно ошивалась возле Канарейкина. Натка тоже была влюблена в Канарейкина, но старалась не показывать вида. Ах, если бы не предрасположенность к помидорности – Соловьева краснела каждый раз, когда в радиусе ее уловимости появлялся Канарейкин. И без слов было ясно – она, как все. Однажды Канарейкин загорелся желанием получить подтверждение своей догадки - что она, как все, и отвесил комплимент в ее адрес. Натка потеряла дар речи, вспыхнула, нервно схватилась за тетрадку и принялась обмахивать свое разгоряченное лицо. Одним словом, повела себя, как женщина в годах при климаксе. Если бы не возмущенная Куприян, больно наступившая ей на ногу под столом, из ревности, она бы окончательно сдала себя с потрохами. Боль в ноге перевесила наслаждение от комплимента, вернула в рамки сдержанности. Наталья Соловьева хмыкнула и с явным презрением произнесла:

- Попридержи комплименты для своего гарема, мне они даром не нужны.

Подруга взглянула на нее, как на законспирированную сумасшедшую, которая неожиданно призналась в своем психическом заболевании, причем во всеуслышание.

- У меня есть кому говорить комплименты, - добавила Соловьева, мечтательно подняв глаза к потолку класса, в котором они находились.

- Познакомишь? – хитро зыркнув в ее сторону, высказался Канарейкин.

- Без проблем. Как только он вернется в Россию, обязательно вас... представлю друг другу. Или подумаю, представлять или нет – он у меня жутко ревнивый. Еще подпортит твое красивое лицо, девчонки любить не будут.

- Шрамы мужчины украшают, - ляпнула Екатерина Куприян, одарив Эдика томным взглядом.

- Обойдусь как-нибудь, - выкрутился Канарейкин.

Эдиком его называли «за глаза», он терпеть не мог детско-уничижительное имя, предпочитал, чтобы его называли Эдуардом или Эдуардом Витальевичем. Незнающих всегда поправлял. Даже учителя обращались к нему его по имени и отчеству, сначала в шутку, потом вошло в привычку. Пацаны со временем укоротили обращение, уважительно обращались к нему Виталич. С пацанами Виталич был ровен, носа не задира, давал денег взаймы, напоминал о долге только в крайних случаях. Крайним считался случай посягательства на личный гарем. Натка была одной из немногих, кто в гареме не числился, потому не ощущала

недостатка в кавалерах. Но не хотела с кавалерами даже «просто дружить». Они ей были неинтересны.

С Эдуардом Витальевичем Канарейкиным Алешечкина-Соловьева не виделась со школы. Поговаривали, что он поступил в столице в престижный вуз, удачно женился, завел детей и вполне счастлив. Но всё это было на уровне слухов. Достоверных подтверждений тому не было. Однако Натка не сомневалась, что Виталич удачно пристроился в столице, и горела желанием увидеть его избранницу, в чем неожиданно призналась Катке Куприян, которая быстро охладела к объекту страсти, едва он исчез с ее горизонта. По крайней мере, сама это утверждала, довольно искренне.

- Крыса небось какая-то, - отреагировала тогда Екатерина. – Ни кожи, ни рожи. Станет Эдуард на красотке жениться, с красоткой хлопот не оберешься. Опять же конкуренция. Эдке конкуренция не нужна.

- Я так не думаю, - покачала головой Наталья. – Он эстет, любит всё красивое.

- Дом - это не музей. На красивое надо в музее смотреть, а дома глаза должны отдыхать.

- Тоже, скажешь...

Эдуард застыл перед Алешечкиной. По-прежнему красивый, статный. Или лучше прежнего. И смотрел на нее с недоуменной улыбкой.

- Привет, Соловьева! Не узнаешь?

- Привет, Эдуард Витальевич, - промямлила бывшая одноклассница.

- Помнишь, - усмехнулся молодой мужчина и великодушно разрешил, - можешь обращаться ко мне по имени.

- Хорошо, Эдуард, - отчетливо проговорила Наталья, провожая взглядом лысого мужика из кафе. Мужик достиг пешеходного перехода и остановился в ожидании разрешающего сигнала светофора. Она видела его профиль, никакого напряжения или испуга на лице не наблюдалось. Обычное выражение лица сытого мужчины, который знает, куда ему идти и что делать. Такое выражение лица было у Наткиного мужа Михаила после ужина. Обычно в среду и в субботу. По этим дням у него был запланирован секс с супругой. Бывший муж всё и всегда делал по расписанию. Пусть земля ускорится или изменит направление вращения, море выйдет из берегов и зальет сушу, пусть все люди вокруг вымрут, а Михаил будет жить по утвержденному им расписанию. И так молодая семья Алешечкиных жила одиннадцать лет. Рождение детей в планы супруга не входило. Натка не спорила. Сначала очень любила мужа, потом просто любила, потом терпела – боялась остаться одной, потом возненавидела и подала на развод. Лучше быть одной, чем вместе с занудой, у которого все по расписанию. Прошло три месяца после развода, а Натка до сих пор вздрагивает от воспоминаний, особенно по средам и субботам...

- Ну, рассказывай, как жизнь молодая! – потребовал Эдуард.

- Как жизнь? Нормально жизнь... Ты извини, я очень спешу, - растерянно пробормотала Алешечкина, усердно вращая головой, будто ожидала неожиданного нападения. Светофор вот-вот собирался пропустить лысого субъекта.

Наталья попятилась назад и остановилась – всё-таки невежливо быстро исчезать, давно не виделись, ей что обсудить. И хочется просто постоять рядом с красивым мужчиной с умными глазами, хочется получить удовольствие.

А как же Лысый? Он убежит, а Натка ничего не выяснит.

Эдуард Канарейкин не собирался препятствовать, протянул ей свою визитку.

- Ната, обязательно мне позвони. Я очень рад, что встретил тебя.

- Ты рад, что встретил? – не поверила бывшая одноклассница, не входившая в школьную элиту по разным показателям. - Ладно, позвоню...

- Ты замужем? – запоздало поинтересовался Эдик.

Зардевшаяся Алешечкина взвилась:

- А это что-то меняет?

- Просто интересуюсь.

- Была замужем, развелась три месяца назад. Но фамилия мужа осталась мне на память. Теперь я Алешечкина.
- Надо же, только вернулся в родной город, и сразу встретил тебя.
- Эдик, я позвоню, - на ходу бросила Наталья. Но успела заметить, как при фамильном обращении напрягся бывший одноклассник. Видимо, по-прежнему не любил свое детско-уничижительное имя...

Лысый переходил вторую половину проезжей части. На светофоре быстро отсчитывались секунды, осталось всего девять... уже восемь... Натка припустила за подозрительным мужчиной. Успела перебежать дорогу, уступила место возмущенно рычащим автомобилям.

Каково же было ее удивление, когда Лысый остановился у очередного кафе, внимательно изучил вывеску «Незабудка», и бодрым шагом вошел внутрь. Алешечкина наблюдала за ним через стекло. Встала сбоку, чтобы он ее не заметил, и принялась следить. Проходящий мимо старичок осуждающе покачал головой и посоветовал «развестись, чем так унижаться». Алешечкина никак не отреагировала, она-то знала, что занимается ответственным делом – следит за преступником, который отравил в кафе молодую девушку, пусть она была мумией, пусть рыбачкой – ловила мужчин, но никто не давал преступнику права забирать у нее жизнь.

Между тем, потенциальный преступник уселся за стол. Стол уже занимала пышнотелая мадам. Не та, что попрощалась с ним кафе «Магнолия», другая, но очень на нее похожая.

- Джентльмены предпочитают толстушек, - пробубнила себе под нос Алешечкина.
- А вот и ошибаетесь, - вступил с ней в дискуссию бородач приблизительно ее лет, слегка за сорок. – Лично я худышек не люблю, но и чрезмерно толстые меня не привлекают. Мне нравятся такие женщины, как вы. – Мужчина обхватил бороду и пропустил ее через сложенную кольцом кисть руки.

Что ж за день такой, - мысленно возмутилась Наталья. – То никого на горизонте, но пошли чередой. Череду возглавлял Лысый, далее следовал Эдуард Канарейкин. Теперь вот этот Бородач.

- Товарищ, идите, куда шли. Я на задании, - прошипела особа с лицом цвета революционного стяга.
- У меня никогда не было женщин на задании, - с восхищением признался Бородач. Оставил в покое свою бороду, согнул руки, как бегун на дистанции, и усердно потер сложенными руками по своим нетощим бокам.

Натке показалось, что у него чесотка, а таким замысловатым способом он ухитряется осаживать зуд на теле. В ее голове не появилась мысль, что мужик спортсмен. Во-первых, на спортсмена на выбеге он не похож – рыхло-упитанный, излишек веса имеется, не так чтобы чересчур, но заметен без обследований и взвешиваний. Во-вторых, одет был не по-спортивно – в светлые брюки, полосатую шведку навыпуск, на босых ногах красовались сандалии. Будто бы «прощай, молодость», но последнее время опять вошедшие в моду. В общем, одет прилично, и сам вполне ничего. Но появился не вовремя.

- У вас визитка есть? – по-деловому осведомилась Наталья, пять минут назад уже получившая визитку от бывшего одноклассника.
- Визитка? А зачем вам моя визитка?
- Я спрашиваю – есть или нет?
- Дома, - подумав, ответил Бородач. Натка поняла, что визиток у него отродясь не было.
- На нет, и суда нет, - брякнула она, вновь уставившись в окно. Бородач уходить не собирался.
- А без визитки, никак? – с подобострастием спросил он. Руки повисли, как плети, что немного успокоило женщину на задании. – Меня Митей зовут.
- Митя, хм, Митя, - искоса поглядывая на него, выразила бескрайнее недовольство Алешечкина. – В вашем возрасте давно пора быть Дмитрием.
- Пусть будет Дмитрий.
- Только не надо делать мне одолжение. И шли бы вы, Дмитрий, своей дорогой.
- А вас как зовут? – Дмитрий проигнорировал ее пожелание.

- Макарена, - ляпнула Наталья.
- Макарена? – не поверил мужчина с бородой. – Правда, что ли?
- Зачем мне врать? – передернула плечами женщина.
- А, я понял – это подпольная кличка, - сверкая глазами, высказался догадливый бородач, он же Митя, он же Дмитрий.

Лысый в это время принялся с пристрастием изучать меню, время от времени кидая на очередную Пышку плотоядные взгляды. Пышка взяла со стола блокнот, то ли свой, то ли придвинутый к ней визави, что-то написала и передала ему. Лысый прочел, соорудил мину победителя и тоже отписался. После чего вернул блокнот. Пышка зарделась не хуже Алешечкиной. Блокнот не убрала, пристроила его рядом со стаканом сока, который пила до прихода Лысого, и принялась пожирать Лысого глазами. Лысый не смутился. Натке показалось, что ему нравится, как на него смотрит пышнотелая особа. Вскоре он протянул женщине меню, при этом указал в нем что-то пальцем-сарделькой. «Сарделька» захватила несколько строк, дама вряд ли что-то поняла, но на всякий случай кивнула. Ее спутник повел головой, тут же рядом со столиком возник официант. Лысый привычно ткнул в меню пальцем-сарделькой, тот тоже все понял и исчез.

Ничего не понимала одна Алешечкина.

Или в меню замысловатые названия блюд, или у него «хромает» декламация, или они используют меню не по назначению. Одно из трех, - подумала она. От размышления ее отвлек Дмитрий, о котором она успела забыть.

- Макарена, вы на задании, не хочу вам мешать, но...
- Вы еще здесь, Ми-тя? - язвительно произнесла его имя Наталья Романовна, она же Макарена, предпочитая не слушать то, что последует за «но». – Я вам дала понять, что между нами ничего не может быть.
- Это потому, что у меня нет визитки? – заинтересовался новый знакомый. – Или я лицом не вышел?

Погруженная в свои возбужденные мысли женщина не сразу сообразила, о чем речь.

- Не надо выходить лицом, - обронила она, не подумав.- Идите прямо, никуда не сворачивайте.
- В это время Лысый протянул руку и схватился за блокнот, в котором Пышка ему что-то писала до этого. Чиркнул в нем, полюбовался нас свою писанину, аккуратно прикрыл блокнот, вернул его владелице и приложил палец к губам. Дескать, никому ни слова, что я накарбал. Как будто она собиралась «повесить объявление».

Очень все странно и подозрительно, - подумала Наталья, она же Макарена, о чем ей напомнил Дмитрий, который пробовал на вкус - смаковал ее новоизобретенное имечко, подпольную кличку.

- Макарена, может быть, я могу быть вам полезен? – предложил он после смакования.
- Не можете, мне ваше имя не нравится.
- Почему? – вложив в короткое слово массу возмущений, спросил Бородач.
- Так звали моего бывшего свекра. Зануда из зануд, похлеще сыночка. Если бы проводились соревнования мирового масштаба по занудству оба заняли бы два первых места, соревновались бы только с друг другом, оставив далеко позади всех соперников.
- Они... оба скончались? - с ноткой трагизма спросил Дмитрий.
- Эти двое нас всех переживут, - безрадостно протянула Наталья Романовна. – Но для меня они умерли. С мужем я развелась, - неожиданно призналась она, - естественно, с его родителями тоже, у нас нет точек соприкосновения.
- А-а-а, я понял - у вас не было совместных детей, а у дедушки и бабушки не было внуков.
- Гениальная сообразительность, - съязвила Алешечкина.
- Вообще-то я не глуп, и могу пригодиться.
- Вполне возможно, что пригодитесь, вполне возможно, - недолго думая, окрылила мужчину «Макарена», оценивая его ползающим вверх-вниз взглядом. – Вы видите во-о-он ту пару за столиком?
- Лысый с толстушкой?

- Точно. Ставлю вам задачу – вы проникаете в кафе и воруете маленький блокнотик, который лежит на столе рядом со стаканом сока. Это очень важно. Вы меня понимаете? – поиграла бровями румяная особа с горящими зелеными глазами.

Дмитрию всегда нравились зеленоглазки с красно-рыжими волосами, в эта, ну просто, свела с ума. Немного неухоженная и одета, как зря, но это дело поправимое.

- Ради вас я готов на все! – клятвенно заверил он и отправился выполнять задание. Хотел напоследок сорвать поцелуй, но удержался от опрометчивого шага.

Пока Дмитрий устраивался в непосредственной близости от парочки, Натка судорожно звонила своей подруге Катьке Куприян.

- Катька, быстро собирайся и дуй в наше кафе. В «Магнолию».

- С какого перепуга? – зевая, спросила Екатерина Викторовна. – Дай человеку выспаться...

- Много спать вредно! Каждый знает – двадцать лет жизни из шестидесяти человек проводит во сне. Надо с этим как-то бороться.

- Вот и борись. Кумачовый флаг тебе в крепкие руки. А я пока всласть посплю, в кои-то веки детей к матери отправила, мужа - командировку.

- Так ты свободна, как ветер? – заискивающе поинтересовалась подруга. Не дождавшись ответа - в трубке слышались одни кряхтения и зевания с хрустом челюсти и протяжным «а-ха-хах» - потребовала, - быстро собирайся и дуй в кафе!

- С какого..

- С такого! Там девицу отравили. Покрутись в кафе, узнай новости.

- А ты где?

- Я иду по следу... Слежу я.

- За кем?

- За одним лысым субъектом, который после отравления той девицы сразу смылся. Никто не смылся, а он смылся. Никто не заметил, одна я.

- И чего тебе дома не сидится, - укорила подругу Катерина. Но в голосе не было прежней отстраненности. – Хорошо, я сейчас...

- Не сейчас, а сию минуту.

- Хорошо, сию минуту. Вот привязалась...

Дав очередное задание очередному помощнику, самовыдвиженка в начальники опять сгруппировалась возле стены кафе, краем глаза подглядывая внутрь. Очень надеялась, что прохожие не примут ее за городскую сумасшедшую или попрошайку. Зря надеялась.

- И не стыдно тебе? – раздался сзади осуждающий женской голос. – Молодая, здоровая, а работать не хочешь. Неужели лучше побираться?

- Отвали, - грубо отреагировала Алешечкина.

- Я тебе помочь хочу, дурочка.

- Мне твоя помощь не нужна, - процедила она сквозь зубы, - я на работе. Работа у меня такая.

- Сыщик? Частный?

- Общественный, - хмыкнула Натка. – И давай, давай, двигай отсюда, ты мне операцию сорвешь.

- Я когда-то дружинницей была, могу помочь, - предложила незнакомка.

В это самое время Дмитрий, он же Митя, поднялся с ненасиженного места и двинулся мимо стола Лысого и Пышки. Пышка прикрыла рукой блокнот, за которым охотился добровольный помощник. Как почувствовала, что блокнот могут умыкнуть. Помощник зашел за спину Пышки, устался на начальницу, маячившую за стеклом, и развел руками. Его действия не остались без внимания Лысого, с которым Наталья пересеклась в кафе «Магнолия». Лысый тут же повернул голову, Натка успела отскочить и въехала в мягкое тело женщины, бывшей дружинницы.

- Быстро встаньте на мое место и помашите рукой, - приказала она шипящим голосом.

Без дополнительных вопросов дружинница заглянула в кафе, заулыбалась и призывно помахала рукой. Алешечкина согнулась в три погибели и в таком весьма неудобном положении переместилась в другое укрытие, на противоположную часть стены возле

большого окна. Украдкой заглянула в кафе. Лысый внимательно изучал светящуюся счастьем женщину, которая призывно махала рукой. Естественно, ему захотелось узнать, кому адресованы и улыбка, и взмахи. Его указательный палец-сарделька уткнулся в грудь, на лице застыло вопросительное ожидание.

- Да, я к вам обращаюсь, - вслух произнесла женщина, ожесточенно кивая при этом.

- Вы что, с ума сошли? - возмутилась Наталья Алешечкина. – Не к Лысому обращайтесь, а к Бородатому! Неужели не ясно?!

- Не к Лысому? – скривив в ее сторону рот, удивилась дружинница.

Она по-прежнему продолжала улыбаться и зазывно махать рукой. Другой рукой повесила на плечо сумку, освободила руку для дальнейших действий. А действия были следующие. Она выписала двумя указательными пальцами в воздухе сердечко и послала в никуда воздушный поцелуй. Лысый привычно указал на себя, его примеру последовал Бородач. Дама за стеклом ему сразу понравилась. Ему всегда импонировали инициативные особы.

Пальчик дружинницы сместился ниже, где-то на уровне сидящего за столом Лысого. Палец попытался просверлить в стекле отверстие, после чего кокетливо погрозил. Лысый вздернул и опустил плечи – якобы не понял, чем заслужил такое порицание. Не подумал, что дама за окном намекает на то, что выписанные сердечки, улыбка и призывы обращены другому мужчине. Другой мужчина принял легко расшифрованные намеки на свой счет. В Лысом увидел соперника. В связи с чем, прихватил его за шиворот и поволок в сторону выхода из кафе. Пышка подлетела к бородачу и врезала ему сумкой по хребту. Бородач отодвинул заступницу в сторону, надо признать, отодвинул невежливо, ее спутник решил заступиться за даму, завязалась потасовка, отягощенная кудахтаньем Пышки и несмелыми выкриками официанта. Пока никто из враждующих сторон не обращал внимания на окно, Наталья смело перебежала к Дружиннице и затолкала ее в кафе, приказав всеми правдами и неправдами увести Бородача. Имевшая навыки по усмирению враждующих сторон Дружинница отважно втиснулась в гущу событий, отпихнула от Бородача Лысого, Лысый наехал на Пышку, кудахтающую и путающуюся под ногами. Оба – и Лысый и Пышка - завалились на пол. Дружинница схватила за руку Бородача, который не сильно упирался, и потащила его на улицу. Они встали перед грозной начальницей навтыяжку и с подобострастным молчанием усталились на нее. Начальница боялась, что Лысый побежит вслед неприятелю и заметит ее при раздаче «благодарностей», поэтому приказала следовать за ней. Помощники беспрекословно подчинились. Натка не нашла ничего лучшего, как завести обоих помощников в близлежащий магазин. В предбаннике объяснила, что в их услугах больше не нуждается, и пожелала приятно провести время. Бородач осмыслил ее слова, перевел взгляд на даму и представился:

- Митя.

- Эмма, - проворковала та.

- Митя, Эмма, улепетывайте отсюда поскорее, пока вы мне окончательно не провалили операцию.

- Но ты обращайся, если что, - на ходу бросила дружинница по имени Эмма, и утянула за собой Митю-бородача.

Наталья осмотрелась. Магазин напомнил ей советские магазины из детства. За старинными дубовыми прилавками скучали продавщицы, тихо переговариваясь друг с другом. В одном отделе замешкалась покупательница ситца на метраж, перед другим прилавком стояла молодая девушка, проникновенно вдыхая ароматы парфюма. В этом отделе торговали «духами на разлив». Покупатель мог выбрать понравившийся парфюм и приобрести его в таре любой емкости и любого вида. Натка заинтересовалась другой продукцией старорежимного магазина. Ее привлекли парики. Едва она оказалась у прилавка, продавщица предупредила:

- Примерка сто пятьдесят рублей.

- Да, ладно, - не поверила Алешечкина.

- А что вас удивляет? – нахмурилась женщина с шикарной шевелюрой волос шоколадного цвета.

- И это тоже парик? – спросила Наталья, кивая на шоколадную гриву.

- Свои, - обидчиво протянула продавщица, пряча глаза.

Брешет, как чешет, - решила Алешечкина. – Не понятно, зачем.

- Покупаю без примерки! – огласила она весь магазин, причем почувствовала себя оратором на большой площади, запруженной народом.

Громкий голос отразился от всех стен, слился воедино в эпицентре, где находилась любительница ароматов. Как оказалось, она была натурой ранимой и впечатлительной - исполнила танец трусихи, которая пытается сбросить ползущего по ней паука без помощи рук, начала извиваться всем телом, жаль надолго ее не хватило. Через плечо одарила возмущенным взглядом покусительницу ее вдохновенного спокойствия, и продолжила прерванное занятие. А старушка с отрезом ситца суетливо спрятала попку в бездонную сумку, и, проходя мимо, обозвала крикливую женщину «чумачечей».

Сумасшедшей Алешечкину никто не называл. Она примерила на себя неожиданно данное ей прозвище и порадовалась – все же лучше, чем никакая.

Вывалив за парик немалую сумму, Натка перед зеркалом нацепила его на голову и превратилась в жгучую брюнетку.

- Надо лицо подмалевать, - высказала свои соображения продавщица. – Для таких волос вы очень бледная, хотелось бы поярче.

- Я выбежала из дома без косметики, - призналась Алешечкина и густо покраснела. Она никогда не красилась, могла только слегка провести по губам почти бесцветным блеском.

- В чем проблема, хмыкнула продавщица. – Можете все купить в отделе «Парфюмерии».

В отделе «Парфюмерии» наизготовку уже стояла ее коллега, накрест сложив ладони на прилавке.

Когда все продавцы и девица с духами сообразили, что перед ними полный профан в мейкапе, то начали дружно давать советы. Преуспела покупательница, которая давеча исполняла танец трусихи. Она не только помогла выбрать косметику, но и нанесла макияж, что называется, «не отходя от кассы». Натка вновь изучила свое отражение в зеркале и не узнала себя.

Намейкапилась, - подумала она, вспомнив излюбленное слово Екатерины Куприян, ближайшей подруги.

Смуцало платье – черное платье-халат макси, которое в купе с волосами создавало эффект гадалки-авантюристки, мечущейся по улицам города для решения своих материальных затруднений. Превращаться в нечто близкое к уличной гадалке-приставале женщина боялась – еще в полицию загребут. Пробежала глазами по прилавкам, но отдела одежды не нашла.

- Хочу разыграть одного знакомого, - неожиданно призналась она. – В этом платье он меня сегодня видел, надо бы... что-то... придумать.

- Можно превратиться в индианку, - сообразила с выгодой для себя продавщица тканей. – Идите-ка сюда, мы сделаем вам замечательное сари.

- Вы замужем? – подобралась визажист-любитель.

- Д... да, - с легким заиканием ответила Наталья. О своей личной жизни она, вообще, не любила распространяться, а в компании незнакомых людей, тем более. Сразу пожалела, когда разоткровенничалась в Митей-бородачом. Бдительность потеряла.

- Раз вы замужем, надо нарисовать на лбу бинди. Или третий глаз. Так называют цветную точку на середине лба. А волосы мы уберем в пучок. Согласны?

- Делайте, что хотите, я на все согласна.

- Здорово, - восхитилась девушка...

Через двадцать минут из дверей магазина вышла настоящая индианка с русским именем Наталья. Но она никому не собиралась называть свое имя, она собиралась войти в кафе и обнаружить там прежнюю идилию между Лысым и Пышкой. Запоздало испугалась, что

парочка могла давно уйти. Или они покинули заведение по очереди, с небольшим перерывом. А после этого в кафе появился еще один женский труп, который, на первый взгляд, не имел отношения к мирно переписывающейся парочке. Этого Алешечкина боялась больше всего.

Натке повезло: Лысый и его верная спутница по-прежнему сидели за столиком.

Называется, хотела стать невидимкой, - с усмешкой подумала Алешечкина, когда все посетители кафе, включая сладкую парочку, обратили на нее свои взоры. – Мечты начинают сбываться – я стала центром внимания.

Официант подлетел к ней и спросил:

- Вы говорите –по-русски?

- Очень плохо, - ужасно коверкая слова, призналась «индианка». – Но я умею читать. Я читаю лучше, чем говорю. – Зачем-то начала грассировать, как будто была уроженкой Парижа.

- Пожалуйста, наше меню, - изогнувшись в поклоне, предложил официант.

- Мерси боку, - обронила она.

Надо было поблагодарить по-английски, - подумала Натка без малейшего осуждения. – Кажется, Индия была колонией Англии... Но на аглицком там разве говорят? На аглицком сейчас все говорят. Кроме меня. Учила в школе немецкий, так и не доучила. И чего меня на Францию потянуло? Неужели трудно было сказать: «Сенкью вери матч»?! Ладно, проехали. Посмотрим, что дальше будет...

Лысый забыл о своей Пышке и усталился на «индианку». Как показалось самой «индианке», усталился с напряженной задумчивостью - копался в памяти, пытаюсь вспомнить, где видел эту особу. Особу не узнала бы собственная мать, чего уж говорить о мужчине, с которым ее свела судьба в кафе «Магнолия» при трагических обстоятельствах, которые он сам, что вероятно, и организовал.

Алешечкина так требовательно и со вкусом изучала меню, словно ей предстояла сдача ответственного экзамена – по памяти перечислить все имеющиеся в меню блюда. Естественно, исподтишка наблюдала за сладкой парочкой. Пышке не импонировала переменчивость Лысого, она попыталась напомнить о себе. Передвинула стул поближе к спутнику и положила свою ладонь на его руку, безвольно лежащую на столе. Лысый расцвел в улыбке, будто узнал о выигрыше в лотерею. Выигрыш не абы какой, достоин лишь улыбки, не прыжков и радостных воплей. Блокнот остался лежать на прежнем месте.

Пока Натка размышляла, как его стащить, дама, читающая чужие мысли, взялась за свою ценность и что-то написала. Мужчина прочел и расправил плечи - загордился орел!

Странно, почему они не общаются? – подумала Наталья Романовна и предположила, - наверное, эта тетка глухонемая.

В эту минуту у Натки в сумке разорвался призывным требованием мобильник. Пышка сразу отреагировала.

Не глухонемая, - решила Алешечкина, окончательно запутавшаяся в сложных отношениях мужчины и женщины, оба отдавали предпочтение переписке. – Думаю, они бояться, что их подслушают. Как же слямзить блокнот?

Мобильник продолжал разрываться. Натка нехотя достала его из сумки. Некстати звонила Куприян. Не успела Натка ничего сказать, как Куприян набросилась на нее.

- Я не пойму – мне одной всё это надо?! Просила сходить, разведать, а сама шляешься неизвестно где и на звонки не отвечаешь!

- Извините, кто это говорит? – с явным латышским акцентом поинтересовалась «индианка».

- Очень смешно, - опешила Катя. – Ты где?

- С вами говорит... Индира Муанди, - тщательно выговорила Алешечкина. Кроме Индиры Ганди ей на ум никто не пришел. Еще хорошо, что фамилию чуть изменила.

- Соловей, ты с утра уже накатила? На тебя это непохоже.

- А ви есть мой... гид? Я вас жду в бистро... Как называется это бистро? – нагло обратилась она к Лысому. Тот невежливо отвернулся.

- «Незабудка», - подсказала Пышка.

Точно не глухонемая, - утвердилась в своих прежних умозаключениях «индианка».

- Бистро называться «Незабудка». Ви меня узнаете... ноу проблем. Я же из страны Индиры Ганди.

Переставшая удивляться чему-либо Куприян почти шепотом спросила:

- Это далеко от «Магнолии»?

- Найд, пять минут.

- Сейчас буду...

Появившаяся в кафе «Незабудка» милюзга Куприян даже на цыпочки привстала от удивления. Она была обута в привычные кроссовки, балетная «постановка» удалась на славу, но исполнительница едва не завалилась на колени. Удержалась и с осторожностью приблизилась к столику, за которым восседала «индианка», решившая по случаю накатить мартини, но не успела реализовать желаемое.

- Добрый день, уважаемая Индира! – поприветствовала Екатерина Викторовна, сложила вместе ладони, приткнула их ко лбу и поклонилась. Так делали в индийском кино. Последний раз Катка смотрела эти танцы-мансы-песни в далеком детстве, но запомнила кое-что.

- Нелло, - протянула Индира. – А как вас кли... зовут? – Последнее слово она произнесла на чистом русском, от испуга – чуть не спросила «как вас кличут?» Так говорила ее прабабушка Махора. При чем здесь прабабушка Махора? Она обожала Раджа Капура, вот при чем.

- Хватить пить, - шепотом призвала к порядку Куприян, присаживаясь за стол.

- Еще не начала, - также шепотом доложила Натка, прикрывая ладонью рот. – Потом мне всё расскажешь о событиях в «Магнолии», а сейчас я хочу, чтобы ты стырила блокнот, который лежит во-он на том столе. Где сидят толстая тетка и лысый мужик.

- Их хайсе Виолетта Львовна, - от неожиданности ляпнула Куприян. Она тоже учила в школе немецкий язык, и тоже не преуспела. Виолеттой Львовной звали учительницу по немецкому. Екатерина всегда любила математику, но стала экономистом-теоретиком, даже кандидатскую защитила. С перерывом на рождение близнецов преподавала экономическую теорию в техническом университете. Благодаря маленькому росту и необычайной подвижности выглядела ровесницей своих студентов.

- Что ты несешь, придурашка? – прошипела Натка, прикрываясь ладонью.

- А ты не предлагай мне воровать, - отфутболила ее подруга. Взялась за конусообразный фужер с мартини и залпом его осушила. Лысый смотрел на нее во все глаза. Сказано – бабник. – Жара сегодня, ужас! – доложила всему честному собранию экономистка и принялась обмахивать кожаной папкой с меню.

- Что будете заказывать? - вежливо спросил подскочивший официант.

- Еще два мартини. Один для меня, один для... Виолетты Львовны, - попросила сразу окосевшая Куприян и указала на «индианку». Особенность моментального «окосения» Катки после легкого пригубления алкогольного напитка любой градусности Наталье была хорошо известна. В связи с этой особенностью Катерина почти не употребляла спиртного, только в редких случаях и в тесной компании, которая ее не осудит за неадекватное поведение.

- Извините, но мы ничего не будем заказывать, нам уже пора идти, - проворковала «индианка», которую неожиданно переименовали в Виолетту Львовну, при этом она безбожно коверкала великий и могучий. – Виолетта Львовна, ви обещали быть моим гидом, - напомнила она, усилив давление на имя и фамилию, чтобы «гид» поняла свою ошибку.

Виолетта Львовна, на же «гид», приклеилась к стулу и уходить не собиралась. Вообще, не обратила внимания на слова Алешечкиной «в гриме». Хотя, кое-что уловила.

- Я не хочу никого бить! – заявила она. – Ты, Индира, даешь нереальные планы, вот что я тебе скажу, моя дорогая... И, вообще, хватит меня терроризировать, - совершенно усталым голосом попросила Куприян. Подперла двумя кулачками подбородок и уставилась на соседний стол, за которым сидела сладкая парочка, невольно слушающая диалог «индианки» и «гида». Вниманием «гида» завладел блокнот, который вертела в руках Пышка.

- Нам пора, - четко выговорила «индианка». Она боялась, что скоро наступит следующий этап опьянения, и подруга начнет куролесить. После куролесения начнет засыпать. Миновать куролесение и сразу перейти к засыпанию не удастся, Натка проверяла.

- И чего ты ко мне привязалась, - отмахнулась от нее Куприян. – Лучше давай, станцуй что-нибудь эдакое, индийское.

- Здесь не танцуют, - с дурацкой улыбкой на устах, отреагировала Наталья, переходя на кавказский акцент.

- Просим, просим, - заверещала Пышка и захлопала в ладоши. Блокнот она оставила в покое. Полупьяная Катя подмигнула подруге, выразительно на нее посмотрела и доходчиво намекнула:

- Пока одни будут танцевать, другие буду заниматься делом!

- Без музыки нэ танцую, - выкрутилась Натка, наплевав на общее дело. Лысый поглядывал на нее настороженно. Что-то заподозрил, - решила она.

- Музыку в студию! – потребовала кандидат экономических наук.

Услышав грозное требование посетителя, откуда-то выпрыгнула худощавая крашенная шатенка.

- Я администратор этого заведения, - сообщила она без прикрас. Этим не ограничилась. - Я обожаю всё индийское! – Женщина мечтательно подняла глаза долу и томным голосом поставила в известность всех посетителей, - у меня есть диск с индийскими напевами, я на выставке купила. По весне у нас в городе была выставка, вы, случайно, не принимали участие? – обратилась она к «индианке».

- Я... русский...плохо. Не всё понимайт.

- Какая разница, были или не были, - выразила непонятный восторг администратор «Незабудки».

- Тетя, неси свой диск, душа требует танцев, - вставила свое веское слово Катерина, гипнотизируя блокнот.

- Просим, просим, - подхватила Пышка и опять захлопала в ладоши.

- Катька, тебе не жить, - сдавленным шепотом предупредила подругу Наталья Романовна, прикрывая голову постоянно съезжающей с нее тканью российского производства. Только сейчас она заметила, что на ситце изображены многочисленные лыжники, на груди которых написано «СССР». Оставалось надеяться, что у Лысого и его спутницы близорукость.

Пока администратор бегала за своим диском с индийскими напевами, Пышка продолжала хлопать в ладоши и «просить». Наталья мысленно пожелал ей поправиться еще на двадцать килограммов. Лысый источал благожелательность, которая была направлена, и это хорошо, на свою спутницу: тянулся к ней бокалом, наполненным белым вином. Пришлось той взяться за свой бокал и прозвенеть стеклом.

Остальные, немногочисленные, посетители кафе – двое молодых людей с пивом, бабушка с минералкой и внуком, который усердно клевал мороженое из креманки - не оставили «индианку»-ломаку без внимания. Молодые люди посматривали на нее с усталым пренебрежением, бабушка – с напуганным ожиданием – неизвестно, что вытворит особа, которая перед этим, как ей показалось, немного выпила, а здесь ребенок. Ребенок косился, морщил нос, а в промежутке между мороженым сводил глаза в кучу, показывал язык – кривлялся. Бабушка его кривляний не замечала, ей было, кого замечать, причем Алешечкина в сари стояла на втором месте. На первое взгромоздился господин Лысый. Бабушка была еще ого-го, и, видимо, была одинокой и уставшей от домашних хлопот, любое развлечение пошло бы ей на пользу, послужило воскрешающим допингом, тормозом для жизни, катящейся с горы без препятствий.

Внуку надоело мороженое и надоело ждать продолжения банкета. Он вылез из-за стола и объявил:

- Данила Стразе. Лезгинка. – Закинул руки в одну сторону, затопал на месте и громко запел,

- дайте-дайте мне кинжал, дайте-дайте финку, я поеду в Дагестан, танцевать лезгинку... - И так три раза. Руки переезжали то в одну сторону, то в другую, подскоки становились все выше.

- Танцы народов мира, - констатировала Куприян, когда мальчик утомился и занял свое место, но перед этим отвесил глубокий поклон в ответ на рукоплескания все той же Пышки. Но Катя все-таки решила кое-что уточнить, - ребенок, а скажи-ка тете, кто такой Данила в стразах?

- Данила это я, Стразе – моя фамилия, - с обидой ответил юный танцор и со злостью отодвинул от себя пустую креманку. – Еще хочу! – потребовал он у бабушки.

- Заболеешь, - тотчас отреагировала молодая бабушка, строившая глазки Лысому.

- Не заболею.

Пока центр внимания переметнулся на столик с бабушкой и внуком, Натка прошипела:

- Куприяшка, пошли отсюда.

- Э, нет. Раз ты сорвала меня с любимого дивана, я доведу начатое дело до конца.

Очень некстати появилась администраторша, безумно ошастливленная неофициальным визитом в «Незабудку» настоящей индианки. В руках женщины покачивался музыкальный диск, приобретенный на индийской выставке.

- Еле-еле нашла, - сообщила она всем присутствующим.

Молодые парни опрокинули в себя остатки пива и поспешили ретироваться. Бабушка с внуком остались, хотели стать зрителями и одновременно свидетелями падения-разоблачения «индианки». Последнее ворвалось в голову все той же «индианки», судорожно вспоминая индийские выкрутасы в фильмах. Администраторша вставила диск с допотопный музыкальный центр, кафе взорвалось умильным индийским пением с музыкальным сопровождением.

- Отлично! – перекричала пение с музыкой Екатерина Викторовна Куприян и указала рукой, куда надо выйти «индианке», чтобы исполнить свой невероятный по красоте танец.

«Индианка» нервно вспоминала школьное время, именно пятый класс, когда она два месяца посещала танцевальный кружок, где они разучивали народные танцы. За те два месяца ей надоело быть полуконем-полунаездником, гарцующим под песню «Полюшко-поле». Вдолбленные в голову «па» в данный момент негодились. Между тем музыка лилась, народ призывно аплодировал, подключилась и бабушка. Внук ухмылялся – был уверен, что «индианка» не превзойдет его виртуозно-азартный танец под тра-ля-ля.

Алешечкина вышла в центр, куда ей указала «добрая» подруга, приложила руку ко лбу – сделала козырек, игриво взглянула на Лысого – на единственного мужчину в немногочисленной компании (строить глазки женщинам считала неэтичным), завляла бедрами и принялась изображать затвор сплит-системы в режиме «опахала» - опускала и поднимала «козырек». Екатерина Викторовна создала руками встречный вихревой поток - намекнула, что неплохо бы разнообразить танцульки и включить скорость. Сообразительная Алешечкина, она же индианка поневоле, поставила руки на уровне плеч и стала изображать невольницу, которая пытается освободиться от пут. Со стороны казалось, что она крутит несколько невидимых обручей. Катька снова проделала волнение руками, танец перешел на другой, более сложный уровень. Натка приложила кисть руки в форме бадминтонового воланчика к плечу, другую руку установила на талию и принялась перемещаться вокруг своей оси, центром служил правый бок. Левая рука с «воланчиком» проделывала круговые движения, способствующие развитию шейно-плечевого пояса. Чтобы танец не походил на утреннюю зарядку, Натка двигала головой влево-вправо, стреляла глаза в никуда и слегка наклоняла торс к центру вращения.

Зрители рукоплескали, «индианка» вошла в раж. Следующим этапом стало нечто похожее на танец-яблочко с элементами эротизма. Она «тянула канат» не прямо-резво, как в танце «яблочко», а с круговыми добавками, будто плела из каната косу. При этом приседала и вертела попой. И без того огромные глаза Куприян цвета перезрелой сливы округлились до невероятных размеров, на смуглом лице отчетливо проявился неприсущий ей румянец стыда. Катька даже слегка отрезвела.

Наталья призывно на нее смотрела, время от времени переводя взгляд на стол, за которым сидели Лысый и Пышка. Затеяли-то танцы-мансы с одной целью – увести со стола блокнот с перепиской.

Екатерина очнулась, исподтишка взглянула на соседний стол, поднялась с места, неустанно хлопая в ладоши в такт зажигательного индийского танца, и стала медленно перемещаться в нужном направлении. Будто бы хотела присоединиться к «индианке», но двинулась не кратчайшим путем. Без труда умыкнула блокнот с чужого стола, схватила подругу под руку и заставила совершить поклон.

- На этом наше выступление закончено! – огласила свое решение Куприян, перебив громкую музыку. – Благодарю за внимание.

- Нечего присваивать себе мой триумф, - обронила Алешечкина, беспрерывно кланяясь перед восторженной публикой.

Особенно неистовствовала администраторша, которая во время исполнения танца не только подпевала и жеманно крутила своим тазом, но и зачем-то стучала себе по плечам замком из кистей рук, как в старые добрые времена диско.

Данила Стразе угрюмо взирал на более успешную соперницу.

Подруги расплатились и выбежали из кафе «Незабудка», откуда их проводили нескончаемыми аплодисментами...

- Всё получилось? – спросила запыхавшаяся Алешечкина у подруги. Она так увлеклась танцем, что упустила момент кражи чужого имущества.

- А то! – похвалилась Екатерина. – Но давай уйдем подальше, пока те двое не обнаружили пропажи.

- Катя, я думала, ты окосела, а ты трезвая.

- Сначала меня повело, но твой бесподобный танец мигом отрезвил. И спать не хочется, так что не переживай, обо всем обстоятельно тебе доложу... А куда ты меня тянешь?

- Зайдем в магазин, в нем я преображалась в индианку. Хочу вернуть себе привычный облик, а то на меня люди косятся. Боюсь заставят еще раз танцевать.

- Соловей, тебе надо серьезно заняться танцами. Настоятельно рекомендую. В наличии чувство такта и чувство ритма. А сообразительности тебе всегда было не занимать.

- Спасибо, от тебя, Куприяшка, редко услышишь похвалу.

- Требовательно отношусь не только к людям, но и к себе. И не называй меня Куприяшкой. Вот сменю свою фамилию на фамилию мужа! – пригрозила Катя – женщина с ярко выраженной восточной внешностью.

- Ты? Сменишь? На Иванову?

- Не сменю, потому что ты все равно будешь называть меня Куприяшкой. Я же тебя называю Соловьем, хотя, ты уже давно Алешечкина. А почему ты себе не вернула родную фамилию после развода?

- Много мороки.

Подруги завернули в знакомый Натке магазин. Натка с порога всех поблагодарила за помощь и доложила, что розыгрыш удался. Далее распространяться не стала. Разоблачилась, стянула парик. Согласилась на предложение проследовать в туалет, где с наслаждением смыла с лица косметику. И стала обычной женщиной. Среднестатистической.

- В кафе нам нельзя, - предупредила она подругу.

- Могла бы не говорить, - парировала та. – Надо кого-то подослать, пусть проверят, на месте ли Лысый с теткой.

Как раз мимо проходил мальчик лет десяти. Куприян, обладательница гениальных педагогических способностей, вкрадчиво поинтересовалась у него:

- Милый ребенок, хочешь мороженого?

- А закурить не будет? – нахмурившись, спросил пацан.

- Курить вредно, - автоматически произнесла опешившая женщина.

- Тебя забыл спросить, - на ходу бросил дерзкий мальчик, надвинул на лоб бейсболку, сплюнул и пошел своей дорогой.
- Нет, ну ты видела! – возмутилась Катя. – От горшка два вершка, а туда же – курит!
- Потому от горшка два вершка, что курит, таким и останется, - поддержала Натка, не выносившая табачного дыма. – Куприяшка, смотри, какая милая девчушка идет. Давай ее попросим заглянуть в кафе.
- Давай... Девочка, действительно, милая... Девчушечка, можно тебя на минутку?
- Ага, уже бегу, - пропищала девчушечка и рванула с места не хуже легкоатлета на мировом первенстве.
- Послушная девочка, - усмехнулась Катерина, - родители сказали – с чужими людьми не разговаривать, она «зарубила себе на носу».
- Сейчас прибежит домой, пожалуется родителям, те прибегут с оглоблей или полицию вызовут.
- Что ты предлагаешь? – разозлилась Куприян.
- До твоего прихода я тайно подглядывала в кафе через окно, предлагаю повторить, - без особо удовольствия сказала Наталья Романовна, не забывшая своих добровольных помощников.
- А если Лысый и Пышка нас застукают? Пропавшего блокнота небось сразу хватились. И сразу сообразили, кто его умыкнул: кроме нас никто кафе не покидал, причем мы не просто покинули кафе, мы сбежали, всласть не насладившись овациями. Двое любителей пива не в счет, они не приближались к чужому столу.
- Согласна – нам лучше туда не соваться.
- Натка, вон бодрая старушонка скачет, давай ее отправим на разведку за добавку к пенсии. Старушка не только была бодрой, но и сообразительной. С благодарностью приняла добавку к пенсии и потрусилась к кафе, осуждающе приговаривая:
- Ну и мужики пошли, никому верить нельзя. Старушка отсутствовала не менее двадцати минут. Подруги извелись от ожидания. Лысый и его спутница кафе не покидали. Счастливая старушенция, наконец, изволила выйти. Вид у нее был довольный и сытый.
- Как поход? Удался? – нервозно спросила Куприян.
- Нет там никого. Ни одной души.
- А почему так долго? – проскрипела зубами Наталья Алешечкина.
- Чай пила с пирожным. Что, возбраняется? Хотела потратить честно заработанные деньги и потратила. Когда еще придется в кафе посидеть, чинно-благородно.
- Спасибо вам, бабушка, - бросила Катька.
- Премного вам благодарны, - вторила ей Натка.
- Обращайтесь еже что. Могу телефончик свой дать. Подруги проигнорировали предложение и поспешили удалиться.
- На халяву и укус сладкий, - резюмировала Екатерина, несмотря на то, что старушка не высказывалась о качестве чая и пирожного.
- Упустили, - упадническим голосом произнесла Наталья... Алешечкина и Куприян отправились в тенистый парк, расположенный неподалеку, где могли спокойно обсудить события дня, который с утра не обещал столько сюрпризов. Катя протянула подруге блокнот, та в благодарность вручила ей визитку, которую ей дал Эдуард Канарейкин.
- Боже! Откуда ЭТО у тебя?
- Представь себе – столкнулась с Эдькой на улице, когда следила за Лысым.
- Он вернулся? Насовсем?
- Я не знаю, не успела с ним поговорить. Но ты можешь позвонить и... - Натка поиграла бровями.
- Предлагаешь мне закрутить романчик, пока муж в командировке?
- Чтобы я? Да никогда! Как ты могла подумать!
- Любовь прошла, завяли помидоры. Но посмотреть на него очень хочется.

- Он по-прежнему красив и невероятно обаятелен.
- Вот гад. И время над ним не властно... Чем он занимается? В визитке нет никаких дополнительных сведений, только несколько телефонных номеров.
- Наверное, секретный агент, - усмехнулась Наталья, поставив ударение в слове агент на первую букву.
- Ладно, черт с ним, с Канарейкиным, давай для начала почитаем чужую переписку, потом я тебе расскажу, что я узнала в кафе «Магнолия». Это гораздо интереснее, чем ворошить прошлое.
- Подруги приткнулись друг к другу головами и принялись за чтение.
- Ровный, явно женский, почерк начинал письменный диалог.
- Таким я вас себе и представляла.
- А вы превзошли все мои ожидания. – Это писал Лысый. У него почерк был корявый, но дерзкий.
- Обсудить свои впечатления о первой встрече вслух было слабо? – хмуро заметила Куприян.
- И все-таки, кто-то из них глухонемой, - глубокомысленно заключила Натка, вспомнив о своих недавних предположениях.
- За эту гениальную мысль ты достойна стать лауреатом Нобелевской премии.
- Ага, за нарушение мира и спокойствия. Причем собственного.
- А я, значит, не в счет?
- Алешечкина проигнорировала замечание подруги и продолжила:
- Пышка разговаривала, а Лысый... Лысый, вообще, ничего не говорил. Получается, он глухонемой. Или прикидывается?
- Зачем ему прикидываться?
- Чтобы не слишком доставали женщины. Видимо, он знакомится с ними по Интернету, назначает свидание, но предупреждает – у него есть... изъяны. Особо впечатленные его фото, и досыта наевшиеся одиночества, все равно клюют и соглашаются на встречу.
- Соловей, а в «Магнолии» Лысый с кем-то разговаривал?
- Когда я туда пришла, он уже сидел за столиком с какой-то теткой. Тоже тебе скажу – не с тростинкой... Они схожи с Пышкой. Видимо, у Лысого узкая специализация по женщинам. Не видела, чтобы они переписывались. Но я застала их в момент расставания. Когда при прощании он заглядывал ей в глаза, она что-то сказала и покачала головой. Может, он предложил проводить ее? Или она сама отказалась, без предложений. Лысый ей не глянулся.
- А потом?
- Потом он проскользнул к барной стойке, взял чистую вилку... Он мог что-то подсыпать в чашку девицы, которой этот кофе предназначался. Девица пригубила кофе и сразу очоурилась. Но утверждать, что он что-то подсыпал, не берусь. Лично я не видела, это только предположения. Не люблю клеветать на людей, но кто-то отравил кофе. Кто? Кроме Лысого, официантки и бармена, некому. Последние не в счет. А скорый уход Лысого очень подозрителен.
- А потом? – Катка превратилась в заезженную пластинку. – Об уходе мне всё ясно – ушел первый, не бросился к девице на помощь, как все посетители кафе. Что произошло, когда ушла его спутница, как две капли воды похожая на Пышку из «Незабудки»? Он взял чистую вилку, вернулся за свой столик, и...
- И начал уминать салат.
- На девицу поглядывал?
- Он на всех женщин поглядывал, как будто выискивал очередную жертву. А когда девица выронила чашку с кофе, а кофе ручьем полился по ее классному платью... Мне бы такое платьишко очень пошло.
- Не отвлекайся. Момент ухода можешь опустить.
- После «Магнолии» он заявился в «Незабудку», где его поджидала еще одна жертва службы знакомств, - резюмировала Наталья Романовна, отработывая свою версию о знакомстве по

- Интернету. Повздыхала и сказала, - зря мы оставили Лысого без присмотра. Надо было тебя оставить за углом, а самой идти в магазин разоблачаться и умываться.
- Не переживай, у меня для тебя кое-что есть, - загадочно произнесла Куприян. – Я слямзила со стола не только блокнот, но и его мобильник!
 - З...зачем?
 - Проверю его контакты, установлю, кто он такой.
 - Но телефон надо вернуть, как же мы...
 - Соловей, я тебя умоляю! Купит твой Лысый другой мобильник, тоже мне, нашла проблему.
 - Катя! Так нельзя! Блокнот – это ерунда, а мобильный... это вещь. Ценная вещь. За это нас по головке не погладят.
 - Нашла ценную вещь! Ему цена три копейки в базарный день – устаревшая-преустаревшая модель... Странно, правда?
 - Что ты имеешь в виду?
 - Не сказать, что он был упакован сверхмодно, но совсем не оборванец. А мобильник – утильсырье.
 - Утильсырье или не утильсырье, а попахивает статьей о краже чужого имущества.
 - Вот достала! Хорошо, мы вернем ему мобильный телефон. Узнаем адрес, по которому он проживает, и подкинем... Или... или...
 - Купряшка, что ты надумала?
 - А давай подошлем к нему Нинель Сушку. Я с ней недавно случайно столкнулась на улице. Прямо, как ты с Канарейкиным.
 - Ваша ирония здесь не уместна, я действительно столкнулась с ним на улице совершенно случайно, - обидчиво вставила Алешечкина. – И зачем нам втравливать сюда Сушку?
 - А затем! Она раздобрела еще больше, в школе была тучной, а сейчас вылитая мадам Грицацуева. Лысому она точно понравится. Опять же Нинель – дама одинокая, замуж так и не вышла. И не дура, что нас очень устраивает. Поставим ей задачу, а мобильник послужит средством установления контакта.
 - Ты все-таки его подозреваешь?
 - А ты, нет?
 - Уже не знаю. Мне кажется, он обыкновенный ловелас.
 - Но раз других подозреваемых у нас пока нет, будем заниматься Лысым.
 - Что ты узнала на месте преступления?
 - Официантку отвезли в полицейский участок для дачи показаний. Бармен вне подозрений, он работает в кафе много лет, до сегодняшнего инцидента ни одного нарекания. Полицейские переписали всех посетителей, допросили на месте и отпустили. Один хмырь вспомнил тебя и Лысого. Так что теперь ты в «Магнолию» ни ногой. Повезло, что сегодня работает новая смена, никто, кроме бармена Петра, не знает, что ты завсегдаятай. А Петр, добрая душа, промолчал.
 - Катя, наверное, мне надо пойти в полицию и всё рассказать.
 - Что ты им расскажешь? Ты не при делах, так что не бросайся в омут с головой.
 - Катя, ты сказала, в кафе новая смена? Вдруг кто-то специально устроился на работу в кафе, что травить посетителей? – испуганно протараторила Алешечкина и прислушалась к процессам, происходящим в организме. Организм требовал еды и воды.
 - Мама дорогая! И с этим человеком я дружу всю сознательную жизнь!
 - Что я такого сказала?! Сама знаешь, сколько уродов развелось... К примеру тот же Лысый, - не подумав, ляпнула Натка.
 - А что Лысый, что Лысый?! Вот читай! Здесь синим по белому написано:
 - А не выпить ли нам по чашке чая у меня дома? – Это она. Теперь он:
 - Выдался жаркий день, чаю совсем не хочется. – Ему не чая не хочется, ему Пышка не понравилась. Переборчивый чертяка. Черепушка лысая, сам ничего из себя не представляет, а туда же – чаю ему не хочется, видишь ли, - высказала свои соображения Катя.
 - Не скажи, - покачала головой Наталья. – Он вполне симпатичный. Мне лично понравился.

- А вот ответь мне, милая девушка, он на тебя внимание обратил, когда ты в «Магнолию» зашла?
- Ну, обратил. Но связи между его интересом и моей оценкой нет.
- Так я и подумала, - поерничала Куприян.
- Я так надеялась, что девчонка не умерла, потому и послала тебя проверить. Мне показалась, что она изображает из себя великую актрису, хотела проверить на людях свой талант.
- Отравили бедолажку в самом расцвете лет.
- Куприяшка, ты будешь звонить Канарейкину? – неожиданно переменяла нерадостную тему Алешечкина.
- Я буду звонить Сушке! - уперлась Куприяшка.
- Но ты же сказала, что Лысый - обычный ловелас, который постоянно тусуется на службе знакомств.
- Допустим, я сформулировала несколько иначе, ловеласом его назвала ты. Впрочем, сути дела это не меняет. И уверенности у меня пока нет. Так что давай-ка вплотную займемся Лысым. Вот его телефончик. Судя по марке, наш подопечный не богат...
- Уже слышали.
- Наш подопечный небогат, - вьедливо повторила Куприян, - и не любит расставаться с привычными вещами. Бьюсь об заклад, он по гороскопу дева.
- Это так важно?
- Без разницы. Но уверена, нашу Нинель, которая вернет ему его сокровище, он примет с распростертыми объятиями.
- Еще надо у Нинель спросить, согласна ли она.
- Если спросить у человека, который неделю плутал по лесу без еды и нормального питья, хочет ли он полакомиться куском мяса, думаешь, он откажется?
- Ну и сравненьице!
- Не лечите меня от глупости!
- У меня нулевые шансы?..

Куприян позвонила Нинель Сушке и бесцеремонно напросилась в гости. Алешечкина заканючила: хочет есть и пить, на что Катя заявила:

- Нинка не даст нам умереть с голоду, она гостеприимная.

Устроившись в маршрутном такси, подруги принялись изучать контакты Лысого. В списке, что не удивительно, преобладали женщины. Мужчин тоже было немало. К некоторым были приложены пояснительные приписки. Например, Василий – сантехник, Нефедыч – автомастер, Варфоломей - ремонт бытовой техники, Денис – альпинист и тому подобное. У многих людей в телефонах есть похожие записи, напишешь имя и фамилию, а потом вспоминай, кто таков этот Денис, к примеру, Иванов. К нужным специалистам обращаешься не каждый день, из памяти они выпадают, а в список контактов заглянешь и тотчас восстановишь пробелы в памяти.

В списке контактов телефона Лысого присутствовали две фамилии неопределенно рода – обе оканчивались на «о», четыре нормальных мужских фамилии – без приписок и легко определяемых по половой принадлежности. И целых пять имен с отчествами. Вполне вероятно, что их фамилии Лысому были ни к чему. Следовательно, эти люди не имеют развернутых сведений о Лысом – шапочное знакомство, их можно отбросить. Подруг заинтересовало одинокое имя Марс. Просто Марс.

- Предлагаю остановиться на этом Марсе, - уверенно заявила Куприян.

- Звучит как-то...

- Как? Редкое имя. Наверное, колоритный мужик. Нинельке точно понравится. – Катька сложила губы в трубочку и просюсюкала, - Марсик, котенок. Сама подумай, без фамилии и без отчества, это значит - дружбан.

- Прикольно, - неожиданно захихикала Наталья. И тоже завторила, - Марси-и-ик. – После чего констатировала, - кот-ходок. Как и его дружба. Только один предпочитает толстухек, другой – худышек. Клуб по интересам.

- Ну, ты и персонаж, - непонятно за что осудила подруга.

- Да, ладно, Катя, - голосом одной известной персоны протараторила та.

- Тише ты, на нас уже внимание обращают, - цыкнула Екатерина Викторовна. Натка стала тише воды, ниже травы. Но долго молчать горячая женщина Куприян не могла. - Тоже сказала – клуб по интересам. Хотя... Клубы по интересам бывают разные. Один хочет жениться, другой мечтает развестись...

- И снова жениться, - хмыкнула Наталья.

- Кто-то хочет подняться по карьерной лестнице и достичь заоблачных высот, кто-то – не трудиться с утра до ночи, бить баклуши и срубить бабла по легкому, кто-то мечтает прославиться, а кто-то – оставаться в тени, кто-то хочет завести много детей, а кто-то – оставаться бездетным, кто-то мечтает жить в столице, а кому-то и глухой деревни для проживания достаточно, он хочет милый сердцу уголок приукрасит-обустроить. Всех людей объединяет МЕЧТА! Только один прилагает все силы, чтобы мечта сбылась, а другой лежит на диване и смотрит в потолок, ждет, когда мечта сама собой исполнится. Еще и ругает за отлынивание от работы.

- Кого ругает? – не сообразила Наталья Алешечкина.

- Кого, кого! Не себя, естественно. Он – пуп земли, всё обязано вокруг него крутиться. И он получать и оценивать.

- Кто-то открыто ненавидит «друга», а кто-то тайно делает мелкие пакости, при этом изображает полнейшее дружелюбие, - вставила свою лепку в философствование подруги Натка.

Подруга задумчиво взглянула на нее, повторила «делает мелкие пакости» и притихла, погрузилась в свои мысли.

- Катя, мы свою остановку не проедем? – спросила у нее Алешечкина. Но Катя не отреагировала. Тогда Натка пихнула ее своим плечом. Катерина сидела с краю, поэтому едва не завалилась в проход, но резвая подруга ей не позволила. Она ожидала получить от Куприян нагоняй за невежливое обращение с хрупким телом, но та приняла прежнее устойчиво-сидячее положение и воззрилась в окно, за которым бежал город с его улицами, скверами, людьми, домами.

Наталья забеспокоилась, но не достигла предела своего беспокойства, Куприяшка очнулась и продолжила прерванный на полуслове диалог.

- А кто-то медленно запрягает, но быстро едет: разрабатывает-разрабатывает план убийства, устранения неугодного ему человека, раздумывает, возможно, отговаривает себя, но в один прекрасный момент идет и... убивает. Вполне возможно, что потом убийца раскается, но это будет потом. Когда его посадят на скамью подсудимых. И будет ли это раскаянием в правильном понимании этого слова? У кого-то - да, у кого-то - нет, одна обида на себя – не смог выйти сухим из воды. А так долго и упорно готовился. Запрягал, запрягал, а все зря... Или мысль об убийстве сидела где-то на подкорке мозга до тех пор, пока не появился человек, который вытянул эту мысль наружу – заставил открыться, дал нужный совет в нужное время. Мог не ограничиться одним советом, мог взять на себя устранение неугодного лица... Вот тебе и клуб по интересам.

- Что же связывает этих людей в клубе... по интересам?

- Один хочет убить, но боится, другой не хочет, но делает в угоду первому.

- Катя, а к чему ты всё это сказала?

- Сама не знаю, - подумав, призналась Куприян. – Из головы не выходит эта бедная девушка. Совсем молодая девчонка. Кому-то она перешла дорогу.

- Супруге своего любовника, - брякнула Алешечкина. – У супруги свой любовник имеется, готовый ради нее на всё, включая уголовно-наказуемое преступление... Или... девушка перешла дорогу отцу своего потенциального жениха: она пришлась не ко двору. У папани

свои планы касательно сыночка, девица без спроса вклинилась в четкое расписание на «жисть». У отца есть друзья-приятели в криминальных кругах, он дошел до крайней черты, потому как девица простых слов не понимает... Ничего с сыном не случится, погорюет-погорюет и другую найдет, так он считает, в бессмертную любовь не верит, потому что сам ее никогда не испытывал.

- Вот даже как, - озадаченно протянула Куприян и уважительно посмотрела на подругу. – Одним словом, надо искать того, кому остро необходима смерть девицы. Выйдем на клуб по интересам, среди членов клуба обязательно найдется исполнитель и заказчик. А пока нам ничего не остается, как найти Лысого. Других подозреваемых у нас пока нет.

- А что, очень подходящая кандидатура на роль заказчика. Девица в глаза не видела папеньку своего кавалера, а папенька держал руку на пульсе – личная жизнь отпрыска была на постоянном контроле. К девице могли подъезжать с предложением серьезные люди, но она не сдавалась, предложение уйти по-английски не принимала. Остался один вариант.

- Соловей, думаешь, свидания в кафешках были для отвода глаз?

- Естественно, - закатила глаза Соловей. – Народ хорошенько подготовился к расправе, все рассчитал. Запрягал-запрягал и рванул, когда чаша терпения переполнилась. Получается, девицу отравили где-то в другом месте... Да, получается, что ничего не получается, - опечалилась она. – Что-то мы не в том направлении рванули.

- Рванули мы в том направлении, но усадили участников клуба на неправильные места, напутали. Версия так себе, но другой-то нет: Лысый – не отец-заказчик, он самый что ни на есть убийца, исполнитель.

- Кто бы мог подумать! - всплеснула руками Натка, безоговорочно принимая предложенную версию. Произнесла фразу чересчур громко, приковывая к себе осуждающие взгляды пассажиров. – И нечего не меня смотреть, на мне узоры не растут! – неожиданно взорвалась она.

- Не ерпенься, - осадил ее подруга, - пока есть время займемся мобильником Лысого.

Они принялись тискать друг у друга из рук чужой мобильный телефон.

- Что-то мне подсказывает, что у Лысого есть еще один телефон: в этом нет номеров близких людей. Допустим, у него нет жены, в чем лично я очень сомневаюсь: где ты видела, чтобы такой завидный экземпляр болтался по городу в одиночестве? Но у него должны быть родители, братья-сестры, дети, пусть и незаконнорожденные, племянники-племянницы.

- Получает, один мобильник - для связи с общественностью, другой – для своих. Так? Пришел на свидание, включенное в план преступления, выложил на стол телефон – вдруг последует корректировка плана, и ведет переписку... Но почему переписку? Не хочет говорить? Чего-то боится?

- Об этом подумаем потом, - отмахнулась Катька, - нам пора выходить...

- Ты была в гостях у Сушки? – спросила Алешечкина у подруги, которая уверенно двигалась по тротуару.

- Ага, была. Месяца два-три назад. Знакомила ее с одним...

- А мне ничего не рассказывала, - обиделась Наталья Романовна.

- Так ты была вся в процессе развода, не до чужих успехов на личном фронте.

- Тогда зачем мы идем к Сушке, если у нее всё ок на личном фронте?

- Недолго музыка играла. Выставила Нинелька моего протеже.

- Что ж так?

- Всем хорош, но только «тюбик не закрывает», - усмехнулась Катерина, вспомнив слова из песни.

- Правда, что ли? Тоже мне, нашла причину.

- Что ты хочешь – человек привык жить один.

- Ты о ком? О Нинель или о мужчине?

- О Нинель. Тяга к чистоте, спокойствию и забаррикадированности личного пространства победили, желание жить в любви и согласии быстро забылось. Ее бы устроил гостевой брак. Но где сейчас найдешь свободного мужика с квартирой?

- Вдруг Марсик именно такой. Нинель нам поможет, а мы – ей. Бывают же такие невероятные случаи.

- В жизни всё бывает, - философски заключила Куприян, сворачивая к одному из подъездов высотки.

- Катя, может, мы зря все это затеяли? – запоздало спросила Алешечкина. – Мы не знаем причины смерти девицы из кафе, вдруг там нет никакого криминала? У нее было хроническое заболевание, на которое наложились переживания, стрессы, и как следствие – смерть в расцвете лет!

- Раньше не могла сказать? Но раз мы уже влезли в это дело, то не будем отступать. Когда пройдет вскрытие, день-два, не больше, я пойду в «Магнолию» и попытаюсь разведать. Хотя... И так все ясно – девушку отравили. Наверное, у трупа были какие-то признаки отравления, потому официантка попала под подозрение...

- А потом все выяснится – скончалась по причине онкологического заболевания, к примеру, официантку отпустят, и мы заживем по-прежнему, - уныло добавила Наталья.

- То тебе было жаль погибшую девушку, то грустишь, что она не скончалась по собственной инициативе.

- Не нападай.

- Кто на тебя нападет, тот долго не проживет...

Нинель открыла сразу, еще дверной звонок не затих. Ждала. Опять захотелось замуж.

Катя не собиралась пересказывать всю историю с отравленной девушкой, с переодеванием и последующими танцами. Просто заявила, что они нашли мобильный телефон у кафе «Магнолия», хотели сами позвонить кому-нибудь из списка, а потом решили устроить счастье бывшей одноклассницы. И сразу указала на выбранного абонента - Марс.

- Что-то мне подсказывает - это представительный мужчина, - томно закатив глаза, протянула Куприян, подведя черту под своим враньем.

Именно по причине наглого вранья, лицо ее подруги сделалось цвета тряпицы в руках тореадора. Естественно, это не осталось незамеченным. Пока хозяйка квартиры не стала выяснять причину, Катя внушительным голосом произнесла:

- Сегодня очень жаркий день, - при этом конкретно обращалась к пунцоволицой, будто та в одиночестве слонялась по солнцепеку, невзирая на уговоры остаться дома. – Лично я нормально переношу жару, а Натка прямо с ума сходит. И это понятно – у нее аллергия на солнечные лучи.

- То-то я смотрю, у нее лицо «хоть прикуривай», - напряженно высказалась Нинель. - А я уж подумала, что вы меня разводите: Наткина особенность краснеть всем известна. И давно это у тебя?

- С... сегодня...

- Сегодня особенно проявилась аллергическая реакция, - перебила вяло соображающую подругу Катя Куприян. – Но мы пришли к тебе не за тем, чтобы обсуждать проблемы Соловья.

- Аллергия – дело серьезное, отмахиваться нельзя. Наташа, ты к врачам обращалась? – продолжила начатую тему пухленькая Нинель.

- Об... обращалась, - односложно ответила Алешечкина.

- С тобой все нормально? – забеспокоилась хозяйка, она же бывшая одноклассница, мечтающая о семейном счастье. – Надо таблетку принять, кажется, у меня есть антигистаминный препарат. – И выкатилась из комнаты.

- Сейчас она тебе таблетку притащит, сделай вид, что выпила. Иначе она от тебя не отстанет, - предупредила Куприян.

- Я есть хочу, сейчас умру от голода.

- Не нуди.

Нинель вернулась в комнату, на ходу выдавливая из блестящей упаковки таблетку.

- Выпей и тебе сразу станет легче.
- На голодный желудок нельзя принимать лекарство, - невежливо обронила Наталья.
- Ой, так ты голодная, - невероятно обрадовалась толстенная хозяйка, искавшая любой повод, чтобы подзаправиться.
- У Натальи сегодня разгрузочный день, - ядовито произнесла мстительная Куприян. – Пьет одну минеральную воду.
- Но я же не знала, что именно сегодня возникнет такая острая проблема с аллергией, - трагическим голосом изрекла Алешечкина. – Поэтому придется... что-нибудь... откусать. Все равно, что.
- Есть куриные отбивные, рыбные котлеты, картошечка с чесночком и укропчиком, овощной салат, соте из баклажан, икра из кабачков...
- Не продолжай, - простонала голодающая...
- Когда первый голод был утолен, Натка сделала вид, что проглотила таблетку, принесенную заботливой одноклассницей, а разомлевшая Куприян взялась за старое.
- Какое редкое имя – Марс. Наверное, этот мужчина выделяется не только именем, но и еще чем-то. – Пыталась зацепить-растравить Нинель, случилось обратное. Нинель, скривилась и предположила:
- У него ужасный шрам на лице.- И резанула ребром ладони по своему лицу.
- На себе не показывай, - отреагировала Натка.
- Что нам мешает проверить, - передернула плечами Катерина.
- Без меня, - недолго думая, доложила Сушка. – Я женщина впечатлительная, потом спать не буду.
- Подруги переглянулись. На лице Куприян застыла беспомощность, на лице Алешечкиной – решительность в купе с осуждением. Осуждала она, естественно, подругу, обострившую отношения с бывшей одноклассницей. Теперь ей придется исправлять положение, отсюда и решительность.
- Алешечкина схватила со стола мобильный телефон Лысого, зачем-то затрясла телефоном перед носом Куприян, в сердцах обозвала подругу дурой.
- Сама такая, - парировала Катерина.
- Наташа, что с тобой? – удивилась Нинель, считавшая Наталью Соловьеву человеком со стальными нервами.
- Катя, на два слова. Извини, Нинель.
- Подруги выскользнули на лестничную площадку.
- Катя, ты полная дура, - прошипела Натка и тут же ее глаза полезли из орбит. Она смотрела на подругу так, словно та мгновенно превратилась в девочку из начальной школы. Посмотрела, оценила и повторила с другим интонациями: теперь не осуждала, а констатировала, - ты ду-ра!
- Ну, дура, что дальше?
- Дальше? Тебе надо лечиться от дурости и тупости. И мне тоже.
- Да, я виновата, что Нинка...
- Оставь Нинку в покое.
- А, я поняла, ты на меня обиделась за то, что не тебе было поручено связаться с Марсиком? Я как-то не подумала. Но еще не поздно всё изменить. Тем более, Нинка не горит желанием...
- Я не об этом, - отмахнулась Наталья. – Ты подумай, зачем глухонемому мобильный телефон? Он не слышит и не разговаривает.
- Мама дорогая, - опомнилась Куприян. – Но меня оправдывает выпитый martini, но ты-то куда смотрела.
- А у меня стресс – я индийские танцы на ходу сочиняла, и всё по твоей милости.
- Не нужно втягивать Нинель в это дело. Все слишком подозрительно.
- Ничего не подозрительно. Лысый элементарно «разводит» своих дамочек. Ты точно дура, нагородила про разные клубы по интересам.

- Можно подумать, ты сразу меня прервала, заспорила! Ты поддержала мою теорию. Скажешь, не так? И не просто поддержала, а развила и углубила ее. И тебе очень понравились собственные умозаключения... Что б себе доставить радость, надо людям сделать гадость.
- Куприян! Сегодня ты постоянно ляпаешь не к месту. То про бабулю-разведчику – «нахаляву и укус сладкий», то про меня. О твоих разглаговольствованиях в маршрутке я, вообще, промолчу. Больная на всю голову.
- Обиделась? Может быть, я тоже обиделась. Ты меня душой обозвала и другими нехорошими словами...
- А я гадости людям никогда не делаю.
- Да, не делаешь. Но тебе хочется покопаться в убийстве девицы из кафе. Хочется, что ее обязательно убили, чтобы не сама померла.
- Девице я точно гадости не делаю, ей без разницы, что я сочиняю о причинах ее смерти.
- Хорошо, договорились – забываем об этом деле, забираем чужой мобильник, относим его в полицию, пусть полиция ищет владельца-растеряху. Поели, попили, пора и честь знать.
- Но как мы объясним Нинке свой поспешный уход?
- В этом ты вся, Соловейчик! То – ой как нехорошо, ой мне это не нужно! То на попятный! Чего тебе надо?
- Хочу... разобраться. Раз я была свидетелем.
- Свидетелем чего? Что ты видела? Ничегошеньки ты не видела.
- Но ты же сама сказала, что полиция заметила следы отравления...
- Не придумывай! Да, полицейские опросили всех присутствующих в кафе, и официантку увезли для дачи показаний. Допросят, отпустят, проведут вскрытие, дело закроют за отсутствием состава преступления.
- А Лысый?
- Чего ты прицепилась к этому Лысому? Понравился, так и скажи. Бери его мобильник, звони Марсику, наводи справки о Лысом, встречайся, знакомься, переписывайся. Как все! – в заключении рывкнула Катерина. – Меня оставь в покое, я ухожу, сама разбирайся с Нинель.
- Кать, ну, погоди. Кать, не обижайся. Ты же знаешь, я без тебя никак... Кать...
- Куприян спустилась на один пролет, быстро вернулась назад и заговорила как ни в чем ни бывало.
- Мы должны убедиться в причастности Лысого в преступлении. Мы засветились перед ним, одна надежда на Нинку. Надеюсь, она нам не откажет...
- Слепую?
- Так лучше. Меньше знаешь, крепче спишь. Тем более, из нее актриса, как из меня Олег Попов. В нашем случае, когда Нинка не в курсах, у нее на лбу будет написано одно – хочу замуж.
- А может быть, Лысый все-таки глухонемой? – задалась вопросом Натка, тем самым опротестовав предыдущее заявление. – Я слышала, что ученые изобрели специальные телефоны для глухонемых. Опять же они могут общаться по скайпу. Видят друг друга и общаются... на своем языке. А с нормальными людьми обмениваются смс-ками. Чувствуют вибрацию, понимают, что им пришло сообщение, читают и отвечают.
- У Лысого обычный мобильник, без наворотов, в нем нет выхода в Интернет, он дома пользуется Интернетом для переписки с потенциальными невестами. И я проверила все его сообщения – папка пуста. Значит, он или не переписывается ни с кем, или сразу удаляет все сообщения, и свои и чужие.
- Что очень подозрительно.
- Если он дева по гороскопу, но не подозрительно – девы не любят ненужного хлама.
- Что ты прицепилась – дева-не дева. Какая разница, - вспылила Натка. – Я знаю одно: если Лысый прикидывается глухонемым, а на самом деле он нормальный человек без всяких отклонений, то он сразу попадает в список подозреваемых, если не прикидывает, то на нет и суда нет.

- Железная логика, - поерничала Куприян. – Мы можем выяснить всю его подноготную с помощью Нинель, через Марсика.
- Подруги вернулись в квартиру Сушки.
- Еле отбилась от Натки, - угрюмо высказалась Катя. – Захотела сама звонить загадочному Марсу. Но ей пока нельзя выходить в свободное плавание – только с одним развелась, груз неприятия мужского пола висит на шее, тянет ко дну. Полета фантазии нет, глаза несчастные, мина унылая.
- Я так выгляжу? – поморщилась Алешечкина.
- Если хочешь правду, то слушай, - вдохновенно вступила потенциальная соперница, - когда ты только переступила порог моего дома, я подумала: кого это Катя ко мне привела? Ужас, как ты, Наташенька, изменилась. Тебе надо восстановиться, в санаторий съездить, куда-нибудь в среднюю полосу. Погуляешь по лесу, грибы соберешь, ягоды там разные.
- Спасибо, девочки, за добрые слова, - сквозь зубы поблагодарила Наталья Романовна.
- Нинка, представляешь, Канарейкин объявился, - перескочила на большую тему Куприян, недавно заверявшая, что прошла любовь, завяли помидоры.
- Нинка отреагировала своеобразно, снова сунулась с советом.
- Тебе, Катька, надо к детям поехать. Правильно твои родители сделали, что обменяли городскую квартиру на домик в деревне. И им хорошо, и внукам. И тебе незачем в городе торчать, выхлопными газами дышать! Тем более, ты в отпуске. Так что езжай, наслаждайся...
- Грибы собирай, ягоды, - подсказала доброжелательная Алешечкина.
- Что ж я совсем идиотка - мужа одного здесь бросать! Вон вас, холостячек, сколько развелось.
- Не доверяешь ему? Правильно, доверяй, но проверяй, - фыркнула Нинель.
- Муж ейный укатил в командировку, - доложила Натка.
- Может быть, хватит превращать нашу встречу выпускников в дом советов. Без вас обойдусь. Сама знаю, что мне делать!
- Неужели позвонишь Канарейкину? – напряглась Наташа, уже сожалея, что затеяла сыр-бор.
- Захочу и позвоню. Что же мне нельзя с ним пообщаться. Мужу изменять я не собираюсь...
- А там как пойдет, - добавила Сушка. – Ладно, не обижайся, шучу я. Все знают, что ты однолюбка... Не то я говорю. Ты верная жена.
- Верная, верная, - на полном серьезе поддержала Натка.
- Девчонки, винца холодненького не хотите? – спросила хозяйка.
- Я хочу, Куприяшке нельзя.
- Беременная?
- Тьфу, тьфу, тьфу, - поплевала через левое плечо Куприяшка. – Стара я для этих дел.
- И опять тебе большое спасибо, - окрысилась подруга. – А я-то еще надеюсь обзавестись потомством.
- И правильно делаешь, - поддержала ее Нинель. – Какие наши годы. Одна индианка...
- Только не надо про индианок, - озверела Алешечкина.
- Хорошо, не буду, мы с тобой, Натка, выпьем вина, а Катьке нальем кваску. А потом покумекаем – звонить или не звонить товарищу Марсу. Что-то мне подсказывает - это мужик-не промах. Котяра. Если честно – мне такие не нравятся – не поймешь, что у них на уме, верить словам нельзя. Но кажется, что это незаурядная личность. Не зря родители нарекли Марсом. Надо как-то оправдывать.
- Я тоже самое Наташе сказала, - подхватила Катерина и заботливо погладила подругу по плечу – извинилась на предыдущее высказывание.
- Не переживай, Соловьева, пройдет и по твоей улице многоопытная сваха.
- Вот, привязались! – От обиды Наталья вскочила с места и вышла на лоджию. Больше выйти было некуда: квартира была однокомнатной, посещение кухни она сочла невежливым – намек на ненасытность, а отсиживание в местах общего пользования – реакция на кулинарные изыски.
- Окна выходили на восток, солнце давно укатилось дальше, и в настоящий момент поджаривало западную сторону дома. Алешечкина могла насладиться тенью и легкой

предвечерней прохладой. С востока наступали тучи, обещающая в скором будущем проливной дождь. Наталья загрустила, вспомнила о домашнем уюте, тишине и покое. Захотелось домой. Захотелось растянуться на диване, лежать и ни о чем думать. Не вспоминать о теории Куприян, о клубах по интересам. Не вспоминать бывшего мужа. Вычеркнуть его из памяти... Навсегда. Будто бы и не было. Правильно сказала Нинель – пройдет и по нашей улице сваха. Не завернет на нашу улицу, проследует мимо без остановки, что ж, так тому и быть. Знакомиться с мужчинами по Интернету, бегать, выпучив глаза, на свидания, Натка не станет. Никогда не говори никогда... Придушит одиночество, забегаешь. Ничего не предпринимая, мечты не достигнешь. Это из теории Куприян. Получается, весь мир – это один клуб по интересам, за малым исключением: не мечтает только тот, кто стоит на финише жизни. Или финишер тоже мечтает? Мечтает тихо уйти, чтобы не доставлять проблем близким.

Что-то я разнюнилась под конец дня, - подумала Наталья Романовна. Чтобы взбодриться, вспомнила о своем зажигательном танце. И улыбнулась.

Между тем в тихий двор, пофыркивая, въехал автомобиль. Из машины показалась одна женская нога. Обладательница белоснежной ноги не спешила показывать вторую конечность и не спешила покинуть салон. Натка напряженно ждала. Почему ждала? Какое ей было дело до этой женщины с белоснежными ногами? Дело было - показался знакомым кусок тряпицы, из которой было пошито платье автолюбительницы с бело-синими ногами, напоминавшими цвет курицы, павшей голодной смертью. И как можно сохранить этакий цвет ног в жарком климате юга?! Солнце от них отражается, что ли? – подумала Наталья, никак не реагируя на призывы хозяйки дома, решившей угостить гостью, спрятавшуюся на лоджии, кофе с мороженым. До кофе ли было Алешечкиной, если она с необычным волнением ждет появления тетки из салона автомобиля. Ждет ту, чье платье аляповато-вызывающего цвета, гениально-безвкусное, несведущему человеку напоминающее работу кисти импрессиониста, ей будто бы знакомо. Следовательно, может быть знакома, косвенно, и обладательница этого кройно-портняжного мастерства. Наверное, так старая дева ждет знакомства с потенциально-заваливающим кавалером. На безрыбье и этот, заваливающий, сойдет.

То, что на ногах женщины слипоны из плотной ткани бежевого цвета, еще ни о чем не говорит: ее обувь при встрече была невидна. Странное сочетание – слипоны, спортивная обувь на толстой подошве, и обычное платье, пусть и «особенного» цвета.

Женщина могла переобуться в автомобиле. Или наплевала на режущее глаз несоответствие обуви и одежды, не молоденькая девушка, чтобы на каблуках порхать, предпочла удобство заморочке. Если это та особа, о которой думает Алешечкина, то ей не меньше сорока пяти.

Она, не она, она, не она, билось в голове Натальи. Аккомпанировал головному битью голос заботливой хозяйки. Вот настырная, - подумала гостья о прилипчивой Сушке, продолжала упорно молчать и сверлить глазами припаркованный у дома автомобиль, из которого никак не решалась выйти женщина с голубыми ногами. Ноги уже стали не бело-синими, а голубыми, прогресс! Натка помягче выразилась о цвете ног, забрала назад свои слова, чтобы дамочка, наконец, вышла на свет божий.

Может быть, скинуть что-нибудь сверху на машину? – неожиданно сочинилось в голове Алешечкиной. – Что-нибудь потяжее? Допустим, Нинель Сушку, чтобы не доставала своим кофе с мороженым.

Легка на помине. Нинель заглянула на лоджию и забеспокоилась:

- Наткуль, с тобой всё хорошо?

- Дышу свежим воздухом, - не поворачивая головы, обронила Алешечкина, не сводя взгляда с автомобиля и голубых ног.

- Ты будешь...

- Не буду! – резко бросила Натка, и тут же одумалась, - спасибо, Нинон, ты меня закармила, мороженое будет лишним, а кофе я пью только по утрам.

- У меня тоже проблемы...

- У меня проблем со здоровьем нет! – поставила точку гостья, хозяйка гордо удалилась. И сразу заявила Катерине, Натка слышала:

- Пора Соловья познакомить с женщиной, еще немного и начнет на людей бросаться.

Как на это заявление отреагировала близкая подруга, Наталья Алешечкина не услышала, но была уверена – та горой встанет на ее защиту. Одно дело покусывать друг друга, из любви-с, другое – поддерживать сторону нападения.

На женские колени брякнулась сумочка. Скоро выйдет, - облегченно вздохнула Наташа.

- Соловей, что ты творишь? - придушенным шепотом возмутилась Куприян, выползая на лоджию. – Я почти уговорила Нанельку позвонить Марсианину (Марсик успел превратиться в Марсианина), а ты ей нахамила. Она обиделась и дала понять, что ей срочно надо куда-то бежать, дела какие-то образовались. Мы должны выметаться из ее квартиры ни с чем.

- Плевать, - доходчиво, но не совсем понятно, выразилась Натка.

- Чего ты прилипла к перилам? Желаете полетать или просто так стоишь?

- Думаю, кого бы сбросить вниз. Думала – Сушку, но я с ней не справлюсь, никогда не занималась тяжелой атлетикой, а вот ты вполне сгодишься. Особая подготовка не понадобится.

- Ты съела что-то не то? - ухмыльнулась Куприян.

- Видишь вон тот автомобиль? Из него еще ноги торчат?

Катка улеглась на перила, обзрела стоянку перед домом, после чего ответила, не содержательно:

- Вижу. – В голосе чувствовалась озабоченность состоянием здоровья подруги.

- Будем ждать, - смиренно отозвалась подруга.

- Я уверена, что с ней, с водителем, никакой трагедии не случилось, - проникновенно, но не очень убедительно, проворковала Екатерина Викторовна. – Посидит-посидит и выйдет. Наверное, она по телефону с кем-то разговаривает. Не хочет беседовать на ходу, вот и задержалась. А ты подумала, что ее... тоже... того?

- Куприяшка, ты в своем уме? Ты подумала, что я подумала, будто эта тетя мертва?

- Что ты, нет конечно, я просто рассуждаю. Но мы стали на тропу... Нет, я не так выразилась. Мы... Ты стала свидетелем... убийства... Хотя, ни в чем нельзя быть уверенным, пока нет доказательств... На твоих глазах произошла трагедия, мы постоянно мусолим эту тему, потому в голову лезет всякий криминал.

- Катя, помолчи минуту, - попросила Натка, скрипя от злости зубами.

- Я помолчу, но прежде ты мне скажи, почему эта тетя тебя заинтересовала?

- Жаль платья почти не видно, она сумку на колени положила.

- Чем тебя так привлекло платье?

- Расцветкой!

- Мы может выйти на улицу и рассмотреть женщину из автомобиля, тем более, нам указали на дверь из-за твоего неучтывающего поведения. Опустошила у Нинки холодильник, и нет бы, поблагодарить, а ты...

- Я извинюсь, - успокоила Натка. – Как только тетя вылезет из машины, я ее хорошенько рассмотрю, потом пойду и извинюсь. А ты продолжишь уговоры.

- Сомневаюсь, что теперь Нинель откликнется на нашу просьбу.

-- Ну, и черт с ней, я сама позвоню Марсу.

- Позвонить ты можешь, но потом надо встретиться с Лысым. Во-первых, он тебя узнает, и сразу догадается, кто умыкнул его мобильный телефон, а, во-вторых, ты не в его вкусе. Для начала надо прибавить с десяток кг.

- Впервые слышу, что мне надо поправиться. Как приятно!.. Тихо! Она медленно выползает из своей раковины.

- Почему тише? Можно подумать, тетя нас услышит с девятого этажа!.. Наташа, что тебя в ней заинтересовало? – прицепилась Куприян, заподозрив неладное. Наташа не реагировала. – Соловейчик, я понимаю, что ты разочаровалась в мужчинах, но не все мужики такие, как твой бывший. Есть и нормальные экземпляры. Взять хотя бы Лысого. Поначалу он мне совсем не понравился. Что хорошего – лысина блестит, глазам больно, сам «воды в рот набрал», и смотрит, будто раздевает.

- А потом? – заинтересовалась Алешечкина.
 - А потом присмотрелась, подумала и поняла, что он похож на француза. Нос горбинкой, глаза влажные, взгляд сексуальный. Он мне одного французского актера напомнил... Как же его? Натка, включи мозги – кто играл в фильме «Любовь не по размеру»? Мы недавно с тобой этот фильма смотрели.
 - Ты шпендрика имеешь ввиду? Кажется, Жан Дюжарден. Классный мужик, но маленький.
 - Сама ты маленькая, в фильме его таким сделали, всего-навсего - технические уловки. В жизни у него нормальный мужской рост. Цифру не назову. Но нормальный, не сомневайся. Обрить его налысо, и будет точь-в-точь наш Лысый... Жаль, я не смогла по достоинству оценить фигуру Лысого – он сидел за столом.
 - Нормальная у него фигура, без намека на пивной животик, рост выше среднего. Все пропорционально – плечи не чрезмерно широкие, таз не слишком узкий, но не бабский. Мужчина прекрасно сложен.
 - И все-таки, ты на него запала.
 - Вы хотите об этом поговорить?
 - Признайся – ты пошла за ним не потому, что он вызвал у тебя подозрение, а потому что ты влюбилась с первого взгляда.
 - Вот еще!
 - Ладно, оставим Лысого в покое. Пока. Что тебе нужно от тети в автомобиле?
 - Я не уверена, но мне кажется, что... эта та самая тетя, которая была с Лысым в кафе.
 - В «Магнолии» или в «Незабудке», где ты изображала сумасшедшую индианку?
 - Ты, Кать, на грубость нарываешься. Ты, Кать, обидеть норовишь.
 - Видела бы ты себя со стороны, - хмыкнула Куприян.
 - Самой тошно, еще ты.
 - Я вопрос задала.
 - Если я предлагала рассмотреть платье, то кто это может быть? Конечно, Пышка из «Незабудки». Пассию Лысого из «Магнолии» ты не видела.
 - Надо позвать Нинель. Раз Пышка, если это она конечно, подъехала к дому в этот час, то, скорее всего, она вернулась домой. Скоро солнце скроется, муравейник закроется.
 - Или поджидает кого-то, потому и не выходит.
 - Резонно, - согласилась Катерина. – Но все равно надо позвать Сушку, возможно, Пышка постоянно к кому-то навещается, а Сушка знает, к кому именно. Через Сушку мы выйдем на знакомого Пышки, через ее знакомого – на саму Пышку. А уж через Пышку – на Лысого. У нее должны быть его координаты. Хотя бы адрес электронной почты, через которую они общаются.
 - Как у тебя все сложно, - покачала головой Натка.
 - Сушку звать?
 - Зови.
- В это время тетя, наконец, выбралась из автомобиля, закинула в сумку мобильник – значит, разговаривала по телефону, подошла к багажнику, выгрузила из него пакеты из супермаркета, пискнула сигнализацией, и двинулась в сторону подъезда, в котором проживала Нинель Сушка.
- От радостного волнения - это была Пышка! - Алешечкина не заметила, как на лоджии их стало трое.
- Знаешь ее? – требовательным голосом спросила Куприян у Нинель.
 - Конечно, знаю, это Оливия Михалко, она живет в тридцать шестой квартире. Работает риелтором в агентстве недвижимости «Вектор П».
 - А «П», чтобы никто не догадался, - развеселилась от неожиданной удачи Алешечкина. – Нина, ты прости меня за грубость, после развода я сама не своя.
 - А я что говорила! – успокоено заявила Нинель, забыв обиду.
 - И что же эта Оливия, ну и имечко, замужем? – поспешила вклиниться Катерина, чтобы ее подругу не терзали и не воспитывали.

- Нет, не замужем. Один раз сходила, в далекой молодости, в результате обзавелась потомством – любимым сыном. Все лучшие годы ему посвятила, сын женился, Оливия вспомнила о себе, теперь постоянно зависает на сайтах знакомств.

Катя хотела похвастаться своей кандидатско-бытовой сообразительностью, но вовремя прикусила язык. Однако Наталья не сдержалась, высказалась:

- Зачем Жану Дюжардену, мужику с такой внешностью, пусть и с блестящей лысиной, таскаться по кафе и проводить время с незамужними женщинами с внешностью «так себе»?

- Жан Дю...жарден – это кто? – заинтересовалась Сушка.

- Французский актер, - отрапортовала Куприяшка, зло поглядывая на болтливую подругу. – Понимаешь, Нинель, мы недавно с Наташей посмотрели фильм с его участием, и Наташа до сих пор находится под впечатлением.

- Мелодрама?

- Детектив. Он играл в этом фильме законченного негодяя. Знакомился с женщинами, втирался к ним в доверие и убивал их. Причем каждый раз находил новый способ убийства, - нагло наврала Куприян.

Натка смотрела на Катю во все глаза. Потом покрутила у виска, и еле слышно пробормотала:

- Типун тебе на язык.

- Почему вы заинтересовались Оливией Михалко?- перешла от французского кинематографа к российской действительности Нинель Сушка.

- Кто-то нам говорил, что в твоём доме живет отличный риелтор, мы с Наткой сразу на Оливию подумали. Глянешь на нее и сразу понимаешь – перед тобой риелтор высшей пробы.

- А как ты догадалась? – пристала Нина.

- Пусть это останется моим секретом, - потупив глаза, уклонилась от ответа Куприян, а лицо Алешечкиной стало цвета носа хронического алкоголика...

После недолгих уговоров Нинель соизволила согласиться на предложение бывших одноклассниц - вступить в контакт с Марсианином. Но сначала ей было поручено отправиться к соседке из тридцать шестой квартиры, Оливии Михалко, получившей в народе прозвище Пышка. Нинель продолжала задавать уточняющие вопросы, стоя на пороге своей квартиры, а Екатерина Куприян терпеливо отвечать. В итоге Нина снова начала выпендриваться:

- Я буду выглядеть глупо. Надо сразу приходиться к Михалко с потенциальной покупательницей жилья. Иначе наш разговор будет походить на скамеечно-дворовую беседу: во мне риелтор не заинтересована, метать бисер не будет, начнет жалиться на судьбу, на сына, на невестку. То ли дело в присутствии кого-то из вас.

- Пусть жалится на судьбу, почему нет? - монотонно произнесла Куприян, - если человека переполняет чувство обиды на неблагодарную судьбу, то пусть облегчит душу. Опять же Натке не мешает информация о сайтах знакомств. Да, Ната?

- Конечно! – поддержала ее Наталья Алешечкина. – Пыш... Оливия поделится с тобой, Нинель, ты перескажешь мне. Иди, Нина, иди.

- Наташа, пойдем со мной, - потребовала Сушка. – Ты ее потенциальный клиент, а если речь пойдет о судьбе-злодейке, о первых шагах на пути к новому счастью при посредничестве сайтов знакомств, то выслушаешь информацию из первых уст.

- Нинель, я тебе удивляюсь - ты не знаешь Натку? Она врать не умеет, лицо ее выдаст.

- Ага, «горит восток зарею новой», - выдала пушкинские строки Алешечкина, не желавшая идти в гости к Пышке-Оливии.

Куприян продолжала уговоры:

- Неужели одна соседка не может просто так заглянуть на огонек к другой соседке. А потом неожиданно вспомнить о существовании знакомой, тоже с нелегкой женской судьбой, которая мечтает сменить жилье.

- Причина? – деловито осведомилась Нинель, стоя на старте забега с финишем в тридцать шестой квартире.
- Допустим, твоя знакомая недавно рассталась с мужем, квартира досталась ей по праву, но в этих четырех стенах ее замучили воспоминания о некогда счастливом браке. Чтобы успокоиться, надо сменить обстановку – переехать в другую квартиру, которая не будет напоминать ей о бывшем супруге.
- Твой намек мне понятен, - с угрозой в голосе высказалась Наталья Алешечкина.
- Никаких намеков! Сочиняю причину на ходу, только и всего. Твои предложения? Нет предложений? Нечего недовольно губы поджимать... А иди-ка ты, Соловей, вместе с Нинкой.
- Куда? - не сразу сообразила Алешечкина – женщина с нелегкой судьбой.
- К Оливии Михалко, куда же еще! Дан приказ двигать в тридцать шестую квартиру. Дамы, двигаем ножками, не стоим на месте, не плимся на низкорослых тетенок, генераторов идей.
- Слушай, дегенератор идей, шла бы ты сама... вместе с Нинель к Оливии, - напутствовала подругу Наталья Романовна.
- Я не могу, у меня уважительная причина! – отрапортовала Куприян.
- Какая, позвольте узнать?
- И кто из нас дура? – задалась философским вопросом Катерина. Натка смотрела на нее, как баран на новые ворота. - Как бы мне объяснить подходчивей?.. Вдруг мы с ней встречались... в кафе? Может такое быть?
- Естественно, прозрачный намек был адресован Алешечкиной, отличавшейся сообразительностью, но на закате трудного дня растерявшую все положительные черты.
- Может, но это не страшно, - успокоила ораторшу, генераторшу идей, Нинель Сушка. – Город наш хоть не маленький, но все мы где-то пересекались друг с другом.
- Пересечение пересечению рознь, - глубокомысленно изрекла Куприян. – В кафе я могла пригубить спиртного, в связи с чем, могла неадекватно себя повести. Вам известна некоторая особенность моего организма. Что я вытворяю, потом уж и не вспомню. Близкие люди понимают и не винят, а незнакомые... Не хочу об этом даже думать.
- В драку-то ты не лезешь, - успокоила Нина.
- В драку? Наверное, не лезу, хотя, уверенности нет. Но выпитое спиртное заставляет меня превратить беседу в утечку информации. Я могу тако-о-ого наговорить, что лучше с человеком, который волею случая стал слушателем, больше не встречаться... Натка, ты меня понимаешь? Я не могу встречаться с Пыш... с Оливией Михалко.
- А я? Меня она...
- Откуда?! – не дала ей договорить Куприян. - Ты очень изменилась в последнее время, даже Нинель тебя с трудом узнала. Да, Нинель?
- Мне надоело слушать, как я ужасно выгляжу после развода! – взвилась Наталья Алешечкина.
- Что-то с памятью моей стало, всё, что было не со мной помню, - неожиданно затянула Екатерина Викторовна, акцентируя на «памяти». При этом сверлила взглядом забывчивую подругу, представшую пред светлыми очами Лысого и Пышки в незабываемом образе индианки.
- Катя, ты сегодня точно... не закладывала за воротник? – заинтересовалась хозяйка квартиры, очумело поглядывая на солистку-самовыдвиженку.
- Было, но прошло, - с легкостью призналась Катерина. – В данный момент я нахожусь в полном уме и твердой памяти, чего не скажешь о моей дражайшей подруге, которая страдает избранной амнезией.
- Говорю же – все проблемы от одиночества, - печально вздохнула Сушка.
- Точно-точно, - подобралась Катя. – Не уверена, что Натка поставила жирный крест на своей личной жизни: она следит за своей внешностью, пытается как-то измениться, преобразиться. Не всегда это преобразование в лучшую сторону, но внимание людей разного пола приковывает. Да, Наташенька? Вспомни недавний случай с... париком? Вспомнила? Поэтому можешь со спокойной душой идти к риелтору.

Нинель водила глазами то в одну сторону – к Кате, то в другую – к Наталье, пытаясь уловить связь между преображением с париком и визитом к ее соседке-риелтору. Все же решила уточнить:

- Михалко могла видеть тебя в парике? И что здесь такого! У нас есть одна сотрудница, она каждую неделю кардинально меняет цвет волос. Никто ее за это не осуждает. По крайней мере, не голая на работу приходит. Поду-у-умаешь, цвет волос.
- Время идет, - напомнила Куприян, - я не собираюсь ночевать в этом подъезде.
- Хорошо, я согласна пойти с Ниной к Михалко, - с обреченностью в голосе произнесла Алешечкина, будто ее уговаривали стать соучастницей преступления.
- Отлично! – порадовалась Катерина. – Пока вы будете гостить у Оливии, я пройду по магазинам. И не торопитесь, одиноким женщинам есть что обсудить...

Оливия Михалко занималась приготовлением ужина. Судя по недовольной физиономии, поварское дело ее совсем не привлекало. Приход незваных гостей стал поводом оставить неприятное занятие. А когда соседка предложила свою помощь, хозяйка от благодарности чмокнула ее в щечку.

- Мы с вами нигде раньше не встречались? – спросила Михалко у Натальи, когда они расположились в огромной кухне, где сразу начала хозяйничать домовитая Нинель.
- Вряд ли, - неуверенно пробормотала в ответ Алешечкина. Естественно, лицо стало цветом одной из злобных птичек энгри бердз, естественно, не синей-желтой-зеленой.
- Глаза у вас запоминающиеся. Не глаза, а изумруды.
- Мали ли людей с зелеными глазами, - вступилась за Натку Нинель, тщательно вымывая под струей воды овощи.
- Не скажи, Нина, у Наташи глаза редкого оттенка – малахитового.
- Не люблю быть центром внимания, - насупилась Наташа, произвольно обмахиваясь взятой со стола бумажной салфеткой.
- Зеленые... хм... малахитовые глаза на красном фоне-лице - это что-то с чем-то, - отметила Нинель, зверски вымешивая на сковороде жарящееся мясо, порезанное небольшими кусочками. – Оливия, не обращай внимания, у Натки аллергическая реакция на солнечные лучи. Я дала ей волшебную таблетку. Она приняла таблетку и будто бы полегчало, а сейчас опять. А все почему? Ослаблен иммунитет, от переживаний. Развод – дело нешуточное. Хотя... житейское, с кем не бывает. Мы к тебе потому и пришли, что Натка с мужем развелась, а теперь хочет обменять квартиру – пребывание в бывшем семейном гнездышке навевает тоску.
- Обменяю квартиру, начну себе искать нового мужа. В службе знакомств, - закинула удочку Наталья Алешечкина, к которой вернулась прежняя сообразительность.
- И не мечтай, - осадила ее желание на самом взлете хозяйка квартиры. – На сайте знакомств нормальных мужиков почти нет. Одни убогие, прилипалы и авантюристы. Так и ждут, что их у себя приютит нормальная баба, которая хорошо зарабатывает.
- А вы уже пытались познакомиться через сайт знакомств?
- Дернул меня черт. Вернее, не черт, а подруга. Зарегистрировала меня там, фотку выложила и начали мне писать разные... озабоченные. Один урод по скайпу показал свои прелести, меня чуть не стошнило. Поэтому я теперь сразу говорю – к скайпу не подключена, достаточно фотографий. Кто с орфографическими ошибками пишет, те сразу получают отставку, по образованию я филолог, в агенты по недвижимости пошла не от хорошей жизни. Меня коробит безграмотность. Одна сына поднимала, а он вырос, женился и забыл мать. Вот тебе и вся благодарность. Сорок пять лет стукнуло, ничего хорошего в жизни и не было. Решила пожить для себя, пока внуков нет. Внуки появятся, сын обо мне сразу вспомнит.
- И будешь ты, Оливия, внука поднимать, - вставила Нинель, кромсая овощи в салатницу.
- Буду, куда ж я денусь.
- Расскажите, пожалуйста, о самой запоминающейся встрече с мужчиной, с которым познакомились на сайте знакомств? – попросила Натка.

- Да, Оливия, поделись опытом с непросвещенным человеком, - призвала Сушка.
- Ты кого имеешь в виду? Себя или меня? – усмехнулась Алешечкина.
- Нас обеих. Я этим сайтам знакомств не доверяю, лучше через друзей знакомиться с мужчинами. Чтобы знакомиться в транспорте или на улице, надо скинуть пару десятков лет.
- Могу и рассказать. Далеко ходить не надо – сегодня у меня была одна встреча. Целый месяц переписывались, он признался, что глухонемой от рождения.
- Так и есть? - спросила Натка, от возбуждения почесываясь. Оливия подозрительно на нее покосилась. – У меня кожа очень сухая, а в летнюю пору, вообще, хоть волком вой, так шелушится.
- Это от нехватки...
- Нина, довольно! – рявкнула Алешечкина на бывшую одноклассницу, тщательно вымешивающую овощной салат. Та от испуга выронила из рук ложку. – Извините, Оливия. Но меня выводит из себя чрезмерная забота подруг, которые дружно сошлись во мнении, что все мои проблемы связаны с одиночеством.
- Бесспорно. Возьми меня. Я всегда была одинокой, я сроднилась с одиночеством, всё привычно-монотонно. А у тебя положение, как у алкоголика, который резко бросил пить и почувствовал полный развал организма.
- Хватит обсуждать мою невыразительную персону. Лучше послушаем Оливия. Так что у вас сегодня произошло?
- Меня пригласили на свидание. Свидание произошло в кафе «Незабудка». Мужчина выглядел, как на фото, ни лучше, ни хуже.
- Не понравился? – спросила любознательная Нинель.
- Не то слово, как понравился. На француза похож благодаря носу с горбинкой и сексуальному взгляду. Наши русские мужики так смотреть на женщин не могут, а этот смог, и еще как смог. В общем, я сразу потеряла голову. Несмотря на то, что он глухонемой от рождения. Так он сам написал при первом знакомстве в Интернете.
- Когда с ним встретились, закрались сомнения?
- Я не тупица. Заметила, что он реагирует на неожиданные звуки. И поняла – прохвост.
- А может быть, он хотел вас проверить? Если вам без разницы его проблемы, вы на них не закидываетесь, значит, вы его искренне полюбили, с вами можно продолжать отношения, серьезные отношения.
- Об этом я не подумала, - без расстройств сказала Михалко. – Раскусить-то его раскусила, но решила убедиться. Вдруг я ошибаюсь, мне всего лишь показалось, что он все слышит, все понимает... Когда шла на встречу, все думала, как с ним общаться? Языка глухонемых я не знаю...
- Вполне возможно, что он понимает по губам, - со знанием дела высказалась Нинель Сушка.
- Ой, девочки, какие ж мы доверчивые! – заголосила Оливия.
- От неожиданности Нина чуть не порезала ножом палец. Ойкнула и стала придирчиво изучать бескровного пострадавшего.
- К чему вы это сказали? – хмыкнула Алешечкина.
- Доверчивые, потому что мечтаем найти человека, на плечо которого могли бы опереться, - вздохнула Сушка. – Потом и верим всем подряд.
- Нина, режешь свой сыр и режь, - возмутилась Натка, которой надоело вмешательство третьего незаинтересованного лица.
- Сыр не мой, а Оливии.
- Не нужны моему новому знакомому адюльтеры, ему вообще женщины не интересны.
- Зачем же он с ними знакомиться? – нахмурилась Наталья.
- Сейчас я вам все расскажу по порядку...

Девушка в форме погранвойск быстро шлепнула в паспорте штамп о пересечении границы, и уже через минуту Оливия Михалко оказалась в толпе встречающих.

Ее никто не встречал. Сын сослался на занятость. Оливия сполна осознала свое одиночество, вязкое, противное, о котором она позабыла за время двухнедельного отпуска в одной замечательной стране с ярким солнцем, белым песком и синим морем. Жаль, плохо загорела. Ее кожа с трудом принимает солнечные лучи. Загар слегка прихватился, но через неделю и намека не останется.

С возвращением домой вернулась и депрессия, появившаяся почти сразу после женитьбы сына на девушке Лике, в которую ее мальчик, ее самый дорогой мужчина, был безумно влюблен.

Матери жениха хватило одного взгляда, чтобы понять – Лика не пара ее сыну, самому красивому, самому умному, самому, самому, самому. Не понравилась не потому, что выиграла материнская ревность к сыночку, которого вырастила одна: не пара и всё! Муж исчез быстро, сыну не было и года. Любитель приключений не мог сидеть долго на одном месте. Где его носит нелегкая, Оливию Дмитриевну никогда не интересовало. И алименты были не нужны – не хотела, чтобы на склоне лет папаша с восстановившейся памятью не попросил убежища в доме взрослого сына, который к тому времени станет главой своего многочисленного семейства.

Бывший муж находился в постоянном поиске, интересы, вкусы менялись чаще времен года. Из каждой научной области выхватывал скудные знания, но выставлял себя ходячим университетом, кладезем различных знаний, несмотря на то, что высшего образования так и не получил, в научные глубины не погружался, плавал на поверхности. Плавал в любом смысле, но, надо признать, обладал гениальной способностью поражать слушателей своей эрудицией – сливками на торте. Торт не дегустировал, ограничивался сливками – считал вполне достаточным.

Где сейчас находится любитель сливок, жив ли, устроил ли свою личную жизнь, сие Оливии было неведомо. И она не стремилась это узнать. За все прошедшие годы ни разу не дал о себе знать. Не внес сумятицу в их спокойную жизнь. И на том спасибо. Хотя мог появиться, наговорить-наобещать, поматросить и бросить сына, который прикипал к доброжелательным людям, особенно тянулся к мужчинам. Сыну не хватало мужского воспитания, но воспитание залетного и несерьезного отца, ему уж точно не нужно. Бывший муж был человеком с не совсем здоровой психикой, так считала Оливия. Поняла это поздно, всё раздумывала, как жить дальше, но мужчина устал сидеть на одном месте, устал от жены, устал от кричащего сына, и слинял без долгих объяснений. Только бросил: «Ты мне неинтересна!»

Когда встретились, была интересна, любима. Выпендривался перед Оливией так, что она позабыла обо всех многочисленных кавалерах и выскочила замуж. На момент рождения сына увлекающийся всем подряд отец упивался чтением книг об истории. Выходец из Западной Украины – Магар Василий Степанович – назвал сына редким именем Луарсаб, в честь правителя Грузии – Луарасаба II, жившего в семнадцатом веке. Оливия не стала перечить мужу, она, вообще, не любила никому перечить. Так светловолосый голубоглазый младенец стал Луарсабом. Когда он подрос, мать предложила сменить имя. Сын отказался, наотрез, при этом привел веский довод – Сереж, Петь, Вань в школе полно, а Луарсаб он один. Все знакомые называли его коротко – Луар, никто не дразнил. Но сменить фамилию отца – Магар – на фамилию матери – Михалко – согласился без уговоров. И пусть смешно звучит сочетание – Луарсаб Михалко – сына это нисколько не трогало, он хотел отблагодарить мать за преданную любовь. Почему он должен носить фамилию человека, которого совсем не помнит, который его знать не знает и не стремиться заново познакомиться?! Луар никогда не выпрашивал мать об отце, не орошал слезами его фотографии. Спасибо – дал ему жизнь, на этом все благодарности заканчиваются. Мать не любит затрагивать тему бывшего мужа, Луар – тем более.

Да, Оливия к будущей невестке не прониклась материнской любовью. Как любая мать она всегда мечтала, чтобы сын полюбил хорошую девушку из приличной семьи, и главное – чтобы

девушка всем сердцем полюбила ее сына. В этом случае, свекровь никогда бы не стала лезть в жизнь молодых.

Лику не любила Луарсаба Михалко. И никогда не полюбит, как бы он не старался завоевать ее любовь. Оливия Дмитриевна про себя называла потенциальную невестку шалавкой. По ее блудливым глазам поняла, что девушка не отягощена принципами морали. Строит глазки всем без разбора, включая немолодых мужчин.

Мать попыталась влезть со своим ненавязчивым советом к сыну, утонувшему в безответной любви, но сын пресек ее поползновения на корню.

- Не продолжай, - твердо высказался он, скривился, будто проглотил острый перец, и добавил, - тебе любая девушка, на которой я захочу жениться, не понравится.

- Это твои слова или... кто подсказал?

- Мама! – взорвался некогда терпеливый и ласковый теленок. – У меня всегда и на все есть свое мнение. Я люблю Лику и женюсь на ней, чтобы ты только не предпринимала, как бы не отговаривала.

- Еще недавно ты любил Антонину Пеликину. Вот Тонечка...

- Вспомнила! – не дал договорить матери сын. – Когда это было?! Миллион лет назад! Я был сопливым пацаном, думал, что люблю Тоню, что мы поженимся. Но это была первая детская любовь, я вырос, стал иначе смотреть на жизнь и на женщин. Отношение к Лике – это совсем другое чувство. Взрослое, возмужалое. Тебе Лика не нравится, это твои проблемы. А я ее люблю! – с вызовом заявил экс-послушный сын, боготворивший мать...

С Тоней Пеликиной Луар учился в школе. Как сели за одну парту в первом классе, так и просидели все школьные годы. Они были очень привязаны друг к другу.

С шести лет Луар ходил в секцию самбо. Мать настояла. Он не возражал. Сначала посещал занятия без интереса, потом втянулся, даже начал побеждать на разных мелкомасштабных первенствах. Мать и Тоня были его фанатичными болельщицами. Спустя десять лет, когда на горизонте уже маячило участие в крупных соревнованиях, Луар получил на тренировке серьезную травму. Занятия в секции самбо пришлось прекратить. Но со спортом Луар не расстался, поступил после школы в институт физкультуры, по окончании получил диплом с отличием. Захотел тренировать мальчишек – стал тренировать, мать не лезла со своими предложениями – взрослый. Но постоянно нужен контроль, недаром у него имя – Луарсаб, может свернуть горы под руководством хорошего наставника, в противном случае, его судьба незавидна. Оливия Дмитриевна дипломатично направляла сына по жизни.

После его знакомства с Анжеликой Волчегорской, все переменялось. Из Анжелики такой же наставник, как из волка пастух. Ее интересует только собственная сверхухожженная персона, Луар потакает всем ее прихотям. И что самое ужасное – он не замечает ее недостатков: хозяйка она никакая – ни приготовить, ни постирать, ни прибрать, ни погладить. Все делает свекровь. Приходит к ним в дом, когда никого нет, и торопится переделать все дела до их возвращения, чтобы «под ногами не путаться». Так заявила «любимая» невестка. Однажды Оливия не успела уйти, разразился грандиозный скандал. Видите ли, молодая хозяйка после таких уборок не может ничего найти! А еда, приготовленная свекровью, несъедобна. А выстиранный в стиральной машинке лифчик, который стоил немислимых денег, потерял форму.

- Было бы что этому лифчику держать, - выпалила Оливия Дмитриевна, потерявшая терпение.

До этого сын помалкивал и поглядывал на жену со сдержанным осуждением. После фразы матери привычно взорвался и вывалил на нее все свои обиды, детские, взрослые, прошлые, нынешние и будущие. Есть мать – будут и обиды. Кто еще, кроме матери, обладает железным терпением и выдержкой космонавта. Мать дернулась, как от удара, физически ощутила удар по лицу, по груди, в которой зарыдала обиженная душа, по ногам – они подкосились. Оливия сползла по входной двери, у которой, как у расстрельной стены, выслушивала несправедливые укоры, села прямо на пол и попросила стакан воды. Чтобы прийти в себя, успокоиться, не разреветься прямо при шалавке. На ее просьбу сын не отреагировал, от невестки она жертвы не ждала. Тогда мать-свекровь с трудом поднялась на ноги, нашла свою

сумку и хотела сказать что-то совсем не обидное, не скандальное, возможно, попыталась бы смягчить нанесенную Лике обиду, но сын опередил:

- Не надо устраивать здесь концерты по заявкам. У нас своя жизнь, у тебя – своя.

Вот так вот...

Однако на следующий день Луарсаб позвонил матери, и как ни в чем не бывало, сообщил, что где-то поставил пятно на новые джинсы. На этот раз не стала выслушивать мать:

- У тебя есть жена.

От обиды разорилась – купила туристическую путевку туда, где море, солнце, пляж, небо – все безумной красоты. Перед отъездом позвонила сыну, чтобы сообщить о своей радости – она впервые едет отдыхать на целых две недели не на родное Черное море, а в чужую страну. С морем, пляжем, приключениями. Новыми знакомствами. Об этом, конечно, сыну ничего не сказала. О предстоящей поездке сообщила коротко, как телеграмму отправила. А он?

- Мам, ты же обещала мне новую машину купить...

Раз не купила новую машину, не задобрив, то и встречать в аэропорту ее не нужно.

А тут еще одна незадача. Перед вылетом на Родину к ней подошла бывшая соотечественница и попросила передать небольшую сумку своей родственнице. Попросила прямо у стойки регистрации, где стояли уставшие от отдыха русские люди. Из всех выбрала ее, Оливию Михалко. Об этом подумала Оливия, это же подтвердила бывшая соотечественница:

- Из всех пассажиров я выбрала именно вас – у вас доброе лицо. Не волнуйтесь, в сумке нет ничего подозрительного. Но я должна вас предупредить, вдруг вы мнительный человек. В сумке находится урна с прахом моего дедушки. Он всегда хотел, чтобы его похоронили на Родине. Сама я не могу поехать в Россию, у меня на руках больной муж, за которым нужен постоянный уход. На всякий случай я дам контактный телефон своей двоюродной сестры, которая вас встретит в аэропорту. Позвольте я вас сфотографирую на мобильный телефон и перешлю фото сестре, чтобы она могла вас узнать по прилету.

Женщина, назвавшаяся Яниной Цирельсон – бедные евреи, куда их только жизнь не забросила, записала все данные «женщины с добрым лицом», в знак благодарности дала немалую сумму нерусских рубликов, что было весьма кстати – отдыхающая порядком поиздержалась, пожелала счастливого пути и отчалила.

Оливия, не успевшая толком открыть рта, сначала жутко разволновалась – не верила, что в сумке урна с прахом покойного деда Янины, но сумку «просветили», ни у кого не возникло вопросов. Оливия сдала багаж – не только свой чемодан с подарками любимому сыну и нелюбимой невестке, но и сумку с прахом незнакомого старика – конечно, это прах глубокого старика, раз его внучке Янины не меньше пятидесяти, и только тогда немного успокоилась. Вскоре Михалко оказалась на борту воздушного судна, которое переместило ее в родной город, где не было тепла, моря, песка. Но было солнце, приветливое, весеннее.

И не было среди многочисленных встречающих сына Луарсаба.

Оливию накрыла такая безумная обида, что она позабыла о двоюродной сестре Янины Цирельсон, которая должна узнать ее по фотографии, подойти и забрать сумку с прахом их общего с Яниной деда.

Михалко запоздало вспомнила, что забыла узнать имя двоюродной сестры Янины, но у Оливии были два телефонных номера – домашнего и мобильного. Потоптавшись среди возбужденного люда, она отошла в сторонку, на открытое пространство, чтобы ее заметили. Даже выставила напоказ сумку с прахом, надеясь, что так ее лучше отыщут. Прилетевшие и встречающие выкатились на площадь перед аэровокзалом, а Оливия все ждала. Решилась позвонить. Сначала на домашний номер. Долго тянулись длинные гудки, трубку никто не снимал. Значит, сестра Янины еще на пути в аэропорт. Дневные пробки. Придется подождать. Тем более, домой совсем не хочется. И что теперь делать? Звонить сыну или не звонить? Он знал номер рейса, она дополнительно сообщила время прилета. Накануне вечером позвонила и напомнила. Сын был недоволен. То ли ее звонком, который помешал его личной жизни, то ли еще чем-то или кем-то. Оливия Дмитриевна не расстроилась, напротив, повеселела – решила, что злость сына направлена на жену, которую в поздний час где-то носит нелегкая.

Шалавка, что с нее взять. Скоро ему надоест такая несобранная жизнь, он расстанется с супругой, которая его ногтя не стоит, и вернется к мамочке. Или к Антонине, серьезной двадцатипятилетней женщине, с серьезной профессией химика, из порядочной семьи. Тоня Пеликина ужасно пережила женитьбу бывшего возлюбленного на сопернице, и сама призналась Оливии Дмитриевне, что никогда и никого не полюбит так, как все годы любила Луарсаба Михалко.

Оливия успокоила несостоявшуюся невестку:

- Не переживай, Тонечка, долго этот неравный брак не продлится. Луар к нам вернется, все будет хорошо. Надеюсь помянуть ваших общих с ним детей, моих внуков.

Но прошел год, Луар продолжал терпеть свою шалавку. Мать нашла простое объяснение: он жил почти так, как жил при ней, при матери, благодаря ее нескончаемой заботе, не выпирающей наружу. Теперь, когда мать перестала тайно-явно навещать молодую чету для ведения домашнего хозяйства, всё пойдет кувырком, глаза сына откроются, он расставит приоритеты. Если уже не открылись, вон какой был злющий при последнем телефонном разговоре...

Оливия Михалко подождала немножко, потом еще немножко, потом разозлилась и позвонила сестре Янины на мобильник. Ей сообщили, что мобильный телефон отключен или находится вне зоны действия сети.

- Черт знает что такое, - придушено возмутилась Михалко, прихватила свой чемодан и чужую сумку и потопала на стоянку такси...

Оставшуюся половину дня разбирала чемодан, перестирывала вещи, убирала в квартире. И думала, думала, думала – позвонить ли сыну? Наброситься на него с укорами или просто поговорить, спросить, когда приедет в гости – она подарки привезла, и Лику не забыла, поинтересоваться делами, ненавязчиво. Эта шалавка не интересуется его делами, у нее жизнь вертится в круговороте событий – подружки, незамысловатая работа администратора в салоне красоты, ночные клубы, любовники... Пока у свекрови доказательств ее измен нет, но они будут, если захотеть. Пока Оливия терпит, не хочет ранить чувства сына, пусть он сам разберется, кто есть кто. Тогда не будет ее винить в разрыве с некогда обожаемой женой.

Пораскинув мозгами, Михалко решила не звонить сыну. Не сдержится, наговорит разных обидных слов. Лучше завтра. На здоровую голову.

И вот переделаны все домашние дела, даже приготовлен ужин – чего она не делала лет сто. После женитьбы сына Оливия возненавидела готовку, но для него выворачивалась наизнанку, сочиняла новые блюда, изощрялась, лишь бы утереть нос Лике. А та заявила, что стряпню свекрови невозможно есть. А ты-то сама что умеешь готовить?! Яичницу, да и та постоянно пригорает, а свекрови приходится драить сковородку. И перемывать ворох грязной посуды, наваленной в раковину. Неужели так тяжело каждый раз мыть за собой тарелки, а не громоздить из тарелок баррикаду, готовую вот-вот обрушиться.

Не хочется портить себе настроение, которое и без того испорчено, не буду думать ни о сыне, ни о его дражайшей женушке, - мысленно осадил себя обиженная мать. – Займусь-ка я поисками двоюродной сестры Янины Цирельсон. Номер домашнего телефона я знаю, по номеру найду адрес. Завтра же туда поеду и передам сумку с урной, где находится прах деда... А что мне еще остается? Не выбрасывать же дедушку на помойку, не закапывать где-то без указаний имени-фамилии-отчества. И с какой стати я буду заниматься прахом совершенно незнакомого мне человека?! С такой стати! С той стати, что у меня лицо доброе? Иногда первое впечатление о человеке бывает обманчивым. И не первое – тоже...

Всю ночь Оливия вертелась на кровати, как заведенная игрушка-каталка. Забылась только к утру, но лучше бы вообще не засыпала: ей приснился незнакомый старик. Он грозно пообещал являться к ней каждую ночь до тех пор, пока его прах не займет достойное место на городском кладбище. Во сне Оливия стояла перед противным стариком, шамкающим беззубым ртом, потупив глаза, как провинившаяся школьница перед директором среднего учебного заведения. Когда старик выдохся и схватился за левую часть груди, где находилось взбешенное людским безразличием сердце, проштрафившаяся «школьница» проблеяла: «Я не знаю вашего имени,

как же я...» Дедок не дал ей договорить, обозвал чучелом безмозглым и испарился. От него осталось подобие дыма от костра. Дым пах весьма неприятно, будто сожгли протухшее мясо.

С пониманием того, что она чучело безмозглое, Оливия и проснулась. Конечно, я чучело безмозглое, - мысленно поддержала она старика из своего сна, - внучка не могла передать урну с прахом без свидетельства о смерти. Пробудившись она поняла, что старик из сна был очень похож на старика Хоттабыча. Но глаза колючие-колючие. Это сравнение ей несколько не помогло и не успокоило.

По приезду сумку Янины Цирельсон Оливия, не отдавая отчета своим действиям, вынесла на лоджию. Можно подумать, с прахом может что-то случиться при комнатной температуре. Но Оливия знала, что делает – не хотелось, чтобы ЭТО находилось в ее квартире, попало на глаза.

Когда Янина с ней договаривалась, то, естественно, открыла кожаную сумку в форме цилиндра, предъявила ей урну с прахом своего деда. После чего закрыла сумку на две встречные застежки-молнии, свела вместе два бегунка, в простонародье «собачки», и защелкнула на них крохотный навесной замочек. Два ключа на кольце вручила Оливии Михалко, чтобы та передала ключи двоюродной сестре. Содержимое сумки Оливия не рассматривала, но скорее всего, необходимые документы прилагались. По рассеянности или по причине сильного волнения Цирельсон могла забыть приложить документы. Кто из работников таможни усомнится, что в урне, действительно, прах человека?! Не взрывоопасная же смесь, в самом деле.

Вдруг любимый дед двух внушек пожелал, чтобы его прах развеяли над милой сердцу рекой, зачем тогда документы. Для проформы, чтобы предъявить таможенникам. Оливии не задали ни одного вопроса, вполне вероятно, что у них является обыденным перевоз урн с прахом.

Ключи от замочка лежали в кармане куртки, эта куртка вчера была на Оливии Дмитриевне. Она посеменила в прихожую, где на плечиках висела легкая курточка, которая еще не побывала в недрах стиральной машинки. Как-то Оливия упустила этот момент. И если бы вчера перед стиркой проверила все карманы на куртке, то вспомнила бы о двух ключах-близнецах. Ну, вспомнила бы, открыла сумку-футляр, покопалась бы в ней, нашла бы свидетельство о смерти на тарабарском языке... Какой бы ни был язык, фамилию деда она бы прочитала. И раз прах переправляли в Россию, документ должен быть написан на двух языках. Так она думает. А там кто его знает. Впервые с ней произошла такая мудреная ситуация.

Для начала необходимо найти адрес по номеру домашнего телефон, после чего поехать по этому адресу и передать сумку незнакомой женщине. И ключи.

После завтрака Оливия без проблем нашла по имеющемуся номеру телефона адрес, по которому проживала двоюродная сестра Янины Цирельсон. Прежде чем туда отправиться, все-таки позвонила сыну. Сердце было не на месте. Он ответил недовольным голосом. Мать не стала высказывать свое возмущение, поздоровалась и сообщила, что вернулась. Хотела рассказать об «анекдотичной ситуации», которая кому-то покажется совсем не смешной, но сын ее резко отбрил:

- Я занят, перезвоню позже.

- Спасибо и на этом, - обратилась окончательно обиженная мать к прерывистым гудкам, бьющим ей в ухо.

Опустилась на стул, собралась пореветь от жалости к себе, подумала и поревела. Недолго, дел было много. Несколько раз пробубнила себе под нос: «Я ему больше не нужна», пошла в ванную, умылась холодной водой, промокнула лицо полотенцем, изучила свое отражение в зеркале и сообщила ему:

- А что? Я еще вполне... Жаль, что плохо загораю. Такая уж уродилась. Побывала в жаркой стране, а доказательств нет. Загар в нашем деле – не главное... Пышнотелая? На любителя. Я всегда добиваюсь желаемого. Всегда. Учти это, сынок. Как бы потом не пожалел... Вот найду человека, которому я буду нужна, тогда ты осознаешь... Я не буду больше звонить, унижаться, напрашиваться в гости... Ничего предпринимать не стану. У них своя семья, у меня своя. Будет. Если захочу. А я хочу?.. Я хочу. Я привыкла жить с... родным человеком,

заботиться о нем. Сейчас разленилась, скоро разучусь готовить. Предпочитаю открыть холодильник, схватить какой-нибудь мясо-колбасный кусок, к куску присоединить толстый шмат хлеба, и все это запить чаем с лимоном. Вот тебе и ужин. А килограммы прибавляются и прибавляются, нервная работа с постоянными перемещениями с лишними килограммами никак не борется. Надо правильно питаться – мясо, приготовленное на пару, и овощи. Кто бы приготовил это мясо. А будет для кого готовить, я буду готовить.

Никакая подруга не регистрировала Михалко на сайте знакомств, это была лично ее инициатива...

Поездку к сестре Янины Цирельсон Оливия Дмитриевна решила отложить, настроение было окончательно испорчено, слезы лились сами по себе, без спроса. Но несколько раз пыталась дозвониться пропавшей женщине: мобильный по-прежнему был «вне зоны», домашний телефон заходилась короткими гудками, как бывает при поднятой трубке на другом конце провода. Значит, она дома и спокойно болтает с кем-то, а о покойном дедушке думать забыла. Удивительно, что Янина не звонит, не беспокоится.

А был ли дедушка, - неожиданно пришла в голову решительная мыслишка. – Вдруг меня элементарно использовали, как... курьера каких-то там запрещенных веществ. Удивительно, что меня не задержали в аэропорту, натасканная на наркотические средства собачка ничего не унюхала в кожаной сумке-цилиндре. А так называемая сестра была в аэропорту, но заподозрила неладное и не подошла. Оба телефонных номера – это фигня на постном масле. Но я все равно поеду по адресу и попытаюсь что-то разузнать о таинственной сестре Янины Цирельсон... Позже. С дедушкой уже ничего не случится... А пока, не откладывая дела в долгий ящик, окунуть в романтические отношения...

И Оливия Михалко окунулась, погрязла, подседа на встречи-расставания с мужчинами, которые поначалу показались достойными ее...

Об урне с прахом деда Янины Цирельсон Оливия Дмитриевна Михалко вспомнила спустя две недели, когда третий по счету «жених» оказался негодяем. Впрочем, как и два предыдущих. Оливия стала сомневаться в необходимости строительства новой ячейки общества, взяла время на раздумье.

Отпуск незаметно подошел к логическому концу, на последний день она отложила поездку к внучке покойного деда, которая так и не вышла на связь. Сначала Оливия еще пыталась ей дозвониться, потом оставила пустую затею.

Она посчитала, что надо ехать после рабочего дня, тогда есть вероятность застать женщину дома. Телефоны снова молчали. Уже и домашний не отзывался гудками.

Как назло, автомобиль находился в сервисе, пришлось автолюбительнице пересаживаться на общественный транспорт. Прямого маршрута в нужную часть города не было, Оливия добиралась до центрального рынка, попетляла в подземных переходах, после чего взяла с боями нужную маршрутку. Маршрутка забила под завязку. В ней дурно пахло, Оливию начало мутить. Она спросила у пожилого мужчины интеллигентного вида, когда ей выходить - нужна такая-то улица, такой-то номер дома. Сначала мужчина ее долго пытал-уточнял, причем говорил косноязычно и ужасно «гэкал». Женщина сдерживала бурлящее негодование, терпеливо отвечала, и в итоге получила:

- Не знаю я!

- Так зачем же вы...

Мужчина не дослушал возмущений, просочился к выходу и выпихнулся наружу. Уже на вольном просторе хитро взглянул на пассажирку, которая сидела у окна и продолжала тихо возмущаться, а потом по-детски скорчил рожу.

- Старый дурак, - выпалила Оливия.

Рядом с ней на сидение опустилась женщина за сорок. Женщина внушала доверие, но на это раз Оливия не купилась на внешность, отвернулась к окну, покрепче прижав к себе сумку-футляр с дедушкой, хотя, на сумку никто не покушался. Ключи от сумки - хранителя урны - перекочевали в наружный кармашек сумки Оливии. Она так и не решилась проверить наличие

сопутствующих документов. Пока не было необходимости. Передаст сумку с содержимым очередной внучке и забудет о происшествии.

Соседка в маршрутке сама затеяла разговор. Призналась, что слышала, о чем Оливия разговаривала с женщиной, и сказала, что им ехать еще далеко – она живет в нужном ей доме. Следующую часть пути обе не проронили ни слова. Сначала женщина копалась в мобильном телефоне, потом погрузилась в полудрему, но контролировала себя: на соседку по сидению не заваливалась на поворотах, голову на грудь не роняла, свое имущество придерживала цепкими руками на коленях. Михалко тупо пялилась в окно. Эту часть города она не посещала по риелторской необходимости. Один из нескольких филиалов крупного агентства недвижимости «Вектор П», в котором работала Оливия Дмитриевна, находился в спальном районе, в котором она проживала, этот же район охватывал их филиал - четкое разграничение сфер купли-продажи.

Михалко задумалась, конечно, о сыне, который упорно не замечал поползновений в его сторону заботливой матери. Погрузилась в печальные мысли, очнулась, когда соседка коснулась ее руки.

- Нам выходить.

Маршрутка опустела, женщины без проблем прошли к выходу. Не сговариваясь, Оливия потрусилась за отзывчивой теткой, которая чем-то напомнила ее саму. Средних лет. Тучная. Неразговорчивая. Усталая. Одинокая. С добрыми глазами... Тоже устала от одиночества. Тоже не хочет упустить последний шанс и побаивается нарваться на авантюриста. Наверное, у нее тоже есть сын, которому она посвятила всю свою жизнь.

- Подскажите номер квартиры, - попросила женщина каким-то шелестящим голосом, когда они добрались до нужного дома. Табличка с указанием названия улицы и номера дома в глаза Оливии не бросилась, но она кинула профессиональный взгляд на высотку и мысленно отметила, что дому не меньше десяти лет. А то и все пятнадцать.

- Двадцать четыре, - ответила она на вопрос незнакомки.

- Хм... двадцать четыре, - повторила женщина и с явным недовольством поинтересовалась, - а вы, собственно, к кому направляетесь? В двадцать четвертой квартире живут ваши знакомые или родственники?

Михалко подумала о человеческой бестактности: какая разница, кем приходится ей, серьезной даме, внушающей доверие, жильцы из двадцать четвертой квартиры. Вступить в конфликт повременила, но если дело так и дальше пойдет, то придется... как-то осадить любопытную особу. Нужный дом она нашла, пусть и с чужой помощью, до квартиры доберется, поводыри не нужны, ни к чему антимионии разводиться, вам налево, мне направо.

Но у самой выиграло любопытство: зачем женщина задает странные вопросы? Будто бы интеллигентная с виду, одухотворенное лицо с печатью ума. Всю дорогу медитировала, а могла бы устроить вечер вопросов и ответов, чтобы время в пути быстрее пробежало.

Чтобы разобраться, надо вежливо ответить на поставленный вопрос.

- Вы имеете в виду хозяйку квартиры? Нет, я не родственница. Мне надо кое-что ей передать.

- Сдержанная на эмоции Оливия потрясла черной кожаной сумкой, ручки которой крепко сжимала в руке.

- Кто просил? – требовательно спросила незнакомка, в очередной раз игнорируя правила хорошего тона.

- А, я поняла, вы и есть сестра Янины Цирельсон! – обрадовалась ей Михалко, как ближайшей родне, с которой не виделась многие годы. От радости Оливию понесло. – Почему же вы меня не встретили в аэропорту? Неужели сестра вам не сообщила все подробности о человеке, которому доверила... сумку с... ценным грузом? – От сложного подбора слов женщина пышка вспотела. И разнервничалась - ожидала подвоха. Повод был: женщина не спешила отвоевывать сумку с ценным грузом, поглядывала на говорливую даму, как на потенциальную клиентку психдиспансера, которая пытается доказать обратное – что она достойна жить среди нормальных людей.

Предполагаемая сестра Янины Цирельсон не только не спешила отвоевывать сумку-цилиндр, но почему-то взглянула на сумку с неприязнью. Бросила взгляд и тут же отвела. Оливия заподозрила женщину в сложных отношениях с дедом. И что дальше? Теперь она откажется забирать прах, сделает лицо – «я не я и хата не моя». Вот тебе и подвох.

Михалко зашла издалека: с ноткой торжества рассказала о своем отдыхе в стране, где море, солнце, песок, не забыв поделиться красочными впечатлениями. Предполагаемая сестра Янины погрузилась в себя, ее добрые глаза подернулись пеленой – предоставленная информация ее не занимала, но она не ставила плотину потоку восторженных слов, просто отключилась: вдруг этой странной женщине с двумя котомками, одну из которых она пытается ей всучить, не с кем обсудить свой прошедший отпуск, пусть выговорится.

Оливия устала обращаться к «телеграфному столбу», специально махнула сумкой-цилиндром, чтобы задеть «столб» и вернуть в реальность – превратить «столб» в одушевленный предмет. Женщина не отодвинулась, но автоматически провела ладонью по тому месту, куда коснулся кожаный предмет с трагическим содержимым. Так переименовала прах старика Оливия, лишь бы не употреблять на словах или в мыслях неприятное слово.

- И теперь я подхожу к заключительной стадии моего рассказа, - оповестила свою единственную слушательницу Оливия Дмитриевна Михалко, у безмолвной слушательницы при этих словах вырвался вздох облегчения. - Ваша сестра подошла ко мне в аэропорту и слезно попросила передать вам... вот это! - В протянутой руке, направленной в сторону родственницы Цирельсон, была зажата сумка-цилиндр. Никакой реакции со стороны родственницы. Оливия Дмитриевна без надежды на успех промямлила, - ваша сестра должна была переслать вам мое фото, чтобы вы меня смогли узнать...

- Когда это было?

Михалко назвала число и обличительным тоном добавила:

- Янина... не знаю ее отчества, дала мне номера ваших телефонов, я звонила, звонила, но так и не смогла с вами связаться... Почему вы на меня так смотрите? Я ни в чем не виновата! Да, прошло достаточно времени, но у меня были свои дела. Я работаю, представьте себе... И почему я должна перед вами оправдываться! – в итоге вспыхнула она. - Это не моя вина, что мы не встретились в аэропорту. Сама не пришла, а на меня вешает всех собак. Забирайте вашего дедушку, а я пошла. Прощайте.

Незнакомка беспрекословно приняла сумку-цилиндр, придирчиво ее осмотрела, опомнилась и окликнула странную особу.

- Постойте, а где же дедушка? – Выглядела она при этом так, как выглядят обманутые на новогодний праздник дети: обещали подарить айпад – для взрослых, а подкинули мягкую игрушку – для мелюзги.

Оливия совершила поворот на сто восемьдесят градусов, вернулась к женщине, которая накануне свалилась с Луны.

- Ваш дедушка находится в сумке! – рявкнула Михалко и зачем-то вырвала сумку из рук упавшей с Луны.

Оливия неожиданно вспомнила о ключах, которые ждали своего часа в кармашке ее сумки, засуетилась, едва не выронила из рук сумку с дедушкой, достала наконец ключи и торжественно вручила ключи незнакомке, чье имя так и не удосужилась узнать. Мало ли на кого оформлена квартира номер двадцать четыре. Оформлена на одного человека, проживает другой.

- Мой дедушка живет в селе Чувьчи, в ста километрах от города, - тщательно выговаривая слова, доложила незнакомка, - а этого дедушку, - она указала пальцем на сумку, которую ей пыталась впихнуть сумасшедшая особа, я впервые вижу.

- Приглядитесь получше, - посоветовала ей Оливия, вырвала переданные ключи и собралась вскрыть замок.

- Ой, только не это, - закатила глаза нервическая особа.

Мы с ней совсем непохожи, две противоположности, - со злостью подумала Михалко, как будто узнала неутешительные результаты анализа ДНК - данная особа не является ее кровной родней, а она так мечтала увеличить немногочисленные ряды родственников.

- Может быть, вы мне предложите оставить де-душ-ку у себя? - сдерживая рвущееся наружу возмущение, спросила Оливия Дмитриевна Михалко.

- Будьте любезны, - беспечно парировала женщина.

- С какой стати! Это ваш дедушка.

- У меня сегодня был очень трудный день, - сообщила трагическим голосом незнакомка.

- Сути дела это не меняет, - бойко откликнулась Оливия Михалко.

- Да, погодите вы! – впервые за все время повысила голос женщина, будто бы очнувшись ото сна. – И так голова раскалывается, а тут еще вы щебечите и щебечите. Дайте с мыслями собраться. Значит, вы пришли в двадцать четвертую квартиру.

- В двадцать четвертую, дом номер восемь, корпус два.

- Фух, разобрались. Что ж вы сразу не сказали про корпус! Это дом номер восемь, без всяких корпусов. А нужный вам дом во-о-н тот, видите, что стоит перпендикулярно. У меня в том доме живет двоюродная сестра.

- А больше у вас двоюродных сестер нет? Допустим, за границами Российского государства?

- Вы говорите таким тоном, словно принимаете меня на работу в «ящик» в советские времена. Еще спросите, были ли родственники на оккупированной во время войны территории?

- А были? – автоматически спросила Михалко.

- Кажется, были. Прабабушка в Гомеле... А зачем вам это знать?

- Для общего развития, - усмехнулась Оливия. – Вижу – вы не в состоянии поддерживать разговор на должном уровне.

- Очень устала, проверки за проверкой. Прихожу домой и сразу валюсь на диван. Сегодня хотя бы удалось уйти с работы вовремя, а то раньше десяти дома не появляюсь... Голова вообще не работает. – Женщина взглянула на Михалко мутными глазами. - Вы простите, если что не так, если обидела вас своей заторможенностью. Со мной одни недоразумения. Все от дикой усталости. Простите.

Незнакомка потянула ноги к своему подъезду, чтобы оказаться в своей квартире, где ее дожидается любимый диван, а Михалко направилась к указанному дому.

Квартира двадцать четыре, в которой проживала сестра Янины Цирельсон, была опечатана.

- Наркомафия получила по заслугам, - прошептала Оливия Дмитриевна и боязливо поозиралась по сторонам. На лестничную площадку выходило четыре квартиры. За дверь одной верещал ребенок, за дверью другой стояла тишина – Оливия подошла, приложила ухо и проверила, на слух она не жаловалась, за третьей - диктор докладывал последние новости, очень громко, выразительно и, как показалось Михалко, ехидно. Хозяева явно страдали плохим слухом, потому и телик разорвется.

Недолго думая, она надавила кнопку звонка. Звук мог разбудить покойника. Именно об этом подумала Оливия и покосилась на сумку-цилиндр, болтающуюся в ее руке. Заметила, что к праху покойного чужого деда она стала относиться без всякого уважения. Других посторонних звуков, кроме бубнящего телевизора, незваная гостья не расслышала, но уходить не собиралась. Она должна выяснить всё о жилище из двадцать четвертой квартиры, чтобы ее найти и передать из рук в руки дедушку.

Когда в замке зашурдели, и дверь распахнулась без предварительных «кто там?», Оливия от неожиданности сделала шаг назад. Она ожидала увидеть старушку – божий одуванчик, единственной радостью которой является разговор по душам с телевизором, а увидела симпатичную девушку лет двадцати.

- Вам кого? – деловито спросила девушка, впиваясь зубами в румяное яблоко. Телевизор в недрах квартиры продолжал разоряться.

- Мне нужна ваша соседка из двадцать четвертой. Меня просили ей кое-что передать.

- Это вам надо ехать на кладбище, - с набитым ртом сообщила девица и радостно улыбнулась своей шутке.

Молодежь нынче циничная, - подумала Оливия и осудила себя, - еще скажи – вот в наше время... Показатель вступления в преклонный возраст на лицо.

- Только не говорите мне, что хозяйка квартиры скоропостижно скончалась.

- Она бы нас всех пережила, но ничто не вечно под луной – автокатастрофа. Спешила на своей скоростной тачке в аэропорт, не справилась с управлением и пишите письма мелким почерком. Друзья-коллеги ее похоронили, квартиру опечатали – была она одна на всем белом свете, ни-ко-го! Спрашивается, зачем так вкалывать, если некому наследство оставить? Ну, заработала кучу бабла, хватит! Бросай работу, живи на полную катушку, трать деньги направо и налево, радуйся.

- Что, совсем никого у нее нет? В смысле, не было.

- Совсем. Поговаривали, что у нее где-то за границей живет сестра, но ту сестру никто в глаза не видел.

По адресу Михалко узнала фамилию хозяйки квартиры, но решила перепроверить.

- Погибшую звали Рубанчик Дина Львовна?

- Именно так. А если вам надо что-то ей передать, то обратитесь по месту ее работы, там вам помогут. Дина Львовна была не последним человеком в представительстве автоконцерна «Ниссан». Жаловалась моей матери, что кризис их душит. А беды с другой стороны никак не ожидала, - рассудила молодая соседка.

- Я могу переговорить с вашей мамой? Возможно, она владеет большей информацией.

- Не владеет. Это раз. Покойная ни с кем из соседей не общалась, только один раз пожаловалась моей матери, наверное, совсем худо стало, вот и поделилась с первым встречным.

- А два?

- А два - моя мать лечит язву в Кисловодске, с такой занозой-дочкой, как я, легче легкого язву заработать.

Самокритична, значит, не все потеряно, - вынесла очередной вердикт Оливия Дмитриевна и сразу успокоилась по поводу современной молодежи...

В управляющей компании официального дилера автомобилей «Ниссан» Оливию Дмитриевну Михалко сразу провели в кабинет генерального директора. Он оказался мужчиной деловым – время на долгие разговоры тратить не привык, а также умным и сообразительным. Быстро разобрался что к чему, хотя, женщина постоянно сбивалась и не могла четко сформулировать причину своего визита, от сильного волнения: не так боялась сурового мужчину, как переживала, что её выпроводят из офиса ни с чем. Вернее, с чем - всё с той же сумкой-цилиндром и ее трагическим содержимым. И что прикажете тогда делать с этим трагическим содержимым? Нести на городское кладбище, выяснять, в каком квартале недавно была захоронена гражданка Рубанчик Дина Львовна, и тайно прикопать урну с прахом ее дедули в том же захоронении? Не по-людски. Но делать всё честь-по-чести у Оливии Михалко нет ни желания, ни времени, ни материальных средств. Тех средств, что ей вручила за услугу Янина Цирельсон не хватит. С какой стати она будет тратить свои деньги?! Кто ей этот дедушка? Одна надежда на коллег покойной Рубанчик, которые заберут урну с прахом.

И урну без всяких уговоров и дополнительных объяснений забрали. Директор не сказал лишних слов, лишь – «эта проблема будет решена в ближайшее время». Вызвал в кабинет молодого парня с лицом прощелыги и манерами вельможного боярина и перепоручил ему общение с «клиенткой» «Клиентку» Оливия Михалко безропотно проглотила, мысленно порадовалась – всегда мечтала стать владелицей новенькой иномарки, даже представила себя за рулем «Башмачка», как называла «Ниссан Кашкай», и отправилась пешим ходом за прощелыгой и боярином в одном лице. Правда, и прощелыга и боярин проявились в директорской приемной, а на его законной территории расцвели ярким светом. Удивительно, как «хамелеоны» умеют быстро менять свой облик. – подумала Оливия. - В кабинете высокого

начальства был пай-мальчиком, который мечтает подняться по служебной лестнице, поэтому готов оказать руководителю любую услугу, ничем не погнушается.

Прощельга-боярин без особого удовольствия забрал сумку, ключи, вскрыл замок, достал урну с прахом, при этом на его надменном лице отразился такой ужас с примесью гадливости, словно он увидел расчлененное тело. Осторожно перенес урну на подоконник, спрятал ее за портьерой, вернулся к столу, покопался в сумке и потянул за бегунок молнии на внутреннем кармане. Застежка-молния находилась под самой крышкой сумки-цилиндра, поэтому Оливия имела возможность наблюдать за действиями молодого человека. Он достал из большого внутреннего кармана сумки тонкую папку-конверт на кнопке, другой рукой, не глядя на женщину, вернул ей сумку. Та снова проявила безропотность – приняла сумку, выслушала «можете быть свободны», не перешла к спорам, а выкатилась из кабинетика маленького босса, мечтающего сменить кабинет и должность.

Оказавшись на улице, Оливия Дмитриевна зверски смяла сумку, превратив ее в подгоревшую лепешку черного цвета, после чего утрамбовала сумку в свой милый баульчик размером с дорожную сумку. Сама удивилась своим действиям, усомнилась в правильности. Покосилась на величественное здание управляющей компании с синими окнами-глазницами и поспешила отойти от здания подальше. Заглянула в тихий чистый дворик. Чуть в стороне стоял мусорный контейнер. Оливия вытащила пресловутую сумку, порядком ей осточертевшую, и, проходя мимо мусорного контейнера, случайно уронила туда черный блин. Тут же развернулась и спешно покинула тихий дворик. Но пройдя квартал, опять усомнилась в правильности своего поступка. Хорошая сумка, импортная, не очень вместительная, но устойчивая, спокойно влезет трехлитровый баллон с маринованными огурцами или солеными помидорами, которые заботливая мать постоянно таскает в дом сына. Оливия припустила в обратном направлении. На ее сумку пока никто не покушался. Осмотревшись, женщина забрала приплюснутый блин, так и лежавший сверху, на куче пока не вывезенного мусора. Благо здесь проживали сознательные граждане – выносили мусорные отходы в полиэтиленовых пакетах, пакеты завязывали, поэтому новоприобретенная вещь не пострадала. Рядом с контейнером стоял с короб из сетки-рабицы, в который складывали пластиковую тару. Культура.

При всей пакетированности мусора Михалко не решилась прятать сумку, подружившуюся с отходами, в свой «ридикюльчик». В «ридикюльчике» нашелся непрозрачный полиэтиленовый пакет из магазина брендовой одежды, туда и переехал слегка подпачканный бывший пересылочный ящик урны с прахом.

Дома Оливия Дмитриевна тщательно выдраила новоприобретенное, некогда чужое, имущество, предварительно изучив внутренности. Кроме большого кармана в сумке-цилиндре имелся еще небольшой карманчик, тоже на молнии. В нем Михалко обнаружила обертку от карамельки, свернутую жгутом. Она тоже любила скручивать жгутом обертки от съеденных конфет.

Почему-то Оливия решила, что конфету съел дедуля, и, вообще, эта сумка принадлежала ему. Янина Цирельсон упаковала урну с прахом своего деда в его же сумку. Все свое ношу с собой, – мысленно констатировала женщина, без всякой гениальной сообразительности, ляпнула и всё, хотя бы, не вслух. Могла бы и вслух, ее никто не слышит, никто не осудит. Одна, совсем одна.

Неблагодарный сын изволил позвонить – очнулся от спячки, наконец-то, без интереса спросил, как мать отдохнула, как у нее, вообще, дела. Не прошло и года! Мать с восторгом принялась рассказывать, но быстро сникла – сыну ее рассказы были по барабану. Осеклась, сделала над усилие, чтобы не раскваситься, чтобы не перейти к вываливанию обид, и каким-то чужим голосом спросила, когда он, любимый, ненаглядный, дорогой, единственный, неповторимый, соизволит забежать к матери, которая привезла «не только сувениры». Слегка интриговала, зазывала. Сын, любимый..., брякнул «как-нибудь на днях». И быстро распрощался. Как «у нее, вообще, дела», слушать не стал.

Теперь у Оливии появилась прекрасная сумка для переноса консервированных огурцов-помидоров – чем не повод нагрнуть в гости к сыну, когда его милой женушки нет дома. Мать знала распорядок работы сына, дала ему выспаться и нанесла благотворительный визит. Сын изобразил радость – и на том спасибо. Мать сразу его простила, накормила, задарила, выдраила-вычистила, выстирала-выгладила и с чистой совестью вернулась домой, позабыв прихватить удобную сумку.

Поздним вечером позвонила дорогая невестка. Раскритиковала подарки, привезенные свекровью из страны солнца-моря-песка. Спросила, где ее нижнее белье цвета шампань, не забыв поиронизировать относительно фигуры свекрови, которой ее бельишко «только на нос подойдет», и потребовала не приходить в ЕЕ дом в ее отсутствие, а то после визитов у нее постоянно пропадают вещи. И не только... На что свекровь сразу отреагировала:

- Ноги моей не будет в вашем доме.

- Вот и отлично.

Поговорили.

В сердцах Оливия хотела позвонить сыну и пожаловаться на поведение его супруги, но одумалась – все равно он примет сторону Лики.

На следующий день, прямо с утречка, все-таки нагрнула в гости в чужой дом, приобретенный на ее личные средства, как подарок к свадьбе. Без предисловий выложила на стол ключи от чужого дома, пожелала двум присутствующим здравствовать, прихватила сумку-футляр, позабытую накануне, и вышла, громко припечатав дверь.

И что сын? Ничего. Не побежал за матерью, не потребовал объяснений. И не позвонил. Ему было на ее наплевать с высокой колокольни.

Оливия его не осуждала, винила во всем себя – что-то сделала не так, что-то упустила.

И решила вновь окунуться в романтические приключения.

Но перед тем как окунуться и не утонуть, позвонила бывшей возлюбленной сына, Антонине Пеликиной, и пригласила в гости. Тоня не стала ломаться, надеялась услышать новости о Луарсабе и уже через час сидела на кухне несостоявшейся свекрови.

Оливии Дмитриевне очень хотелось поплакаться кому-то в жилетку. Тоня была лицом заинтересованным: не будет ни осуждать, ни кривиться от ненужных словесных излияний. Поддержит, поймет, успокоит. Кто, если не она.

Две женщины, любящие одного мужчину, засиделись допоздна. И поплакали, и посмеялись, и кости перемыли. Антонина жила неподалеку, но Михалко все равно отправилась ее провожать. Она не оставила без внимания, как девушка уплетала за обе щеки ее помидорчики в томатном соке, прихватила с собой гостинец, и, естественно, установила банку с соленьями в новую специальную переноску черного цвета.

- Прикольная сумочка, - похвалила Тоня, попыталась отказаться от презента, но не настойчиво.

Женщины, молодая и не очень, прогулочным шагом дошли до дома Пеликиной. Тоня жила вместе с мамой и бабушкой. В их женском царстве-государстве царили покой и взаимопонимание. После женитьбы Луарсаба на Анжелике Волчегорской Оливия Дмитриевна старалась не встречаться с матерью Тони, как будто считала себя виновной. А раньше женщины часто устраивали посиделки с чайком и тортиком. Не сказать, чтобы сильно дружили, спланивала давняя дружба детей.

- Если бы Луар женился на тебе, а не на этой, все сложилось бы по-другому, - на прощанье сказала Оливия Дмитриевна девушке. – Надеюсь, он одумается. Я знаю, ты его любишь, и он любит тебя. А Лика – это всего лишь мимолетной увлечение. Дурман.

- Нет, он ее по-настоящему любит. Луар считает, что у нас была детская любовь, которая с возрастом прошла. Остались одни воспоминания, причем только у меня. Я смирилась, ушла с головой в работу.

- Ты всегда хотела стать знаменитым химиком, как Менделеев.

- Да, хотела, - усмехнулась Тоня, - но мечты не всегда сбываются. Звезд с неба не хватаю, но моя работа в химической лаборатории большого предприятия мне нравится. Меня всё устраивает.

- Молодые люди за тобой ухаживают? – напряженно-ревностным голосом спросила Оливия Дмитриевна, забыв, что перед ней стоит не ее действующая невестка, у которой действующий муж отбыл в долгосрочную командировку.

- Не знаю. Может, и пытаются, но моя инертность их отпугивает. Я поставила крест на личной жизни. Мне и одной неплохо.

- Тонечка, все образуется, вот увидишь. Луар прозреет, это сейчас он слепой. Я приложу все силы, чтобы он к тебе вернулся.

- И что же вы сделаете?

- Перестану наносить благотворительные визиты. Поголодает, поищет чистые носки, чистые сорочки, спортивные костюмы, встряхнет головой, мир станет на ноги, он увидит перед собой совершенно чужого человека, глупого, самовлюбленного и капризного.

- Думаете?

- Уверена. Даже когда я уезжала отдыхать, все ему перестирала, перегладила, еды наготовила, продуктов закупила. Решила все бытовые проблемы. А зря. Жалость материнская, будь она неладна! Верь - все у нас получится. Иди, милая. И не забывай меня.

- Я вам сумку занесу. Хорошая сумка.

- Оставь себе. Меньше соблазнов нарушить данное себе слово.

Антонина ничего не поняла из сказанного, но кивнула и ушла...

- Ну, какие могут быть секреты от нас, заинтересованных девушек, - пристала к Оливии Нинель Сушка.- Мы тоже с Наткой свободные-мужьями не обремененные, так что давай, колись, как ты раскусила Лысого?

- Правда, Оливия, поделитесь опытом, чтобы не попасть на удочку брачного афериста, - поддержала бывшую одноклассницу Наталья Романовна Алешечкина.

- Видишь, и Натка тебя просит, не выпендривайся.

- Ладно, открою великую тайну разоблачения, - хитро поглядывая на женщин, согласилась Михалко. – У меня в роду была колдунья. Она приходится мне...

- Кончай придуриваться, - прервала ее Нинка.

- Вот черт, надо же было так обломать, - театралью вздохнула выдумщица. – Только я вошла в раж, заинтересовала Наталью, которая от напряженного ожидания покраснела, как мякоть перезрелого арбуза, и мне оборвали соловьиную песню.

- Я тебя хорошо знаю, потому и обломала. А то сейчас начнешь Ваньку валять, а у нас «цигель-цигель ай лю-лю», почти ночь на дворе, а Натку ждет... один человек. Наверное, извелся ожидаючи.

- Мужчина?

- А то кто ж! Но у них чисто дружеские отношения. Он ей обещал диван передвинуть. Да, Нат?

- Ага, - подтвердила Алешечкина, представила, как хрупкая Куприяшка двигает габаритную мебель, и прыснула. Но не покраснела пуще прежнего, что странно.

Оливия задорно дернула головой, и, подмигнув, сообщила:

- Знаем мы эти передвижения диванов.

- Не съезжай с темы! – призвала Нинель. – Ци-гель! - И постучала указательным пальцем по левому запястью, где предполагалось быть наручным часам.

- Если серьезно, то здесь сыграл случай и моя наблюдательность. И хорошая память, конечно. Иногда память дает сбой, но это я опускаю.

- Если бы проводились соревнования по самовосхвалению, ты бы опередила соперников с большим отрывом, - констатировала Сушка.

- И на том спасибо... Перехожу к главному. Это было в ту давнюю пору, когда я весила на двадцать, а то и на тридцать с лишним килограммов меньше. Только окончила институт, получила диплом и пришла преподавать в среднюю школу. Обычная школа, но директор, как сейчас говорят, продвинутой. Любил всякие новшества, приглашал разных умников, которые читали преподавателям лекции на различные темы. Конечно, лекции были платными, но плата была разумной. Думаю, директор тоже имел свою выгоду от этих лекций, но речь сейчас не о нем... Однажды в школу прибыл молодой, да ранний лектор. В том смысле, что было ему лет двадцать пять, а он уже успел стать кандидатом каких-то там наук. Точно тему его кандидатской диссертации не воспроизведу, но приблизительно, без вывертов: «Связь практической графологии с умственной деятельностью человека». Что-то в этом роде.

- Сколько лысому ежику лет, - завторила Нинка.

- Почти. В общем, молодой ученый долго читал заумную лекцию. Мне прямо врубилась в память его слова: человек берет в руки пишущий предмет, его мозг посылает сигнал в мышцы пальцев, направляя линии письма на бумаге. Все изгибы служат отражением нашего «Я». Обожаю запоминать всякую заумную чушь, которая в нормальной голове и минуты не уживется.

- Я тоже! – без причины восхитилась Сушка. – Когда училась в техническом вузе, на защите одной лабораторной работы по ТКМ – это теория конструкционных материалов – по глупости заучила, что такое клей БФ-2: это спиртовой раствор продукта совмещения фенольно-резольной смолы и поливинилбутираля. Много лет прошло, а я помню, хоть посреди ночи разбуди, я четко сформулирую. И чем наши головы забиты?!

- Ерундой всякой! И эта ерунда лежит на поверхности, - сокрушенно заметила Оливия.

- Ну-ка, повтори еще раз про пишущий предмет, - попросила ее Нинель. Та безропотно повторила и добавила:

- А ты-то, неуч, и не знала! Могу еще выше поднять твой уровень знаний. Хочешь?

Нинель азартно кивнула.

- Графология способна указать на сильные и слабые стороны человека. А теперь внимание – с помощью графологии можно вывести семейные, любовные, деловые и общественные отношения на более высокий уровень. Вот так вот. Мы не только внимали речи лектора, но и что-то воспроизводили на листах бумаги, после чего лектор собрал у нас писанину, сказал, что тщательно изучит и даст директору свои заключения.

- То есть, он вывернет вас наизнанку и сообщит директору, кого надо гнать в шею, а кого по голове гладить и конфетку давать?

- Наверное, но скажу честно, мне этот эксперимент не понравился, я почувствовала себя голой. Мы долго ждали результатов графологической экспертизы, нервничали, потом успокоились. Доверенное лицо директора через месяц сообщило, что лектор не успел провести свои исследования, попал в больницу с приступом аппендицита, после операции у него начались осложнения. Одним словом, ему было не до нас и наших почерков.

- Видать, оклемался лектор, - догадалась Наталья Алешечкина о ком шла речь. – Оливия, и вы его узнали спустя столько лет? Ведь видели всего один раз. Или я ошибаюсь?

- Тогда – один. Теперь два. Как узнала...

- У него была какая-то выдающаяся особенность? – поинтересовалась Нинель, не дав соседке договорить.

- Например, лысина, - вставила Натка, последовав примеру бывшей одноклассницы. Поняла свою оплошность и застрекотала. – В то время мужчина был молод, но уже лыс, как бильярдный шар. От большого ума облысел.

- Разве лысина – это выдающаяся особенность? – усомнилась Нинель, в очередной раз вмешавшись.

- Это сейчас он совершенно лысый, а в то время у него была прекрасная шевелюра, - подозрительно поглядывая на Алешечкину, ответила на ее вопрос Михалко. – А ты... Впрочем, не важно.

- Значит, протер плешь на чужих подушках, - развеселилась Сушка. – Вишь ты, до сих пор по свиданкам бегаешь.
- Какие его годы. Мне сорок пять, он года на три старше, - без страха призналась Оливия. – Но дело не в причёске или лысине. У молодого кандидата наук была смешная привычка брать себя за кончик нос и трясти. Никогда не видела, чтобы люди так над собой издевались. Во время лекции он постоянно трепал себя за нос. А раз руки у него были испачканы мелом – он писал на доске – то и нос тоже был испачкан мелом. Думаю, долго отучался от этой привычки, но иногда непроизвольно хватается себя за нос, когда сильно волнуется и не контролирует. Во время нашего свидания два раза тискал нос – со стола пропал блокнот, и он где-то посеял свой мобильный телефон.
- Нинель и Наталья переглянулись, во взгляде Нинель поселилось вопросительное удивление, во взгляде Натальи - предупреждение. Нинка все поняла, и не стала распространяться на тему посеянных мобильных телефонов.
- ... Потому и прикидывался глухонемым, чтобы женщины ему что-то писали, - продолжила Оливия.
- Так он сам принес блокнот для переписки, не вы? - поинтересовалась Натка, пропустившая первый момент встречи Пышки-Оливии и Лысого.
- Он, конечно. Сразу положил блокнот передо мной, дескать, давай, крапай, дурочка, а я проанализирую твой почерк и напишу научную статью на тему «Влияние одиночества на умственные способности женщины бальзаковского возраста». Когда блокнот волшебным образом исчез со стола, он залез в свой портфель. Я видела, что в портфеле лежит несколько блокнотов – близнецов исчезнувшего, но он почему-то их не достал, развел руками, дал понять, что продолжать общение нет возможности, и, вообще, время, отведенное на меня, истекло. Или фиг его знает, что хотел сказать этим жестом. Даже не предложил проводить, попрощался на ходу и пулей вылетел из кафе.
- А ты, тетя, катись колбаской по Малой Спасской, - изрекла болтливая Нинель.
- А почему он все-таки не достал новый блокнот? – влезла с вопросом Наталья.
- Думаю, у него не было чистых блокнотов, одни задействованные. Не мог протянуть мне задействованный: во-первых, чтобы я не заподозрила его в кобелизме, во-вторых, на каждую женщину у него заведено свое «личное дело». Чтобы не запутаться. Вот так вот.
- А как он вам представился?
- Он мне представился так, как зарегистрирован на сайте знакомств. Будто бы не глупый мужик, а назвался... Сейчас вы умрете со смеху. Иван Петрович Сидоров.
- Ежу понятно, что фикция-псевдоним, - пробормотала Сушка. – А бабы-дуры клюют, никто не подумал, что он может быть маньяком-убийцей.
- После таких слов Алешечкина запунцовела, как новенький огнетушитель. Но мысли не рассеялись в пространстве.
- Оливия, может быть, его на самом деле зовут Иваном Петровичем Сидоровым? Или вы вспомнили его настоящую фамилию?
- У меня всегда была хорошая память на имена, тем более, на фамилии – педагог, как-никак, пусть и с мизерным стажем, но у меня это профессиональное, наработанное студенческими годами. Но фамилию лектора никак не могла вспомнить, извелась вся. Хотела забыть о нем, но знала за собой свою черту – пока не вспомню, буду мучиться. Пришлось звонить бывшей коллеге, она до сих пор работает в той же школе. Мы с ней поддерживаем дружеские отношения. Она влезла в архив и – о чудо! – нашла договоры с гастролирующими лекторами. Что, сколько, кому и так далее. Специалист по графологии был один и звали его...
- Сидоров? – подобралась Нинель.
- Звали его мудрее, но не сложно – Борис Андреевич Пантыкин. Пока я стояла в «пробке» успела покопаться в Интернете, нашла в соцсетях своего красавца, который в нервном состоянии тискает свой кончик носа, доводя его до ярко-красного цвета. Как сейчас твое лицо, Наташа. Это ж надо, заработать такую аллергическую реакцию.

- Не обращай на нее внимания, - махнула рукой в сторону аллергика Нинель Сушка. – Лучше скажи - на фото был твой несостоявшийся жених?
- Он родимый.
- Неужели он знакомится с женщинами с определенной целью – собирает чужие почерки, пишет научную работу по практической графологии? - безрадостно спросила Натка, уже навешавшая на Лысого всех собак.
- Без всяких сомнений, потому что у него есть семья, жена и взрослая дочь. Не имей рядом сплетников, имей под рукой Интернет и данные человека.
- Интересно, как супруга смотрит на его похождения? – задалась вопросом Алешечкина.
- Супруга смотрит на его деятельность сквозь пальцы. Уверена. Это всего лишь работа, ничего личного. Далее первых свиданий с безобидной перепиской Борис Андреевич Пантыкин не идет... Но эстет – любит красивых баб, абы с кем не встречается.
- Оливия, от скромности ты точно не умрешь, - высказалась Нинель. – А сам-то он как? Симпатичный? Или страшный, как моя жизнь?
- Положа руку на сердце, признаюсь – мужи-и-ик закачаешься. Даже лучше, чем был в молодости, несмотря на лысину... Жаль, преследовал свои научные цели, дальше посиделок и переписки в кафе дело не дошло...
- Если не Борис Андреевич Пантыкин убил «Миниплатье», то кто? – подумала Алешечкина. После прихода «Миниплатья» в кафе «Магнолия» никто не входил и не выходил. Очередная «жертва» покинула «Магнолию» незадолго до прихода «Миниплатья».
- Тем временем Михалко перешла к главной теме, а Натка успела позабыть, с какой целью они нагрянули к риелтору. Цель будто была одна - чтобы риелторша подключила свои профессиональные способности для поиска нового жилья для женщины-разведенки. Но входящую в профессиональный раж Оливию Дмитриевну прервал требовательный звонок в дверь.
- Пышка по имени Оливия покатила в прихожую, и тут же раздался истерический мужской голос.
- Ты почему телефон отключила?! Я тебе несколько часов не могу дозвониться?!
- Я меня была важная встреча, я отключила мобильный телефон, потом включила, проверила, не звонил ли кто, а потом снова отключила, - преданно отчиталась хозяйка. И этим не ограничилась, - не хотелось ни с кем разговаривать, настроение хуже некуда... Хорошо, что девочки ко мне зашли, развеселили меня, - заискивающе доложила она новоприбывшему, как будто он был ее мужем-деспотом. - Я... не думала, что ты мне позвонишь. А почему на домашний не позвонил? Что у тебя за вид? И почему ты на меня набрасываешься? – Женщина попыталась вернуть себе «лицо», но говорила без возмущений, слегка стыдила, чтобы перед девочками оправдаться. - Приходит, кричит. Я не обязана перед тобой отчитываться. Мало ли, какие у меня могут быть дела. Ты мне много о себе рассказываешь? Вот и я... Луар, что с тобой? Ты болен? Ну, говори же, не молчи, - забеспокоилась она.
- Натка выглянула в прихожую. Увидела молодого мужчину, который сначала стоял, потом сполз по стене, присел на корточки и закрыл лицо руками. Вокруг него суетилась Оливия Михалко.
- Луарчик, сынок, я прошу тебя – не молчи, скажи хоть слово. Что случилось?
- Кое-что случилось. Уверен, что новость тебя обрадует, - приглушенно ответил молодой человек из-под своих ладоней.
- Если тебе плохо, то и мне плохо... Не говори загадками. Что?!
- Что, что, - с обреченностью повторил молодой человек, отнял от лица руки и впился взглядом в растревоженную мать. – Мою жену... мою Лику у-би-ли. Ее больше нет. Всё, как ты хотела.
- Лику? Убили? Ты не мог ошибиться?
- Мам, ты совсем? Ее убили? Понимаешь? Я только что из морга... Видел ее... Опознал... Надеялся, что это ошибка... А это она... Там... В холодном морге...

Оливия Михалко не заметила, как ее гости распрощались и выскользнули из квартиры. Она стояла над притихшим сыном и не знала, как его утешить...

- Значит, это сын Оливии? – на всякий случай уточнила у Нинель Натка Алешечкина. – Такой взрослый?

- Она его рано родила, лет в восемнадцать, в девятнадцать, - задумчиво пробормотала Нинель. – Надо же – Лику убили.

- Это невестка Оливии?

- А то кто ж. Ох, и зараза была эта Лика. Пусть земля ей будет пухом. Пойдем ко мне, помянем.

- Надо Куприяшку вызвонить...

Оказывается, на улице прошел быстротечный ливень, а заболтавшиеся женщины и не заметили. Катя Куприян отсиживалась в торговом центре, бродила по бутикам, подбирала себе прикид к новому учебному году в университете. Долго примеряла одежду, но купила одну элегантную косынку. Звонок подруги оторвал ее от любования красными туфлями на высоком каблуке. Цвет туфель она сравнила с цветом лица любимой подруги в период волнений.

- Соловей, я хочу домой, я устала, - заканючила Куприян в ответ на предложение вернуться.

- Есть новости, - загадочно произнесла Натка.

- Никуда не пойду и точка! – уперлась подруга. – Хватит надоедать Нинке, выгружайся от нее, я жду тебя на остановке. Всё!

Наталья Романовна распрощалась с Сушкой, забрала мобильный телефон, который Куприяшка похитила у Пантыкина-Лысого, пояснив, что сама найдет способ вернуть телефон законному владельцу.

Возвращая чужое имущество, Нинель заметила:

- Ты тоже пала жертвой этого умника-хитрована?

- С чего ты взяла?

- Признайся, это его телефон?

- Если бы я знала, чей это телефон, то не просила тебя стать посредником.

- Потому и просила, что тебе что-то от НЕГО нужно, но встречаться боязно.

- От кого нужно? И с чего ты решила, что я кого-то там боюсь? С чего вдруг?

- От Пантыкина тебе что-то нужно! От кого же еще!

- Бред. Лучше скажи, какие отношения были у Оливии с невесткой? – почти шепотом спросила Алешечкина, чтобы не ставить в известность соседей. Вероятно, особо любопытный народ уже прильнул к дверям после громких выяснений кто-кого боится.

- А тебе зачем? - тоже шепотом ответила вопросом на вопрос Нинель.

- Просто так.

- Какие отношения? Хуже не бывает. Луарсаба не могли поделить.

- Как-как зовут сына?

- Лу-ар-саб. По уши влюбился в эту Лику, а мать считала ее неподходящей партией для сына. Всё делала, чтобы сын разочаровался в жене. И Оливию можно понять: Анжелика была неприятным человеком. Таким девушкам не суждено ни понять, ни принять, ни оценить чужую любовь. Живут, как перекасти-поле.

- Но что-то он в ней нашел? – задумалась Наталья.

- Что-то нашел. Хотя... Не всегда должна быть причина для любви.

- Лика была симпатичной?

- Как сказать. На любителя. Будто бы ничего, но очень худая, святые мощи. Обожала загорать в солярии, она работала администратором в салоне красоты, на солярий не тратилась.

Натка едва не повторила действия Луарсаба, который съехал по стене и пристроился на корточках. Она только прижалась спиной к подъездной стенке.

- Худая, говоришь. И загорелая. Как мумия. А фотки у тебя, случайно, нет?

- Представь себе – есть. У Оливии был недавно юбилей, сорок пять лет, она устраивала банкет по этому случаю. Естественно, сын и его супруга там присутствовали. Пробыли недолго,

когда ушли, никто не пожалел – Лика сидела с таким презрительным видом, словно находилась на помойке среди бомжей. Потому все чувствовали неловкость, а именинница, тем более. Настроение у нее было ужасное. Что в их присутствии, что после их ухода. Вида не показывала, но нам и без слов все было понятно. Извелась бедная мать. Все для него, все для него, а в ответ ни благодарности, ни элементарной заботы. Я понимаю, после женитьбы отношения матери и сына претерпевают изменения, но нельзя резко разрывать отношения. Матери много не надо, позвони раз в день, поинтересуйся здоровьем, прими помощь, не спорь, не груби. Не станет матери, опомнишься, но будет поздно.

- Нина, ты так говоришь, будто сама это пережила.

- Не я, моя мать. Нечто подобное у нее было с моим старшим братом, ее любимым сыном. Мама ушла, теперь он понял, кем она была для него. Понял, да поздно.

- Ты фотографию с юбилея Оливии обещала показать.

Нинель Сушка быстро нашла фото и протянула Алешечкиной. Среди многочисленных гостей она заметила молодого человека по имени Луарсаб, которого видела некоторое время назад в прихожей Михалко. Рядом с ним за накрытым столом сидела девица с недовольно поджатыми губами. Девицей была та сама особа из кафе «Магнолия» - «Миниплатье».

Предчувствия меня не обманули, - подумала Наталья Романовна Алешечкина и поспешила к Куприян, чтобы рассказать ей сногшибательную новость...

Екатерина Викторовна слушала подругу вполуха - была рядом и далеко.

- Куприяшка, ты где витаешь? Тебе разве не интересно?

- Как сказать. Лысый, он же Пантыкин, не при делах, его исключаем, найдем способ вернуть ему похищенное имущество, а расследованием убийства – а это убийство, сын Оливии прямо об этом сказал - пусть занимаются следственные органы. Мы умываем ухоженные ручки.

- И больше тебе сказать нечего?

- Что сказать? – прикинулась дурочкой Катя.

- Например, что ты звонила своему дорогому Эдуарду Витальевичу Канарейкину.

- Ну, звонила, и что?

- О чем беседовали?

- О том, о сем.

- Спасибо за содержательный ответ. А вот и наш автобус. Пошли уже, скрытница.

- Все ноги промочила, - заискивающе пожаловалась Куприян, когда они устроились на сидении. – Лужи по колено... Соловей, ты что, обиделась? Мне нечего тебе рассказать. Мы перекинулись всего-то парой слов, Эдик был чем-то занят. Договорились созвониться. Он хочет собрать всех наших, устроить встречу...

- Зачем ты ему звонила?

- А зачем ты дала мне его визитку? – резонно отфутболила вопрос Катерина. – Не надо было, вообще, о нем вспоминать. Или ты хотела похвалиться? Сама мечтала с ним закрутить романчик?

- Эдик приехал сюда один?

- Если ты хочешь узнать, женат он или нет, то не знаю, открыто у него не спросила, чтобы не вызвать подозрений.

- Оливия говорила, что не надо собирать сплетни, надо иметь под рукой Интернет и данные человека.

- Твой намек мне понятен. Я постоянно отслеживаю Эдика по соцсетям... Да-да, отслеживаю, и не смотри на меня, как Ленин на буржуазию... Ни в каких соцсетях Канарейкин не зарегистрирован, поэтому никакими данными не располагаю.

- Я тоже не зарегистрирована. А вот мой бывший...

- Забудь о нем.

- Не хочу забывать, хочу ковырять рану, чуть затянувшуюся, чтобы замуж не хотелось... Как же – забудешь, - прошипела Наталья Романовна, - куда не глянь, всюду он...

- Мерещится? – бойко отозвалась подруга.

- Посмотри в окно. Это мираж?

Катя откликнулась на предложение. Автобус как раз замер на остановке, поэтому Куприян могла насладиться зрелищем. Чуть левее остановочной будки из стекла и металла стоял экс-супруг Натальи Алешечкиной, в девичестве Соловьевой, в обществе рыжей бестии, которая ему годилась в дочери. На бестии была маечка и шортики. Михаил Дмитриевич Алешечкин и его новая пассия стояли, как два борца в период захватывающего боя, с разницей лишь в том, что не переставляли ноги, время от времени закладывая одну ногу за другую, а стояли, как вкопанные. Но соприкасались головами, руки лежали на плечах.

Видимо, мысли у близких подруг сошлись, Катя озвучила продолжение:

- Интересно, он уже провел бросок и уложил ее на лопатки?

- Пойди спроси, если интересно, - с недовольством обронила Наталья. – Лично меня сей факт не волнует, пусть хоть со всем городом перекувыркается.

- Если все равно, если ты сама подала на развод, то к чему переживания? Скажи спасибо, что не стал трепать нервы...

- Много ты знаешь!

- Не знаю и знать не хочу, всё в прошлом. Проехали. Слышишь меня? Почему глаза на мокром месте? Птичку жалко?

- Себя жалею – надо было давно его бросить, время только потеряла. И кому я, старая-больная, теперь нужна? Никому, - обреченно вздохнула Алешечкина.

- Эй, старая-больная, еще немного и клиника неврозов расстелет перед тобой красную ковровую дорожку. Только что утверждала, что никто не нужен, замуж не хочу, рану ковыряю, чтобы воспоминания о «счастливой» семейной жизни не улетучились, и вдруг заныла.

- Спасибо на добром слове, в клинику неврозов я не собираюсь, моему... хм... самообладанию любой позавидует... Одно не пойму – почему выбор моего бывшего снова пал на девушку с рыжими волосами?

- Сравнила! – скривилась Екатерина Викторовна. – У тебя волосы красивого красно-рыжего цвета, а у этой спортсменки в шортах – ржавого, неприятного глазу. Помоложе не мог себе найти? - съязвила она. – И что у мужиков в голове? Что ему с ней делать?

- Знамо что, но строго по распорядку, - хмыкнула Натка и встряхнула своей рыжеволосой гривой. – Кать, как думаешь – может, мне налысо подстричься? Все начнут внимания обращать.

- А ты хочешь, чтобы внимания обращали? Тогда прогуляйся по бульвару в бикини.

- Не всем это доставит удовольствие, – рассудила Алешечкина, женщина с заниженной самооценкой.

- А ты проверь.

- В смысле, побриться наголо?

- В смысле, пройтись в бикини.

- Лучше наголо. На детских фотографиях я видела себя лысой, череп нормальный, без всяких изъянов, впадин и выпуклостей.

- Тебе больше поговорить не о чем, как о собственном неповторимом черепе?! – вспылила Катя. – Потомки найдут твоё захоронение, возьмут в руку череп и начнут рассуждать, кем была эта женщина. С таким-то черепом она обязана быть сверхчеловеком, царицей над россиянами! – закатила глаза подруга.

- Олухом царя небесного, - вторила ей Наталья. Она не раз видела по телеку, как археологи во время своих раскопок находят старинное захоронение и вертят в руках череп. Одно дело – чужой, другое дело – твой собственный. Хотя, какая ей, в принципе, будет разница, что сотворят с ее истлевшим прахом. На всякий случай, неуверенно ощупала свою голову, заросшую рыжими волосами, и проговорила себе под нос, - бедный Йорик.

- Цены ты себе не знаешь, Соловей, - вздохнула Куприян. – Что волосы, что глаза – прелесть, всем на зависть. А не умеешь правильно распоряжаться своими прелестями.

- Оливия Михалко тоже восторгалась моими глазами, назвала их малахитовыми.

- Слушай, хозяйка медной горы, а не позвонить ли тебе Канарейкину? - неожиданно предложила Куприян, - он на тебя та-а-ак смотрел в школе, я даже ревновала.
- Не придумывай. Не хочу я никому звонить. Мне нужны серьезные отношения, а не любовный роман на месяц без продолжения.
- Так нужны отношения, серьезные, или не нужны? Разберись.
- Если попадется правильный человек, если у нас возникнут друг к другу чувства, то нужны. Эдик Канарейкин – не мой вариант. Он женат – такие мужики не могут ходить в холостяках, отбивать мужа у жены не в моих правилах. Вспомни, давно ходили слухи, что он удачно женился на дочери высокопоставленного чиновника. Или не чиновника, не помню. Но тесть точно не дырка от бублика. А то ты Эдика не знаешь, у него все ходы просчитаны.
- С годами люди меняются. А ты, Натка, такая правильная, аж противно. И мужчина тебе нужен правильный. А где его взять?
- А то ты неправильная... Пока... будто бы глупостей не наделала. Я на это надеюсь. Звонок – не в счет. Зря все-таки я дала тебе визитку Канарейкина.
- Сто раз будешь повторять одно и то же?
- Надо будет, повторю и сто первый... Мы сегодня поедem или так и будем стоять на остановке и пялиться на эту сладкую парочку? – тихо возмутилась Алешечкина, не поворачивая головы в сторону сладкой парочки.
- Водитель вышел, чтобы купить в ларьке себе воды. Имей терпение... А сладкая парочка перешла от замедленной борьбы к жарким объятиям. И не стыдно ему? Нашел себе девчонку-малолетку...
- Между тем водитель вернулся с пластиковой бутылкой минералки, покрытой каплями влаги, и автобус отчалил от остановки. Сладкая парочка осталась на прежнем месте, но задержалась в памяти.
- Еще повезло, что квартира была твоей личной собственностью, родители тебе купили еще до бракосочетания с этим... гадким человеком. А то бы он не упустил возможности потягаться с тобой в суде. С этой... гниды станется.
- Тебе больше поговорить не о чем? Нашла способ успокоения – квартиру!
- Это немало, выбросил бы он тебя на улицу, осознала бы свое теперешнее счастье.
- Давай обсудим гибель невестки Оливии Михалко.
- Что там обсуждать? Что мы об этом знаем? Лишь то, что ты успела подслушать – сын Оливии утверждал, что жену убили. Значит, так и есть – ее убили. Отравили. Скорее всего, отраву подсыпали в кофе. Больше она, с твоих же слов, в кафе ничего не ела и не пила.
- Теперь полиция затаскает свекровь погибшей, как пить дать. Найдутся «доброжелатели», расскажут об их «теплых» отношениях. Удивительно, но твоя теория о клубе по интересам сработала. Смотри: Оливия под села на знакомства с мужчинами, гипотетическими мужьями, одному из них она запала в душу. Запала, но сама осталась к нему безразличной. Он не отступил, разбил у ее дома лагерь, начал преследовать... Мог чем-то зацепить, например, спросил, почему у нее глаза грустные? Что вас беспокоит? У Оливии наболело, она открылась. Поклонник обещал решить ее проблему. И решил. Оливия мечтала избавить сына от жены, поклонник Оливии мечтал заслужить ее внимание. Один хочет убить, но боится, другой не хочет, но делает это в угоду первому – с твоих слов записано верно!
- Во память! Цитирует слово в слово! Твои способности направить бы в нужное русло.
- Мне бы стать министром финансов, - мечтательно протянула Алешечкина.
- А что, ты вполне бы подошла, - высказалась Катерина, оценив подругу придирчивым взглядом, как будто на высокий пост утверждали по исключительным внешним данным. – Нашла бы себе мужика по уровню.
- Или, вообще бы, не нашла. Осталась бы одинокой: кому нужны эмансипе, которые круглосуточно пропадают на работе. Нет, это не для меня. Не хочу быть младшим помощником старшего дворника – болтаться в низах, но выбиваться в большие руководители тоже не хочу. Я отдаю предпочтение счастью в семейной жизни.

-... В семейной и личной жизни, - пробубнила себе под нос Куприян, вспомнив шутку одного приятеля. Выказанная пятидесятый раз шутка превратилась в раздражитель, Катька взбесилась, захотелось стукнуть приятеля по голове чем-то тяжелым, чтобы «переключить заезженную пластинку». Неожиданно Кате взгрустнулось, и приятель с избитыми шутками не был тому причиной. - Натка, а ты думаешь, что Оливия могла пойти на убийство ради сына?

- Откуда мне знать, у меня детей нет. Ты бы могла?

- Не знаю, - покачала головой подруга. – Если бы какая-то зараза портила жизнь моему ребенку, может быть и смогла. Чего не сделаешь ради любимого чада, которое пошло не той дорогой, заплутало, осознало, но выхода найти не способно. Кто придет на помощь, если не родная мать.

- А сын родную мать просил о помощи? Вот вопрос! Насколько я знаю, Нинель посплетничала, сын Оливии с редким именем Луарсаб души не чаял в своей женушке. Дрянь была девица, все об этом знали, кроме него.

- Всегда можно договориться с противной стороной. Или выждать время. Рано или поздно Луарсаб бы поумнел, глаза на жену открылись.

- Смотри какая она, противоположная сторона, - рассудила Алешечкина. – А ждать можно долго. Время уходит. Как у меня, к примеру. А Оливия мечтала, чтобы у сына была нормальная семья, заботливая и любящая жена, мечтала о внуках, здоровых и счастливых.

- Соловей, куда ты гнешь? Чего ты добиваешься? Чтобы мы доказали причастность Михалко к смерти невестки? Как бишь ее?

- Шабалдос.

- Я имя её спросила?

- Лика. Анжелика Волчегорская. Не захотела становиться Анжеликой Михалко.

- Мужья приходят и уходят, а фамилия остается.

- И у меня осталась на память от бывшего мужа. Но я нисколько не жалею...

- Соловей, ты мне зубы не заговаривай, куда ты меня подталкивала своими рассуждения о клубе по интересам?

- Мне бы очень не хотелось, чтобы Оливия была причастна к этой истории, - неискренне заявила Наталья. - Но других подозреваемых у нас нет. Предлагаю... разбить лагерь у дома Оливии и...

- Задолбала ты своими лагерьями, - процедила сквозь зубы Катя. Натка не обиделась на «задолбала», зыркала глазами, как нашкодивший ребенок. – Что задумала, красна девица – очи бриллиант? Простите, малахит.

- Разбить... Ай, ну тебя. Ничего я не задумала.

- Ага, так я и поняла. Ври да не завирайся, тебя глаза выдают: будто бы ты хочешь похитить человека с далеко идущими планами – пытки, казнь, обогащение, - беспечной скороговоркой проговорила догадливая особа-кандидат наук.

- Дура ты, - отмахнулась Алешечкина. – Я предлагаю последить за Михалко. Ее преданный поклонник рано или поздно проявится. И мы вплотную им займемся. Только и всего. Есть фанатичный ухажер, дело в шляпе - ясно, кто убил девицу.

- Или он нами вплотную займется: одной жертвой больше, одной меньше. Ради своей пассии он готов половину города укокошить. Любовь – штука сложная.

- Не говори ерунды. Ты согласна следить за Оливией или мне одной действовать?

- Я в отпуске, мне все равно делать нечего. Но ты-то работаешь с утра до ночи, бухгалтерские отчеты, то да се.

- Завтра позвоню начальнику и скажу, что заболела. Пойду к участковому врачу и возьму бюллетень.

- Так он тебе и дал бюллетень, - хмыкнула Катерина.

- Не он, а она, на нашем участке терапевт – женщина. От нее недавно муж ушел, даст мне больничный из солидарности.

- А у тебя откуда такие сведения?

- Так она в нашем доме живет, ее постоянно все донимают своими проблемами.
- Бедолажка, - посочувствовала незнакомому участковому врачу Наталья Куприян. – Я бы на ее месте сменила место жительства.
- А ее все устраивает – помогает людям на дому не безвозмездно, зарплата у медиков, сама знаешь.
- А что будем делать с телефоном Лысого?
Алешечкина опомнилась, достала из сумки чужой мобильник, прожгла его ненавистным взглядом и, недолго думая, выбросила из окна автобуса.
- Натка, ты сбрендила? Попадешь под контрибуцию.
- Контрибуция – это платежи, налагаемые на проигравшее государство в пользу государства победителя, - занудным голосом процитировала экономист-бухгалтер.
- Очень ценная информация в данных условиях, - поерничала Катя. – Нельзя ли помедленней, я записываю.
- И правильно я сделала, что выбросила мобильник, - беспечно оправдалась подруга. – А зачем нам этот чужой хлам? Лысый нам теперь без надобности, всю его подноготную узнали. Диагноз ясен – сволочь. Использует одиноких женщин в своих корыстных целях. Прямо, хочется ему отомстить за всех обиженных и обманутых.
- А что? Можем и отомстить. Его ФИО мы знаем. Вычислю его домашний номер, позвоню жене и открою ей тайну о наших отношениях с ее милым-дорогим супругом. Расскажу о ребенке, который вот-вот появится на свет. Бедный, бедный ребенок, безотцовщина при живом отце. Скажу, дескать, понимаю – при ее сложном заболевании трудно оставаться без опоры и поддержки, но в мое положение тоже надо войти.
- Жестоко.
- С волками жить, по волчьи выть. Где была ее солидарность с одинокими женщинами? Почему не отговорила мужа от эксперимента, пусть бы нашел другой способ сбора образцов почерков. Безоговорочно ему верила, поддерживала любое начинание, пусть теперь получит по заслугам.
- Не всегда муж и жена - одна сатана. Вдруг сбор образцов почерков это прикрытие. У кого-то собирает образцы почерков, с кем-то адюльтеры закручивает. И жена ничего не знает.
- А что? Всё может быть. Кто не понравился, тех по боку. С теми, кто сразил наповал, лямуры крутит, - озадаченно произнесла Куприян, словно пострадала от неверного любовника.
- Как быть с выдуманной проблемой?
– Открывает свое инкогнито – он не глух и не нем - тем, кто достоин высокого звания любовницы. Всего лишь безобидная шутка, розыгрыш. Он юморист-любитель, и предпочитает иметь дело с себе подобными. А ежели у женщины чувство юмора отсутствует, то это уже диагноз.
- Ноги этому юмористу-любителю надо вырвать, - с угрозой произнесла Алешечкина. – Но пусть этим займется жена.
- Правильно. И пусть это жестоко, но кто постоит за женщин, если не сами женщины, слабый пол. Жену Лысого я беру на себя.
- Куприяшка, ты палку не перегибай. Мы ее не знаем, вдруг из ревности насмерть зашибет мужа-ловеласа. Или сама умрет от разрыва сердца – все-таки стресс.
- Жалостливая ты, Соловей, - с осуждением сказала Катя. – Пожалей-ка ты Канарейкина...
- Пожалей-ка Канарей-ка, - задумчиво пробормотала Наталья Романовна. – С чего это я буду его жалеть? Ах, бедненький – ни кола, ни двора, один только дворец белокаменный, и никак пятый миллиард не соберет, - запричитала она. Вдруг опомнилась и спросила, - Катя, ты по голосу догадалась, что у Эдика проблемы?
- А чего это ты встрепенулась? Свято место мечтаешь занять? Впрочем, почему бы не занять. Он привлекателен, ты чертовски привлекательна. А глаз он на тебя еще в школе положил...
- Сейчас я тебе в глаз дам.
- Рукоприкладство карается законом Российской Федерации, - улыбнулась Катерина.

Натка в ответ тоже улыбнулась, а потом неожиданно расхохоталась на весь автобус, вызвав недоумение у пассажиров.

- Соловей, ты чего ржешь, как конь? Смешинка в рот попала? Расскажи мне, я тоже посмеюсь. Смех вдвоем меньше шокирует публику.

- Я... хи-хи... вспомнила, как мы... хи-хи... в седьмом классе... хи-хи... с тобой на кладбище ночью ходили... хи-хи.

Тут и Катька закатилась хохотом. А вспомнить было что...

Как уже известно, Катерина была влюблена в Канарейкина с первого класса. С каждым учебным годом любовь развивалась, углублялась, мучила безответностью, которая – о счастье! – чередовалась редкими спусками идола Эдуарда Витальевича на более низкий уровень, к средним величинам. Первое полугодие седьмого класса Эдик был влюблен в дочь директора школы, которая училась в уже в девятом. Вторую половину, с перерывом в какую-то несчастную неделю, ставшую для Катьки безумно счастливой - он «ходил» с ней, Эдик посвятил неожиданно возникшей на небосклоне звезде школы – циркачке, которая в свои детские годы уже работала в цирке-шапито воздушной гимнасткой. Пока цирк был на гастролях в их городе, девочка посещала занятия в школе. Не регулярно - днем проходили репетиции. Врала, конечно. Воздушной гимнасткой она не была, ее мать дрессировала собачек, дочь ей помогала. Отец был клоуном. Вранье очень быстро раскрылось – дети пришли на представление. Но чувства Эдика обман не остудил. Куприян казалось, что до циркачки Канарейкин ни к кому не был так привязан. По школе ходили уверенные слухи, что Эдуард Витальевич хочет податься в циркачи, даже набирается опыта, целыми днями убирается в слоновнике – мечтает стать дрессировщиком слонов, проходит все этапы. Но Катя и Наташа не поверили. Чтобы Эдик – интеллигент-белоручка - выгребал навоз?! Никогда! Катька верить не хотела. Натка ей поддакивала, чтобы уберечь от необдуманного шага. Катька собиралась скормить циркачке десять упаковок слабительного. Недавно Катькина соседка что-то не то съела, у нее случилось пищевое отравление со всеми вытекающими последствиями. Соседку лечили всем домом, обращаться к врачам та боялась – не хотела оказаться в «заразном» отделении больницы скорой помощи, чтобы не подхватить более страшную болячку. В итоге организм соседки обезводился, она чуть не умерла, спасли врачи. Натке не жаль было циркачку, жаль подругу, которая будет всю жизнь мучиться осознанием того, что стала виновницей чужой смерти. Соловьевой мерещились страшные картинки: организм циркачки обезводился, она стала похожей на скелет, обтянутый кожей. При затрудненном передвижении скелет ужасно скрипел – сказывалось отсутствие смазки. Случайно споткнулся о незамеченный предмет, упал и развалился на запчасти.

Соловьева решила отвлечь подругу от... убийства, никак иначе. Сочинила историю о старинной книге, которую якобы однажды держала в руках с благоговением. Держала, но не более того. Отрывок из старинной книги ей прочел один родственник, известный историк. Откуда у него появилась эта книга, он не сказал. И просил никому не раскрывать тайну. Не видела, не держала, не знает о чем в ней. Видимо, у самого зашкаливало чувство восторга от неожиданного приобретения, потому поделился новостью о приобретении с маленькой девочкой. Маленькой, да удаленькой – та запомнила отрывок слово в слово, но до поры, до времени помалкивала. Пока не появилась необходимость.

Чтобы не выдать себя - не раскраснеться, как «обесточенной» божьей коровке, - изобразила из себя взрослую женщину, которая заботится о коже лица – нанесла маску из свежей клубники. Дело было после майских праздников, первая клубника стоила немислимых, по тем временам, денег, но ради подруги Натка пошла на жертву: отправила ягоды не только в рот, но и использовала не по детскому назначению. Для Катьки ей не жаль было клубники и потраченных на клубнику денег, тем более, это были чужие деньги - клубникой ее угостила родственница, у которой, со слов матери, «денег куры не клюют». Родственница не занимала высоких постов, не имела нескольких высших образований - работала в салоне красоты, лопатой гребла чаевые щедрых клиентов. Мать Натальи с трудом выносила родственницу

мужа, считала ее легкомысленной позеркой, но терпела ее визиты в свой дом. Родня мужа, как никак. И обожает ее дочь...

Но речь не о родственнице. О клубнике, которой она угостила Наташку. Наташка пригласила Куприян, чтобы вместе полакомиться. Пока та шла, придумала историю о таинственной книге, вымазала клубникой лицо, чтобы себя не выдать. Катька тоже вымазала лицо, чтобы лицо не старело. После нанесения маски, девочки принялись уплетать остатки. Натка великодушно передала инициативу подруге, которая с удовольствием угощалась ранней клубникой. Но напонила: надо обязательно загадать желание, когда что-то ешь первый раз в этом году. Катерина зажмурилась и просидела так целую минуту – пыталась донести до загадочного исполнителя, чего ей хочется больше всего. Чего хочется подруге, Соловьева догадалась без дополнительных вопросов, без всякого колдовства. Но на помощь – заветное желание обязано исполниться – призвала именно колдовские силы. Якобы в старинной книге было написано: кто хочет, чтобы его самое-самое заветное желание исполнилось, должен пойти ночью на кладбище и прогуляться среди могил не менее часа. При этом петь «взвейтесь кострами синие ночи» и шагать строевым шагом. Катька не уловила несоответствия современного гимна пионеров Советского Союза и старинной книги, очередным владельцем которой стал историк, родственник. Причем Натка не забыла проникновенно сообщить, что книге, которую она держала в руках совсем недолго, не меньше трехсот лет. Сболтнув про пионерский гимн, опомнилась, да поздно было. Катька гимн «проглотила», открывшаяся тайна воодушевила ее на подвиг. Заветное желание тотчас озвучила – вырвалось ненароком, а подруга утвердилась в своей догадке: Катерина мечтает заполучить любовь Эдуарда Витальевича Канарейкина.

Соловьева пыталась отвлечь подругу от криминальных мыслей относительно циркачки, которая обещала в скором будущем помахать ручкой и перебраться с гастролирующим цирком в другой город, и ей это удалось. Катя боялась, что Эдик одурманен девочкой-соперницей и последует за ней, поэтому готова принести любые жертвы, даже отправиться ночью на кладбище, которое, кстати сказать, располагалось неподалеку от ее дома, всего-то на расстоянии одной остановки общественного транспорта. Было в городе еще одно кладбище, новое, за городом, старое расположилось в черте города, туда идти было сподручнее. И не так страшно – на этом сошлись обе: все-таки кладбище очень старое, со старыми захоронениями, если покойники по ночам и шатаются, то прыть не та, что у «молодых» с нового кладбища.

И Куприян уцепилась за спасительную идею. Подсказке из книги огромное спасибо, Натке великое спасибо за хорошую память.

Конечно, спасительную, в полном понимании этого слова: и циркачка жива, и Эдик, после обряда с пионерским гимном, к ней вернется и останется с ней навсегда. Как иначе – все-таки сказано в старинном книжном писании.

Ничего подобного Соловьева не ожидала от Катерины, которая до жутиков боялась покойников. Любовь, чего не сотворишь ради нее.

Катька торопила, Натка тянула время, утверждала, что совершать обряд надо в полнолуние, до полнолуния оставалась еще неделя. Натка наводила справки у бабушки, живущей под руководством лунного календаря: все важные дела надо совершать в период роста луны. Но Куприян была непреклонна, ждать «с моря погоды» не собиралась. Ее решительности могли позавидовать бесстрашные космонавты.

Майской ночью девочки отправились на кладбище. Родителям сказали, что переночуют друг у друга. Отдать подругу на съедение покойникам Натка не могла, тем более сама заварила кашу.

Итак, девочки без проблем проникли на кладбище, ворота были лишь прикрыты, но не закрыты на замок. А Наталья так надеялась...

- На-а-ат, ведь не обязательно маршировать среди могил? Можно пройти по главной аллее? – дрожащим голосом уточнила фанатка Эдика Канарейкина.

- Думаю, можно, - смилостивилась Соловьева. – По аллее маршировать лучше и... эстетичнее, - повторила она недавно услышанное слово, которое ей очень понравилось. Смысла особо не поняла, но понравилось. Благородное слово. Как оно связано с маршировкой по ночной аллее старого кладбища, оставалось только гадать. Гадать Натка не собиралась, старалась выглядеть прожженной всезнайкой.

Катка дернула головой – то ли поблагодарила, то ли сказалось нервное перенапряжение.

- Я слова забыла, - пожаловалась она. – Может, споем что-то другое? Мне нравится: Венсеремос, венсеремос... - дальше последовала череда непонятных слов, отдаленно похожих на слова гимна чилийской партии «Народное единство». Песню часто передавали по радио, Куприян подпевала и кое-что запомнила. – Мы победим, - приглушенным голосом сообщила она кладбищенским окрестностям, подняла вверх невыдающийся кулачок и потрясла кулачком над головой.

- Ты в своем уме? – возмутилась вдохновитель безумной идеи. – Где мы, а где Виктор Хара, чилийский певец.

- Мы на кладбище, он, думаю, тоже где-то похоронен, - резонно заметила Катерина.

- Не в том дело, - отмахнулась Наталья, настроенная по-боевому.

Страх исчез, хотелось доказать самой себе, что пройдет по кладбищу, не побоится, и тогда... Все у нее будет хорошо. У нее тоже есть мечта...

Так прониклась новой идеей, что позабыла одно - идея родилась в ее нездоровом воображении.

– Понимаешь, Катенька, - взрослым уверенным голосом обратилась она к озадаченной подруге, - в данном случае, песня имеет немаловажное значение: она должна соответствовать нашему уровню, нашему настоящему, - выкрутилась она. Домашняя заготовка сработала. Готовилась, ждала, что вопрос у Катки все же возникнет. – Мы с тобой пионеры, что если не «Взвейтесь кострами...»

Катерина озадачилась, но другой альтернативы «Кострам» предложить не смогла.

- Ладно, - согласилась она, - пусть будет «Взвейтесь кострами», но я забыла слова. Начало помню, а потом, как отрубил. Что дальше? Ты, Наташенька, запевай, а я тебе подпою.

Наташка расправила плечи, оценила слабо освещенную главную кладбищенскую аллею, вздернула подбородок и пошла, печатая шаг, как на смотрах строя и песни.

- Взвейтесь кострами синие ночи, мы пионеры, дети рабочих, близится эра светлых годов, клич пионера всегда будь готов...

Натка увлеклась, попыталась абстрагироваться от спящей вечным сном действительности, и не заметила, что за ней никто не следует, никто не подпевает, никто не печатает шаг. Очнулась где-то на середине аллеи, когда сбоку замаячила фигура в накинутом на голову саване. Слова «... мы выступаем за комсомолом» застряли в горле. Ноги приросли к старому асфальтовому покрытию. Натка зашаталась и бухнулась на пятую точку. Фигура наступала. Натка оцепенела от ужаса. О подруге, которая могла умереть от разрыва сердца в эту ужасную минуту, она, конечно, думала, но больше думала о своей выходке с сочинительством, проклинала тот день... Все в таком духе. Больше всех досталось Эдуарду Канарейкину. Больше, но не много – времени не хватило, покойник наступал.

Саван на покойнике был старым, дырявым во многих местах. Видимо, покойник давно следил за порядком на старом кладбище, поизносились одежонка.

ОНО наступало и наступало за незваную гостью, заслужившую наказание за дерзость.

- Извините, - шевелила губами Соловьева, стараясь задобрить покойника-стража.

Забыла о проклятиях по разным адресам, сосредоточилась на замаливании вины за вероломное вторжение на чужую территорию. Чем ближе ОНО подходило, тем отчетливее просматривалась накидка, очень похожая на тюль. Почему-то глаза у ОНО находились в районе живота. Глаза светились жадным огнем мщения.

– Я больше не буду, никогда, - клятвенно пообещала девочка, сидя на пятой точке, и отдала пионерский салют покойнику. Пытая точка чувствовала острый камень, но до камней ли было Соловьевой, если на кону собственная жизнь.

Глаза покойника-стража начали быстро вращаться – явно выказывал возмущение.

- Я обещаю – никогда не приду сюда ночью, никогда вас не побеспокою. И... никогда... не буду обманывать люде-е-ей, - расслюнявилась пионерка.

- То-то же, - сказал покойник голосом Куприян и скинул саван из тюля. «Покойник» загоготал страшным голосом и объявил, - ничья – 1:1. Думала, я тебе поверила? Ха-ха! Больше не будешь так себя вести? – нравоучительным голосом спросил «покойник».

Насмерть перепуганная Наталья Соловьева никак не могла взять в толк, кто перед ней. Присматривалась, голову склоняла то в одну сторону, то в другую. Неужели подруга? Как она умудрилась ее раскусить, перехитрить? Откуда взяла старый тюль и два фонарика, которые держала под тюлем в руках, изображая светящие глаза на уровне живота? На кучу вопросов нашлись ответы. Куприян призналась, что сразу раскусила подругу, на лице которой была клубничная маска. И заранее подготовилась, припрятала в укромном месте нужные для розыгрыша вещи.

Домой они возвращались под пионерский гимн. Долго смеялись, дожидаясь рассвета на детской площадке в деревянном домике. Катька получила прозвище «Венсеремос», а Наталья – «Кающаяся пионерка».

Приключение быстро забылось. В детстве всё быстро забывается, помнится только первая любовь. Хотя... после случая на кладбище Натке долго снились кошмары, но подруге она не рассказывала.

С годами в памяти всплывают любые трогательные мелочи. Сейчас, спустя годы, Наталья Романовна могла спокойно вспоминать об инциденте. И заходиться смехом.

- Весело нам было в то время, - отсмеявшись сказала Натка.

- И не говори, душа моя...

Когда сын ушел, и Оливия осталась одна, она, наконец, смогла распротиться с ложным горем и возрадоваться привалившему счастью – ее «дорогая сердцу» невестка больше не будет портить жизнь своему мужу, ее сыну.

Захотелось включить музыку и исполнить бешено-ритмичный танец. Но это будет уже перебор. Чтобы совладать с рвущимся наружу пиром во время чумы, Оливия принялась мыть посуду, но при этом тихо напевала немудреную песенку. Справившись с домашними делами, вспомнила о выключенном телефоне. Едва включила, как ей посыпались сообщения – этот абонент – сын – звонил пять раз, с работы звонили три раза. Неизвестный абонент звонил один раз.

- Позвонит еще, - вслух успокоила себя Михалко, швырнула телефон на полку в прихожей, и с удобством устроилась в кресле перед телевизором.

Не успела взяться за телевизионный пульт, как ей слышались непонятно-подозрительные звуки из прихожей.

У меня мания преследования, - сделала скорый вывод женщина. Но поднялась с кресла и проверила прихожую на предмет источника непонятного звука, при этом мысленно себя осуждая, – точно, мания преследования. Забудь, сделай вид, что никакого постороннего звука нет.

Был звук, еще как был. И набрал силу.

Ни с того, ни с сего, некогда здравомыслящей женщине, в меру бесстрашной, захотелось позвонить в полицию, но вовремя одумалась – известно, какими эпитетами ее наградят полицейские за ложный вызов. Но звук откуда-то идет!

Оливии пришло на ум, что это душа невестки нагрянула к ней в дом после безумной радости свекрови. Скрывать свою радость свекровь не стала, невестка пришла с целью воздать по заслугам. Будет шататься привидением по квартире, нарушать мир и покой, замаячившие на горизонте после ее гибели.

- Это мышь! – излишне громко сообщила своим квадратным метрам Михалко – некогда здравомыслящая дама. – Без сомнения, маленькая глазастенькая мышка... Скребется и пищит, - добавила она сдержанно-вопросительно – сомнения все-таки ее одолевали. Но надо с ними,

с сомнениями, как-то бороться. Например, путем собственного убеждения. - Раньше никогда не было грызунов, теперь появились.

Тучная Оливия принялась шагать на месте, как заправский военный на плацу. Потом подсакивать, как дама в мультфильме «Фильм, фильм, фильм», в руках которой была хлопушка с номером дубля. Как резко стартанула, так резко и замерла. Навострила уши. Звук прекратился. Оливия выдохнула и вернулась в кресло. Только взялась за телевизионный пульт, как снова в прихожей что-то зашелестело.

Или он меня доконает, или я выясню, что происходит, - подумала женщина.

Для выяснения неспешно двинулась в сторону прихожей, постояла там в позе глубокой задумчивости, после чего, кряхтя и посылая проклятия своему весу, встала на четвереньки – потому что звук шел снизу, в районе пола, и принялась исследовать место на предмет установки источника нервнопаралитического звука. Возмутитель ее спокойствия продолжал заходиться сочетанием скрежета и шелеста. Дама задумалась о покупке мышеловки – самое простое и проверенное годами средство борьбы с непрошенными гостями в осенне-зимний период.

Но бежать за мышеловкой в хозмаг было поздно, терпеть свой испуг, постепенно переходящий в настоящее безумие, не имело смысла - этак можно дойти до психоза.

Благодаря усилиям и смекалке женщина выяснила, что странные звуки издает ее обиженный мобильный телефон, который птицей слетел со стеллажа с полками, чудом просочившись в щель между полкой и стенкой. Раз у стеллажа нет задней стенки, то почему-бы не просочиться, не полетать. Полетал и совершил приземление на нижней полке, закапавшись в непрозрачном полиэтиленовом пакете, который хозяйка неаккуратно свернула и забросила пониже, чтобы на глаза не попадался. А так как мобильный телефон стоял на беззвучном режиме, то звуков не издавал, только «выплесывал» - шелестел в скомканном пакете, постукивал по нижней полке.

Звонивший абонент Оливии Дмитриевне был неизвестен. Недолго думая, она ответила. Каково же было ее удивление, когда узнала, кто ей звонит - пропавшая Янина Цирельсон. Та сразу начала каяться:

- Оливия, извините меня, пожалуйста. Не подумайте, что я отдала прах деда и умыла руки. Но в тот же день, когда мы с вами встретились в аэропорту, произошла еще одна личная драма – скончался мой супруг. Мое сердце не выдержало – у меня случился сердечный приступ, оказалось - инфаркт. Я попала в больницу, чудом выкарабкалась. Долгое время провалялась на больничной койке, врачи запретили мне всякое общение с внешним миром. Только сегодня мне вернули телефон, и я смогла вам позвонить. С сестрой никак не могу связаться. Вы с ней виделись?

- Янина, даже не знаю, как вам сказать, - промямлила опешившая от неожиданности Михалко.

- Говорите, как есть. Мысленно я уже ко всему приготовилась.

- Дело в том, что произошла автокатастрофа... Когда ваша сестра спешила в аэропорт. Она превысила скорость... Но прах вашего деда я передала ее коллегам. Если быть точной - генеральному директору холдинга. Он меня принял и обещал... решить проблему.

- Раз обещал, то так и будет. Я знаю об этом ответственном человеке со слов сестры. Они с Диной совместно учредили фирму... Но несмотря на частные разногласия в делах, по жизни... у них сложились... прекрасные отношения. Ничего такого не подумайте: он счастливо женат, сестра... была очень серьезным человеком, одиноким, но к своему одиночеству давно привыкла, на чужого мужа не претендовала... Как мне ее жаль. Такая молодая, еще бы жить, да жить. И здоровье было на зависть молодым, и материально обеспечена, а вот... так случилось. Все мы смертны... да... Жаль сестрицу... Как жаль... Когда я приду в себя, то обязательно приеду в Россию, чтобы отдать дань памяти и ей, и дедушке.

Почему-то Оливия не поверила ни одному слову Янины. Начало выглядело правдоподобным – действительно, ее муж скончался, она попала в больницу с инфарктом. Сожалела о гибели двоюродной сестры искренне, что естественно. Но потом слишком бравурно высказалась о прекрасных отношениях сестры с тем самым директором, с которым Оливия пришлось

встретиться. Странно одно – зачем сочинять? Оливии абсолютно не важно, дрались они на шпагах или крутили любовь на протяжении долгих лет совместной работы. Ей не показалось, что мужчина был сильно раздосадован гибелью коллеги. Искренне остался безучастным. Более того – с трудом скрывал победоносную улыбку. Возможно, ей это только показалось, она совсем не знает этого человека. Вдруг это гримаса скорби. Или в тот момент он думал о некоем радостном событии, которое незадолго до этого произошло – переваривал в уме, смаковал, а тут явилась дама с урной.

Пока Михалко раздумывала над сочинительством Цирельсон, та рассуждала о тоске по Родине, вспоминала деда, который упокоился там, где и хотел.

- Интересно, каким был ваш дед? – неожиданно вырвалось у Оливии. – Не сочтите это праздным любопытством, но его прах несколько недель был в моем доме, я долго думала о покойном, представляла, каким он был при жизни, чем занимался.

- Дед был строгим и к себе, и к окружающим, - в резкой форме ответила Янина – так наболело, что не сдержалась: видно много крови у нее выпил старикан. Тут же смягчилась, зачем докладывать постороннему человеку об их сложных отношениях. К тому же деда уже нет. Что было, то прошло и больше не вернется. - Каким был мой дед? Я не помню, как он выглядел в период моего детства, совершенно стерлось из памяти. Запомнился высокий рост, громкий голос, в котором постоянно присутствовали раздражительные нотки. Я его всегда побаивалась.

- С годами он изменился?

- Превратился в сухопарого старика, предпочитавшего одиночество компании. Наверное, слишком бурной у него была жизнь, на закате захотелось вакуумной тишины. Он злился, когда я без предупреждения к нему приходила. Или, когда я говорила слишком громко. В него пошла... Обычно старики плохо слышат, а мой дед этим не страдал. И раздражался по любому поводу, надо было обладать огромным терпением, чтобы не сорваться... Простите за откровенность... Нельзя плохо говорить об ушедших людях, но я не могу не признать, что моя любимая мамочка рано ушла из жизни благодаря своему отцу, он ее довел до психического заболевания. Причину смерти так и не установили, но мне до сих пор кажется, она наложила на себя руки. В то время я еще училась в школе. Дед старательно оберегал меня от подробностей.

- Кем ваш дед был по жизни?

- В советское время крутился среди партийной городской элиты, был не в самых верхах, но и не последний человек в Горкоме партии. Вышел на пенсию еще до запрета коммунистической партии, и тут не прогадал. Показательно положил партбилет на стол, превратился в демократа, выслужил хорошее место - в девяностых стал директором городского кладбища. Но долго там не поруководил, говорил, что годы уже не те, а то бы все «гайки позакручивал». Сами знаете, какие безобразия творятся в этом бизнесе. А деду в то время уже было около семидесяти. Не думаю, что возраст стал причиной увольнения, на нем еще можно было пахать, как говорил за глаза о старике мой муж. Денежное местечко, что и говорить, а на денежное местечко всегда найдется много желающих. Деду собственная жизнь была дорога. И не боец он вовсе, одна показуха. Постоянно бахвалился своими принципами, а никаких принципов у него не было, кроме одного – моя хата с краю, я ничего не знаю. Любил прятаться за чужие спины и жить безбедно. В общем, ушел он с очередной руководящей должности, перебрался к нам, мы уже жили в столице, засел дома и начал чахнуть. Силушка-то еще есть, голова работает, а приложить силушку и ум некуда. Каким бы деспотом он не был, а все-таки родная кровь, жаль его стало. Хотели отправить его в санаторий, развеяться, но он наотрез отказался. Говорит, лучше сразу туда, где раньше работал, уже и местечко себе приготовил рядом с женой покойной и дочерью. У моего мужа был строительный бизнес, совсем небольшая фирма. Все бы ничего, но кто-то запустил руку в карман фирмы. Муж грешил на прораба. Мой дед узнал о наших проблемах и предложил свои услуги: пойду, говорит в твою банду обычным рабочим, покручусь среди людей, поварюсь в котле. Куда тебе, - отмахнулся муж. Дед распахивался, применил прием и уложил

мужа на обе лопатки, тот не успел оказать сопротивление. Попытался высвободиться, но не тут-то было – победа осталась за семидесятилетним стариком. Пришлось мужу согласиться: иди, чем черт не шутит, вдруг и правда вычислишь злодея. Поначалу прораб отказался принимать на работу «старое барахло», так он обозвал деда. Муж не мог за него заступиться по понятным причинам – нельзя раскрывать родственную связь. Тогда старик продемонстрировал фокус с длинным гвоздем, который согнул двумя пальцами. После этого стал полноправным членом строительной бригады и одновременно – нашими глазами и ушами. Как оказалось, воровал не прораб, а заместитель мужа, его ближайший друг, которого муж не мог заподозрить. Он умело подставлял прораба. Вскоре бывший друг неожиданно умер от непонятной болезни. Причины мы не знали. Муж был так на него обижен, что даже на похороны не пошел. А наша фирма стала процветать, пошли заказы. Но недолго музыка играла: на фирму «наехали» крутые ребята – обычный для того времени передел собственности. Наша фирма была лакомым куском. Муж пытался воевать, в итоге его чуть не убили, он был тяжело ранен при взрыве автомобиля. Погиб его личный водитель, он же охранник. Мы распродали имущество и уехали из страны. И деда с собой прихватили. Сначала он не соглашался, но потом смирился. К Дине, дочери его сына, перебираться не захотел – они безумно любили друг друга, но постоянно грызлись, как кошка с собакой. У обоих характеры, не приведи Господи. Не уступчивые оба, и верховодить любили. Дина мне тогда сказала: «Только дела с собой заberi, он меня в могилу сведет своими придирками». Приблизительно то же мне сказал и дед.

- Как звали вашего дедушку?

- Рубанчик Спиридон Аркадьевич. Я всё плохое давно забыла. Светлая ему память. И Диночке моей, сестренке любимой.

Ни сейчас, ни в первую минуту, когда Михалко сообщила Янине печальную новость, та не проронила ни слезинки. Оливия решила, что женщина находится под действием каких-то препаратов. Или сработала защитная реакция организма.

Следующий вопрос Цирельсон озадачил Михалко.

- Оливия, а куда делась сумка, в которой находилась урна с прахом деда? Она у вас?

- Н...нет, у меня сумки нет, - проблеяла Михалко. - Я передала... всё коллегам вашей двоюродной сестры.

- А вы бы не могли еще раз их навестить и забрать сумку. Естественно, ваши труды будет оплачены. Могу перевести деньги на ваш банковский счет прямо сейчас, только мне нужны реквизиты. Пусть сумка побудет у вас, а когда я приеду в Россию, надеюсь, это произойдет через пару месяцев, не раньше, мы встретимся, и вы мне передадите сумку.

Оливию Дмитриевну терзал вопрос: за каким чертом Янине понадобилась сумка-цилиндр, пусть не старье-рвань, но и не стоимостью «миллион долларов». Вопрос был готов сорваться с языка, но она вовремя сдержалась: не надо влезать в чужие дебри, и без того заставила женщину распинаться.

Михалко твердо пообещала вернуть сумку без всяких дополнительных благодарностей, и распрощалась с Яниной Цирельсон, выпрыгнувшей как черт из табакерки в день, насыщенный событиями...

В тот же вечер Оливия Дмитриевна позвонила Тоне Пеликиной. Она и так хотела ей звонить, чтобы сообщить новость, для кого-то убийственную, а для свекрови и соперницы – обнадеживающую, а теперь нашелся повод – сумка-цилиндр. Тоня не обидится, если Михалко потребует свою-чужую собственность, она ей все популярно объяснит. Кто же думал, что «реквизит» понадобится хозяйке.

Естественно, речь сразу зашла о гибели Анжелики. Тоня не знала о произошедшей трагедии и начала сокрушаться. Жалела-жалела погибшую супругу своего любимого мужчины, даже слезу пустила, но Оливия быстро ее осадил:

- Ах, оставь, понимаю, что ты сейчас говоришь искренне, без прикрас – тебе, действительно, ее жаль – молодая, спорно-красивая, но я скажу прямо – туда ей и дорога!

- Оливия Дмитриевна, - с осуждением вступила девушка, - подумайте о сыне, он очень любил свою жену. Не представляю, как он переживет такое горе.
- Не он первый, не он последний. Переживет, и мы с тобой ему поможем.
- Я? Нет, я не хочу предлагать свою помощь, Луар... еще подумает... на меня.
- Что подумает? Что ТЫ отравила эту замарашку? Я тебя умоляю! Ты будешь последней, на кого падет подозрение. Ты букашку не обидишь, не то, что живого человека.
- Анжелику отравили? Но как это произошло?
- Луарчик подробностей не знает, результатов вскрытия пока нет. Но уже с полной уверенностью можно сказать, что это было преднамеренное убийство. Лика умерла прямо в кафе, на глазах у посетителей. Она пила кофе, только успела пригубить. Но в кофе отравы не обнаружили. Думаю, ее раньше отравили, до прихода в кафе. Наступило время «Ч», и она умерла. Луар сказал, что утром она ни на что не жаловалась, была привычно всем недовольна и раздражительна.
- Это он сказал, что была недовольна и раздражительна?
- Это я говорю! А он выразился иначе – Лика не выпалась, бедненькая – муж уходил на работу, ее, спящую, поцеловал и получил по полной. У Лики сегодня был выходной, никаких планов она не строила. Со слов Луара. Ага, не строила – кот за ворота, мыши в пляс! Пока муж трудился, жена «обезьяну водила по городу». Доводилась – нарвалась на неприятность.
- Кто же так мог с ней поступить?
- Ты на меня думаешь? Думай, что хочешь, мне все равно. Главное – путь свободен, действуй, милая.
- Оливия Дмитриевна, я на вас не думаю, что вы, но... мне кажется... у вас должно быть алиби на то время, когда ее отравили.
- Откуда я знаю, когда это случилось. Может, два дня назад, может, неделю, а может, и за два часа до смерти. Все зависит от самого яда. Кому не знать, как тебе, ты же химик по образованию. Вскрытие покажет, что за яд, какой срок его действия, потом начнут выявлять круг подозреваемых...
- Они еще долго мусолили злободневную тему, высказывали предположения, заболтались, и Оливия забыла о сумке, которая неожиданно понадобилась Янине Цирельсон.
- Ладно, завтра забегу к Пеликиным перед работой, - решила Михалко.
- Как оказалось, Антонина улетела первым рейсом в Москву в командировку. За всеми событиями забыла сказать ей об этом. И с чего вдруг она будет ей докладывать о каждом шаге? Кто они друг другу? Пока никто. Но это пока.
- Время терпит, - подумала женщина и не стала говорить матери Тони о причине своего раннего визита. Им было что обсудить – неожиданную смерть невестки...
- Следующие дни были заняты подготовкой к похоронам. Причиной смерти, по словам патологоанатома, являлось отравление неизвестным ядом. Вероятнее всего, специалисту состав яда был известен, но он распространяться не стал, в заключении о смерти написал следующее – умышленное отравление. Без указания отравляющего вещества.
- С момента принятия яда до момента смерти прошло не менее двенадцати часов. Об этом сообщил следователь и приступил к допросу вдовца. Луарсаб рассказал, что накануне у Анжелики был рабочий день, домой она вернулась позже обычного, после двадцати двух, отказалась от ужина, приняла ванну и легла спать. Следователь бросил ответный шар - предположительно яд попал в организм молодой женщины вместе с вином. Луарсаб вспомнил, что в тот день у коллеги Лики был день рождения, все сотрудницы салона красоты ели торт и пили вино, и, насколько он осведомлен, все остались живы. Отмечали праздник в конце длинного трудового дня, после чего разошлись по домам.
- Следовавшая везде за сыном мать, в том числе и в кабинет следователя, не удержалась от комментария:
- У моей соседки недавно кошка умерла. Тоже ни на что не жаловалась, а потом брык и не дышит. Соседка вызвала на дом ветеринара, надеялась спасти свое сокровище, а тот приехал и только покрутил пальцем у виска. Соседка возмутилась и потребовала вскрытия. Хотела

узнать причину смерти домашнего животного. Ветеринар ответил, что и без вскрытия ясно – животное отравили. Хозяйка кошки не стала долго думать, сразу сообразила, кто является отравителем – старик с первого этажа, которого раздражают все и вся. Особенно кошачье мяуканье. К старику часто навещался внук на собственном автомобиле, продукты привозил, возил деда по врачам. Хозяйка покойной кошки выждала момент и поколошматила битой автомобиль внука – отомстила.

- И что было дальше? – с интересом спросил следователь.

- А дальше все как обычно – на мою соседку завели уголовное дело, но после того, как ее зять выплатил потерпевшему денежную компенсацию в необходимом размере, тот забрал свое заявление, дело закрыли.

Оливия с опаской покосилась на сына, безучастного к разговору. Обычно он осаживал мать, которая начинала от безудержного волнения болтать безумолку пуще прежнего, но не сейчас. Только в его глазах промелькнуло злорадство: не одному ему худо, хозяйке кошки тоже не сладко пришлось...

Следователь, успевший опросить коллег покойной Анжелики Волчегорской, дополнил рассказ вдовца о праздновании дня рождения в салоне красоты. И Луарсаб, и его мать ловили каждое слово. Но Луар смотрел на следователя с недоверием, а глаза Оливия Дмитриевна Михалко светились тайной радостью, как у преступника, которому удалось «перевести стрелки» на невиновного...

И снова занялись подготовкой к похоронам. На следующий день им обещали выдать тело.

Анжелику проводили в последний пусть честь по чести, после чего сын и мать разошлись по своим берлогам. Сын сосредоточился на спасительной работе, мать занялась своими рутинными делами, к сыну не лезла, не звонила, не опекала. Решила – время лечит. Она подождет. И Тоня подождет, дольше ждала...

Антонина Пеликина вернулась домой вечером пятницы. Оливия набралась наглости и потревожила уставшего человека. «Честно» все рассказала. Дескать, это сумка ее приятельницы, она была у нее в гостях, приятельница испекла огромный пирог, отрезала часть и всучила ей. Оливия отказывалась, показывала на свою забитую всякой всячиной сумку, говорила, что не донесет, пирог раскрошится. Тогда хозяйка нашла выход из положения, еще раз переполовинила подарочный кусок пирога – чтобы поместился на дно сумки-цилиндра и сунула в руки гостю. Сумка-цилиндр поселилась у Михалко, она уже думать о ней забыла, решила, что сумка – не временный квартирант, постоянный жилец, но не забыла о своей ценности бережливая приятельница.

- Конечно, я верну сумку, прямо с утра к вам и забегу, - пообещала Тоня. В голосе не проскользнула обычная приветливость.

- Я сама найду, - сказала Оливия, путаясь в догадках. На этом они и распрощались.

Субботний день выдался невероятно жарким, побил все предыдущие температурные рекорды. Чтобы не слоняться по пеклу, Михалко отправилась к Пеликиным часов в девять. Знала, что мать и бабушка Тони встают рано, а Антонину тревожить не обязательно, пусть высыпается после командировки.

Но вся женская компания была уже на ногах. Тоня куда-то спешно собиралась и выглядела возбужденной, а мать и бабушка давали ей советы.

Оливия отказывалась проходить в квартиру, но ее затащили и усадили пить кофе с гренками. Она пила кофе и наблюдала за судорожными сборами своей потенциальной невестки. Тоня заметила ее пристальный взгляд и коротко пояснила:

- Еду на природу с компанией.

- Большая... компания?

- Большая, - на ходу бросила девушка и скрылась в комнате.

Мать и бабушка, не сговариваясь, потянулись за ней. Из комнаты снова слышались важные указания и споры. Гостье стало неловко – пришла некстати, сидит и не уходит.

Решила дождаться хозяев, поблагодарить за кофе, забрать сумку-цилиндр и двинуть по своим делам.

Антонина так неожиданно вернулась, что гостя, погруженная в свои думы, чуть не подпрыгнула на стуле. И скорее всего, подпрыгнула, потому что стул под ее весом предупреждающе застонал. Тоня не обратила на звуки внимания, продолжила свой монолог, как ни в чем не бывало:

– Давно собирались вместе отдохнуть, уже и день назначили, потом планы у всех изменились, а вчера поздно вечером мне позвонили и сказали, что все остается в силе, и чтобы я, как штык, была готова к указанному времени, отговорки не принимаются. И приказали мне взять на себя уговоры одного приятеля, который уваливает от компанейского отдыха.

- Уговорила? – рассеянно спросила Оливия Дмитриевна.

- Целый час убила на уговоры, в итоге он сдался, - с такой радостью сообщила девушка, как будто спасла приятеля от гибели.

- Не сиди на солнце, получишь солнечный удар, - нравоучительным тоном произнесла будущая свекровь, переставшая быть несостоявшейся. Невольно подключилась к воспитательному процессу двух женщин – матери и бабушки Антонины.

- Тонечка, может не поедешь? – проскрипела старенькая бабушка. – Что-то у меня душа не на месте.

- Мама, перестань, - цыкнула на старушку Тонина мать. – Не век же девочке за наш подол держаться. Пусть поедет, развлечется.

- С кем ты хоть едешь? – пристала бабуля. – Вот, молчит и молчит. Слова из нее не вытянешь.

- Сказано – с компанией, - хмыкнула Антонина. – Вы их не знаете.

- Быть такого не может, - заявила ее мать, - мы всех твоих друзей знаем. Сама еще смеялась – все проверенные годами!

- Заводских-то мы не знаем, - с осуждением вставила бабушка. – Тонечка на заводе почитай три года работает, могла с кем-то сдружиться. И что они за люди? Вдруг нелюди? Чего ты меня глазами прожигашь, Верка? Попомнишь мое слово – не надо ей ехать на природу с этой компанией.

- Типун тебе на язык, - разозлилась Вера Пеликина. – Тонечка, не слушай ее, поезжай, отдохни, ни о чем не думай. Вода в реке небось теплая, как парное молоко. Но далеко не заплывай.

- Мам, я хорошо плаваю.

- Знаю я, что хорошо. Береги себя.

Оливия посчитала себя лишней, незачем злоупотреблять чужим гостеприимством, попрощалась и поспешила на рынок за огурцами и зеленью. Собралась мариновать огурчики...

Несколько дней Наталья Алешечкина и Екатерина Куприян следили за Оливией Михалко. Никаких подозрительных личностей вокруг нее не увивалось. Время летело незаметно, результатов не было, с понедельника Натка выходила на работу, срок больничного листа, увы, истекал.

Для более комфортной слежки за объектом Катька позаимствовала у собственного мужа в собственном гараже семейный автомобиль. Семейным его считала Катерина, муж Иванов считал его своей личной собственностью, под страхом смерти его никто бы не заставил передать ключи кому-либо, тем более супруге, обладательнице честно полученных водительских прав. Но обладательница имела скромный опыт вождения. Откуда взяться опыту, если муж трясется над своей машиной, как над малым дитятей, влезает с советами, обзывает жгучую брюнетку пустоголовой блондинкой, одним словом – рвет и мечет, когда жена садится за руль. Он, естественно, устраивается рядышком, на пассажирское место, постоянно елозит ногами в поисках педали тормоза, не газа уж точно. Как было сказано – обзывает, рвет и мечет. Подсказывает в ненужный момент, раздражая малоопытного водителя. Водитель начинает суетиться, дергаться, совершать ошибки, незначительные, но

терпению несдержанного наставника приходит конец. В итоге временный водитель и наставник, к радости последнего, меняются местами.

В командировки Иванов отправлялся по железной дороге, но ключи от авто прихватывал с собой во избежание потери транспортного средства – это в крайнем случае, для него любая царапина на блестящей поверхности смерти подобна, нож в сердце, не меньше.

- О жене Иванов думает в последнюю очередь, - каждый раз утверждает Катерина, когда они впахиваются в забитый народом общественный транспорт. – А могли бы ехать с комфортом. Но разве Иванова уговоришь дать мне ключи?! Носится с машиной, как с писаной торбой! Машина для нас или мы для машины?

И каждый раз подруга парирует:

- В первую очередь Иванов думает о тебе. Тебе не дано мастерски научиться управлять четырехколесным другом. И мне не дано. И не мы одни такие. Ничего страшного, будем ходить пешком или ездить на автобусе.

- Откуда возьмется мастерство, если сидеть рядом с водителем?! Опыт нужен! О-пыт!..

Обсуждая слежку за Оливией Михалко, они снова вступили в дискуссию о необходимости пересесть «на колеса». Помянули кто добрым, кто недобрым словом заботливого мужа Кати. После чего призадумались.

- Как ты себе представляешь слежку за объектом, который передвигается на автомобиле? Мы будем следом бежать или подкупим водителя маршрутки? - поиронизировала Куприян.

Алешечкина согласилась:

- Не вариант. Надо что-то придумать. Предлагаю нанять такси.

- Гениальная идея! Далеко ли мы уедем? Таксист довезет нас до ближайшего полицейского участка.

- Не придумывай, - отмахнулась Натка. Хитрое лицо подруги вызвало интересе. – Что? Есть идея?

- Есть! Надо всего лишь дойти до гаража, открыть его, сесть в автомобиль и... ездай куда хочешь!

- Но предварительно вызвать профессионального угонщика, чтобы он вскрыл замок и научил запускать авто без ключа, - на автомате продолжила Наталья.

- Я не свой гараж имею в виду, - загадочно проговорила Катерина. – А ты подумала, что я говорю о своем гараже? Вот и ошибаешься.

- До... какого... гаража ты предлагаешь дойти? Если ты имеешь в виду... мой гараж, то я категорически против. Не дам тебе свою машину на убой! Не дам и все!

- Вообще-то, я хотела угнать чужой автомобиль, - лукавила Катька. – А что с того? Покатались бы и вернули в целостности и сохранности.

- Где ты, Куприяшка, там веселье и смех.

- Соловей, тебе респект, что напомнила о своем драндулете. А я-то позабыла, что у тебя тоже есть четырехколесный друг. Как купила его, так и поставила в гараж на вечное хранение... Сколько уж лет назад?

- Четыре, причем купила в тайне от Алешечкина, чтобы он губу не раскатывал на мою машиночку. Пусть она подержанная, пусть ей цена три рубля в базарный день, но убивать ее не дам. Купила за свои кровные.

- А мою значит убивать можно?

- Со своей ты будешь обращаться бережно, чтобы твой Иванов тебя в асфальт не закатал.

- Спасибо на добром слове.

- Ключи не дам!

- Я и не прошу, свой автомобиль имеется, получше некоторых...

- Автомобиль-то имеется, только ключиков от него нет. Тю-тю ключики, уехали вместе с Ивановым.

Катька «достала кролика из шляпы» - потрясла перед лицом подруги связкой ключей.

- Как чувствовала – умыкнула в последний момент у Иванова ключи от машины, - похвалилась она. - Он всегда их с собой таскает, не расстается. Вот скажи – зачем ему ключи в командировке, если автомобиль стоит в гараже?

- Глупый вопрос...

Алешечкина несказанно обрадовалась похищенным у Иванова ключам – ее машина будет и дальше стоять мертвым грузом в стареньком отцовском гараже. Надо бы переговорить с местным гаражным автослесарем, чтобы «поставил машину на ход». На всякий случай...

Если жизнь начала меняться, пусть перемены коснутся всех ее сторон. Была Натка безлошадной, станет Натка водителем экстра-класса, а там... еще какое-нибудь событие подтянется.

Катерина права – нужен опыт вождения. Реанимируют специалисты Наткин автомобиль, находящийся в коме, она сядет за руль и поедет... Поедет по улицам города, а вокруг машины, машины, а в них мужчины, мужчины...

Сначала Куприян водила машину неуверенно, у Алешечкиной тряслись от страха колени, но потом ничего, Катя освоилась, Натка успокоилась.

За всю неделю произошло всего два события, заслуживающих внимания – похороны Анжелики Волчегорской и последовавшее за ними гениальное открытие. Именно гениальное открытие подтолкнуло подруг перейти в фазу бурной деятельности.

Но обо всем по порядку.

На похороны Анжелики Волчегорской Екатерина Викторовна Куприян отправилась без боязни быть узнанной – ее там никто не знал, а Алешечкина попыталась преобразиться. Не в индианку. Просто нацепила парик, купленный в магазине и оставивший о себе недобрую память, скрыла глаза малахитового цвета за темными солнцезащитными очками. Полюбовалась на себя в зеркале и нахлобучила на голову панамку. В таком виде предстала перед подругой. Катя, недолго думая, стянула с ее головы панамку и выбросила в окно автомобиля.

О дне похорон им сообщила Нинель Сушка, которая не смогла присутствовать на траурном мероприятии по уважительной причине. Причина – вредный начальник, не пожелавший дать ей отгул. Прочитировал сквозь зубы «отгул за прогул», и предложил покинуть его кабинет. Так выразительно посмотрел, что Сушке не захотелось спорить. В противном случае, пришлось бы писать заявление по собственному... Свою жалобу на вредного начальника она озвучила Куприян, и успокоила – ее на траурном мероприятии не будет.

Куприян бродила среди людей, которые пришли проститься с покойной, Алешечкина пялилась на покойную с явным недоверием. Девица, прозванная ею «Миниплатьем», лежала в гробу, как живая. Натке казалось, что сейчас у нее в руках окажутся очки, как там, в кафе, она примется цеплять их на переносицу, стягивать на кончик носа - приглядываться к присутствующим здесь людям. Оценивать степень трагизма. Победителем бы вышел супруг безвозвратно ушедшей. Он не плакал. Но он рыдал в душе, это было отчетливо видно по глазам, которые, как известно, являются зеркалом души. В душе большим комом скопилась скорбь вперемешку с вечной любовью, жалость тоже присутствовала.

Наталья Романовна считала себя психологом. Пусть и дилетантом. Дилетантство заканчивалось на границе своя-чужая жизнь, существовало в рамках собственной жизни. Отсюда и долгое внутрисемейное разбирательство.

Итак, Луарсаб Михалко рыдал в душе, страдал не для показухи. Мать поддерживала его, что-то шептала на ухо. Едва ли он ее слышал.

Во время мимолетного контакта подруги сошлись во мнении, что Луарсаб очень любил свою жену. Этот тот случай, когда время не лечит. Или должно пройти достаточно времени, чтобы кто-то мог заменить ему Лику.

Свекровь вела себя нервно. Как человек, у которого совесть нечиста. Куприян ловила каждый ее взгляд. Подруги не рассчитывали, что убийца наберется наглости и заявится на прощание с жертвой, скончавшейся в расцвете лет от его руки, но вероятности не исключали: муки совести его точно не мучают, в своей неуловимости он был уверен, боялся ему нечего.

Раз убил человека, рука не дрогнула, но с головой точно не дружит, поэтому предугадать его дальнейшие шаги затруднительно. Не известно, что ему взбредет в голову, с которой он находится в сложных взаимоотношениях. Вожжа под хвост попадет, и припрется на кладбище, не сможет отказать себе в желании лишний раз увидеть объект своей безумной страсти. Речь не о жертве: объект страсти - Оливия. Недаром она ощупывает цепким взглядом всех присутствующих на погребении, словно ищет кого-то. Ищет, пока не находит, нервничает. Бойтся, скорее всего.

Обнаружить подозрительного субъекта - потенциального убийцу, который обязан сновать неподалеку, решила Наталья, не посоветовавшись с Катериной. Алешечкина была уверена, что убийца, член клуба по интересам, куда входит и Оливия Михалко, не примкнет к честной компании, а будет околачиваться в зоне видимости объекта страсти - выказывать моральную поддержку. Иное мнение у самой Оливии, объекте страсти. Она считает, что у приятеля совсем другое на уме: ему терять нечего, ее безопасность в его власти. Попала на крючок. Спокойствие и уверенность в завтрашнем дне в обмен на любовь.

Натка предположила, что убийца, к примеру, замрет у чужой могилы и изобразит горевоспоминание-покаяние: у вас свое горе, у меня свое. Замереть-то замрет, и изображать будет, но главное - будет посылать мысленные флюиды своей пышнотелой пассивности: я здесь, я с тобой... Хорошо или плохо, что он с ней, - вопрос из высшей математики, не всем доступен.

Даже болтливые женщины способны «защитить рот», если под угрозой их устоявшаяся жизнь, доверие самого близкого человека - сына. Сын никогда не простит. Никогда не поймет. Поэтому Оливия, в быту болтушка высшего сорта, но считавшая себя молчуньей из молчуний, никогда не признается в соучастии в отравлении Анжелики даже под страхом смерти, даже под страшными пытками. Не обронит ни слова-намека в полупьяном бреде. Будет контролировать не только слова, каждый жест, каждый взгляд. Как разведчик на вражеской территории.

Так рассуждала Наталья Алешечкина, придирчиво изучая окрестности кладбища в поисках подозрительного субъекта, у которого «свое безутешное горе».

Он может заявиться на кладбище.

Он обязательно заявится.

Он не имеет права не заявиться.

Потому что он чрезмерно навязчив. Потому что страдает от буйно-помешанной любви. С легкостью дал согласие временно не встречаться, с такой же легкостью забрал обещание. С буйно-помешанных и взятки гладки. Что на руку двум подругам-сыщицам.

Придет голубчик, никуда не денется, - мысленно проговорила Наталья. - Его появление - угроза для Оливии... Да-да, угроза, еще какая. Мужчина непредсказуем. От любви до ненависти чуть-чуть. Решение? Избавиться от него, пока не поздно. Тем же способом, каким избавились от Анжелики? Отправить!..

Убойная догадка ударила Алешечкиной в голову не хуже удара молнии. Женщина слегка качнулась, едва не упала, но вовремя придержалась за ограду чужого захоронения.

Отравить подельника, - про себя повторила Наталья. - У Оливии нет другого выхода. Кто свяжет два убийства совершенно незнакомых людей?.. Нинель Сушка рассказывала, что Лику отравили каким-то неизвестным ядом. У Оливии обширные связи и знакомства, яд мог случайно оказаться у нее... Именно яд свяжет два убийства. Полиция начнет рыть землю, искать людей, которые общались и с погибшей девушкой, и с погибшим мужчиной. Оливия не тупица, она всё понимает. Поэтому... ей нужно отравить еще несколько человек, чтобы на нее не пало подозрение... И она ЭТО уже совершила... Ой, мамочки, до чего же я додумалась...

Наталья не сдержалась и посмотрела на Михалко. Оливия не могла спокойно стоять на месте, как будто у нее под ногами горела земля.

Понимает, что сотрудники следственных органов не оставили без внимания свое мероприятие. Тоже рассчитывают обнаружить злоумышленника.

Михалко на взводе.

Он здесь!..

Катерина заметила, что ее подругу куда-то понесло. Но она не двинулась за ней, слишком выгодную позицию заняла – сзади убитого горем вдовца и его матери, вертевшей головой, как сова – практически на триста шестьдесят градусов. Но стоявшая позади неприметная и незнакомая особа ее не занимала. Оливия явно искала взглядом кого-то конкретного.

В этом мнения подруг сошлись, даже на расстоянии, сказано – всю сознательную жизнь знают друг друга.

Долго бродить среди могил Алешечкиной не пришлось. Метрах в десяти от места прощания с Анжеликой Волчегорской, возле гранитного надгробия, склонив понуро голову, стоял мужчина. Неприметный, в потертых джинсах и рубашке-поло темно-серого цвета. Роста выше среднего, средней комплекции, на голове ежик из слегка посеребрённых волос.

У бывшего супруга Натки были волосы цвета перезрелой пшеницы и ужасного качества – тонкие, ломкие, торчащие в разные стороны. И нет бы взять и состричь эти космы-лохмы, так нет, гордился своей... своим черти что. Натка мысленно называла его Иванушкой-дурачком. Именно такая прическа была у сказочного героя на картинках в детских книжках. В книжках Иван не был дураком – себе на уме был парень, с выдумкой, чего не скажешь о Михаиле Алешечкине. Разве взрослый мужик в здравом рассудке затеет любовь-морковь с малолеткой? Нет, конечно. Тем более, не будет афишировать с ней отношения, обниматься-зажиматься у всех на виду. Алешечкину нужна такая же дура, как он сам... Поделом... Рассчитывает на ее фоне выглядеть сверхгениальным... Поделом... Одно обидно – не рассталась через полгода после свадьбы, когда поняла, что за человек рядом с ней. Не он ее унижал, сама себя унижала терпением, безвольностью.

Да, надо было с ним давным-давно расстаться, – некстати подумала Натка, медленно пробираясь к одному мужику – с ежиком на голове и размышляя о другом. – Чего, спрашивается, ждала? Надеюсь, всё само собой изменится? Грянет гром, Иванушка-дурачок превратится в красавца принца... Горбатого могила исправит, гром и молния не превратят человека с массой комплексов в свободную личность широкой душевной организации.

Решить свои проблемы, избавиться от комплексов с помощью другого человека, человека тебе подвластного, возможно, – так считал бывший муж, а Натка поняла это слишком поздно. Он ее использовал – решал, избавлялся, тем самым передавая всё ей. Как в одной сказке – бери мое добро и горе-злосчастье в придачу. Добром ее не обеспечили, но проблемы на голову нахлобучили: комплексы разрослись, как бурьян в переменчивое лето.

Наталья Романовна, ну, ты нашла подходящее место для размышлений о личном, – опомнилась Алешечкина.

За ненужными и неуместными размышлениями не заметила, как добралась до мужика с ежиком.

Мужик за это время успел очнуться. Поставил букет цветов в вазу на гранитном постаменте, провел ладонью по фотографии на надгробии, постоял и присел на скамейку. Получилось, что сел лицом к траурному мероприятию, которое подходило к логическому завершению. Кладбищенские работники резво забрасывали землей могилу, куда до этого опустили гроб с телом покойной Анжелики Волчегорской.

Как показалось Наталье, мужик с ежиком исподлобья следил за безмолвным действием. Она подтянулась ближе, постояла, потом начала прохаживалась туда-сюда, не выпуская мужика с ежиком из вида. Курсировала за его спиной, выискивая причину для разговора. Находясь от мужчины в дальней точке ограниченного перемещения, впивалась глазами в его лицо, жаль был виден только профиль – то левая сторона лица, то правая. Головой мужчина не вертел, был сосредоточен на гранитном надгробии, точнее – на фотографии. Или... на траурном мероприятии, проходившем строго по курсу. Натке вдруг захотелось, чтобы незнакомец не имел отношения к Оливии Михалко, к гибели Анжелики, чтобы он не разыгрывал личную трагедию у чужого захоронения, скорбел по-настоящему.

И еще захотелось рассмотреть фотографию на надгробии и прочесть выбитую на нем надпись. Любопытство распирало. Натка была почти уверена, что мужчина печалится или по матери, или по жене, или по ребенку. Только в этом случае проводят ладонью по фотографии. Выражают любовь и тоску одновременно. Другое дело с фотографиями мужчин-покойников. Да, есть и тоска, и любовь, но гладить... не по-мужски. Так считала Наталья. Но она могла ошибаться. У каждого человека свои способы выражения чувств, страданий.

Если всё так, как я думаю – он скорбит по жене, ребенку или матери, то сразу разворачиваюсь и ухожу: мужик с ежиком не при делах, - дала себе установку Алешечкина. – В противном случае, начну к нему присматриваться... Заведу светскую беседу. Почему, нет... Тема всегда найдется...

Как назло, ничего умного в голову не приходило. Стоит Натке вспомнить бывшего, пожалеть себя, куда девается боевой настрой, улетучиваются желания всех мастей. Было бы о ком жалеть! Радоваться надо. Получила вольную без особых препятствий, иди на все четыре стороны. Избавляйся от «горя-злосчастья» - борись с приобретенными за годы семейной жизни комплексами. И она уже борется. Только странным способом – влезает в чужую жизнь. Влезает туда, куда ее не просят. По собственной инициативе. А инициатива, как известно, наказуема.

Но она вышла за рамки собственного мирка. В другом мире, большом и непредсказуемом, оказывается живут люди. Много людей. Со своими комплексами и проблемами, которые они решают... неординарно. Создают клуб по интересам.

- Один хочет устранить человека, но не способен это сделать, ему на помощь приходит другой человек. И делает это ради первого, ему в угоду, преследуя свои цели, корыстные. Или бескорыстные: ему ничего от него не нужно, лишь бы позволял быть рядом, - пробубнила себе под нос Алешечкина, находясь в дальней точке своего неменяющегося маршрута. – Но раз ему что-то нужно взамен, то это ли не корысть? Потом ему захочется чего-то еще, например, любви. В этом вся человеческая сущность – всегда чего-то хочется. Если человеку ничего не хочется, значит, он умер...

Довольно рассуждений, пора переходить к действиям, - уже про себя проговорила Наталья Романовна. - Забыла о постороннем, не отвлекаешься, настраиваешься на светскую беседу... Допустим, это именно тот человек, которого мы с Катей разыскиваем несколько дней. Правильнее – ловим его на живца, на Оливию Михалко. Ему захотелось попридти на траурной церемонии, наверное, у него были на то свои причины. Безобидные, никаких тайных угроз, предупреждений. Он знал, чем ему это грозит. Но желание увидеть возлюбленную, хоть краем глаза, перевесило опасность. Поэтому продумал все варианты, и могилу заранее выбрал, не наобум пришел. И могилка «подходит» по всем статьям, и видимость хорошая... Оливия Михалко может быть под подозрением у следствия, в связи с чем все ее контакты находятся под контролем. Любовникам встречаться нельзя. Нельзя, но очень хочется, хоть краем глаза, хоть издали. Пусть оценит его любовь, его бесстрашие. Ради нее на всё... Но каков профессионал – изображает горе-несчастье так убедительно, что не подкопаешься.

Алешечкина сменила курс «за спиной» на курс по «по левому флангу». Но не стала дефилировать туда-сюда, как прежде. Подобралась к незнакомцу ближе, но так, чтобы не попасть в поле бокового зрения – всего в нескольких метрах от него. И все равно не имела возможности рассмотреть ни фото, ни надпись на надгробии. Еще один шаг и есть опасность быть замеченной. Придется ретироваться ни с чем, потому что он сразу заподозрит ее в преднамеренном знакомстве.

Конечно, лучше топтаться сзади, дышать, как перепуганная лошадь, спасавшаяся бегством от опасного зверя, - с укоризной в свой адрес подумала Наталья Романовна. – Так он точно заподозрит неладное.

Она глубоко вздохнула, как перед погружением в воду, и неспешно двинулась по узкой тропе, мимо сидящего на скамейке мужчины с ежиком, мимо интересующего ее надгробия. Посчитала нормальным, если будет пялиться на все надгробия: ищет нужную или просто из любопытствуует.

Мужчина пребывал в глубокой печали и не обратил никакого внимания на среднестатистическую женщину. Что было обидно. Забылись слова «пусть любят меня такой, без прикрас». На что Катя реагировала с юмором: «Соловей, ты тоже ухоженная женщина, тебя жизнь «уходила».

Но гордая Алешечкина все же замедлила шаг возле мужчины, оставшегося безучастным к ней, к женщине, «ухоженной» жизнью. Изобразила праздное любопытство, ничем не подкрепленное, на миг переключилась на другое надгробие, вновь вернулась в интересуемому.

Или он полный кретин, потерявший от любви к Оливии голову, или я чего-то не понимаю, - подумала Алешечкина. – Или всё очень хорошо понимаю и осуждаю.

С фотографии на гранитном памятнике на нее осуждающе смотрел мужчина. Вполне себе ничего... был бы, если бы не обстоятельства, в которых он оказался. И кого-то он ей напоминал. Натка зыркнула на «Ёжика» и поняла, кого. На фото и живьем был один и тот же человек. И звали его, судя по надгробной надписи, - Соломон Евграфьевич Шефов.

Натка совершила круг почета вокруг могилы и вокруг живого, сидящего на скамейке, встала у него за спиной, в непосредственной близости. И пусть слушает ее взволнованное дыхание, раздражается ее обществом, но она хочет убедиться в своем хорошем зрении. Или в плохом, в ошибке, в путанице, в чем угодно, но она должна разобраться.

Как ни была сосредоточена, но заметила, что на свежий могильный холмик знакомые и родные Анжелики Волчегорской положили венки из искусственных цветов и живые цветы, на скорую руку помянули усопшую и потянулись к выходу с кладбища. Катку тоже наградили рюмкой водки, она покрутила ее в руках, после чего – о ужас! – опрокинула рюмку в себя. Ее рюмку вновь наполнили, она вновь опрокинула рюмку в себя. Сразу оживилась, проснулась от полуспячки. Орлиным взором окинула окружающее пространство, заметила подругу и поспешила к ней. В это время подруга, как назло, решала важную проблему с собственным зрением. Рядом с ней выросла нетрезвая фигура, которой предстояло в ближайшем будущем сесть за руль любимой игрушки Иванова.

- Недобрый день, - вежливо обратилась Куприян к незнакомцу и развела руками, два понятия, что не в ее силах сделать сегодняшний день добрым.

Мужчина в ответ кивнул. Наталья крепко ухватила Катерину за локоть и стала подталкивать ее плечом, придавая ускорение. Зрение у Катерины всегда было стопроцентным, а после рюмки выпитого спиртного еще и развязался язык, что не удивительно. В купе могло создать массу ненужных проблем. Натке самой хотелось докопаться до истины, но без участия красноречивой особы. Догадки не мелькали северным сиянием, умные мысли ретировались, их место заняли глупые, неоригинальные.

Хрупкое полупьяное тельце превратилось в тяжелейший танк – не сдвинуть, не унести. Выталкивающая сила в заурядном женском обличье взяла временную передышку, которой воспользовался «танк» по имени Екатерина. Она почувствовала полную свободу, бесстрашно проникла за ограду, на территорию чужого вечного спокойствия, взгромоздилась на скамейку и сочувственно вздохнула.

- Дела-а-а, - прокомментировала она свои глубокие мысли, ошибочно предположив, что успела их озвучить.

- Катюша, нам пора, нас ждут, - прошептала подруга.

- Кого-то ждут, кого-то не ждут, - рассудила Куприян, хотела еще чем-то сразить наповал, но мысль где-то забуксовала.

Как оказалось, не мысль забуксовала, а некое открытие. Катка чуть не свалилась с деревянной скамьи на металлических ножках, рассмотрев между философствованиями фотографию на гранитном надгробии.

- Ну и дела-а-а. - На этом раз она расширила свое умозаключение, вложив в него крайнее удивление. – И что же теперь?

Мужчина не понял, куда она клонит, но на всякий случай сказал:

- Будем жить. Ничего другого мне не остается.

- И это правильно, - поддержала его решение Куприян и лихо хлопнула ему по плечу. – Надо признать – тебе несказанно повезло.
- А вы знаете, что произошло?
- В подробности не посвящена, - уклонилась от прямого ответа Катя.
- Катюша, нам пора, - просюсюкала Наталья. – Все уже ушли.
- И пусть, - отмахнулась подруга. – Нам с ними не по пути.
- Мне тоже пора, - поднимаясь на ноги, сказал мужчина с ежиком на голове. Понизил голос и печально произнес, - прощай, брат.
- Так это ваш брат? Брат-близнец? – наконец, догадалась Наталья.
- Конечно, а вы что подумали? Что я пришел к себе на могилу?
- Лично я подумала, что вы...
- Катя, тебе лучше помолчать, - прошипела Алешечкина и взяла инициативу в свои руки, - мы подумали, что вместо вас погиб кто-то другой, его похоронили под вашим именем. Вы долго были без памяти, не могли назвать свое имя, но выздоровели, и память восстановилась... Все бы хорошо, но друга больше нет, увы, его не вернуть.
- Погиб мой брат. Роковая случайность. Меня рядом не было, потому все так вышло. Мы с братом с институтских времен увлекались альпинизмом... В тот раз я не пошел с ребятами в горы. Все опытные. Не одно восхождение за плечами... Если бы я был рядом.
- Трагедия произошла немногим больше года назад? – спросила Наталья, прочитав на памятнике дату смерти.
- Да, весной прошлого года. Теперь мне дорога в горы закрыта. Не могу рисковать своей жизнью, один у матери остался.
- Катюшка попыталась влезть с вопросом, Натка знала, что ее интересует – есть ли еще женщина, которой он дорог? – поэтому быстро перевела разговор на другую тему:
- Мы сегодня похоронили невестку нашей хорошей знакомой. Совсем молодая женщина, а умерла.
- Ее отравили, - уточнила словоохотливая Куприян.
- Надо же, - безэмоционально высказался мужчина, погруженный в свою грусть...
- Оказавшись рядом с автомобилем, Наталья с недоумением посмотрела на транспортное средство, словно забыла, на чем они приехали на кладбище. Отчаянная женщина Катерина достала ключи, шелкнула брелоком и бесстрашно полезла на водительское сидение. Наталья постаралась перевести всё в шутку:
- Кто тут временные, слазь, кончилось ваше время.
- Ты думаешь, я не могу? Ошибаешься, я всё могу!
- Кто бы сомневался. – Алешечкина вежливо вытянула водителя с места, забрала ключи и неуверенно посмотрела на машину в целом, намекая, что ее красота и целостность недолговечна.
- Подруги вместе посещали автошколу, но после сдачи экзаменов и получения водительских прав, Натка за руль не садилась. Ставил ее только что купленную машину в гараж дорогой друг Иванов. Спрашивается, зачем тратила деньги - покупала автомобиль? На этот вопрос Алешечкина отвечала расплывчато: чтобы было.
- Но сейчас у нее не было выбора – придется самостоятельно управлять чужим транспортным средством. Не бросать же машину здесь, возле кладбищенских ворот, в самом деле. Мужчина без имени, но с отчеством и фамилией – по брату-близнецу, заметил ее озабоченную неуверенность и поинтересовался причиной. Натка не стала ходить кругами – честно объяснила.
- Я могу вам помочь?
- Можете, если доставите нас до места.
- Без проблем. Меня Ростиславом зовут, - назвалса он. От беспричинно-нахлынувших чувств к мужчине, озвучившему свое имя, Катюшка полезла обниматься. Повисела на шее, встала на ноги и обратилась к подруге:
- А ты чего стоишь без дела?! Обними человека, поблагодари за отзывчивость.

Оказывается, причина имелась, но не обязательно выражать свою благодарность подобным, обнимающе-висящим, способом.

- Катюша, успокойся... Это Катя, - представила Алешечкина неугомонную подругу.

- Я уже догадался.

- А меня зовут Наталья.

- Очень приятно. – Мужчина сел за руль, две женщины скользнули в салон, и мужчина тронул автомобиль с места.

- Я немного вздремну, - предупредила с заднего сиденья Куприян.

- Спокойной ночи, малыши, - пожелала Натка с переднего сиденья.

- Я всего лишь вздремну, - напомнила подруга, сладко зевнула и соловело проговорила, - сейчас немного отдохну и буду в вашем полном распоряжении.

- И это правильно, отдыхай, - успокоилась Алешечкина и тихим голосом обратилась к Ростиславу, - у Кати оригинальная реакция на спиртное. Вообще-то она не пьет... Но сегодня такой день... Предложили помянуть усопшую, и Катя не могла отказаться.

Думала, что монолог перетечет в диалог, но Ростиславу Евграфьевичу Шефову не было никакого дела до усопшей, до Катерины, которая оригинально реагирует на спиртное, и до самой Натальи, которая пыталась завязать разговор. Водитель смотрел строго вперед, на убегающее под колесами автомобиля шоссе, абстрагируясь от действительности в лице сидящей рядом навязчивой особы. Особа то и дело косилась на водителя, пытаясь проникнуть в его мысли.

Ей очень хотелось понять, чем вызвано «построение бетонного забора» вокруг водительского места. Почему мужчина не желает хотя бы скупно отвечать на ее вопросы? Он ненавидит женщин? Выборочно или всех подряд?.. Или есть одно исключение – Оливия Михалко, тайная зазноба, ради которой он выкосит всех неприятелей? А может быть, у человека просто нет настроения? Что естественно после посещения кладбища.

Прежде чем делать поспешные выводы, гадать на кофейной гуще, надо владеть маломальской информацией о человеке.

А Наталья опять вспомнила слова все той же Михалко: имей под рукой «ФИО» и Интернет... Брат – Соломон. Этот - Ростислав Евграфьевич Шефов...

Алешечкиной не хотелось, чтобы их новый знакомый узнал, где они живут.

Тоже мне – тайна за семью печатями.

Поэтому она попросила поставить автомобиль в гараж, если ему не сложно. Ростислав невыразительно кивнул – будто бы согласился и дать понять, что ему не сложно - легче легкого. Натка набычилась, словно получила резкий отказ и нелестное продолжение с объяснением. Ни того, ни другого не было, но непонятный осадок от недосказанности, в прямом смысле этого слова, остался.

Можно подумать, за всю ее жизнь Наталье ни разу не встречались неразговорчивые люди. Встречались, но ограниченное общение с ними никогда не ранило ее.

Возмущение внутри клокотало, просилось выбраться наружу едким замечанием. Не так машину поставил в гараже. Или крайности – ваши джинсы давно вышли из моды, носки на обуви вытерлись, как будто вы в этой обуви играли в футбол, - неужели нет более подходящей для этих случаев. Или... у вашей рубашки-поло... воротник протерся до белизны.

Так все и было, но только сейчас, в минуты крайнего желания ответить унижительной репликой на унижение – а как иначе?! – подцепила взглядом все отклонения от нормы.

По-моему, я к нему придираюсь, - осадил Алешечкина свою предвзятость к Ростиславу. – Что же ему горным козлом вокруг меня прыгать? Скажи спасибо, что доставил... Скажи спасибо и забудь... Забудешь его. – На ум пришли слова одной героини в известном фильме, которая отчаялась найти себе выгодную партию: «Надо на кладбище знакомиться». - Да, уж, не в бровь, а в глаз.

Доставил, попрощались, расстались. Навсегда – номер телефона не выпросил. Не намекнул. - Орел, - вслед ему сказала Куприян. – Все для тебя делаешь, Соловей, а ты... квашня квашней.

- Не поняла?
- А что тут понимать. Нарочно прикинулась выпившей, чтобы завязать знакомство. Я не пила ни грамма, незаметно вылила водку на землю. Видела, как ты вокруг этого мужика круги наворачиваешь, а подойти боишься. Не сомневалась, что ты ему объяснишь мою «дружбу» с выпивкой. Все сделала, а ты... Сидела в машине, как статуя, прости господи.
- А что ты мне прикажешь делать? Лезть с разговорами? Не хочет человек ни с кем общаться! Не хочет, понимаешь ты это? Погиб его брат-близнец, никто не может понять, какового ему сейчас приходится. От него отняли половину.
- Да все понятно, не кричи... Обручального кольца на безымянном пальце у него нет.
- Это еще ничего не значит. Катя, не занимайся сводничеством, прошу тебя.
- Твои «малахиты» так сияли, я порадовалась – думаю, наконец, кто-то ее заинтересовал. Да, неподходящее место для завязывания знакомств, согласна. Но разве любовь и расчетливая правильность уживаются?
- Не придумывай, - неуверенно пробормотала Натка. - У меня и в мыслях не было...
- В мыслях может и не было, а в сердце...
- Катя, хватит! Лучше расскажи, о чем мама с сыном разговаривали.
- Он молчал, она говорила слова утешения: еще молод, вся жизнь впереди... Надейся и жди.
- Куприяшка, ты заметила, что Оливия вела себя чересчур нервно? На воре шапка горит?
- Что-то ее беспокоило, это факт. И знаешь, что я по этому поводу думаю? Она до конца не могла поверить, что ее обожаемая невестка скончалась. Ей казалось, что в гробу лежит не Лика, а кто-то другой, что она всех обвела вокруг пальца. Помнишь, ты говорила, что девица мнит из себя великую актрису? Не ты одна это заметила. Вот свекровь и решила, что это ее очередная выходка, так девочка развлекается – играет выдуманную роль. Сейчас вынырнет из-за угла с криком «Опа-на», и Оливия очень огорчится: и как она сразу не догадалась, что в гробу лежит фарфоровая кукла?! Или манекен, «слизанный» с оригинала.
- Нет, не так, - задергала головой Наталья Романовна, - было бы красочнее и интереснее, если покойница вдруг бы ожила! Открыла глаза, как панночка в «Вие», вылезла бы из своего усыпального ящика и пошла тараном на свекровь. То-то смеху было!
- А больше всех веселилась бы свекровь, - съехидничала Катерина. – А если серьезно, то я не верю, что можно радоваться чужому горю, устраивать вместо поминок танцы до упада. Как бы человек не относился к ушедшему в мир иной при его жизни, все равно надо иметь сострадание. Человека больше нет, плохого, хорошего, но его нет.
- Не долюбил, не пожил, не познал...
- Соловей, да ты ехидна? Кто бы мог подумать - с виду добрая фея... с рогами с горячими пирогами.
- Оч умно, ну, просто очень, - набычилась та, которую называли феей с рогами с горячими пирогами, как в детской игре про черта, который приходил и требовал краску определенного цвета. – Ты мне зубы не заговаривай, вижу, что в голове твоей сумбур, никак не можешь понять, принять настрой Михалко. Потому не концентрируешься на личности, а философствуешь на тему «Что хорошо и достойно, что плохо и недостойно при определенных обстоятельствах». Сама расскажешь или будем пытаться раскаленным утюгом?
- В голове моей сумбур, говорю я каламбур, а вообще я умница, умница-разумница, - бойко процитировала Куприян стихи собственного сочинения - экспромт.
- Умереть – не встать! – восхитилась подруга. Попыхтела, повздыхала и вымолвила, - придется пытаться утюжком, выхода нет.
- Пытали тут одну, но ничего не выпытали. Одно недоразумение.
- О недоразумениях подробнее, - вкрадчиво попросила Наталья.
- Соловей, твоя фамилия не Репей? Пристала, не отвяжешься.
- Не люблю недомолвок.
- Тебе только сунь палец в рот, ты всю руку отгрызешь.
- Это ты к тому, что твое... недоразумение даст мне почву для рассуждений?

- Короче! – рывкнула Катя, устав от словесных пыток. - Когда я беседовала с Нинель на предмет похорон, морального состояния свекрови, молодого вдовца... и тд и тп, она обмолвилась, но я сразу значения не придала...
- Ты о чем?
- Соловей, что за привычка перебивать!
- А ты не такая?
- Другая... Слушать будешь или шашкой махать?
- Рассказывай уж, не тяни котика за хвостик.
- Нинель Сушка сдружилась с Михалко на почве неудавшейся личной жизни. Раньше они так, кивнут друг другу и мимо проходят. Как-то Оливия поделилась своей проблемой, та – своей, в общем, создали девочки свой клуб по интересам – временно свободные с постоянной мечтой о счастливом замужестве. Коротали вечера за чаем с плюшками, на фигуры рукой махнули. И вот за недавним чаепитием, дело было уже после гибели Лики, за пару дней до похорон, Оливия рассказала Нинке, что ее преследует покойница: то ее голос слышится, то стук ее каблучков – она будто бы худоба худобой, но поступь у нее была тяжелой, как будто весит центнер. И сны разные Оливии снятся.
- Какие сны? Лика снится?
- Кто же еще, если у свекрови нервишки начали серьезно пошаливать.
- Что именно ей снится? Нинка рассказывала?
- Подробности опустила, но говорила, что Лика постоянно является свекрови во сне и грозит: «За все ответишь!»
- Психоз, - поставила диагноз бухгалтерша.
- Явный, - поддержала ее кандидат наук.
- Кать, давай присядем где-нибудь, у меня ноги гудят.
- Вон скамейка, давай присядем. И сними свой безобразный парик. Он мне... кое-что напоминает. Это же надо было додуматься – вырядится тогда в индианку!
- Речь не обо мне, - вставила Натка.
- Больше ничего не знаю.
- Значит, невестка достала свекровь и с того света?
- Знает кошка чье мясо съела: если Оливия ни при чем, то почему ей постоянно является во сне покойная невестка и грозит?
- В принципе, да... Кать, Оливия в душе переживает, жалеет Лику? Хоть капельку?
- Нинка говорит, что кроме злорадства ничего не испытывает... Но это Нинка так говорит.
- К чему ей сочинять? Она с Оливией дружит, та у нее мужика не уводила, - задумчиво пробубнила Алешечкина, с подозрением поглядывая на связующее звено между нею и бывшей одноклассницей Нинель Сушкой.
- «Звено» пребывало в прострации.
- Или я чего-то не знаю? – попыталась дознаться Наталья. – Колись, Куприяшка, тебе ничего не будет.
- Что же я хотела тебе еще сказать? – спросила Катя и принялась копаться в памяти. От усердия поскребла ноготками по голове. - О чем-то мы заговорили, мысль мелькнула и исчезла.
- Вспоминай, вдруг это важно.
- Помолчи... Мы говорили...
- Что невестка достала свекровь и с того света, - напомнила Алешечкина. – А ты сказала: знает кошка чье мясо съела.
- Правильно! О кошках!
- Перешли на животных, уже лучше.
- У соседки Оливии Михалко недавно умерла кошечка. Отравили милое создание, которое при жизни было чересчур крикливым. Пожилая женщина, кошевледица, грешила на старика с первого этажа, он давно грозился задушить кошку. Не задушил, отравил, но открещивается. Хозяйка кошки, недолго думая, изувечила автомобиль старикова сына или внука, точно не

помню, но это и не столь важно – главное поласкала машинку битой. Старик все равно стоит на своем – не я! И бумагу жалобную наката на женщину-варвара в полицию.

- К чему ты клонишь? При чем здесь разборки соседней Михалко?

- Вот ты, Наташа, умная девочка! – всплеснула руками Екатерина Викторовна. – Гляжу на твое необремененное интеллектом лицо, на твой открытый от удивления рот и сразу понимаю – тебе давно пора вручить кинопремию «Ника» за роль восьмого плана в фильме «Семь мудрецов и одна дурочка».

- Могу и обидеться, - посопела Натка.

- А не надо сидеть с таким глупым видом и раздражать меня заторможенностью. О чем ты думаешь? Вернись ко мне, я все прошу!

- О чем, о чем... О своем, о девичьем.

- Ладно. Для особо бестолковых девиц поясню - Оливия могла провести испытание яда на кошке, которая гуляла сама по себе.

- Не уверена, - осмыслив заявление, покачала головой Натка. – Для испытания яда Оливия могла найти какого-нибудь двортерьера, никто бы не озаботился его смертью – мало ли что он подобрал на помойке. Кошка-то соседская.

- Что с того?! Можно подумать, кто-то бы связал смерть кошки, отправившуюся в загробное кошачье царство месяц назад, с Анжеликой Волчегорской, отравленной недавно? Пусть обе – и кошка и Анжелика - имеют отношение к Оливии Михалко. Это ни о чем не говорит. Никакого риска у Оливии Дмитриевны не было.

- В полиции тоже не дураки сидят... Куприяшка, а я знаешь, о чем на кладбище подумала? Что Оливия боится своего компаньона. После гибели Лики она у него на крючке. Оливия женщина решительная, никому спуска не дает, только сын из нее веревки вьет. Она не выносит давления или зависимости. Я сразу это поняла при первой встрече. А тут попала на крючок. И к кому? К человеку, которому открылась в порыве, а теперь раскаивается. Этот человек ей неприятен и никогда отношение к нему не изменится. Но обратного пути нет. С явкой с повинной она точно не явится в полицейский участок, остается одно – избавиться от свидетеля, он же исполнитель. Прибегнуть к помощи того же неизвестного яда. Раз Нинка не говорила о новых кавалерах Оливии с серьезными намерениями, следовательно, Оливия не выводит его в свет, скрывает от всех, держит для других целей – для решения скользких проблем.

- Эка хватила, уже – проблем. Ты хочешь сказать, что у них отравление поставлено на поток? Соловей, ты в своем уме?

- Катя, ты гений! – привычно похвалила подругу Алешечкина. – В городе должны быть зафиксированы случаи подобных отравлений. После испытаний на кошке, Оливия могла проверить действие яда на человеке, с которым не могла общаться по определению. Надо поднять сводку происшествий за прошедший месяц.

- Зачем Оливии кого-то еще травить, если с кошкой все прошло как надо?

- А я тебе отвечу, - сверкая глазами, произнесла Наталья Романовна. – Чтобы полиция подумала о серийности преступлений. В городе завелся маньяк. Если орудует маньяк, то с близких людей Волчегорской можно снять все подозрения.

- Интересенькая мысль, - озадаченно протянула Катерина.

- Без ложной скромности скажу – я тоже не без гениальности.

- И теперь... если от отравления тем же ядом скончается «неизвестный» Оливии мужчина, который ею тайно манипулирует, то, первое, Оливия избавится от давления, второе, в полиции утвердятся в своих предположениях – в городе завелся маньяк-отравитель.

- А жители нашего большого города останутся в неизвестности, чтобы паники не возникло.

- Соловей, ты права – надо покопаться в сводках происшествий за прошедший месяц!..

Куда только подевалась усталость! Подруги резво добрались до квартиры Куприян – ее дом находился ближе, чем дом Алешечкиной, с усердием вымыли руки антибактериальным жидким мылом – после кладбища положено, перекусили на скорую руку бутербродами с

любительской колбасой, налили по большой чашке чая и уселись анализировать сводки происшествий за прошедший месяц.

Неожиданно разорвался призывами мобильный телефон Куприян. В другой бы раз она чрезвычайно обрадовалась этому звонку, но не сейчас.

- Канарейкин, - шепотом сообщила Катя подруге, как будто звонивший Канарейкин мог ее услышать. – Объявился. Не прошло и года.

- Ну, отвечай, чего же ты, - с плохо скрываемым недовольством произнесла Наталья. После чего обратилась в никуда, подключив всю имеющуюся в наличии язвительность, - и эта женщина смела мне говорить, что не собирается заводить роман с бывшим одноклассником! Что все забыто-зарыто! Еще мне его подсовывала! Зараза и врушка!

- Язва! – парировала Катя. – Хочешь, сама ему ответь.

- Не мне же звонят, а тебе.

- Но он не знает твоего номера... Я хотела ему дать твой номер телефона, но в тот раз мы не успели нормально поговорить, Эдуард Витальевич были очень заняты. А больше ни я ему не звонила, ни он мне...

- Так я тебе и поверила.

- Твое право. Но зачем мне врать?

- Тебе лучше знать.

- Соловей, да ты ревнуешь. А я-то думала, ты запала на Ростислава, всё свое актерское мастерство приложила, а ты, значит, по Эдику сохнешь.

- Я? По Эдику? Сдурела, что ли.

- Перестал звонить. Проблема решена... А лицо-то, лицо у моей подружки, прямо, как название главной площади первопрестольной! - с восхищением произнесла Куприян, наслаждаясь смущением Натки. – И когда, Соловей, ты научишься врать и не краснеть.

- Никогда, потому что у меня совесть есть, в отличие от некоторых.

- Чтобы оправдать твои нападки, сейчас перезвоню Канарейкину и назначу ему свидание.

- Делай, что хочешь, - отмахнулась Натка.

- Обязательно позвоню, но позже, когда мы закончим все дела...

Подруги попытались абстрагироваться от занимательной персоны – Канарейкина и приступили к поискам. Сводка происшествий была перенасыщена ДТП с участием автомобилей, грузовиков, маршруток, пешеходов. ДТП подруг не интересовали. Они скоро пробегали глазами ненужные сообщения, нетерпение нарастало, появлялась раздражительность, исчезала надежда.

- Едрена Матрена, - не сдержалась Натка, - ну, ничего заслуживающего нашего внимания, у меня уже глаза разболелись от напряженного всматривания. .

- Давно пора зрение проверить и очки заказать, а не форсить – изображать из себя молодую девушку без показателей старения.

- У меня отличное зрение, ты просто завидуешь, - парировала Наталья, продолжая изучать новости. - Что это такое?! Ты только послушай: мать убила своего трехмесячного ребенка. Сволочь последняя. Что в мире делается, что с людьми происходит?! Не зря Булгаков утверждал: разруха не в клозетах, а в головах. Я считаю, что молодым женщинам, прежде чем стать матерью, надо пройти тестирование. В стране гонятся за увеличением численности населения, раздают налево и направо материнские капиталы, дотации, а неумные и расчетливые люди этим пользуются. Им не дети нужны, а деньги. А того не знают, что материнский капитал никто сразу на руки не даст, а дотации - курам на смех, на них ничего существенного не приобретешь. Сейчас правительство разрешило выдавать пятнадцать тысяч – часть из материнского капитала, но...

- Соловей, не доставай. У меня складывается впечатление, что ты себя оправдываешь - не родила, потому что лишних денег не было, не хотела, чтобы ребенок испытывал нужду с рождения... Всё это отговорки. Но я тебя не виню: ребенок должен жить в нормальной семье. А у вас с Алешечкиным была не семья, одно название. Поезд ушел, теперь ты мне лекции читаешь, что надо, чего не надо... Извини за прямоту. Но ты тоже хороша.

Куприян думала, что подруга сейчас взорвется, наговорит разных ответных слов, в основном «приятных», хлопнет дверью и уйдет, но та внимательно ее изучила, словно искала десять отличий от прежней Куприян, той, которую она знала пару десятков лет назад. После чего выразительно хмыкнула, выпрямила спину, как принцесса на званном обеде по случаю ее совершеннолетия, и сказала совсем не то, что ожидала услышать борец за правду.

- Я хороша! Я безумно хороша! Все мужчины падают штабелями, когда я иду по улице.
- Что я слышу?! Ты себя хвалишь? Что бы это значило? Неужели ты, наконец-то, себя полюбила?
- Я всегда себя любила. Но искусно от всех это скрывала.
- Еще бы одевалась согласно возрасту: ты пока не пенсию не вышла, можешь позволить себе сдержанное мини, джинсы с корректными дырками. А не одеваться в непонятные платья. – Катя намеренно поставила ударение на последнюю букву, чтобы выразить презрение к тем невзрачным вещам, которым постоянно носит ее подруга. – На работу еще так-сяк, можешь носить, на работе не перед кем выпендриваться, некого завлекать, но вне работы будь любезна соответствовать своему молодому возрасту. Стань женщиной, которая готова на эксперименты, готова к новым отношениям, на все готова ради себя. Не старь себя раньше времени. Толдычу тебе, толдычу, и все об стенку горохом. Может быть, сейчас до тебя дойдут мои слова.
- А что сейчас изменилось?
- А ты не заметила? Ты рассталась с человеком, который тебе подрезал крылья, превратил в непонятно что. Давай, операйся... В смысле обрастай новыми перьями, лети и наслаждайся. Желание полета у тебя появилось, не давеча как сегодня я это заметила. Не надо ждать милостей от природы, взять их – наша задача.
- Куприяшка, куда ты клонишь?
- Ищи домашний телефон Ростислава, звони и говори, что он потерял в моей машине... мобильник.
- Ты помешалась на чужих мобильниках.
- Предложи свой вариант.
- А вдруг у него нет домашнего телефона? А номер мобильного мы узнать не сможем, нет нужных связей.
- Сначала что-то сделай, а потом задавай вопросы.
- Сделаю, но позже.
- Почему?
- Потому... что... я... боюсь, что... произойдет еще одно убийство с отравлением неизвестным ядом.
- Опять намекаешь на ухажера Оливии? Он станет следующей жертвой отравителя?
- А ты сомневаешься?
- Честно говоря, у меня нет мыслей по этому поводу. Для начала надо найти случаи отравлений, которые произошли в городе до убийства Анжелики. Кошка – это раз... Хотя, доказательств у нас нет. Если только провести эксгумацию...
- Катька, замолчи, - скривилась Наталья.
- Нинель сказала, что хозяйка отравленной кошечки похоронила ее на кладбище, не абы как. Там есть специальный квартал для умерших животных.
- Довольно! Ищем дальше...
- Одно и то же, никакой фантазии: суд приговорил нерадивого отца к колонии-поселению за неуплату алиментов... Получи фашист гранату!
- Бешеная собака укусила хозяйку, - прочитала вслух Алешечкина. – Самолет экстренно приземлился в аэропорту из-за потерявшего сознания пассажира... Кать, а если...
- Не если, - отрезала Катя. – Самолет откуда-то взлетел, а у нас совершил экстренную посадку... Глава турфирмы разорился и покончил жизнь самоубийством.
- А вот это интересно! Вдруг ему кто-то помог... Давай прочитаем подробности, - загорелась желанием расширить сведения Наталья. Изучила и обреченно произнесла, - не наш случай – у

- мужика, действительно, было проблем выше крыши – жена сбежала с любовником, фирма разорилась, квартиру забрали за долги...
- Кстати, о любовниках... Жительницу города подозревают в убийстве любовника.... Подробно... Люсинда Мартынова задержала по подозрению в умышленном убийстве своего любовника – гражданина Горшенина А. С. Гражданка Мартынова не дает признательных показаний. С ее слов, гражданин Горшенин пришел к ней накануне вечером, они поужинали и легли спать. Наутро она проснулась и обнаружила рядом бесчувственное тело любовника. Вызвала «Скорую». Врачи зафиксировали смерть и вызвали наряд полиции. После проведенного вскрытия было установлена причина смерти Горшенина – он скончался от отравления...
- От отравления чем? – уточнила Натка.
- Здесь не написано. – Катя передала подруге свой ноут, чтобы та удостоверилась. Ноут был не ее, а одного из близнецов. Ноут другого сына держала на коленях Алешечкина. Подруги рыскали по разным сайтам, чтобы дело шло быстрее.
- Горшенин А.С. – задумчиво протянула Наталья. – Горшениных в городе не так много, как Петровых, но тоже, как собак нерезаных.
- Согласна. Но возьмем случай на заметку.
- Надо обязательно собрать сведения об этом Горшенине А.С. Сама подумай: если бы гражданка Мартынова хотела отравить любовника, то не стала бы это делать в собственной квартире, где кроме нее и Горшенина никого не было. Подозрение сразу падает на любовницу. Предположим, Горшенину скормили некий яд в другом месте. Это был аналогичный яд тому яду, от которого скончалась Анжелика, с пролонгированным сроком действия. Человек не чувствует болей, не испытывает недомогания, потом резко умирает.
- Соловей, ты все правильно говоришь. Но искать Горшенина А.С. в огромном городе, все равно, что искать одну крупинку гречки в мешке с рисом.
- А если повезет и сразу найдешь крупинку гречки? Все от везения зависит. Сообразительность – тоже немаловажна. К делу надо подходить не нахрапом, обдумать, прикинуть...
- Судя по твоему загадочному личику, у тебя есть идея.
- Я думаю, что гражданин Горшенин А.С. не так давно был клиентом риелторского агентства «Вектор П», в котором работает Оливия Михалко.
- Наталья Романовна, а скажите начистоту: вам доставляет удовольствие «закапывать» Оливию Дмитриевну Михалко? Чем она вам не угодила? Если у нее и твоего бывшего одинаковые отчества, это не значит, что они близкие родственники, и она такая же «хорошая», как и он.
- Я слишком дорожу нашей дружбой, а то бы...
- А что я такого сказала? Правда глаза колет? Нельзя строить расследование на предвзятости.
- Нет у меня предвзятости, я высказала свои соображения. Почему Горшенин не может быть клиентом... пусть не лично риелтора Михалко, а кого-то из ее коллег? Этот вариант более правильный: Горшенин не имел контактов с Михалко. И кто свяжет его гибель с риелторской конторой? Все проценты он выплатил, никого не обидел, въехал в новую квартиру и живет себе припеваючи, время от времени навещая горячую любовницу Люсинду Мартынову. Причем, живет один, раз не побоялся остаться у нее на ночь. Или проживает вместе с матерью. Но мать в этом вопросе голоса не имеет – мальчик давно вырос и имеет право на личную жизнь.
- Сейчас лето, - нестати напомнила Катерина. – Время летних отпусков, супруга Горшенина могла прихватить детей и уехать в дальние дали. А в ее отсутствие «верный» муж совсем распоясался.
- И такое может быть. Куприяшка, ты согласна пойти на разведку на работу к Михалко?
- У меня есть выбор?.. Берем Горшенина с любовницей на заметку и идем далее... Так-с... И что мы имеем далее... Тело погибшего на Эльбрусе туриста доставили на вертолете... И чего им дома не сидится...

- Небось вспомнила о Соломоне, брате-близнеце Ростислава Шефова?
- Это ты вспоминай о живом брате, они оба мне до фонаря... Натка, не отвлекайся... Пожар в магазине ликвидирован... Факт мошенничества с субсидиями выявлен... Более пятидесяти банок марихуаны изъято... Квартиры и машины повредило горячей водой при прорыве трубопровода... Ужас...
- Жительница города осуждена за убийство отца... Не наш случай: раз осуждена, то дело было давно, следствие ведется долго... Кражу ювелирных изделий на 135 тысяч рублей раскрыли по горчим следам...
- Подозреваемый в убийстве пенсионера задержан и дает признательные показания... Показания могли выбить... А могли и не выбить – он его, правда, убил... Наркоша...
- Катя, кажется, я нашла то, что нужно.
- Читай.
- Инвалид по зрению и собака поводырь обнаружили труп в роще в микрорайоне Западный. Им оказался мужчина от пятидесяти до шестидесяти лет без определенного места жительства. На теле не обнаружено следов насильственной смерти. Вскрытие показало, что он скончался от отравления неизвестным препаратом.
- Выпил паленой водки и лапты склеил. Тоже мне – нашла то, что нужно!
- Если бы умер от паленой водки, то так бы и написали. Мне подозрительно другое – с какой стати решили провести вскрытие, а не сразу закопали бомжа в безымянной могиле? Где это видано, где это слыхано?
- Наверное, что-то показалось подозрительным. Или... будущие патологоанатомы... тренировались, руку набивали.
- Скажешь тоже, - хмыкнула Наталья. – А то у них нет подопытных кроликов. У меня чуйка – здесь что-то не так.
- А у меня в квартире газ.
- Повезло несказанно! – театрально восхитилась Алешечкина. – Вот ты ерничаешь, а что нам мешает проверить.
- Эксгумация бомжа?
- Тьфу ты!.. Заметь, роща находится в том же районе, где живет наша Нинелька и ее подруга Оливия Михалко... Далеко ходить не надо, ездить на другой конец города тоже не надо – пришел, увидел, отравил.
- Чем? Куда был добавлен яд, по твоему мнению?
- Да мало ли куда, чем-то угостила горемыку, он с благодарностью принял. И зря так сделала: надо было всю неприкайнную компанию отравить, тогда бы никто не задумался о причине смерти – пили паленку и точка.
- Действительно, чего мелочиться – одним бомжем больше, одним меньше, - поерничала Куприян. Подруга не обратила на нее внимания, гнула свою линию:
- Зря, зря сделала, что проводила эксперимент на одном человеке: яд мог по-разному действовать на разные организмы...
- Ослабленные нарзанами, - подсказала Катерина.
- ... Не повезло отравительнице - провели вскрытие, обнаружили отраву неизвестного происхождения. Теперь начнется следствие. Сопоставят с отравой, от которой умерла гражданка Волчегорская, гражданин Горшенин А.С., и поймут, что... пахнет серийностью. Получается, что отравительнице повезло? В городе орудует маньяк. Кто подумает на Михалко? Никто. Только мы с тобой.
- Соловей, ты меня к себе не причисляй, я пока в раздумье. Меня терзают смутные сомнения, что это дело рук Оливии Дмитриевны. Не могу поверить, что она отравила несколько человек для чистоты эксперимента.
- Или, чтобы прикрыть убийство невестки. Она гораздо дальновиднее, чем мы с тобой. О полиции я, вообще, промолчу... Ты можешь со мной сколько угодно спорить, но...
- Заканчивай свои рассуждения. Конкретно, что ты предлагаешь? – перебила Куприян.

- Надо поехать в рощу, отыскать инвалида по зрению, который прогуливается в роще с собакой-поводырем и обстоятельно его обо всем расспросить. Спрос не ударит в нос.
- Поехали. Дело к вечеру, он обязательно выйдет на прогулку. Не будем откладывать дело в долгий ящик.
- Мне жизнь дорога, поэтому отправимся на маршрутке, - поставила условие Алешечкина.
- Всю неделю я была твоим персональным водителем, и будто бы тебя все устраивало, а сейчас вспомнила о своей драгоценной жизни. Обижаете, дамочка!..

Пропустив несколько забитых под завязку маршруток, подруги остановили частника. И через сорок минут оказались в роще, где был обнаружен труп мужчины без определенного места жительства.

Солнце уже торопилось на покой, но еще не спряталось за горизонтом. В роще было гораздо темнее, чем на просторе, что не озаботило ни собачников, ни мам с колясками, ни шумных подростков, ни пенсионеров. Праздно шатающегося народа в роще было предостаточно.

- Хорошо, что у нужного нам человека есть приметная особенность, - неуверенно пробормотала Натка, теряясь среди многочисленного люда, притянутого магнитом в необустроенный якобы парк, одичавший, на самом деле - рощу при жилом микрорайоне.

Нормальных тротуаров здесь почти не было – давно «умерли» собственной смертью, был всего один, и тот с безобразным качеством асфальтового покрытия - колдобина на колдобине. Тротуар был широким, больше напоминал проезжую часть, и разделял рощу по диагонали на две неравные части. Наверное, тротуар-дорогу использовали коммунальные службы для каких-то своих целей – вывозили время от времени мусор, складированный по обочинам. Судя по высоте мусорных куч, вывозом здесь давно не занимались: «живописные» нагромождения из обрезанных веток, пластиковых бутылок и бумажных отходов выросли с человеческий рост. В связи с чем, народ предпочитал прогуливаться по тропинкам, сидеть на поваленных деревьях и на пеньках, коих было в изобилии – от ненужных деревьев усердно избавлялись.

- Так незаметно и роща исчезнет, на ее месте начнется новостройка или возведение очередного торгового центра, - высказала недовольство Наталья Романовна. - Зеленых оазисов в городе становится все меньше и меньше, да и оставшиеся оставляют желать лучшего – никто их не благоустраивает. Русские люди всегда отличались терпением и безропотностью... Кать, а ты чего молчишь? Язык проглотила?

- Слушаю твое проникновенное обличение местных властей.

- А ты не согласна?

- Что может изменить мое мнение? - передернула плечами Катерина, и уверенно заявила, - надо идти в ту часть рощи, где гуляют собачники. Нужный нам человек должен быть среди них.

- Нашему инвалиду компании не нужны. И он не станет ломать ноги по тропинкам, он будет прогуливаться по тротуару. Главная его цель - не выгул собачки, а прогулка на свежем воздухе с другом-поводырем. Чуешь разницу?

- Главная цель собаководов – лясы поточить, собачки сами по себе гуляют. А что касается нашего инвалида, то хочу тебе напомнить, что он обнаружил труп мужчины без определенного места жительства...

- А я-то думаю, зачем нас сюда нелегкая принесла?! – закатила глаза Натка, не дослушав подругу, которая выразительно на нее посмотрела, не осудила и продолжила как ни в чем ни бывало.

- Не думаю, что труп дожидался его вдоль этого... этой... хм... дороги-тротуара, где тоже легко ноги поломать.

Алешечкина молчала, крепко сжав челюсти, и придирчиво изучала старое изношенное асфальтовое покрытие. После чего полным драматизма голосом изрекла:

- Мог и дожидаться. Скончался бедолага прямо на ходу или во время тщательного изучения свалки, в один миг, и ничего не почувствовал. Например, как Лика Волчегорская, и я была тому свидетелем. Сидела за столиком в кафе, ничего не подозревала, вызывающе пялилась на всех, поднесла к губам чашку с кофе и умерла, бедная-несчастливая, от отравления. Умно сработано: в кофе яд не обнаружили, ищи теперь отравителя. Какой промежуток времени охватил патологоанатом, который проводил вскрытие? Не менее двенадцати часов. Где была Лика? Она была уже дома или все еще на работе, в своем салоне красоты. Пила вместе с коллегами вино по окончании рабочего дня. Все живы, Лика на кладбище. Как в ее бокал попал яд? Пока не ясно, - продолжила вечер собственных вопросов и ответов Алешечкина. - Яд попал именно в бокал, не в бутылку с вином, иначе от отравления неизвестным ядом скончались все работницы салона. Опять получается, убийца – добренький человек: выбрал конкретного человека, не весь салон покосил. Катя, Нинель Сушка что-то еще рассказывала интересного? Ты же с ней общаешься.

- Будто бы, ничего... В салоне есть отдельное помещение для приема пищи, там девчонки побыстрому перекусывают, там же отмечают днюхи... Вспомнила! Блин, как же я упустила! Салон красоты не успели закрыть, время не вышло, но клиентов уже не было. Только расположились, тост сказали, а тут слышат - дверь открылась, у них китайские колокольчики при входе висят. Администратор вышла, бокал с вином автоматически прихватила с собой. Запоздавшим клиентом оказался мужчина. Никто его, кроме Лики, не видел, но разговор слышали.

- Чего он хотел?

- Записаться к хорошему мастеру на стрижку на восемь утра, на начало рабочего дня.

- Пока Лика его записывала, пришлось оставить бокал без присмотра... Он мог ее отвлечь и... что-то добавить в бокал с вином, - предположила Наталья Романовна.

- Не обязательно в бокал с вином. Девчонки говорят, что потерпевшая целыми днями кофе хлебала, чашка постоянно стояла на столе. Кто угодно мог подсыпать яд...

- Подлить, - уточнила Алешечкина. – Подлить. Яд – не порошок, с порошком много мороки, надо еще размешать. А жидкий яд плюхнул в чашку и пошел дальше. Так убийца и хотел сделать, рассчитывал, что перед уходом Лика допьет кофе. Пробрался в салон красоты, а тут китайские колокольчики – тилинь-тилинь. Администратор вылетела, он нашел причину для визита в поздний час, что стояло ближе, туда и добавил яд. В бокал с вином. У яда ни вкуса, ни цвета, ни запаха, иначе потенциальная жертва почувствовала неладное... Значит, мужчина, говоришь... Всё сходится, это поклонник Оливии Михалко... Он рассчитывал застать администратора в гордом одиночестве: все работницы всегда уходят раньше администратора, а администратор дела доделывает, доходы-расходы считает. - Недолго думая, Натка набросилась на подругу, - зараза ты, Куприяшка, больше ты никто! Ничего тебе Нинель Сушка не рассказывала! Признавайся, ходила на разведку в салон красоты? Вижу – ходила, а меня бортанула. Я права? Конечно, я права, вижу по твоим наглым глазам. Придерживала информацию до поры-до времени, не знала, как мне ее преподнести. И это называется – напарник!.. Осталось выяснить, пришел тот клиент в назначенное время или не пришел. Если не пришел, тогда все сходится – это человек Оливии Михалко. Исполнитель ее не полностью высказанных пожеланий.

- Что значит - не полностью высказанных?

- Намекнула она ему, прямо не сказала о своем желании избавиться от невестки! Неужели не ясно?! Я ей про Фому, она мне про Ерему – признавайся, ходила в салон или нет?! – эмоционально потребовала отчета Алешечкина.

- Ходила!

- И?

- Не было клиента в назначенное время. Не пришел он... Соловей, давай быстренько обследуем окрестности пока не стемнело. И там пройдем, и сям... Переставляй ножки, переставляй, - защebetала Куприян, уличенная во лжи. Тут же, на ходу, принялась расхваливать

необычайный склад ума подруги, ее специфическую логику мышления. Натка лишь с осуждением покачивала головой.

Они прошли по главной аллее, пробежались по тропинкам, пошатались среди собачников. Катерина хотела выпытать у них об инвалиде с собакой-поводырем, но Натка ей запретила, не дав ответа на вопрос: «Почему?» Не надо и всё. Не повезет сегодня, повезет завтра, с утречка. Куприян психанула:

- Чего ж нам мотаться туда-сюда, давай здесь и заночуем! Наверное, в ночное время в роще можно повеселиться. Ни тебе столбов с фонарями освещения, ни нарядов полиции. Одни хулиганы, бомжи и маньяки. Хорошая компания для двух симпатичных женщин в полном расцвете лет.

- Куприяшка, кажется это тот, кто нам нужен, - процедила сквозь зубы Алешечкина. Она постоянно осматривалась, как шпион в тылу врага, но подругу жестко предупредила, - не вертись.

- Он же слепой, - прошептала Катька.

- А может быть немного зрячий. Не вертись, говорю.

- А ты уже решила, как мы к нему подкатим? Что скажем?

- Скажем прямо – интересуемся подробностями уголовного дела, которое произошло в роще. Так правильно?

- Прям, с бухты--баракты?

- А что, о погоде поговорить для начала? – хмыкнула Натка.

Тем временем, седовласый мужчина в темных очках с черным лабрадором на поводке достигли подруг.

- Добрый вечер, - вежливо поздоровалась Алешечкина. Далее поступила не дипломатично. – А вас-то мы как раз и ищем.

- Добрый вечер, - ответил мужчина приятным бархатистым голосом и улыбнулся. – И зачем я, старик, понадобился таким очаровательным молодым девушкам?

- С девушками... вы хватили, - набычилась Куприян, словно услышала в свой адрес нелестный отзыв. – Но все равно спасибо. – Ее недовольство было направлено на Натку, которая не блеснула вступительным красноречием, сразу бросилась в омут с головой.

- А понадобились вы нам вот по какому поводу, - зачирикала Алешечкина, пересказала историю, вычитанную в сводке происшествий, и окончила словами, - всего лишь праздное любопытство.

- У кого праздное, у кого – не праздное, - перехватила эстафету Екатерина Викторовна. – Понимаете в чем дело... У меня есть сын... Взрослый... Он поступает на журфак... Ему надо написать статью в журнал, который... специализируется на криминальной обстановке в нашем городе.

Лицо Алешечкиной стало цвета борща, сваренного на белесой свекле с добавлением томатной пасты. Но смотрела она на подругу с таким оживлением, будто та предложила сделать инъекцию бесподобного омолаживающего средства, которое уже испытала на себе, причем средство дало потрясающий результат.

- Почему же сын сам ко мне не обратился? – резонно спросил инвалид. Лабрадор пристроился у его ног и с тоской посматривал на странных женщин.

- Он подхватил кишечную инфекцию, а время идет, сроки поджимают.

- Рассказывать особо нечего. Мы с Ластом гуляли в роще, он заметил человека за поваленным деревом, зарычал. Мы подошли, я всё понял и вызвал «Скорую». Мне показалось, что человек еще жив, но без сознания. Врачи приехали довольно быстро... Потом прибыли полицейские.

- Это всё? Может быть, вы... случайно услышали, не называли ли полицейские его имени? Я почему спрашиваю: если это был обыкновенный человек... э-э-э... человек без определенного места жительства, то почему... проводили вскрытие? Я правильно рассуждаю?

- Наверное... - Мужчина призадумался. – Знаете, что я вам посоветую - обратитесь к Элеоноре Павловне. Она постоянно гуляет в этой роще со своим пудельком Виолеттой. В то утро она пришла позже меня, так сказать, к шапочному разбору, и задержалась. Мне пришлось

уйти, у меня был номерок к кардиологу на девять тридцать утра. Элеонора Павловна женщина... как бы помягче выразиться... вездесущая, что ли, могла что-то и узнать.

- А фамилия у Элеоноры Павловны есть? И где она живет?

- Простите, но такими сведениями не располагаю. Мы с ней в роще пересекаемся, общаемся накоротке. Если не найдете, то спросите у кого-нибудь из собаководов. Ее здесь все знают.

Оказалось, что Элеонора Павловна только что ушла домой. Никто не сказал, по какому адресу она проживает. Или не знали, или не захотели говорить – мало ли по какой причине интересуются, и внешний вид, внушающий доверие, роли не играет – бывает и обманчивым...

На следующий день, спозаранку, две упорные молодые женщины снова приехали в рощу микрорайона Западный, расположенную на окраине города. Летнее утро выдалось душным, солнце палило немилосердно, не выпуская из дома любителей ранних прогулок. Оставалось надеяться, что у любительницы прогулок поневоле, у Элеоноры Павловны, нет выбора: выгуливать свою пуделиху надо при любой погоде, а от палящего солнца обе найдут спасение под сенью старых раскидистых деревьев, пусть и порядком поредевших усилиями коммунальных служб.

Удача подругам благоволила, они сразу заметили женщину слегка за шестьдесят, которая величественно шествовала по тропинке, впереди трусил нахальный карликовый пудель персикового окраса. Пудель что-то пытался ухватить зубами, хозяйка на него прикрикивала и тянула за поводок. При этом «делала» лицо трагической актрисы в финале пьесы, когда она обязана рухнуть на пыльную сцену, а занавес закрыться.

Опять «доброе утро», опять рассказ о сыне-абитуриенте, вставка об инвалиде по зрению, с которого всё и началось.

Элеонору Павловну долго просить-уговаривать не требовалось, она мечтала найти «свободные уши».

- Так вы ничего не знаете! – всплеснула она руками, при этом резко дернула за поводок, притянув к себе персикового песика с лохматыми ушами. Песик решил отыгаться на Катьке и цапун ее за штанину. Еще хорошо, что не впился зубами в ногу.

- Виолетта, как тебе не совестно? – возмутилась хозяйка - трагическая актриса, затянувшая с падением. – Как так можно, ты же подхватишь инфекцию.

Натка прыснула, Катька превратилась в соляной столб. Но надо выбираться из игры «веселье чередуется столбняком».

- Хорошая собачка, - растерянно пробормотала Куприян, приходя в себя.

- Хорошая собачка, - поддержала ее Алешечкина, отступив от собачки подальше. И Катьку заодно оттянула. – Ухоженная, воспитанная. Всю жизнь о такой мечтала.

- У меня есть одна знакомая...

- Спасибо, не нужно, - окончательно отмерла Катерина, - моя подруга мечтает о щенке пуделя, но ей нельзя заводить собаку. У нее... аритмозависимость фолиевогидрольной кислоты.

- Это болезнь такая? – подобралась Элеонора Павловна.

- Не заразная, не волнуйтесь, передается по женской линии, через два поколения на третье. Моей подруге не повезло. Бедная, бедная Ефросинья.

- Кто такая эта Ефросинья? - озадачилась та, которую переименовали в один момент. – Почему я... - было начала она, но подруга сразу пресекла уточнения с объяснением. Погладила ее по плечу, привстала на цыпочки и звонко чмокнула в румяную щечку, тем самым выказав свое сострадание и подтвердила недавнее изречение о незаразности болезни со сложно-закрученным названием.

- Фрося, не грусти, наступит время, когда наша медицина совершит революцию и изобретет чудодейственную таблетку от твоей болезни. Какие наши годы, - поникшим голосом сообщила Катька, почему-то поглядывая на пуделиху Виолетту, как будто ее успокоительная речь была адресована ей. – А пока моей дорогой Фросе приходится отказывать себе в

удовольствию общаться с такими замечательными существами, как ваша собачка... Ути-ути, какие мы миленькие. – Она сделала Виолетте «козу».

Резвая Виолетта подпрыгнула и чуть не укусила Катерину за палец. Хорошо, что женщина была начеку. Теперь Катя взяла подругу за локоть и оттянула от собачки еще на пару шагов, неустанно приговаривая:

- Да-да, шерсть животных усугубляет болезнь. На открытом воздухе Фросе ничего не грозит, может хоть обниматься с собаками, хоть целоваться, но... лучше не рисковать.

«Фрося» освоилась с новым именем и запричитала:

- А вот в зарытом пространстве может произойти самое страшное. Даже летальный исход.

- Неужели вам ничем нельзя помочь? - принялась сострадать больной Элеонора Павловна.

- Увы, медицина пока бессильна, - развела руками Куприян. – Но давайте вернемся к тому, зачем мы, собственно, сюда и пришли. Хотелось бы услышать продолжение истории с отравлением.

Элеонора пересказала начало, которое подруги уже слышали от мужчины с лабрадором, потом началось самое интересное.

-... Этот несчастный человек, ой, как мне его жаль, как жаль, показался мне смутно знакомым. Я сказала об этом милиционерам... полицейским... Как ни отвратительно мне было к нему приближаться, но пришлось – сама виновата, обронила словечко... Брр, - содрогнулась от неприятных воспоминаний Элеонора. - Немытый, обросший, в грязном тряпье. Ужас!

- Ужас! - поддержала ее Натка. – И что было дальше?

- Я подошла к нему, предварительно прикрыв нос платочком, окропленным духами, присмотрелась... И догадалась, кто передо мной! – У Элеоноры был такой довольный вид, словно она сделала гениальное открытие в математике, похлеще, чем Перельман со своим доказательством теоремы Пуанкаре.

- И кто же? – машинально задала вопрос Куприян, не особо доверяя словам женщины с пуделем.

- Хочу предварить ответ коротким рассказом.

Подруги обреченно кивнули – согласились, но без энтузиазма.

Элеонора села на любимого конька – обожала, когда ее слушают с трепетным ожиданием неожиданной развязки.

– В нашем доме живут все сплошь порядочные люди, никаких отбросов общества. Не думайте, что раз окраина города, рядовой спальный район, то здесь селятся люди третьего сорта. Есть и музыкант, и актриса местного драматического театра. Ведущая актриса! Есть и стоматолог – «золотые» руки, к нему запись на полгода вперед.

- А там полгода пройдет, зубы выпадут и на прием идти не надо, - мечтательно протянула Катерина, редко посещавшая кабинеты стоматолога по причине отличных зубов, которые не испортила беременность. Несмотря на везение, все же тему стоматологов не приветствовала, исключением из правил не была.

Наталья автоматически приложила ладонь к левой щеке, где периодически о себе напоминал один зуб. Ей давно предлагали его удалить, но Натка отказывалась. Она еще не простила подруге болезнь с заковыристым названием и простонародное имя Ефросинья, а та пошла дальше - ставит под сомнение слова Элеоноры. Сейчас Элеонора обидится и уйдет со своей кусачей пуделихой, а они останутся ни с чем. Можно получить информацию из другого источника, но лучше получать из «первых уст», так надежнее. Пусть себе бахвалиться, на здоровье, и не такое проглатывали для пользы дела.

Надо исправлять ситуацию, - подумала «Фрося» Алешечкина, излишне пристрастно рассматривая лицо Элеоноры, не сулившее ничего хорошего: и брови свелись в одной точке, и губы превратились в тонкую линию.

- Как вам повезло! – всплеснула руками дипломатка Алешечкина, подражая эмоциональной пенсионерке. – А мы не живем, а мучаемся – вокруг одни алкоголики и дебоширы. А у моей подруги, - она ткнула Катерину в плечо острым пальцем, - кстати, ее Фелицитатой зовут. Так

у нее, у Фелицитаты, вообще убийца живет в соседней квартире. Человека убил, срок отсидел и вернулся на свою законную жилплощадь. Соседи трясутся – вдруг... у него это вошло в привычку. Мало ли что... Или на генном уровне. Всякое передается на генном уровне, не только болезни. Одна старушка, она в том доме всю жизнь живет, еще с октябрьской революции, рассказывала, что прадеда этого убийцы приговорили к высшей мере наказания, причем тоже за убийство, и его сын пошел той же преступной дорогой, с внуком тоже было не всё в порядке. Теперь правнук зачинателя династии отличился. Еще неизвестно, что до прадеда было.

- Так этот правнук зачинателя династии еще жениться собрался, - вставила свое веское слово «Фелицитата». – Женится, родится ребенок, ребенок подрастет и... пиши пропало!

- Как же вы живете в доме, кишасщем криминальными элементами? – поинтересовалась Элеонора Павловна, с негодованием поглядывая на Куприян, словно она была зачинателем династии. Куприян хмуро взирала на нее исподлобья, всем своим видом демонстрируя угрюмую решительность.

- Разве это жизнь, - резонно заметила Алешечкина, отомстившая подруге на Фросю.

- Ну, хорошо, - смиренно произнесла пенсионерка, дав понять, что чужая жизнь в аду ее не волнует – сами сделали свой выбор, а что-то менять не собираются. Принялась рассказывать о стоматологе, к которому записываются на прием за полгода, запнулась на полуслове, уловив Каткину угрюмую решительность, не только не исчезнувшую, а усугубившуюся во время красочного описания не только внешности соседа-стоматолога, но и его «шоколадной» квартиры, в которой Элеоноре посчастливилось побывать. От непонимания вкрадчиво поинтересовалась, - Фелицитата, извините не знаю вашего отчества...

- Гарбузовна, - подсказала Натка. – У нее отец украинец, а мать русская, но наполовину армянка. Дружба народов.

- Можно без отчества, - процедила сквозь зубы дочь украинца и русской армянки.

- Фелицитата, - слишком громко вступила Элеонора Павловна, приведя в содрогание обеих подруг. В громком голосе слышалась предупредительная забота, что подруг пугало еще сильнее. – Извините меня за прямоту, но хочу спросить: вы замужем?

- Я? Конечно, замужем, раз есть сын.

- Дети и замужество не всегда совместимы.

- Я замужем, у меня все хорошо, - отрапортовала Катя не совсем уверенно, потому как не знала, куда клонит пенсионерка, постоянно уводящая разговор в сторону.

- Жаль... Простите... Я не то хотела сказать... Дело в том, что мой сосед, стоматолог, не обременен узами брака. Пошел пятый десяток, а все не женат. И... признаюсь честно, женщин меняет, как перчатки. Без серьезных намерений подходит к каждой представительнице прекрасного пола. Но я его за это не осуждаю – человек в поиске. Это лучше, чем быть мужчиной-одиночкой, который ненавидит дамский пол. Или интересоваться... Ну, вы понимаете, о чем я...

- Понимаем! – бодро ответила «Фрося».

- Но я считаю, что ему, соседу моему, пора бы остепениться. Поиск поиском, но время бежит быстро, его не воротить. Нужна семья, дети. Не в шестьдесят же заводить детей! – Элеонора Павловна приклеила взгляд к Катерине-Фелицитате. Взгляд был оценивающе-покупательский, будто женщина стояла перед манекеном, на котором красовался модный летний брючный костюмчик. Именно в такой костюмчик сегодня облачилась Катерина.

- Я-то тут при чем?! – возмутилась Катя Куприян, не выдержала ее взгляда и попыталась спрятаться за подругой, превосходящей ее в габаритных размерах. Подруга отступила в сторону, предоставив пенсионерке продолжить визуальный осмотр.

- Вы в его вкусе. Хотела вас сосватать, но вы уже замужем. И у вас все хорошо, - полувопросительно произнесла Элеонора. Она не была уверена в словах «Фелицитаты». – Наш стоматолог - мечта одинокой женщины: и красивый, и богатый.

- У меня подруга на выданье, - ляпнула Куприян.

Элеонора перевела взгляд на Натку. Во взгляде проскользнуло пренебрежение.

Чтобы оградить себя от нелестных замечаний, Натка протараторила:

- Больно мне нужен ваш богатый стоматолог, еле от своего мужа-олигарха отделалась.
 - Видимо, олигарх оставил вас без копейки, - скептически оценив ее наряд и внешность в целом, брякнула несдержанная пенсионерка.
 - Нат... Ефросинья сама от всего отказалась, - вступилась за подругу Катерина. – Не нужны ей его миллионы, его вилла в Монако, яхты, квартиры, машины...
 - Ты про домик в Альпах забыла, - напомнила «Ефросинья».
 - Домик могла бы и к рукам прибрать, - укорила ее Катя. – Где мы будем на лыжах кататься?
 - Как где? На Красной поляне! Мы патриоты своей страны.
- Элеонора Павловна поглядывала на подруг с недоверием, но помалкивала. Куприян решила вернуть разговор в нужное русло.
- Эх, жаль, что Фрося не подходит стоматологу. Может быть, стоит попытаться? Как думаете, Элеонора Павловна, есть у Фроси шанс понравиться красивому и богатому? Она – человек тонкой душевной организации, великолепно поет, а танцу-у-ует! Увлекается индийскими танцами. Завораживающее зрелище, вам скажу.
 - Не думаю, что мой сосед клюнет на тонкую организацию, голос и телодвижения. У него другие критерии оценки женщин. Марс Иванович...
 - Как вы сказали? – напряглась Натка.
 - Стоматолога зовут Марс Иванович Покрышкин, - сообщила Элеонора.
 - А друга по фамилии Пантыкин у него, случайно, нет? Пантыкин Борис Андреевич. Лысый такой, на французского актера похож, но тот не лысый. А так – один в один. Правда, Ка... Фелицитата?
 - Один в один! – задохнулась от возбуждения Куприян.
 - Лысый? На актера похож, французского, - перебирала в памяти Элеонора Павловна.
 - У него нос с горбинкой. И взгляд очень сексуальный, - расширила информацию о Пантыкине Наталья. – Рост выше среднего, хорошее телосложение.
 - При ходьбе ногу приволакивает, - развеселилась Куприян.
 - Правда? – испуганно пробормотала пенсионерка, словно услышала, что Пантыкин бродит, приволакивая ногу, темными ночами по заброшенным рощам и сексуально домогается перезрелых особ с пудельками.
 - Моя подруга перепутала Пантыкина с другим мужчиной. Фелицитата, ты подумала на... Пунтыкина, это он приволакивает ногу при ходьбе.
 - Разве? – удивилась Фелицитата. - Фрося, а ты ничего не путаешь? Пунтыкин это тот самый, который недавно купил трехпалубный теплоход?
 - Именно! Хотел мне подарить теплоход в обмен на мое согласие выйти за него замуж, но я - скала! Лучше выйду замуж за Валентина, нашего сантехника из ЖЭКа. У нас с ним одинаковые увлечения – мы обожаем рыбу удить на зорьке. Сидишь на берегу, смотришь на водную гладь, на поплавок. Ах! А из-за горизонта солнце выкатывается. Птички щебечут, лягушки квакают, воздух вкусный, хоть ешь его. На середине озера большие рыбы спины показывают - дразнятся. А мы сидим с Валентином рядышком среди шуршащих камышей, молчим и так нам приятно и молчать, и слушать, и любоваться природой. Кажется, ничего нового – видали красоты много раз, но радуемся всему, как дети.
 - Сто лет тебе сдался этот Валентин! – возмутилась Куприян. – Ни ума, ни фантазии, ни нормального заработка! Одна рыбалка в голове!
 - Зато дома краны течь не будут и унитаз исправно работать, - привела веский аргумент Натка.
 - Сапожник без сапог, - обронила Элеонора Павловна, желая поставить точку в диалоге подруг. Чужие бредни ей явно наскучили, и она показательно это выражала взглядом в никуда, только не на двух молодых женщин. Элеонора не привыкла молчать и вникать в смысл сказанного другими людьми, любила ораторствовать, и чтобы аудитория внимала ее речам, открыв рот от удивления.
 - А я про что! – взвилась Катерина. – Будет муж-олигарх, в доме не будет разрухи, а если...

- Дамы, вы меня слушать будете?! Или вам не интересно?! – на повышенных тонах спросила пенсионерка, прервав разглагольствование Катерины-Фелицитаты.
- Очень интересно! – хором пропели обе дамы. Они добились своего - Элеонора заговорила о трупе в роще. Но в начале была обещанная предыстория.
- Так вот... В одном подъезде со мной жила семья – муж, жена и ребенок. У мужа был свой бизнес, процветающий, олигархом он не был, но жили они обеспеченно. Жена сидела дома, воспитывала ребенка. Хорошая семья. А глава семьи – прекрасный воспитанный человек. Он никогда не ставил машину на тротуар, как это делают некоторые автолюбители, всегда помогал старушкам донести до квартиры тяжелые сумки, шутил, угощал фруктами со своего сада. Мы его Мичуринцем звали, он любил выводить новые сорта яблок. Хобби такое... У этой семьи была дача за городом. Я сама не видела, но знающие люди говорят – благоустроенная ферма на пятнадцати сотках. В одном человеке скопилась уйма достоинств, ни одного недостатка, и интеллигент, и умница, верный муж, заботливый отец... Все женщины завидовали его супруге, которая ничего из себя не представляла и не представляет. Разница в возрасте у них была огромная, целых двадцать лет. Не буду наговаривать - никто не замечал, чтобы супруга изменяла мужу, чтобы скандалила, цеплялась к мужу по пустякам. Она постоянно с ребенком, он – на работе, по выходным – вместе за город, на дачу, в отпуск опять вместе - к ее матери, в Белоруссию. И деньги были, могли на Канары махнуть, а они - в Белоруссию. И няню не нанимали, она все сама, все сама.
- Чем же вам не угодила молодая жена соседа-бизнесмена? – не сдержалась Катерина, задав не самый умный и нужный в данных обстоятельствах вопрос.
- Взгляд у нее тяжелый, значит, мысли черные в голове. Сквозь зубы поздоровается, губы подожмет, и мимо нас шмыг. Лишнего слова не скажет – нос задирает. А кто она есть? Ноль без палочки. До свадьбы, поговаривали, работала официанткой. А туда же – нос задирает.
- Это был первый его брак? - зачем-то уточнила Катя.
- Кажется, первый, но точно не скажу. Они в наш дом сразу после свадьбы переехали. Детей долго не было, восемь лет они вдвоем жили, потом долгожданный ребенок родился. Васильком назвали. Прелестный мальчик, копия своего отца. Сейчас ему пять лет. Год назад, прошлым летом, наш сосед пропал. Уехал утром на работу и с концами. Подняли на ноги всю полицию, он, конечно, не депутат или миллиардер, но не последний человек, и связи кое-какие имел. Жена ко всем знакомым обращалась. Муж как в воду канул.
- Вы думаете, что жена причастна к исчезновению мужа? – догадалась Натка. Элеонора каждый раз произносила слово «жена» с презрением.
- Оснований ее подозревать у нас не было, но и в ее искренность мы не верили... Возможно, она такой человек – мало эмоциональный или скрытный. На людях своих чувств не показывает, а ночами мокрую от слез подушку зубами грызет... А, возможно, наняла кого-то, чтобы избавиться от немолодого мужа. Убили его и где-то закопали. Уехал он в тот день на автомобиле, потом автомобиль нашли на привокзальной площади. Что его туда занесло, какая надобность, у жены ответа не было. Говорила, что никуда уезжать не собирался, вещей никаких с собой не брал. Никого на вокзале не встречал.
- В убитом человеке вы опознали своего исчезнувшего год назад соседа? – не дождавшись подтверждения, уточнила Катерина.
- Его, его бедолагу, - вздохнула Элеонора и смахнула платочком, окропленным духами, со щеки невидимую слезу. – Полицейские предположили, что в день исчезновения на него напали, ударили чем-то тяжелым по голове, завезли подальше от города, и там бросили. Решили, что умер. Ошиблись. Его подобрали, лечили, он пришел в себя, но память потерял. По всей видимости, начал что-то вспоминать, вернулся в город, даже добрался до своего микрорайона. Общался с такими же, как он сам – с бомжами. Полиция их опросила. Они сказали, что он назвался Васей. Именем сыночка. – На этот раз женщина пустила слезу.
- А когда Вася здесь появился?
- В конце весны. Бомжи в роще постоянно околачиваются, и сосед примкнул к их компании, два месяца уж прошло. Я в этой роще постоянно гуляю с собакой, но на бомжей внимания не

обращала, десятой дорогой обходила... Когда... всё случилось, я его опознала, назвала его фамилию, один полицейский куда-то позвонил, поговорил, а потом сказал: «Да, числится такой без вести пропавшим». И отправились они на квартиру его супруги. Она по-прежнему жила в той самой квартире вдвоем с сыном. Думали, что переедет, ан нет: объяснила, что ждет возвращения мужа. Вдруг вернется, а в квартире живут чужие люди.

- Продолжала любить, ждать и надеяться, - вздохнула Наталья.

- Но ни одной слезинки не проронила. Ни тогда, когда год назад муж пропал, ни сейчас, когда полиция к ней пришла и повезла на опознание, ни позже, на похоронах.

- Это вдова настояла на вскрытии?

- Хотела узнать причину смерти... Отравили его. А чем отравили, какой-то гадостью, так и не установили. Наверное, нашел что-то на свалке и съел. Я так думаю... А, может, намеренно кто-то отравой угостил. В голове тоже покопались порядком. Что-то там с сосудами головного мозга. Потому и память потерял. Теперь правды – кто это зло сотворил – не узнаем.

- Вдову не подозревают?

- В отравлении? Нет. И в нападении, в соучастии, тоже не подозревают. После похорон она к матери уехала погостить, в Белоруссию. Сказала – вернется.

- Элеонора Павловна, посмотрите, пожалуйста, эту женщину вам встречать не приходилось?

- Куприян показала фотографию Оливии Михалко. Ей удалось сфотографировать Оливию Дмитриевну на свой мобильник во время слежки. Изображение получилось довольно четким, по крайней мере, Оливия была узнаваемой. – Вдруг здесь, в роще, ее встречали, вдруг еще где-то?

Элеонора посадила на переносицу очки, взяла в руки мобильный телефон и долго присматривалась к изображению Оливии Дмитриевны Михалко. Катя увеличивала изображение по чуть-чуть, каждый раз приговаривая «А так?» Она касалась виском плеча пенсионерки, чтобы было сподручнее действовать в унисон – изучать и увеличивать. Достигнув максимального увеличения, Куприян опять обронила свое «А так?» и стала терпеливо ждать ответа. Элеонора приблизила к глазам фотографию, покачала головой туда-сюда – оценивала, отвела мобильник на расстояние вытянутой руки, почмокала, изобразив то ли глубокое раздумье, то ли непонимание, после чего неуверенно пробормотала:

- Кажется, я ее где-то видела.

- Здесь, в парке? – напряглась Алешечкина.

- Возможно... Скорее всего, здесь.

- Она была одна или с... мужчиной? – поинтересовалась Куприян.

- Хорошо, что вы спросили про мужчину! – взвизгнула от восторга Элеонора Павловна – специалист по сильному полу. – Эта женщина прогуливалась в роще с мужчиной. Очень представительный экземпляр... Где мои семнадцать лет? – томно протянула пенсионерка без малейшего сожаления: знала, что ее возраст имеет свои плюсы. – Высокий брюнет, волосы зачесаны назад, прекрасно сложен, тонкая полоска усов над губой, глаза темные, почти черные, возможно, темно-карие, глубоко посажены, нос правильный, губы... красивые губы, немного припухлые. Одет как для прогулки в парке, никакой вычурности.

- Вы его так хорошо запомнили? – недоверчиво протянула Наталья.

- У меня глаз-алмаз! – похвасталась Элеонора.

- Случайно не слышали, о чем они разговаривали? – задала вопрос Катерина.

- О чем такому мужчине разговаривать с разевшейся женщиной?! Они не подходят друг другу. Прошлись в темпе по парку, словно не гуляли, а кого-то искали, и исчезли. Наверное, и правда кого-то искали. Лица у обоих были напряженные. У вашей знакомой нет собачки? Я подумала, что она собачку потеряла, а мужчина вызвался ей помочь. Но раньше я ее здесь никогда не встречала. И после той встречи тоже ни разу...

- И что ты обо всем этом думаешь? – деловито осведомилась Натка у своей задумчивой подружки, когда они расстались с Элеонорой.

- Есть два варианта. Первый – этот мужчина является поклонником Оливии, описание Элеоноры Павловны может быть предвзятым: он совсем не так хорош, как она описала.
- Поклонник, он же отравитель, - подчеркнула Алешечкина без малейшего сомнения.
- Понимаю – тебя этот вариант устраивает. Тем более, описание, какое-никакое, у нас теперь есть... Вариант номер два – мужчина является обычным знакомым по Интернету. Долго переписывались и, наконец, встретились.
- Почему бежали по парку сломя голову? И лица у обоих были напряженные?
- Разочаровались друг в друге. Оливия представила ему свой портрет двадцатилетней давности, а он ей – фотографию друга, отдаленно похожего на него. Для вида прогулялись и разбежались, - быстро нашла объяснение Катерина.
- Все может быть, - безразлично произнесла Наталья, искусно пряча свою немилость к обоим подозреваемым в общем, и к своей подружке, адвокатессе-самовыдвиженке, в частности...

В выходные подружки не виделись. Катя Куприян встречала мужа, который приезжал на побывку - в понедельник снова уезжал в командировку. Наталья Алешечкина занялась домашними делами, вышла один раз из квартиры за продуктами. Готовилась к рабочей неделе. За два месяца впервые не отправилась шататься по городу. Сидеть в кафешках отпало всякое желание. Как отпало желание и к новым знакомствам. Причина не в мужененавистничестве - в голове поселился недавний знакомец. Ростислав Шефов.

Промаявшись больше суток, Натка нашла в телефонном справочнике некую Марию Вадимовну Шефову. Набралась наглости, и позвонила. Ей ответила женщина, чем очень разочаровала.

А кого, собственно, она хотела услышать?

Живет себе женщина – Мария Вадимовна Шефова – тихо-мирно, одна-одинешенька, знать не знает своего однофамильца Ростислава Евграфьевича. Уже замучилась давать справки о видном мужчине – своем однофамильце, что б ему пусто было. Почему видный? Да потому, что поклонницы ей телефон оборвали! Очередная поклонница станет последней каплей в чаше переполненного терпения. Накрапает Мария Шефова заявление в полицию, и гражданку Алешечкину затаскают по инстанциям, затем потребуют материальную компенсацию за нанесенный моральный ущерб, не отвертится – у Марии Вадимовна есть покровитель со связями. И не мудрено - голос у нее мягкий, приятный, обволакивающий. Даже немного волнительный. Так показалось упорно-навязчивой женщине по имени Наталья. По всей видимости, голос соответствует внешности.

Натка представила яркую сексапильную красотку и до нее сразу дошло, что Мария Вадимовна Шефова – не кто иной, как гражданская супруга Ростислава Евграфьевича. Почему гражданская, а не законная? Потому что Натке так хочется: сегодня есть, завтра ее нет, сложный бракоразводный процесс не будет мешать новому счастью.

Так уж и новому, так уж и счастью.

Мысли пролетели в голове Алешечкиной с быстротой молнии.

Мария Вадимовна продолжала уговаривать неизвестного абонента откликнуться, отчаялась уговаривать и оповестила – вас не слышно.

Натка сообразила, что красотка уговаривать и оповещать не станет, элементарно бросит трубку.

И однофамилица Ростислава, совсем не красотка, тоже не будет этого делать. От возмущения. А что может сделать, так это наградить сопящую молчунью «добрыми» напутствиями.

Эта гражданка Шефова «добрыми» напутствиями не наградила.

Следовательно, у Алешечкиной появился шанс. Шанс выведать необходимую инфо. И не надо строить воздушные замки, в которых живут иллюзорно счастливые мужчина и женщина.

И не надо трястись от нахлынувшего радостного волнения, как заяц в лесу с вечно голодными дикими зверями. При чем здесь заяц в лесу со зверями?! То-то ему радостно

осознавать, что его могут слопать каждую минуту. А может быть зайцу нравится погоняться? Азартный зайчик-побегайчик.

Пока Натка размышляла о зайцах, о себе в роли жительницы воздушного замка, Мария Вадимовна Шефова замучилась уговаривать и оповещать. В трубке раздались короткие гудки.

Упорно обнаглевшая Наталья Романовна возобновила телефонный терроризм, за который имеет статья в уголовном кодексе. Точно этого не знает, но догадывается.

Мария Вадимовна тотчас откликнулась. Голос по-прежнему был приветливый, доброжелательный. Обволакивающий был голос. Как у сексапильной красотки. Натка собралась бросить трубку, но нашла в себе силы все же не вести себя, как влюбленная школьница, досаждавшая телефонными звонками однокласснику.

Я должна выяснить, кем приходится эта женщина Ростиславу Шефову, - мысленно приказала себе Алешечкина. – Сексапильная красотка не может быть Марией Вадимовной, - привела она шатко-валкий аргумент на костылях.

Дождалась паузы в монологе Шефовой, и уже собралась что-то пропищать, просительно-жалостливое, но вновь в голову ворвалась беспокойная мысль – а вдруг это совсем не Шефова? Не Мария Вадимовна? Она давно съехала с квартиры, в которой установлен стационарный телефон, зарегистрированный на ее имя, а Ростислав остался. А Натке ответила временная возлюбленная Ростислава. Возлюбленная поставила себе цель выяснить, кто названивает ее мужчине, чтобы устроить грандиозный скандал. Определитель номера на телефоне не стоит – повезло несказанно некоторым навязчивым дамочкам, иначе возлюбленная перезвонила и устроила...

А оно Натке надо? Скандалы, выяснения? А Ростислав?

Неужели отступит? Как обычно, как всегда?

Я другая! Я борец!..

- Здравствуйте, я могу поговорить с Ростиславом? - небрежным голосом произнесла Алешечкина, ставшая другой, ставшая борцом. Только пока не определилась, надо ли ей бороться.

- Его нет, он на работе, будет после восьми. Что ему передать? – вежливо доложила и спросила женщина.

- Дело в том... - по-деловому вступила Натка и тут же замялась, не придумав продолжения начатой фразы. О потерянном мобильном телефоне она давно забыла. И слава богу.

Зачем-то вспомнился отрывок песенки из фильма «Соломенная шляпка» в исполнении непревзойденной Людмилы Гурченко: все дело в том, что у невесты приданного в помине нет.

- Так в чем же е дело, милая? – поторопила ее женщина с приятным голосом.

Это обращение «милая» Натку так растрогало, что глаза неожиданно наполнились слезами. Куприяшка тоже иной раз называет ее милой, но у нее выходит не так ласково.

- А вы кем приходитеесь Ростиславу? - брякнула растрогавшаяся Алешечкина, решив, что может перейти черту, запретную в общении с чужим человеком, добродушно настроенным к ней.

- Я его мать. Меня зовут Мария Вадимовна.

- Очень приятно, - поспешно расшаркалась Натка, чтобы женщина не спросила ее имени, зашифровалась.

Умные мысли разлетелись, как стая напуганных воробьев, причем так быстро, что в голове слегка зашумело. Сквозь шум прорвался Катькин совет, не отличающийся фантазией. Алешечкина поддалась панике, переложила телефон из одной руки в другую, нервно облизала сухие губы. Лицо пылало, как флаг Советов.

Раз озарение не пришло, Алешечкина заторможено проговорила:

- Дело в том, что Ростислав любезно согласился сесть за руль автомобиля моей подруги, которая по стечению обстоятельств не могла управлять автомобилем. Через некоторое время подруга обнаружила в салоне автомобиля, на полу под водительским сиденьем, чужой мобильный телефон. Батарея разрядилась, мы не могли узнать, чей это телефон. Принялись

обзванивать всех, кого она подвозила. Отчаялись найти собственника телефона, упустили из вида водителя-помощника. Решили оставить затею, собственник телефона сам даст о себе знать. Но я вдруг вспомнила о Ростиславе... Ваш сын – примечательная личность, его так просто не забудешь, - суетливо вымолвила она, чтобы не обидеть мать, у которой, по словам самой Натки, сын с внешностью дикобраза, чей образ любая женщина поспешно удаляет из памяти.

- Сын мне не говорил, что потерял телефон, - беспокойно отозвалась Мария Вадимовна и тут же притушила свое беспокойство, - такой потере горя мало, теряют больше иногда.

- Лопе де Вега, - автоматически пробормотала Наталья Романовна, выказав сомнительную эрудицию.

- Верно! – восторженно произнесла женщина, как будто ей сообщили о существовании внука или внучки, о которых она давно мечтала.

- А как бы узнать...

- О телефоне? - встряла Шефова и повторила вопрос, - как бы узнать?.. Милая девушка, вряд ли вы нашли мобильный телефон моего сына, - наконец, сообразила она, но милой девушке понадобились уточнения.

- Почему вы так решили?

- Потому что я ему звоню по старому номеру.

- Это ни о чем не говорит, - уперлась Алешечкина, никогда не находившая в Катькином автомобиле чужих мобильников. – Ваш сын мог восстановить сим-карту. Мне необходимо в этом убедиться, чтобы... продолжать или не продолжать поиски владельца телефона.

- Я могу ему позвонить и...

- Мария Вадимовна, - сурово-осуждающе высказалась навязчивая особа, бывшая некогда милой девушкой. Сменила гнев на милость и проворковала, - Мария Вадимовна, вы не могли бы продиктовать номер его мобильного? Я сама с вяжусь с вашим сыном.

- Без проблем. Записывайте, я номер сына наизусть помню, у меня на цифры память отличная, я всю жизнь бухгалтером проработала, давно на пенсии, но память постоянно тренирую, все нужные телефонные номера повторяю, запоминаю...

У Натки чуть не вырвалось признание – я тоже бухгалтер, мы с вами коллеги. Но не решилась открывать свое инкогнито – можно подумать, ее профессия что-то скажет объекту ее пристального внимания.

А мысли улетели далеко от матери объекта пристального внимания.

Пришел черед разборок с самой собой.

Что ты творишь? – мысленно обратилась к себе Наталья Романовна. – Сколько тебе лет? Пятнадцать? Если бы Ростислав тобой заинтересовался, то вышел бы на Катьку: у мужчин есть привычка запоминать номера на автомобиле... Но автомобиль оформлен на Катькиного мужа, на Иванова... Тоже мне – проблема. Ищешь себе оправдания?.. Ищешь, ищешь и найдешь... Здравствуй, никому не нужная старушка, как живешь? – перефразировала она детский стишок поэтессы Нины Саконской. - Не вышел Ростислав ни на Катьку, ни на Иванова, через них не вышел на тебя, старушка- страшнюшка. Не нужна ты ему, неужели не понятно. У него таких, как ты, вагон и маленькая тележка. Не таких, как ты, в сто раз лучше... Мать о существовании невестки, официальной или неофициальной, ничего не сказала, но это ни о чем не говорит – будет она первой встречной всю подноготную сына выкладывать... И все равно я ему позвоню. И пусть что хочет, то обо мне и думает...

И позвонила. Спросила о мобильном телефоне. Не терял. Спросил, как чувствует себя ее подруга. Не дослушал. Сослался на дела и попрощался.

И всё общение.

А она столько сил приложила! Наплевала на свою гордость. Хм... Гордость. Откуда бы ей взяться? Давно ручкой помахала и улетела... Улетела на небо вместе с божьими коровками.

И что это я в детство ударила?.. Потому что веду себя несоответственно своему возрасту...

Алешечкина решила выпить горячего чаю в жаркий летний день – отомстить себе за неправильное поведение.

Летом она никогда не заваривала чай, при редком желании выпить чаю, бросала в чашку пакетик с чаем. Так поступила и на этот раз. Залила пакетик кипятком, зверски поколошматила его в чашке, выбросила в мусор, долила в горячий чай холодное молоко, из холодильника. Пожалела себя.

Пожалев, пригорюнилась. Захотелось приткнуться к мужскому плечу. Без пускания слезы. Просто приткнуться. И сидеть. Блаженствовать от понимания того, что ты под защитой. Тебя принимают такой, какая ты есть. Без прикрас.

Хотя... Приукраситься бы не мешало. Тогда бы...

Что, тогда бы? Тогда бы Ростислав Шефов тебя не отшил?

- Стыдоба, - пошевелила неживыми губами Алешечкина. – Как тебе, Наталья, не совестно?! Совсем стыд потеряла, мужикам навязываешься... Одиноко. Ужасно одиноко. И никому-то я не нужна... Не надо прикрывать свое безответственное поведение одиночеством! Обидно стало, что Алешечкин быстро нашел тебе замену? Не стал обивать пороги, просить-умолять, в ногах валяться? Не хотела этого?... Не хотела. Только не Алешечкин. И не кто угодно. Я не всеядная. Я не оголтелая одиночка.

Только собралась окончательно разнюниться, как ожил мобильник. Натка находилась на кухне, «грелась» чаем, мстила. Звонки долетали до нее, но бежать за телефоном в комнату, узнавать, кто ей звонит, она не спешила. И кто может ей звонить, кроме Катки... Но Катка звонить не будет, у нее муж. Приехал на побывку. Живут так Ивановы-Куприян и их все устраивает.

Она не осуждает. Потому и дружат столько лет, что не осуждают, лишь подтрунивают друг над другом. Так девочки развлекаются.

Телефон «умер», подумал и решил воскреснуть – снова затрещивил.

Неужели Шефов? Освободился от трудов праведных, надумал загладить вину. Ага. Будет он заглаживать. Кто она ему? Пятая ножка от стула. Так говорила о себе Куприяшка, когда Канарейкин обходил ее стороной. Дело было в далеком прошлом.

Неужели... Нет... Быть такого не может, потому что не может быть. У Кати есть Иванов. Надежный. Проверенный. Человечный человек.

Но старая любовь с годами не стареет.

Старее. Дряхлеет. Ржавеет. Превращается в нечто неприглядное для эстетичного взгляда. Получаем прощальный досвидос. Прощальный, значит, навсегда.

И кто же это звонит такой настойчивый? Неугомонный, чего тебе надо от одинокой женщины?... Отстал. Нет, опять звонит. Надо проверить, кто это?

В тайне Натка надеялась, что звонит мужчина. Именно, Ростислав Шефов. Для которого она – пятая ножка от стула. Если звонит, то не пятая, очень нужная... ножка... Нужная, потому что не оставляет затею дозвониться.

- Ничего себе, - удивленно протянула Алешечкина. Вслух протянула от неожиданного открытия. - Господин Канарейкин собственной персоной. Это что-то новенькое.

От удивления до злости всего миг. Неизвестно, у кого как, а у Натки точно – один миг.

- А этому что от меня нужно? - взвилась она.

В голове не умещалось, что Канарейкин звонит от чувств-в, страданий-с, нахлынувших воспоминаний-с. О чем ему вспоминать? Конечно, ему есть, о чем вспоминать: событиями, в основном приятными, жизнь была и будет загружена, как элеватор в период уборки урожая. Но в эти события никак не вклинивается бывшая одноклассница. Ей в этих событиях нет места. Как нет места в жизни Канарейкина, который ей звонит... по какому-то важному делу. Дело у нее к ней. Только и всего.

А она что подумала? Что себе напридумала? Так правильнее. Напридумала, и стоит, изображает из себя капризную принцессу, у ворот дворца которой вытянулась очередь из принцев дальнего и ближнего зарубежья.

Нет очереди! Один мнетя у дворцового порога, да и тот... адресом ошибся.

И злость твоя здесь неуместна. Открой ворота, узнай, чего спутнику понадобилось. С тебя не убудет.

Или нравится обманываться?

Он горит от страстного желания встретиться и объясниться.

Сказать – была ты, Соловьева, непутевым середнячком, середнячком непутевым и осталась.

Зачем Канарейкину мне об этом говорить? Случился очередной спуск к средним величинам? Надо сразу указать некоторым свое место, чтобы много не о себе не мнили?

Но почему он заранее все за меня решил?

Свою буйную фантазию надо было выказывать раньше, когда разговаривала по телефону с Марией Вадимовной Шефовой!

Ни-че-го не знаешь! Имею в виду причину, побудившую Канарейкина сойти с пьедестала.

Волнуешься? Боишься показать себя не в лучшем свете?

Между тем Эдуард Витальевич проявлял завидную настойчивость.

- Не к добру! – выдала вслух Алешечкина. Злость накатила с новой силой.

Злилась больше на себя, на свои повлажневшие, якобы без причины, ладони, на сердце, напомнившее о себе излишне частным биением, на собственные подошвы ног, в которые одновременно вонзились многочисленные иглы, похожие на острые выступы аппликатора Кузнецова, который мать применяла для игольчатого массажа. Натке показалось, что даже волосы на голове зашевелились. А предательское сердце отыскало в недрах организма батут и принялось на нем прыгать, норовя впихнуться в горло и застрять там.

Да, Натка сильно разволновалась. И испугалась. Не звонка, себя – проявит себя не в лучшем свете. Прошное мнение давно позабылось. По крайней мере, ей этого очень хотелось.

Сейчас ляпнет что-нибудь «не в дугу», как любила говорить в молодости. Ляпнет и не оправдает надежд умного мужчины с завышенными требованиями к людям. Он снизошел – позвонил, а она... Что она? Начнет прыгать, одежды рвать в предвкушении, перебирать нижнее белье, укладывать свою рыжую гриву, подкрашивать глаза – выделять «малахиты» на красном фоне, на лице... И надевать мини-платье, чтобы сразить его наповал своими изумительными по красоте и стройности ногами. И изумительными круглыми коленками... Даже Алешечкин это отмечал. Даже. Тоже мне, нашла авторитета, знатока женской красоты.

Успела убедиться в его умении ценить... прекрасное. Прекрасное – это ее круглые коленки.

Телефон звонил, Алешечкина аккуратно положила аппарат на диван и принялась вытирать влажные ладони о ситцевый халатик в лютиках. Вновь схватилась за телефон, только собралась ответить, как произошел сбой – то ли она, от возбуждения, не туда надавила, то ли Канарейкин в очередной раз не дождался и бросил свою затею.

- И хорошо, - наигранно успокоилась Наталья Романовна.

В очередной раз положила мобильный телефон на диван, посмотрела на свою работу – телефон эстетично спал на диване. Перезванивать Эдику Канарейкину Натка не собиралась. Потянулась в прихожую, где стоял шкаф-купе с большим зеркалом. Подтянула повыше свой убогий халат в лютиках, оценила себя в зеркале, еще подтянула – чуть выше колен, опять оценила. И осталась довольна.

- В самый раз, выше не надо, - констатировала она.

И с увлечением принялась перебирать вещи, словно ее уже пригласил на свидание требовательный кавалер. В гардеробе женщины-разведенки с небольшим стажем не было одежды нужной длины – чуть выше колена. Все – до середины икры.

Колхоз-деревня, - так характеризовала ее тряпки Куприян. И была права. Натка слушала ее возмущения по поводу того, как она одевается, но не прислушивалась. Ее все устраивало, бывшего мужа, когда он был еще не бывшим, а действующим, будто бы – тоже. Зато никто не завидует, - всякий раз утверждала Наталья. Она сама никому не завидовала и боялась чужой зависти не меньше боязни бойцовских собак. В старших классах школы на нее набросилась одна такая. Пришлось Натке, совершенно неспортивной девочке, совершить марш-бросок до высокого тополя и с бешеной скоростью взобраться по нему почти до самой вершины. Благо, тополь был не пирамидальный – было где устроиться в ожидании свободы. Тополь, который в период начального лета нервировал летящим пухом, прилипавшим к лицу и одежде, клубками колесившим по тротуару, теперь пригрозил у себя перепуганную девочку. Пес

опешил от ее скорости, не залаял, пристроился под деревом и задумчиво на нее пялился до тех пор, пока не появился хозяин, мужичок неопрятного вида с полупустой бутылкой пива. Сообщил «обезьяне на дереве», так ее назвал, что у него очень добрая собачка, она просто хотела с ней поиграть.

- Сам ты, обезьяна, - вслед уходящему хозяину прошептала Натка. Оценила расстояние от ветки, на которую она взгромоздилась в пылу страха, до земли и заскулила.

Все одноклассники в это время прилежно писали диктант по русскому языку. Наташа Соловьева долго болела ангиной, много пропустила, не учила правила по русскому, в общем, основательно запустила учебу. Учительница решила проверить, как ученики усвоили прошедший материал. Соловьева никак не усвоила, она филонила целых две недели. Пришла, а тут нате вам – диктант. Подошла к учителю и сказала, что очень плохо себя чувствует. Учительницу впечатлило пунцовое лицо ученицы, и она с легкостью отпустила ее домой. Хотела дать сопровождающего – Эдуарда Витальевича Канарейкина, самого ответственного из всех мальчишек, но Наташа отказалась, хотя, Канарейкин - чудо чудное! – умоляюще на нее посматривал – тоже не хотел писать ненавистный диктант.

Вышла из школы, не прошла и пятисот метров, а тут откуда ни возьмись – милейшее создание, собачка. Очень добрая, но ей не сообщила о своей доброте. А хозяин обозвал «обезьяной на дереве» и пошел своей дорогой. Забраться забралась, а вот как теперь спуститься. Как назло, вокруг никого, ученики в школе, взрослые на работе. Прогульщики – на деревьях. Натка поелозила, ветка заскрипела. Пришлось передвинуться ближе к стволу, прижаться к нему, как к самому родному человеку. С трудом освободилась от рюкзака и бросила его вниз. Представила себя в полете, не забыла о твердом приземлении. Переломы и тому подобное. Встать на ноги не может, распласталась на земле, как цыпленок табака, юбка задралась, а поправить не может – руки не действуют, серьезная травма позвоночника. И тут... появляется Канарейкин. Подходит ближе, пристально рассматривает «цыпленка табака», замечает несколько зацепок на колготках, трикотажные трусики в цветочек...

Безобразное зрелище! – подумала в тот момент Натка. Обхватила двумя руками ствол старого тополя и осторожно переместилась на нижнюю ветку. Голова закружилась, стало подташнивать. Она старалась не смотреть вниз. Опять посетили разные мысли, нарисовались нерадостные картинки. Натка не могла найти в себе сил для следующих перемещений к заветной земле. Она смотрела вдаль и глубоко дышала. Ей была хорошо видна родная школа.

И тут... дверь открылась и на пороге возник... Канарейкин. Видимо, нашел причину, чтобы улизнуть с урока. Может быть, его послала учительница, которая переживала за «больную» ученицу с лицом, «поджаренным лучами солнца».

Картинки падения, распластывания на земле в неудобной позе цыпленка, оценивания со стороны, «любования» трикотажными трусиками в цветочек - пролетели в голове с быстротой молнии. Натка сама не заметила, как оказалась на твердой земле, на своих ногах. Схватила рюкзак и спряталась за стволом тополя. Канарейкин беспечно прошел мимо, не заметив ее.

С тех пор она перестала носить трикотажные трусики в цветочек. С пренебрежением относилась в одежде, но не к нижнему белью...

Взрослая тетенька Наталья Романовна, давно махнувшая рукой на свою внешность, покопалась на полке шкафа. Естественно, не нашла ничего, заслуживающего внимания ту женщину, которая всегда следит за собой. Для собственного успокоения откопала новый – ни разу не одетый, береженный для особых случаев - комплект нижнего белья сексуального красного цвета – под цвет лица. Лицо покраснело не от нахлынувших воспоминаний, в тех воспоминаниях из школьной поры ничего предосудительного не было – не падала с ветки, как перезревшая груша, не показывала народу трикотажные трусики в цветочек.

Натка запунцовела от другого – на горизонте замаячил мужчина, ради которого можно нацепить новое бельишко. На всякий случай. Общение может зайти далеко. Бывает. Не дети малые.

Нацепила бельишко и полюбовалась на себя в зеркало. Всего лишь примерка. Оценка. Только для себя. Ничего и в мыслях не было. Общение никуда не пойдет, это все ее мечты. Больше не звонит.

А надо было брать трубку без долгих раздумий. Брать и узнавать, с какой целью ему понадобилась бывшая одноклассница. Средняя величина.

Не средняя. Очень даже ничего. Для своих лет.

- Не худышка, конечно, но жир не трясется, как студень, - уверенно заявила Натка вслух для собственного успокоения.

Сначала для успокоения обнову нацепила, потом начала себя уговаривать... Лучше бы уговорила себя вес сбросить... Не надо мне вес сбрасывать. В меру упитанная. Всё при всём...

- Не забывай втягивать живот! – приказала она себе.

И вдруг в дверь позвонили. Алешечкина заметалась. Влетела на кухню, провернулась, выскочила в прихожую, задвинула дверцу шкафа-купе, снова ее приоткрыла и заглянула, словно проверила - в нем никто не появился?

В шкафу – никто, за входной дверью некто продолжал давить на кнопку звонка. Наталье захотелось втиснуться в шкаф, закрыться-зарыться и сидеть тихо-тихо, как мышь. Не втиснулась, рванула к входной двери, опомнилась – она же в нижнем белье! Надо на себя что-то набросить. Лучше что-то подходящее. Ничего подходящего под руку не попало, только домашний халатик в лютиках.

За секунду Натка вырядилась в любимый старенький халат и застегнулась на все пуговицы. Если бы служила в армии, уложилась бы в норматив.

А я не буду никому открывать! – с вызовом подумала она. – Я никого к себе в гости не приглашала... Это не Канарейкин... Канарейкин не знает моего адреса... Если, конечно, Куприяшка не растрепала... Не буду открывать... О чем мне с ним разговаривать? Бегать вокруг него и заглядывать в глаза? Не желаю! Пусть другие бегают и заглядывают... Не было и тут – нате вам, появился. Осчастливил... Не буду открывать... Не хочу... Не хочу появляться перед ним в таком затрапезном виде. Можно, конечно, скинуть халатик и предстать перед ним в красном белье... То-то у него физиономия вытянется...

Натка прыснула и тут же прикрыла рот ладошкой.

Нежданный визитер продолжал настойчиво звонить в дверь.

- Ни-ко-го нет дома-а-а, - шепотом протянула хозяйка, подпрыгивая на одном месте от возбуждения.

Сорвалась с места, полетела в ванную, сорвала с вешалки банный халат – «сменила шило на мыло», на голову накрутила тюрбаном большое махровое полотенце, окропила лицо водой, и посеменила к двери. Нацепила на лицо недовольство – пусть не думает, что ему здесь очень рады, щелкнула замком и распахнула дверь...

Наталья Романовна ожидала увидеть кого угодно, только не парня в синих шортах, синей футболке и пляжных шлепанцах. Парень взирал на хозяйку квартиры с осуждением – долго не открывала, в глазах поселилось отчаяние.

- Вам кого? – нахмурилась хозяйка.

- Мне нужна Наталья Романовна Соловьева-Алешечкина.

- Я – Наталья Романовна Соловьева-Алешечкина, - испуганно пробормотала Натка, кося глазом на букет цветов, который гость дерзко держал подмышкой, как обычный веник, купленный только что в магазине. Держал задом наперед, «корешками» к женщине, «вершками» в пустоту лестничной клетки. Руки парня были заняты большим блокнотом с перекидными страницами и шариковой ручкой, зажатой между указательным и средним пальцем. Шариковая ручка нервно покачивалась.

- Вы? – почему-то переспросил молодой гражданин с букетом задом наперед и указал на хозяйку шариковой ручкой - показал при помощи ручки фигу. В голосе явно проскользнуло удивление. Как будто особа «не первой свежести» в махровом халате и тюрбане из полотенца не может быть выше упомянутой особой.

- Может быть, вам паспорт показать? – сдержанно спросила хозяйка квартиры. Сдерживалась во всем: чтобы не нагубить – и без того настроение хуже некуда, чтобы не выхватить из рук парня шариковую ручку и не забросить куда подальше – не надо в нее тыкать и фиги показывать, чтобы не вытянуть из подмышки букет и не надавать им по скривившейся физиономии.

Парень рассчитывал вручить красочный букет женщине с обложки глянцевого журнала – потому что видел своими глазами заказчика, и никак не ожидал, что перед ним предстанет чудо-юдо неопределенного возраста. Он принял чудо-юдо за мать получательницы букета – не за ту, которая с обложки журнала. Мужчина, который заглянул в цветочный магазин, произвел фурор среди всего женского населения, включая бабу Нюру, ровесницу Сталина. Баба Нюра была завсегдатаем цветочного магазина. Скупала по низким ценам залежалый товар и шла на рынок – распродавать цветы по сниженным ценам и злить других торговцев. Не так зарабатывала, сколько время весело проводила...

- Покажите паспорт! – раздерзился наглец.

Натка хлопнула дверь, чуть не прищемив парню нос. Слишком долго искала паспорт – просто сидела на диване и нервно покачивала ногой в тапочке. Мстила невежливому молодому человеку. Сегодня выдался день мщениа - и себе, и другим. К другим относился молодой парнишка, не отягощенный правилами хорошего тона.

Что же мне нельзя цветы прислать? – размышляла хозяйка квартиры в банном халате, в тюрбане и в тапочках. В новом нижнем белье красного цвета. Важное уточнение.

От чрезмерно энергичного покачивания ногой тапок улетел в угол комнаты. За ним последовал и второй – Натка его намеренно зафинтилила.

Гость напомнил о себе робким постукиванием в дверь, заподозрив хозяйку преклонных лет в забывчивости, в слабоумии, в потере памяти и в чем-то еще. В его годы все, кто старше сорока, кажутся дряхлыми старухами со всеми прилагаемыми болячками.

Он – не исключение, в молодости Натка тоже так считала, а повзрослев, дойдя до «страшного» возраста, не могла найти отличий с собой прежней. Не пыталась искать!

И когда они, те двадцать лет, были? Вчера!

- Сейчас! – рявкнула хозяйка, но с места не сдвинулась.

Привычно погрузилась в печаль. Никто не смеет ей в этом мешать. И пусть ждет. Работа у него такая – доставлять и ждать. Сам нарвался. Мог бы не требовать документ, удостоверяющий ее личность.

Неужели я такая старая и страшная? Нормальная женщина с нормальной комплекцией. У меня всё в норме. Выгляжу на свой замечательный возраст. Зачем молодиться – буду выглядеть смешно. Да, надоело мести подолом тротуары. Кажется, надоело. Пока не разобралась – надо ли меня имидж. Это был всего лишь мимолетный порыв. Причина мимолетного порыва в... одном мужчине. Привлекательно-завлекательном.

А если для себя? Почему бы и нет.

Не кардинально, так чуть-чуть, для разнообразия, для настроения.

Обязательно куплю себе новое платье, красивенькое, чтобы мне невероятно шло, чтобы подчеркивало достоинства и скрывало недостатки. Длиной до колена. Ни выше, ни ниже. Обещаю. Пойду и куплю.

- Женщина, вы там заснули что ли? - на весь подъезд разорался доставщик цветов.

- Вот обнаглед, - развеселилась Наталья Романовна. Как не веселиться, если легко нашла выход из тоски и печали. Новое платье. Старо, как мир. Все гениальное – просто.

Натка так резко распахнула свою дверь, что парень от неожиданности отпрянул и едва не свалился на цементный пол.

- Полегче на поворотах, - предупредила женщина, заботясь о букете цветов, предназначенном лично ей. При этом широко улыбалась, чем озадачила курьера.

Он заново оценил женщину. Понял, что она не совсем старая. Не девчонка, это да. Лицо смешное, детское. На скулах веснушки. Если бы не морщинки-лучики у глаз, вообще, дал бы

не больше тридцати пяти. Морщинки едва заметные. И улыбка приятная, заразительная. Хочется улыбнуться в ответ.

- Вот вам паспорт!

- Ладно, не надо. Это я так. Сдуру. Распишитесь в получении.

- Нет уж, раз просили, то будьте любезны, - настаивала женщина, продолжая улыбаться.

Парень для вида полистал документ, остановил взгляд на фотографии, сличил с оригиналом. Разница была, но не существенная, хотя, с той поры, с момента получения паспорта, прошло немало лет. Вдруг на лице повисло недоумение.

- А где Соловьева?

- Соловьева – моя девичья фамилия. Алешечкина – фамилия по мужу. Показать свидетельство о рождении?

- Нет, не надо, - поспешно покачал головой курьер.

- Мужа в доказательство предъявить не могу, мы в разводе, - неожиданно призналась Натка, продолжая веселиться. Впервые за три месяца свободы она осознала, что освободилась от мужа-зануды. Может покупать себе любые наряды и не отчитываться, не выслушивать монотонного бубнения по любому поводу и без повода. Сво-бо-да!

- Что за люди, - непонятно кого охаял парень: то ли обоих – мужа и жену, то ли ее, что не удержала, то ли его – что не удержал. Этакое сокровище. Женщина-бриллиант с малахитовыми глазами.

Курьер вручил шариковую ручку и подсунул блокнот.

- Распишитесь в получении.

- От кого цветы? - по ходу подписывающего дела поинтересовалась Алешечкина.

Парень перекинул блокнот, достал белый конверт, вручил его даме и, делая короткие паузы между словами, сообщил:

- Там все написано. – Снова осмотрел ее снизу вверх, хмыкнул, но иначе, чем прежде – с огоньком хмыкнул, и вежливо добавил, - до свидания.

После чего скрылся в кабине подъехавшего лифта.

Но прежде из лифта выпорхнул сосед Костик Олиешко. Ему было слегка за тридцать, а он все звался Костиком, ввиду профессии: Костик работал стилистом в «крутом» салоне. Жил вместе с матерью, которая постоянно сокрушалась на тему - «когда, наконец, ее сын женится и когда у нее появятся внуки». Все соседи догадывались, что Костик интересуется себе подобными, жениться не может, так как в нашем государстве однополые браки запрещены, тем более, таким парам нельзя усыновлять детей. Чай, не «продвинутая» Европа.

Что б ей, Европе этой, пусто было со своими нововведениями, названными свободой и демократией.

Наш Патриарх Кирилл как-то сказал умную вещь, впрочем, как и всегда: «Свобода заканчивается там, где начинаются безобразия».

Наталья Алешечкина была с ним согласна. И не она одна. Мать Костика тоже в числе согласных. Сын открыто не афиширует «свои интересы», жалеет мать, которая стоит за традиционную семью и брак. Ждет и надеется, когда ее сын приведет в дом хорошую девушку, хорошая девушка родит ей внуков.

Натке не хотелось, чтобы Костик были «из этих». Костик ей нравился, несмотря на странности: здоровался с соседкой через раз, а если и здоровался, то старался на нее не смотреть – его глаза не могут видеть такое убожество в женском облике. Будучи в прекрасном расположении духа, он предлагал ей свои профессиональные услуги, но Натка каждый раз отказывалась и спешила спрятаться в своей квартире-крепости.

Сегодня Костик был не в духе, не поздоровался, но задержал взгляд на букете цветов. Натка так торопилась убедиться в своей догадке – цветы прислал Канарейкин, что забыла скрыться, запереться. Костик присвистнул, криво ухмыльнулся, что-то пробормотал себе под нос, отпер дверь своей квартиры, просочился внутрь и громко захлопнул дверь, приведя в чувство соседку. Как ни была увлечена Натка чтением письма, но заметила и ухмылку, и свист, еще хорошо, что не услышала тихого высказывания, красноречиво ее характеризующее. Натка

была излишне мнительной, от любого неосторожно-нелицеприятного слова в свой адрес погружалась в недельную обиду. Больше обижалась нас себя – не ответила, промолчала. Она всё про себя знала, но боялась резких перемен.

Кроме мнительности Натка еще «дружила» с нерешительностью. Потому и прожила столько лет в браке с нелюбимым мужчиной, который ее бесил.

И теперь, сказав «А», можно переходить к «Б» - меняться. Постепенно, по шажочку.

В белом конверте лежала прямоугольная картонка, на которой уверенной рукой было написано: Жду в 19.00 у памятника Горькому. Надо поговорить. Эдуард В. Канарейкин.

- Безумству храбрых поем мы песню! Безумство храбрых – вот мудрость жизни! – вырвались из Алешечкиной строки из поэмы «Песня о соколе» революционного поэта, к памятнику которого ей приказал прибыть бывший одноклассник. – Вы только подумайте – он даже не сомневается, что я приду! Самонадеянный наглец! Стой и жди, а я никуда не собираюсь идти... Букет очень красивый, ничего не скажешь – этакий реверанс в угоду... Все равно не пойду! – менее уверенно проблеяла Натка. Размотала тюрбан на голове, скинула махровый халат, осталась в ситцевом халатике в лютиках. Недолго думая, разоблачилась далее, дошла до кружевного нижнего белья красного цвета. – Сексапильненько, - удовлетворенно протянула она, искоса взглянув на электронные часы: 16.12.

Алешечкина отнесла в ванную халат и полотенце, намеренно долго перемещалась. Побродила по квартире, заглянула в одежный шкаф, как будто в нем могло появиться что-то ультрамодное и суперкрасивое. Без всякое стороннего вмешательства появиться, методом желаний и представлений.

Увы, в шкафу всё было по-прежнему, женские мечты никто не претворил в жизнь.

- Безумству храбрых поем мы... - без прежнего энтузиазма просипела Алешечкина. Закрывает шкаф, постучала по дверце костяшками пальцев и выразительно проговорила, - хочу, чтобы в шкафу появилось.... Чтобы появилось в шкафу... что-то... в смысле верхней одежды... в смысле не верхней... А какой же еще! Нижней... хм... одежды у меня навалом... Это ни пальтишко, ни фигушка, а... неведома зверюшка.

И закатилась ненатуральным хохотом. Натке было не смешно. Натке было грустно. Так грустно, что хотелось что-то разбить, разорвать, измугузить, истоптать... - для выпуска наружу недовольства, которое она искусно прятала все годы. Естественно, мучало недовольство только собой.

Видите ли, ее все устраивает! Что устраивает?! Выдался случай сходить на свидание, а пойти-то и не в чем! Уважительная причина? Уважительная. Решаемая? Решаемая в том случае, если бы времени было побольше. Как раз времени и в обрез.

От того, что свидание срывается из-за ее пренебрежения к своему внешнему виду, а исправить нет времени, совсем нет, Наткина злость пополам с грустью сорвалась на первом, что попало на глаза – на бедненьком стареньком халатике в лютиках. Как бы ее не переклинивало, она точно знала, что ей не будет жаль содеянного через час. Ситцевого халатика будет не жаль.

Алешечкина нашла портновские ножницы, лежавшие в ящичке еще со времен царя Гороха, когда недолго увлекалась шитьем, и стала мстительно кромсать ими некогда любимую домашнюю вещь. При этом приговаривала:

- Так тебе и надо. – Имела в виду не халатик в лютиках, а себя, женщину, ухоженную жизнью. Уходила ее жизнь, а она и лапки сложила – не боролась, не сопротивлялась, катилась и билась обо все преграды.

После борьбы с халатом, расстелила на полу газету, сложила в газету цветные лоскутки, аккуратно свернула газету, напевая песенку «лютики-цветочки у меня в садочке...», после чего твердым шагом направилась в кухню и запихнула газетный сверток в мусорное ведро. Зачем упаковала лоскутки газету, сие науке неизвестно.

После выполнения ответственной работы – именно об этом свидетельствовал весь вид гражданки Алешечкиной – она вернулась в комнату, тут же сделала поворот на сто восемьдесят и почесала снова на кухню, где на столе лежал забытый букет цветов от

Канарейкина. Промурлыкал в очередной раз про лютики-цветочке в ее садочке, поставила цветы в вазу, наполненную водой и направилась вместе с вазой в комнату. Цветы в вазе устроились на столе, Наталья пристроилась рядом на стуле. Покрутила рукой вазу, придирчиво изучая «лютики-цветочки», оставила вазу в покое, подперла ладошками щеки и обратилась к букету:

- Предположим... Всего лишь, предположим, что я пойду на встречу – не на свидание – с человеком, которому, всего-навсего, надо со мной поговорить. Какой бы направленности не была встреча, а обязана выглядеть достойно... Возникает вопрос на все времена – что надеть? Как я уже выяснила у шкафа – надеть мне нечего. Чудеса бывают только в сказках. И... все мужики сволочи.

Наталья Романовна без особого труда нашла козлов отпущения – все мужики! Под всеми подразумевала, что естественно, Эдуарда Витальевича Канарейкина. Далее следовал, что тоже естественно, Михаил Дмитриевич Алешечкин. Что б ему икалось во время секса по расписанию с молоденькой пигалицей.

- Надеть нечего, - еле сдерживая рвущийся наружу гнев, выговорила женщина, практически голая в прямом понимании этого слова, потому как надеть ей нечего. – Подойдем к решению вопроса с другой стороны – как я должна выглядеть на этом... деловом свидании? Текст короткого послания деловой, значит, и свидание деловое, никакой романтики. Должна выглядеть в зависимости от темы предстоящего разговора.

Гениальное умозаключение!

Я делаю головокружительные успехи на почве логического мышления в период самобичеваний для перевоспитания. Да, иной раз меня заносит...

Вернемся к Канарейкину, пригласившему меня на деловое свидание.

Деловым свидание быть не может. Деловая встреча. С бывшим одноклассником. Цветы – всего лишь подкуп...

Зачем я понадобилась Канарейкину?.. Возможно, Канарейкин хочет поговорить о Катерине Куприян. Хочет посоветоваться – стоит ли влезать в чужую семейную жизнь, все ли в этой семье в порядке? В этом случае я обязана пойти на... деловую встречу, чтобы поставить все точки над «I», пусть Эдик не тешит себя надеждой.

Это обычная дружеская встреча, цветы значения не имеют, поэтому я обязана пойти...

И пошла бы, если бы мне было что надеть.

Эдику плевать, что на мне болтается, чем я мету тротуар.

Но мне самой будет неловко находиться в каком-то тряпье рядом с изысканным мужчиной. Эдик будет меня стесняться. Я не хочу, чтобы меня стеснялись. Надоело. Даже чучело Алешечкин при расставании все же не сдержался, высказал претензии к моему гардеробу, болезненно уколол в отместку. А за какие средства, господин Чучело, господин Иванушка-дурачок, мне обновлять свой гардероб?! Заработанных вами копеек на хлеб не хватало, жили на мою зарплату. А я не Билл Гейтс... Катя уверяла, что мой муж – жлоб, что он зарабатывает гораздо больше того, чем мне приносит. Не скажу, что мне было все равно: не известно, на кого он эти заначки тратил. Но чем меньше поводов для общения, тем мне же лучше...

- Не пойду, - со слезами на глазах проскулила Наталья Романовна. – И надеть мне нечего, и волосы у меня в ужасном состоянии... Сантиметров десять надо отрезать, чтобы волосы оживить. И покрасить было бы неплохо. Цвет какой-то... выгоревший.

Зря Катя уверяла, что у меня красивый ярко-рыжий цвет волос. Успокаивала. Ржавый, как у той малолетки, с которой Алешечкин «боролся» возле остановки... Странно, почему он снова выбрал рыжую? Случайно или намеренно? Неужели по мне тоскует? Раз в неделю звонил, спрашивал, как дела – держал руку на пульсе: вдруг назад позову. Ищи другую дуру, нахлебник!.. Нашел. Звонить перестал... Мне же лучше...

Натка снова вознамерилась обнаружить в шкафу что-то магнито-притягивающее мужской взгляд, с упорством покопалась на всех полках, перебрала вешалки, залезла на самый верх, придвинув к шкафу табурет. На самой верхней полке, среди давно забытых вещей лежала юбка в клетку времен Очакова и покоренья Крыма. Бело-синяя юбка в складку.

Натка вытянула юбку из вороха ненужной одежды, чуть не свалилась от усердия с табурета. Когда-то давно ей эта юбка очень нравилась. С обычной белой футболкой она смотрелась отлично, наряд освежал и молодил. У ту пору, времен Очакова и покоренья Крыма, ее вся одежда молодила-освежала. А сейчас... не хочется лишний раз смотреться в зеркало.

Юбка легко прошла через бедра. Проблемы возникли при желании застегнуть молнию. Натка пыхтела и всё без толку. Пояс юбки не сошелся бы даже при участии крестной Золушки.

- Корова! – обозвала себя Алешечкина, женщина средней упитанности. – Толстая безобразная корова!

Забросив юбку обратно на верхнюю полку без вспомогательных средств – без табурета, Наталья со злостью задвинула дверцу шкафа-купе с зеркальной панелью.

Опять встала перед зеркалом. В одном нижнем белье красного цвета. И успокоительно сказала:

- Не такая уж и корова.

Свое отражение ей нравилось. Не так чтобы очень, не так чтобы восхищаться. Просто нравилось. Бывает и хуже. У нее – все и при всем.

Вспомнила о недавно купленных босоножках на устойчивом каблуке. Босоножки подходили под одежду любого цвета – сами были разноцветные. Достала коробку с обувью, сунула ноги в босоножки-обнову, и снова замерла перед зеркалом.

- А у нас царевна есть, что не можно глаз отвести, - бойко процитировала она. – Ноги удлинились и еще ровнее стали. Недурно, очень недурно... У меня есть одно платьице... Зеленого цвета, под глаза. Но чересчур длинное, всю красоту закроет. А подшивать некогда.

Натка вытащила вешалку с зеленым платьем- макси, только его нацепила, как в дверь настойчиво позвонили. Она слышала, что за несколько секунд до этого хлопнула дверь квартиры Костика. Он всегда с силой захлопывает дверь. Но Костик к ней никогда не приходит. Это кто-то другой. Кто именно, не задумалась.

На сегодня уже довольно раздумий, сокрушений, боязни, сомнений.

Бац и открыла дверь.

Открыла дверь, в чем была – в зеленом платье и новых босоножках – подо всё - и поняла, что ошиблась – на пороге стоял сосед Костик Олиешко.

- Куда это ты намылилась? – с ходу спросил он, окинув ее безразличным взглядом.

Разница в возрасте его не беспокоила, он ко всем обращался на «ты», кроме слишком «взрослых» девушек, с трудом перемещающихся по двору на своих двоих и с помощью палочек. Одна «девушка» была исключением – с ней Костик общался по-панибратски - делал ей модные стрижки. За что товарку осуждали подруги- ровесницы.

- А твое какое дело! – взвилась Наталья Романовна, невольно отшатываясь от непрошенного гостя.

Гость воспользовался моментом и протиснулся в прихожую. Застыл у зеркала – ну, как не полюбоваться такой неземной красотой. Проигнорировав замечание хозяйки, снова повторил свой вопрос, даже не глядя в ее сторону.

- Ты русский язык понимаешь?! Не твое дело, куда я собралась! Ты мне кто – сват, брат, чтобы дознание проводить?!

- Остынь, - резко осадил ее Костик, провел указательными пальчиками по своим бровям, повернул голову налево, направо, выискивая на щеках несуществующие отклонения от нормы, и между делом поинтересовался, - ты мать мою не видела?

- Я за ней не слежу. А почему ты... Что-то случилось? – сменила гнев на милость Алешечкина, когда Костик Олиешко отвернулся от зеркала и навесил на лицо мину задумчивого осуждения, словно соседка пыталась скрыть от него правду о его матери.

При всем желании казаться безразличным, Натка уловила в его глазах тревогу.

- Куда-то ушла, мне ничего не сказала.

- У нее могут быть свои дела...

- Мать так никогда не поступает, всегда предупреждает или оставляет записку на кухонном столе. И что самое интересное - на телефонные звонки не отвечает. Сначала не отвечала, а потом, вообще, мобильник отключила.

- Вы с ней не ссорились? Признайся – ссорились же?

- Нет, - неуверенно покачал головой Костик. – Но это с моей колокольни...

- Эх, деточки, - осуждающе проговорила. - Давай я попытаюсь ей дозвониться.

- Попытайся, вдруг у тебя получится. Хочется думать, что сначала она не захотела со мной общаться, а потом оказалась вне зоны доступа. У нее телефон старый, плохо «ловит».

Натка набрала номер соседки и сообщила Костику:

- Пошли гудки.

Костик заметно повеселел.

На звонок Натальи мать взрослого сына быстро откликнулась. Натка объяснила ей, что сын волнуется, хотела передать трубку Костику, но та запротестовала, коротко объяснила, что у нее свидание, вечером, ближе к девяти, вернется домой, сын не маленький, найдет, что поесть – вся еда в холодильнике.

Костик все слышал, удивленно протянул:

- Ну, мать дает! Совсем умом тронулась на старости лет!

- Это ты считаешь ее старухой, а она только в этом году на пенсию вышла.

- На пенсию! – подчеркнул взрослый сын-эгоист.

- И что теперь? Ложиться и помирать? – возмутилась Наталья Романовна. – Когда тебе исполнится пятьдесят пять лет, я на тебя посмотрю! Очень хочется дожить до твоего прекрасного возраста и услышать, как ты будешь рассуждать на тему возраста и старости.

- Чего ты завелась?! Никто ее старухой не считает, пусть развлекается. Я что, я ничего... Не хочу, чтобы ее обидели. Знаешь, какие бывают мужики.

- Знаю, - фыркнула Натка, сдерживая смех.

- Спасибо тебе... А куда ты все-таки намылилась?

- Костик! - от рвущегося наружу смеха не осталось и следа. Теперь внутри закручивался ураган.

- Это не праздное любопытство.

- А что?

- Ты не обижайся...

- Чтобы я не обиделась, тебе лучше промолчать. Что-то еще? Надо кому-то позвонить? Или в квартире убраться? Ты говори, я всегда пожалуйста. Мне заняться больше нечем. Ко мне можно нагреть в любое время дня и ночи... Другим можно всё, мне нельзя ничего.

- Что с тобой? Обидел кто? Это тот, который цветы прислал? А хочешь...

- Не надо! Иди, Костик. – Натка принялась выпихивать соседа из квартиры, тот упирался.

- Я помочь хочу. Ты мне с добром, я к тебе тоже с добром. Помочь хочу!

- Помочь? – Алешечкина оставила свою затею с выпихиванием соседа и воззрилась на него с таким вниманием, будто впервые увидела и никак не могла взять в толк, кто он и как к ней попал. - Помочь... А чем черт не шутит...

- Так что, надумала?

- Костик, я... не знаю...

- Обрисуй проблему.

Алешечкина его не услышала, она разбиралась-копалась в своих желаниях. Желание было одно – пойти на свидание... деловое, на деловую встречу с Канарейкиным. Из этого желания вытекали другие желания. Проблемы вытекали, нерешаемые по причине ограниченности во времени.

- Почему не знаю, я знаю, - бормотала она себе под нос, ощупывая взглядом лощено-вылизанного стилиста. – Костик, я хочу... мне надо... мне очень надо... измениться. Здесь и сейчас. Быстро... Но волосы должны остаться рыжими. Никак иначе. Только рыжими.

- Давай по порядку. Ты идешь на свидание?

- Костик! Меньше болтовни, больше дела! Времени тью-тью, совсем нет.

- Не надо торопить профессионала. Профессионал свое дело знает, - высокомерно пресек он нервные призывы, схватил женщину за руки и дернул – остановил судорожные притопывания на одном месте. От неожиданности женщина застыла, как изваяние. Даже дыхание задержала. – Ты идешь на свидание? - повторил он слишком медленно, как будто считал ее тугодумкой или плохо слышащей.

- Да, - еле слышно ответила Натка-изваяние, хотя ей показалось, что она произнесла короткое слово очень громко, что оно разлетелось по квартире, стукнулось к закрытое окно, проделало в стекле отверстие, как громовая молния, и протиснулось наружу. И теперь весь город будет знать, куда она идет, к кому она идет, зачем она к нему идет. Узнают, не поверят, а, поверив, удивятся: неужели? Не может быть? Чтобы он с ней? Быть такого не может... Где была его голова?.. Ему от нее что-то нужно...

А всего лишь короткое «да»... Как много в этом утверждающем звуке...

- Ты идешь на свидание в этом... платье? – уточнил Костик без тени насмешки.

- А что, не подходит? - окончательно расстроившись – если до этого еще не достигла предела, прошелестела Алешечкина, тупо пялясь на свои новые босоножки – подо всё.

- Платье тебе очень идет. Цвет под глаза. Но мне не нравится длина платья.

- А я о чем! – внезапно возрадовалась Натка. Ее безвкусное мнение совпало с мнением профессионала, следовательно, еще не все потеряно. И сразу затарахтела, как пулемет, - Костик, мне самой длина не нравится. Но больше у меня в шкафу нет подходящих вещей. И до свидания осталось всего два с половиной часа. Два часа, полчаса на дорогу.

- Я позвоню одной моей хорошей знакомой, она начинающий модельер. Не будем экспериментировать, пусть элементарно укоротит платье. До колена, пойдет? А я займусь твоей головой.

- А лицом?

- И лицом, - успокоил стилист ту, которая так боялась меняться...

Ровно через два часа женщина, смутно похожая на Наталью Романовну Алешечкину, вышла из подъезда и села в поджидающее ее такси...

Около полуночи, предварительно оплавав с чувством, с толком и без перерыва свою несчастную женскую долю, Натка взяла себя в руки и позвонила подруге, Екатерине Викторовне Куприян, с одной целью - излить душу, пожаловаться на судьбу-злодейку. И не только на судьбу, к ней неблагоприятную, но и на Эдуарда Канарейкина, который непонятно зачем пригласил бывшую одноклассницу на свидание. На встречу, что звучит правильнее. Чтобы поговорить.

Уделив вступлению о душе и судьбе-злодейке всего минуту, не более того, потому что Катюшка могла послать подругу-жалобщицу куда подальше – миллион раз об этом слышала, та перешла к обсуждению бездарно проведенного вечера. Но сначала похвалилась букетом цветов, который ей доставили на дом, на что Катерина отреагировала скромно – «ну-ну». Натка опустила свои тревожения по поводу внешности и одежды, вскользь сказала, что привела себя в порядок – более-менее стала похожа на женщину в прекрасном возрасте. Прилгнула, конечно: совсем не более-менее, а даже очень похожа, мужчины всех возрастов косили на нее глазом, завидовали ее спутнику, а спутник...

Через минуту с начала монолога, прерванным лишь раз пространным «ну-ну», Алешечкина перешла к самому главному...

Эдуард Витальевич не выказал радости при ее появлении. Он был сердит, озабочен и молчалив. Чтобы сгладить напряжение, Наталья, безумно счастливая от всего и сразу, взяла инициативу в свои руки. Рассказывала о браке, который наконец треснул. И кто ее тянул за язык?! О муже, причем едко над ним подшучивала, чего ранее никогда не делала, тем более, в присутствии почти чужого человека, с которым когда-то давно была знакома. Рассказав и пошутив, Натка примолкла.

Они брели по бульвару, как два неприкаянных школьника. Она ждала приглашения... куда-нибудь, все равно, он шел рядом и молчал.

Наталья заговорила о погоде. Ничего умнее не придумала. Канарейкин снова слушал ее внимательно, снова молчал, лишь раз улыбнулся, когда она сравнила небо с белыми облачками с морем, в котором плавают медузы. И на том спасибо.

Вскоре темное небо-море проглотило облака-медузы, Натка пригорюнилась, словно у нее разрядилась батарея, действующая при световом освещении.

Если бы не его первая фраза «Ната, ты офигительно выглядишь», она бы нашла причину и ушла. Хотя сказано это было как-то дежурно.

Она ждала приглашения, продолжения «оды восхваления».

Она ничего не ждала. Ей было достаточно идти с ним рядом. Тайком посматривать на него и балдеть от того, что она может, случайно коснуться головой его плеча, может дотронуться, невзначай, его руки своей ладонью, может говорить, а он ее слушает и не перебивает. Не хмурится. Но почти не вступает в диалог.

Наталья достигла вершины беспокойства. Перебрала в уме все возможные варианты его молчания. Остановилась на одном – он хочет о чем-то поговорить, но не находит в себе сил, потому что... затронутая тема будет обидной для нее. Что Натку может обидеть? Все что угодно.

Но в данный момент ее обижает его суровое молчание.

Алешечкина мысленно уговаривала себя распрощаться с Канарейкиным и уйти. Сбежать. Чтобы не слышать, не знать, не обижаться, а потом не мучиться от своей нерешительности и от его оброненных слов.

Но так приятно идти с ним рядом. Даже молчать приятно. Уже не тяготит молчание. Раз не решился сразу завести разговор на неприятную для нее тему, то уже не заведет. Пожалел.

Жалость – это показатель нравственности и душевности? Дар сильных людей? Или... намек на заинтересованность с долей нерешительности? Сам для себя еще не решил...

А за нее все решил? Нисколько не сомневается, что на все его вопросы получит от нее положительные ответы. И улыбку идиотки...

Не известно, как бы события развивались далее, если бы не одно обстоятельство, совершенно неожиданное.

Проходя мимо одного величественного здания постройки сталинских времен, в котором первый этаж был занят офисными помещениями и различными кафе, Наталья бросила взгляд на ярко освещенное помещение, где по парам сидели люди. Болтали, улыбались друг другу, что-то ели, что-то пили. Не то что они с Канарейкиным – шляются по улицам города и молчат.

Он молчит, она говорит, но ее поток красноречия давно иссяк.

Натка надеялась, что ее спутник перехватит взгляд и пригласит в кафе. Пусть думает о ней всё, что хочет – она любит поесть-выпить за чужой счет, она бедная, как церковная мышь, именно поэтому одевается в лохмотья. А сейчас принарядилась в чужое платье – у знакомой одолжила для свидания.

Небось Канарейкин в душе посмеивается над ней.

И пусть... Ей с ним детей не крестить. Помолчат и разойдутся.

Но зачем-то он ее позвал к памятнику Горькому?

И тут блуждающий взгляд Алешечкиной поймал знакомую личность. Личность сидела за столиком кафе в обществе немолодой особы.

Знакомой личностью был господин Лысый, он же Пантыкин Борис Андреевич, так похожий на французского актера Жана Дюжардена, только с лысой черепушкой. Немолодой особой, с которой он общался «по переписке», что было для Натки не внове, являлась еще одна ее знакомая. Настоящая знакомая, не то что Лысый. А именно - мать Костика Олиешко.

Мадам Олиешко что-то писала в блокноте и скалилась так усердно, будто ей была обещала премия в миллион долларов за то, чтобы охмурить и развеселить печального клоуна, который к тому же оказался глухонемым.

Сначала Натка не поверила своим глазам, потом опомнилась, привычно спряталась за глухую стену, забыв о существовании Канарейкина, который ее не осудил, тоже встал рядом с ней и заглянув в кафе.

До сей поры безучастный Канарейкин внезапно оживился и прошептал ей на ухо:

- А не тот ли это мужчина, за которым ты следила в нашу первую случайную встречу?
- Я за кем-то следила? Ты ошибаешься. Я никогда ни за кем не слежу. Это унизительно, - презрительно выдала бывшая одноклассница, изрядно запунцовев.
- Тогда почему мы прячемся и чего-то ждем? Это твой бывший муж?
- Нет, это не мой бывший. Если бы он был похож на Па... на Лысого, я бы никогда с ним не развелась.
- Даже, если бы он был мерзавцем и ничтожеством?
- Я бы его перевоспитала. И сама бы изменилась – уделяла мужу больше внимания, а не жила бы с ним в параллельных мирах.

- Впервые встречаю женщину, которая не обвиняет во всех смертных грехах бывшего мужа. Натка на лесть не отреагировала, следила за действиями Лысого. Она знала, что значит для мадам Олиешко такой решительный шаг в сторону от своей обыденной жизни. Она, как и Оливия Михалко, жила одним сыном, что-то произошло, и она принялась искать себе вторую половинку. И нашла. Вруна и обманщика.

Алешечкина крутанулась на месте, влетела, как фурия, в кафе, встала за спиной «глухонемого» с лысой черепушкой и громко гавкнула ему на ухо. Лысый, он же бывший глухонемой, тотчас исцелился от врожденного недуга, подскочил, сообщил, что «она сошла с ума», а Натка обратилась к мадам Олиешко.

- Вот, полюбуйтесь на этого красавца, который собирает образцы почерков одиноких женщин! Графолог хренов!

- Женщина, я вас не знаю! - сдержанно проговорил Пантыкин.

- Зато я тебя успела хорошо узнать! Ты что ж это делаешь, скотина ты этакая?! Даешь женщинам надежду, используешь их, и исчезаешь.

- Наталья, я ничего не понимаю, - напряглась мадам Олиешко.

- Тут и понимать нечего: у него семья – жена, дети и диссертация. На какую тему пишем диссертацию, без пяти минут доктор наук? Влияние округлости фигуры на округлость букв? Как дать бы тебе, да руки мараить неохота. – Алешечкина затрясла над его головой невыразительным кулачком.

- А-а-а, - грозно протянул Пантыкин, - так это ты звонила моей жене и наговорила всякой гадости?!

- Я! – соврала Натка. Супруге-соратнику Пантыкина, естественно, звонила Катька, но зачем ее выдавать, спихивать вину. – И что ты мне сделаешь? А? – Она встала перед суровым мужчиной в позе сахарницы.

- Я на тебя в суд подам!

- Ой, боюсь, боюсь, боюсь, - запричитала Алешечкина, игриво вращая своим телом, скрытым под почти новым зеленым платьем. Платье сексуально трепетало, оголяя красивые коленки.

- Забоишься, - с угрозой прорычал Лысый. И пошел в атаку.

Наблюдавший со стороны Канарейкин сразу возник рядом с Натальей Романовной, загородив ее своим мощным торсом.

- Поаккуратней на поворотах, - предупредил он так, что Лысый сразу всё понял.

- И учти – не прекратишь свои научные изыскания, я всех обманутых тобой женщин подниму на восстание, и тебе не сдобровать! – выбираясь из-за спины защитника, заявила Алешечкина. – Я за тобой слежу. – Она сделала «козу» себе, потом Лысому – подтвердила, что следит, око не дремлет.

Прихватив мадам Олиешко, они выкатились из кафе, оставив у разбитого корыта «хренового графолога». Натка была непривычно возбуждена – не каждый день выходишь победителем в неравной схватке.

Отправив расстроенную соседку домой на такси, Алешечкина рассказала Канарейкину при каких обстоятельствах ее свела судьба с Лысым.

Приунывший после разборок в кафе Канарейкин внезапно оживился, когда речь зашла о происшествии в кафе «Магнолия».

- Ты была в кафе, когда скончалась девушка, - не спросил, а утвердился Эдуард с такой обреченностью, как будто она призналась в жестоком убийстве.
- Теперь приуныла Наталья. Она не могла понять, в какую игру с ней играет бывший одноклассник. А он играет, в этом нет сомнений. Ему от нее что-то нужно.
- Эдик принялся задавать вопросы, при этом делал вид, что это праздное любопытство, не более того. Но Натка уже сняла розовые очки, перестала, согласно девичей фамилии, заливаясь соловьем и запросилась домой. Канарейкин запоздало пригласить ее в ресторан. Она, естественно, отказалась. Неожиданно рядом притормозила маршрутка, из нее выскочила девушка, а Натка, недолго думая, на ходу заскочила в салон, крикнув мужчине «Прощай».
- Получилось, как в дешевой пьесе, разыгранной в захолустном театре...
- Вернувшись в родные пенаты, Наталья Романовна принялась жалеть себя с наслаждением. В избытке чувств бродила по квартире, каждый раз «случайно» оказываясь у зеркала. Для успокоения нервной системы на бегу любовалась собой обновленной. И спрашивала у себя обновленной – зачем пошла на свидание? Ведь знала... Кто он, а кто она.
- Один плюс от этого... свидания – превратилась в прекрасную незнакомку. Наконец-то. И завтра придет на работу – произведет фурор, все коллеги упадут в обморок.
- Разговор со своим отражением Натку не устроил. Хотелось высказаться другому-живому человеку, поделиться неудачей на лжелюбовном фронте, который она, по глупости, приняла за настоящий. Выдала желаемое за действительное. Все-таки это Канарейкин, не какой-то Иванушка-дурачок.
- Катька слушала короткую исповедь молча, но сопела с показательным возмущением – ей было неприятно, как пить дать. Но Наталье больше некому пожаловаться, а разум возмущенный кипит...
- Исповедь подошла к логическому завершению. Катька уже не сопела. Натка помолчала и виртуозно выразилась:
- Вот так все и было... И ничего не было. Не переживай.
- Катька в ответ ни словечка. Не верит. Обиделась.
- А может быть вздремнула и не слышала плакательного монолога близкой подруги? Хорошо бы.
- Наталья Романовна запоздало пожалела о своем возмущенном разуме, через край.
- Куприяшка, ты заснула что ли? – вкрадчивым голосом спросила Алешечкина. Тишина. – Куприяшка, ты спишь? – на этот раз строгим голосом спросила она, присовокупив к голосу презрение к тем, кто способен спать в двенадцать ночи.
- Не сплю, - с неприятием ответила подруга, намекнув, что недовольна.
- Наверное, я тебе помешала? - ненатурально похихикивая, поинтересовалась Алешечкина, искренне желая, чтобы подруга не обиделась на нее за свидание с Канарейкиным. Она помешала чете Куприян-Ивановых наслаждаться любовными утехами. Муж Иванов - редкий гость в своем собственном доме. А тут еще донимают телефонными звонками среди ночи.
- Катерина не сообразила, куда гнет подруга, без стыда и совести, что-то промычала в ответ.
- Я не вовремя? – напрямую спросила Алешечкина, запоздало-догадливая. Хотела убедиться, что Катя не обиделась.
- Я хотела тебе звонить, - строгим голосом сообщила Екатерина Викторовна.
- Кать, он сам пригласил меня на встречу. Цветы прислал и написал, надо поговорить...
- Соловей, ты плачешь, что ли?
- Уже нет. Но до этого три часа проревела! - с удовлетворением от хорошо проделанной работы сообщила Наталья Романовна.
- Время засекала?
- Не смешно.
- Тебе завтра на работу. Не забыла? Пойдешь с опухшей физиономией. Скажут, что ты запойная алкоголичка, всю неделю пила беспробудно, а твой больничный лист – липовый.
- Начхать!
- Это что-то новенькое.

- Катя, а почему ты меня ни о чем не спрашиваешь?
- И так все ясно и понятно – ты поперлась на свидание, Канарейкин твоих ожиданий не оправдал. Краткий пересказ ста двадцати предыдущих серий мелодраматического сериала.
- Каких ожиданий, о чем ты?! Он цветы с посылным прислал, - повторилась Натка. - А перед этим звонил, но я не стала отвечать. К букету цветов приложил записку, мол приходи к памятнику Горькому, надо поговорить. Мы не поговорили! Понимаешь ты это?! Спрашивается, зачем звал? Не решился сказать в глаза правду-матку? Или...
- Или что?
- Не знаю. Но в голову лезут разные мысли, в основном нехорошие.
- А то ты не знаешь Канарейкина – у него семь пятниц на неделе. Хотел одно, передумал, захотел другое.
- Другую?
- Соловей! Заканчивай уже нюни-сопли! Ну, сходила и сходила на свидание. Какой-никакой опыт. Живи дальше.
- Катя, я Лысого видела. Он в кафе сидел с моей соседкой, матерью Костика-стилиста, - вспомнила Наталья.
- Да, ладно, - без воодушевления удивилась Куприян, только бы подругу не расстроить. Та не уловила безразличия, поделилась подробностями. Катя выслушала и удивилась, – так прямо и гавкнула на ухо? Ну ты, даешь.
- Он хотел на меня наброситься – решил, что это я звонила его жене и наговорила три короба «правды», но Канарейкин за меня вступился. Джентльмен. Я и без Канарейкина не сдрейфила, так прямо Лысому и сказала: «Да, это я звонила твоей супруге!» Лысый всем гадости делает, мы не остались в долгу – тоже наябедничали его жене, пусть теперь выкручивается, доказывает, что не верблюд.
- Ты правильно поступила, хвалю за храбрость, - тусклым голосом произнесла Куприян.
- Катя, ты обиделась на меня за Канарейкина? Согласна – не нужно было мне с ним встречаться, - вздохнула Алешечкина и превратилась в заезженную пластинку. - Но он написал - надо поговорить. Знаешь, по-деловому так написал. А решила, что речь пойдет о тебе... Катя, не нужен он тебе. У тебя муж, дети, у тебя все хорошо. Не думай о Канарейкине. Когда была-то эта школьная любовь, все прошло, все быльем поросло.
- Что ты катякаешь – Катя, да Катя! И причем здесь Канарейкин! – вспылила Куприян.
- Не поняла-а-а.
- Тут тако-о-ое случилось! А она катякает! И с Канарейкиным своим ты достала!
- Не поняла-а-а.
- Не поняла, потому что я тебе еще не успела сообщить... одну новость... Вот всё думаю, говорить тебе или не говорить. Ты у нас особа впечатлительная.
- Услышав в трубке звук пожарной сирены, отдаленно похожий на перепуганный голос Алешечкиной, подруга заспешила доложить:
- Соловей, не пугайся, с моей семьей все в порядке. Все живы и здоровы. Иванов уже поживает, завтра утром он отбывает по расписанию... Дети по-прежнему гостят у бабушки с дедушкой и тихо радуются отсутствию требовательной матери.
- Слава тебе Господи! - выдохнула Наталья. - У меня сердце чуть из груди не выпрыгнуло, и сейчас еще колотится, как бешеное...
- Успокоилась?
- Катя... Куприяшка, что еще произошло? Лучше скажи правду, я все равно до утра не усну.
- Кое-что произошло, - загадочно ответила Катерина. Явно мстила подруге за предательство.
- Да ты хочешь что-то соврать! – язвительно проговорила Натка, - но никак не придумаешь что именно. Ложь должна выглядеть правдиво. Мстишь?
- И с чего бы мне тебе мстить? Сама сказала, что всё быльем поросло.
- То-то голос у тебя печальный – поросло, а не хотелось... Между нами ничего не было, по центральной улице города пошлись туда-сюда, и распрощались... навсегда.

- Соловей, ты можешь говорить о ком-то другом?! Кроме Канарейкина и другие люди вокруг тебя вертятся. Или ты вертишься вокруг них.
- Не поняла, - теперь с угрозой протянула Алешечкина.
- Щас стукну.
- Не достанешь.
- Круг твоего общения не ограничивается одним Канарейкиным, - продолжала испытывать терпение Алешечкиной Екатерина Куприян.
- Если ты сейчас же мне всё не расскажешь, а будешь общаться со мной в полутонах, то я... то я... позвоню Канарейкину и приглашу его... в гости.
- А пригласи! Заодно проверим, кто он таков есть – кобЭл или верный супруг.
- Мы еще не узнали, женат ли он.
- Соловей, ты сама уверяла меня, что такие мужики на дороге не валяются, их сразу подбирают. Значит – кобЭл!
- Не буду я никому звонить среди ночи.
- Напоминаю, так, на всякий случай - мне ты уже позвонила.
- Ты не в счет, ты своя в доску. В связи с чем, предлагаю не издеваться, не таиться, а раскрыть карты – что произошло? Я приму любую правду.
- И у тебя есть предположения?
- Хахаль Оливии уколошил еще кого-то. Я угадала?
- Есть кандидатуры на жертву?
- Куприян Иванович, ты меня достала!
- Слушаю ваши версии, товарищ по партии!
- Этот человек мне знаком?
- Как сказать, - пространно ответила Катерина.
- Это мужчина? Это Лысый? Что я несусь! Я видела сегодня вечером Лысого своими глазами... Жив-здоров паразит... Так это мужчина?
- Нет.
- Значит, женщина... Катя, только не говори, что это Нинель. Потому ты такая расстроенная.
- Что ты несешь, Соловей! Типун тебе на язык!
- А что? Нинка – подходящая кандидатура, много знает: ушки на макушке, зрение такое, что видит даже то, чего нет. Оливия, подруга ейная, могла случайно обмолвиться, спохватилась, да поздно. Нинка накрутила на ум, пропустила слова Михалко через сито – отделила зерна от плевел, и стала... угрожать чужому спокойствию.
- У Нинки язык без костей, она обязательно поделилась бы сомнениями-догадками со мной.
- Не успела, - с ноткой трагизма изрекла Алешечкина, как будто подруга подтвердила ее предположение о гибели Нинель Сушки.
- Оставь Нинку в покое.
- Это не Сушка, и на том спасибо. Идем далее... А не хочешь ли ты мне сказать, что... жертвой преступника стала Оливия - женщина, унизившая своего подельника? Или они сошлись в неравной схватке, кто вышел победителем, ясно без дополнительных объяснений.
- Не будем играть в угадайку, а то беду накличешь на головы несчастных женщин...
- И долго ты будешь молчать? Никак не решишься признаться? Что тебя останавливает?
- Боюсь твоей бурной деятельности, - призналась Екатерина. – Лучше ложись спать, утро вечера мудренее, тебе завтра на работу...
- Ага, прям сразу легла и уснула богатырским сном. Зачем затевала разговор?
- Хотела с кем-то поделиться. Ты – со мной своими новостями, я - с тобой своей новостью. Ты заварила кашу с расследованием, поэтому обязана быть в курсе того, что происходят с людьми из круга семьи Михалко.
- Ты говорила о женщине. И кто на это раз? Неужели снова отравление неизвестным ядом?.. Хватит уже издеваться.
- Натка, ты помнишь, Нинель Сушка рассказывала о девушке, которая была возлюбленной Луарсаба Михалко до его брака с Ликой? Они вместе учились в школе.

- Кажется, девушку зовут Антонина...
- Антонина Пеликина. Так вот... Антонина Пеликина... утонула.
- Где утонула?
- В нашей реке, не в ванной же...
- Ни-че-го себе, - ошалела от новости Алешечкина. - И до нее уже добрались.
- Думай, что говоришь! – осадила подругу Куприян. - Это несчастный случай. Уже не первый случай утопления в нашей реке в этом году. Там, где они отдыхали, течение сильное. Наверное, ногу судорогой свело...
- Они – это кто?
- Тоня с большой компанией отдыхала на берегу, шашлыки, волейбол-футбол, то сё. В общем, очередной клуб по интересам. Все вместе и все врозь. Потом сели за стол, а Тони нет. Искали, ныряли, бегали по берегу. В итоге вызвали спасателей. Только к вечеру обнаружили тело, его отнесло течением аж за сорок километров.
- Почему сразу не кинулись ее искать?
- Она одна в воду полезла, никто не рискнул – в том месте дно илистое. Все занялись своими делами... После обеда с возлиянием народ и об илистом дне забыл бы...
- Ни фига себе дела-делишки, - протянула Алешечкина.
- А теперь самое интересное: в той компании знаешь кто был?
- Оливия Михалко!
- За-дол-ба-ла! В компании был ее сыночек, Луарсаб. Оказывается, Тоня уговорила его поехать с ними. Для парня очередное испытание на прочность. Только что жену похоронил, теперь погибла бывшая возлюбленная, которая мечтала вернуть себе его любовь. Он до конца не верил, что произошла трагедия, долго ее искал, едва сам не утонул. Оливия отвезла его в больницу, у парня нервный срыв.
- Чем же Тоня не угодила Оливия Михалко? – задумалась Алешечкина.
- Может, хватить уже?!
- Только не надо меня уверять, что с Антониной произошел несчастный случай. Не думаю, что компания впервые поехала отдыхать в то место на речном берегу. Никто никогда не тонул, а на этот раз – здрасте вам!
- А что же еще, если ни несчастный случай! – вспылила Куприян. - Без всяких сомнений, несчастный случай. Только некоторым очень хочется, чтобы это был не несчастный случай, а убийство! Ты сейчас скажешь, что на дне ее дождался убийца с аквалангом, схватил ее за ногу, удерживал под водой до тех пор, пока она не задохнулась. После чего отпустил, доплыл до противоположного берега, снял снаряжение, сел в автомобиль и был таков.
- Правильно гутаришь! А убийца – это приятель Оливии Михалко. Вот любовь! Остается только позавидовать. Ради тебя, Куприяшка, кого-то убивали?
- Даже не хочу это обсуждать! – рывкнула Катя. – Ты больная на всю голову!
- Послушай меня, здоровая, если это дело рук... не одного и того же человека, то я бронтозавр.
- Еще какой!
- Нам бы узнать, есть ли в крови Пеликиной неизвестный яд. Как бы это сделать?
- Соловей, ты сама подумай – зачем Оливии убивать Тоню – девушку, которую она мечтала видеть в качестве своей невестки.
- Сегодня мечтала, завтра передумала. Но Тоне об этом не сообщила... Или... Катя, а кто она про профессии?
- Тоня? Кажется, химик. Точно – химик! Работает в заводской лаборатории обычным инженером-химиком.
- Тогда все сходится! Она помогла потенциальной свекрови избавиться от Лики Волчегорской, после чего была устранена по необходимости – свидетелей надо убирать.
- Своя рубашка ближе к телу. И теперь найдутся подтверждения того, что отравителем Лики и всех остальных является тихий инженер-химик, - монотонным голосом произнесла Куприян.
- Вот видишь, Катенька, ты тоже согласна, что это дело рук Оливии!

- Ни с чем я не согласна! Это все твои домыслы! Девушка утонула случайно, несмотря на то, что отлично плавала. С каждым может случиться. А твое – свидетелей надо убрать – звучит банально, как название старого черно-белого детектива. Придумай что-нибудь более оригинальное.

- Сама придумай, а то заладила – несчастный случай, несчастный случай! Бред сивой кобылы! Сама не веришь в случайность, а меня пытаешься убедить. Скажи честно – веришь?

- Верить-не верить, - ворчливо проговорила Екатерина Викторовна. – Мы что, в ромашку играем? Нужны факты.

- А я про что. Да, нужны факты? Где их взять?

- Дай подумать.

Алешечкина не дала подруге подумать, влезла со своими рассуждениями.

- Одно непонятно – почему Луарсаб не забеспокоился? Ладно, другие люди со своими узконаправленными интересами, но он-то обязан был ее хватиться. В этой компании они, наверное, были парой. Люди в паре наблюдают друг за другом. Как бы чего не вышло. Вдруг жена укроется в кустах с приятелем мужа или жена обидится на невнимание со стороны мужа и начнет рыдать от обиды вдаль от всех. Или вообще отправится домой пешком, а на ее пути повстречается бандит с большой дороги. Это я для примера. Ты бы наблюдала исподтишка за своим Ивановым?

- Наблюдала бы, - подумав, ответила Куприян. – В целях обеспечения техники безопасности. Ты же знаешь, какой он у меня «рукастый».

- Вот видишь! А Луарсаб отправил девушку купаться...

- Купаются в ванной, - поправила подругу Катя.

- И тонут, иногда, тоже в ванной. Бывали случаи. Криминальные, но выставленные, как несчастный случай... А этот... вдовец отправил девушку в заплыв, и сам думать о ней забыл. Или, напротив, следил из-за кустов, наслаждался зрелищем утопления. Сам на помощь не пришел, и другим зубы заговаривал, отвлекал. Мог сказать, что она переплыла на другой берег и там загорает. Отдохнет и вернется. Позагорала якобы, отдохнула, возвращалась назад, течение ее подхватило, девушка погибла. Потом Луарсаб кинулся ее искать, - с издевкой заметила Натка, - чуть сам не утонул, беденький. Мамочка в больничку свезла, нервишки подлечить. Такой стресс, такой стресс. Ну, и семейка Адамсов!

- Хорошая девочка Ната. А чем же она хороша? А тем, что сочиняет добрые сказки про добрых людей.

- Ваши предложения?

- Увы и ах.

- Тогда я! – величественно произнесла Алешечкина, она же добрая девочка Ната. - Не мешало бы узнать подробности.

- Да что вы говорите! Ах, как мудро с вашей стороны высказать такую феноменально-сногшибательную идею... Черт, своим криком я разбудила Иванова... Прости, милый, я не хотела... С Наткой болтаем... У нее все отлично. Просто бессонница... Ушел.

- Змеючка подколотная.

- Принимается. Выдавай идеи дальше.

- Вот у кого нам узнать подробности происшествия на реке? Опять копаться в Интернете?.. А помнишь, Катюня, ты рассказывала, что у твоей знакомой дочь учится в школе полиции?

- Ха! Вспомнила! Она давно диплом получила. Где работает, не знаю, сразу говорю.

- А ты узнай. Через нее мы добудем сведения о гибели Антонины Пеликиной, все полицейские с друг другом повязаны, обязаны помогать в расследовании: ты мне услугу, я тебе услугу, мы квиты.

- Если бы я не знала, что ты бухгалтер, то решила, что ты следователь со стажем...

В понедельник Алешечкина отправилась на работу, нарядившись во вчерашнее зеленое платье. Себе она очень нравилась. Подумала, что за короткий период времени побывала Макареной, индианкой, Ефросиньей, в итоге превратилась в симпатичную рыжеволосую

дамочку с горящими зелеными глазами. Кажется, дамочку зовут по-прежнему – Натальей Алешечкиной, но выглядит она иначе. И внутри все бурлит и фонтанирует. Несмотря на печальные новости, настроение у Натки было приподнятым...

Екатерине Куприян, напротив, работа не грозила, она по-прежнему сачковала, если можно назвать сачкованием слежку за Михалко и разные изыскательные процессы.

Катерина созвонилась со своей знакомой, у которой дочь окончила школу полиции. Оказалось, дочь сама недавно стала матерью, находится в отпуске по уходу за ребенком, но обещала помочь. Лишних вопросов не задала – слышался плач младенца.

Следующим пунктом плана было посещение Люсинды Мартыновой, которую отпустили под подписку о невыезде. Но по дороге Куприян загорелась новой идеей. Она отправилась к дому Оливии Михалко.

Катя оставила автомобиль неподалеку, дошла до нужного дома пешком и присела на скамейку в тени раскидистого каштана. Она видела, как уезжает на своей машине Оливия, как спешит на работу бывшая одноклассница Нинель Сушка. Окна квартиры Михалко были ей отчетливо видны, в окнах никто не маячил, на лоджии не курил. И с чего Катя решила, что подельник отсиживается у Оливии дома? Любовники обязаны делать вид, что не знакомы, не связаны.

Из подъезда выполз обрюзгший тип с печатью безысходности на давно небритой физиономии. На нем были темные брюки, лоснящиеся в некоторых местах, белая с желтым отливом сорочка, усердно жеванная травоядным животным, на ногах красовались сланцы с междупальцевой перепонкой. В последний раз ноги мылись в далеком детстве. Длинные сальные пряди волос прикрывали пожелтевший фингал вокруг левого глаза. Тип с тоской обозрел притихший двор, заметил на скамейке под каштаном мелкую особу с шапкой темно-каштановых волос и направился к ней. Пристроился на другом конце скамейки, перекинул ногу на ногу и тяжело вздохнул – выказал душевную дисгармонию. Озадаченно помолчал. Вздохнул в ожидании понимания и сочувствия. Не дождался.

- Везет кому-то, - пространно высказался тип. В ответ тишина. – Я говорю, везет некоторым – такие жены-красавицы им достаются. Не то, что у меня. Была, но сплыла. Я сам ее выгнал, не было сил терпеть. Не жена, а изверг рода человеческого. Нет у нее душевной теплоты... С тех пор один, как перст. Затосковал, не скрою. Но возвращать ее не собираюсь. В ногах валялась, домой просилась, я не принял... Сейчас в поисках... А вы, простите, замужем?

Второй раз за короткое время у Куприян спрашивают, замужем ли она.

- А если у меня нет мужа, то что? Предложите мне руку и сердце?

- Брезгуете, вижу. И понимаю. Не одобряю. Я тоже человек.

- Человек, так и скажи, что нужны деньги на похмельку, а разводить антимионии здесь не надо.

- Ну, нужны. Дашь? Всего-то семьдесят рублей.

- И что ты за семьдесят рублей купишь?

- Бутылку водки! – восхищенно сообщил тип «при параде». – Здесь неподалеку торгуют. Хороший продукт, качественный... Так дашь денег? Могу тебя пригласить к себе домой, - привел он веский аргумент, от которого к горлу женщины-малявки подступила тошнота.

И возникло острое желание уйти и оставить «завидного» кавалера ни с чем. Но кавалер жил в одном доме с Оливией Михалко, даже в одном подъезде, поэтому мог стать источником нужной информации. Одно «но» – за семьдесят рубликов способен оговорить кого-угодно, включая премьер-министра Великобритании. Премьер-министр - ни свой, ни, тем более, чужой - в данный момент Катю не занимал.

Она собралась с мыслями и рассудила:

- Почему бы не помочь человеку восстановить утраченное здоровье. Семьдесят рублей - не такие большие деньги... Но и не малые, не рубль-два все-таки. Не люблю просто так расставаться с честно заработанными деньгами.

- Что я должен сделать? Но сразу предупреждаю - лишь бы с кем я не сплю!

Катю при таком гордом заявлении едва не свалилась со скамейки, не сдержалась и закатилась хохотом.

- А ты зря смеешься, - повысил голос кавалер при «параде», чтобы хохотушка его услышала.
- Недавно за меня подрались Ленка с Иреной.
- Ты хотел сказать Ленка с Ириной? – вытирая слезы, уточнила Куприян.
- Именно с Иреной. Ирена – имя такое. Женское. У нее отец был то ли грек, то ли поляк. Класная бабенка. Крепкая. Кулак приблизительно как твоя голова.
- Так тебе Ирена больше нравится, чем Елена?
- Ни та, ни другая мне не нравятся. Выпивают крепко, за собой не следят. Обе на местном рынке торгуют.
- Понятно.
- Что тебе понятно?.. Ничего тебе не понятно... Попробуй, поживи, как я.
- А ты не пробовал пожить, как я, как все нормальные люди: утром завтракать и идти на работу, пахать весь день, как папа Карло, и не всегда за высокую зарплату, вечером возвращаться домой, по дороге загружаться сумками с продуктами, дома готовить ужин, учить с детьми уроки, стирать, гладить, убирать...
- А ты не учи ученого, - прервал ее мужик. Ему тоже захотелось встать и уйти подальше от нравоучительницы, но другого спонсора в ближайшей видимости не наблюдалось, а «трубы сильно горели». Опять же она намекнула, что может дать необходимую сумму, не безвозмездно. Он на все готов, кроме... Уже озвучил. - Ладно, говори, чего тебе надо и разойдемся, как в море корабли.
- Хочу, чтобы ты правдиво ответил на несколько моих вопросов.
- Ты из ментуры, что ли? - набычился мужик.
- Я сама по себе. Тебя как зовут?
- Вован.
- Скажи мне, Вован, ты знаком с Оливией Михалко?
- Конечно, я здесь всех знаю. Это риелторша.
- Дело сугубо конфиденциальное. Если кто узнает, не только мне, но и тебе не поздоровится.
- Могила!
- Я слышала, у соседки Оливии кошку кто-то отравил?
- Ага, отравили. Дед с первого этажа. Фашист, не меньше!
- Может, не он, кто-то другой?
- Соседи сошлись во мнении, что это дед, - деловито подтвердил Вован.
- А полиция?
- Тоже скажешь – будет полиция заниматься отравлением кошки.
- А что говорят о погибшей невестке Оливии, об Анжелике?
- Слышал, отравил ее любовник, она у него деньги украла. Большую сумму.
- А ты, Вован, глупостей не повторяй! Сплетни всё это.
- За что купил, за то и продаю.
- Оливия одна живет? Никто к ней не ходит?
- Я не слежу, но если надо...
- Не надо, - отрезала Катерина. – Может, замечал, что ее кто-то подвозил, кто-то провожал? Посторонних здесь не видел? Никто не крутился, не обязательно возле Михалко?
- Вид у Вована был озабоченный: и отрицать не смеет – не получит заветные семьдесят рублей на выпивку, и соглашаться не резон – эта лихая бабенка все равно правду узнает и тогда ему не сдобровать. Пусть она не из ментуры, но тоже не лыком шита, возможно, частный сыщик, нанятый кем-то для расследования убийства невестки Оливии Михалко. А сыщики они с ментами повязаны, все из бывших.
- Чего не видел, того не видел, - сдержанно высказался гражданин Вован – местная достопримечательность.
- Как ты в этом доме оказался? - опомнилась Екатерина Викторовна. – Мне показалось, что здесь живут... не обижайся, конечно, здесь живут нормальные люди.
- Я и не обижаюсь, - нахмурился мужичок, все-таки обиделся. – Родители у меня были приличными людьми, деньгу хорошую зашибали. В основном жили в Новом Уренгое, сюда

приезжали в отпуск. Я жил с бабушкой и старшим братом... Отец рано умер, потом бабушка умерла... Я связался с плохой компанией, мать решила старую квартиру продать, купила квартиру в другом районе... После и там квартиру продала, по необходимости, сюда переехали, и мать умерла... Я женился... Дальше ты знаешь.

- Старо, как мир. Сколько же тебе лет, Вован?
- Тридцать два.
- Да, ладно! – не поверила Катя.
- А ты думала?
- Думала, мой ровесник или чуть старше. Мне сорок с небольшим хвостиком.
- Никогда бы не дал! – искренно восхитился мужик.
- Завязывал бы ты, Вован, с этим делом, - Катерина пощелкала пальцами себе по скуле. – Ведь, молодой еще, вся жизнь впереди, а ты ее укорачиваешь своими руками. Плохо одному, женился бы ты, но не на Ленке или Ирине, на порядочной женщине.
- У меня есть брат, - напомнил он, - старший. Он не употребляет. У него жена, детей двое.
- Что ж брат на тебя не повлияет?
- Мы с ним не общаемся. Он говорит, что это я родителей и бабушку в могилу загнал.
- А это не правда?
- Правда. Наверное.
- Допьешься до того, что окажешься на улице, найдутся люди, помогут. Они таких, как ты, быстро вычисляют. Тебе это нужно?
- У меня квартира хорошая, двухкомнатная. Конечно, ремонт требуется, а так всё есть: и мебель, и техника разная.
- Неужели не пропил?
- Рука не поднимается. Помню, как мать всё это покупала, как радовалась. Говорила, в наше время о таком было только мечтать.
- Не совсем пропащий ты человек, Вован, раз рука не поднимается вещи из дома выносить.
- Я не всё время пью, бывают перерывы. Я запойный. Еще пару дней буду оттягиваться, потом в больничку лягу. Бывшая жена поспособствует, она старшей медсестрой работает.
- Раз содействует, значит, ты ей небезразличен.
- Не знаю, - подумав, сказал Вован.
- Профессия-то у тебя есть.
- Я раньше на Вертолетном заводе работал, в механическом цехе, токарем. Как пить брошу, пойду опять туда устраиваться... Возьмут, обязательно возьмут... Как не взять, я же специалист высокого класса, мне сам начальник цеха об этом говорил.
- Вот видишь! Человек тебя высоко оценил, а ты его предал.
- Никого я не предавал... Так получилось.
- Я не я и хата не моя, у вас, алконавтов, всегда кто-то виноват, не вы.
- Проблемы навалились, я не справился. Но обещаю завязать, взяться за ум. И спасибо... - Вован запнулся на полуслове.

Катерина проследила за его взглядом. Вдоль дома шел мужчина в полицейской форме с погонами майора. В его пальцах была зажата папка.

- По твою душу, что ли? – тихим голосом спросила Куприян, кивая на полицейского.
- Он? Нет. Вряд ли... Это наш участковый.
- Что ж ты так напрягся, если не по твою душу?
- Вспомнил кое-что... Видел я одного странного товарища. Как раз накануне того дня, когда кошка померла. Почему вспомнил? Потому что на нем была полицейская форма.
- И что с того? Может быть, ваш участковый был в отпуске, а он его замещал. А если и не замещал, то мало ли к кому он мог приходить.
- Не полицейский это был, точно тебе говорю!
- Почему ты пришел к такому гениальному выводу?

- Дело было днем. Я проснулся и вышел на улицу... подышать свежим воздухом. Сел на эту самую скамейку, значит, и дышу. Дышу себе дышу, меня никто не видит, а я всех вижу. Смотрю... идет... этот, в форме. Идет себе, идет... воровато, прямо тебе скажу...

- Крадется и по сторонам головой туда-сюда, туда-сюда.

- Будешь умничать, вообще, больше слова не скажу.

- Умолкаю и внимаю, - дала торжественное обещание Куприян.

- Ты видела, какую обувь носят полицейские? Форменные туфли черного цвета... Вот как у нашего участкового, который только что зашел в соседний подъезд. Там живет один... нарушитель общественного спокойствия, - с важным видом доложил Вован. После того, как участковый скрылся в соседнем подъезде, он успокоился и перестал елозить на скамейке. - А тот был ряженный полицейский, у него на ногах были мокасы. В смысле, мокасины. Понимаешь, о чем я? - Катька кивнула - как не понять. - Не новые, но еще вполне приличные. Темно-синего цвета. Ты видела, чтобы полицейские носили мокасины.

- Нет, - честно призналась Катька, которая сроду не смотрела на ноги полицейских, и вообще, не имела с ними никаких дел.

- И что делал в вашем доме этот ряженный полицейский?

- Откуда мне знать? Но зашел в мой подъезд. В тот самый подъезд, где проживает хозяйка кошки и Оливия Дмитриевна Михалко, великодушная и понимающая женщина. Сколько раз меня выручала!

- Ты предполагаешь, что это он отравил кошку? - спросила Катя, пропустив мимо ушей похвалу в адрес Оливии.

- Стопроцентно!

Версия Вована не показалась Катерине из ряда вон выходящей, надуманно-сумасшедшей. Если подельники основательно готовились к убийству Лики Волчегорской, если хотели провести испытание яда на домашнем животном, то могли устроить маскарад с переодеванием. Никого не заинтересует человек в полицейской форме. Пришел, значит, нужно. Если его «коллеги» спросят, как спросила Катя, не было ли во дворе или в доме посторонних людей, никто не вспомнит человека в форме. Человек в форме вызывает уважение, он не может вызывать подозрение. А у Оливии Михалко алиби - она весь день была на работе, и все соседи это подтвердят.

Неувязочку с обувью заметил один Вован, да и то лишь потому, что впился взглядом в полицейского - не по его ли душу. Не совсем пропил мозги, форменную обувь отличает от «гражданской».

- Допустим, этот человек в форме и в мокасах отравил кошку. Но как он это сделал? Кошка выходит погулять во двор по расписанию? И он, каким-то образом, узнал о ее прогулочном расписании?

- Выходит гулять ежедневно и орет, как бешеная. А по расписанию или нет, не скажу. Она любила исполнять серенады под окнами деда с первого этажа, потому на него подумали, что он отравил животное. Я тоже живу на первом этаже, но мне кошкины крики не мешали.

- Неужели можно отравить кошку за громкое мяуканье, все-таки живая душа, - рассудила Куприян.

- Эта кошка еще любила нагадить на чужой коврик у двери, - вспомнил Вован.

- На любой или выборочно?

- Вот этого я тоже не знаю, у меня на пороге коврика нет. Но одна соседка постоянно возмущалась.

- Так может быть это она кошку отравила, чтобы та не гадила на ее коврик?

- Она не могла.

- Ты уверен?

- Стопроцентно! - повторился Вован. - Потому что эту женщину зовут Оливия Михалко, лучше нее нет на всем белом свете! Добрейшей души человек!

Наверное, Михалко «не раз выручала» Вована в трудную минуту, потому он о ней хорошо отзывался, - подумала Куприян и не сдержалась от вопроса:

- Небось, спонсирует тебя постоянно?
- Не без этого. Но чаще подкармливает... Да, мне стыдно! Здоровый мужик не может себе на кусок хлеба заработать. Но я тебе обещаю – больше ни-ни. Надоела такая жизнь. И спасибо, что ты со мной, как с человеком, поговорила. Давно со мной так никто не разговаривал. Только орут или бьют.
- И Оливия не разговаривала?
- Некогда ей со мной разговаривать, дел по горло... Но подкармливает... И рюмочку наливает, если мне совсем худо.
- Значит, ты считаешь, что этот «полицейский» отравил кошку, чтобы подозрение пало или на деда, или на Оливию? Им обоим кошка доставляла хлопот больше других. Предположим, отравил не дед... И не Оливия. Получается, что этот «полицейский» хотел подставить именно Оливию. Дед ему до фонаря.
- Я об этом как-то не подумал, - пробубнил Вован, почесывая голову. Старательно прикрыл волосяными прядями пожелтевший фингал вокруг левого глаза и, тщательно подбирая слова, произнес, - но зачем такая сложная комбинация? И откуда он мог узнать, что кошка любит сидеть на подъездном подоконнике и смотреть в окно? – неожиданно выдал он. - Только на подоконник он мог насыпать ей отраву... На улицу она выходила в сопровождении хозяйки, та ее на поводке выводила, как собаку. До чего умная была кошечка. Выйдет в подъезд, отметится на чужой коврик и сидит на подоконнике, хозяйку поджидает. Та выйдет, ошейник ей нацепит и идут вместе на вечернюю прогулку. На улице кошка точно ничего вредного не съест, хозяйка за ней следит во все глаза. Но позволяет голосить под дедовыми окнами. Хозяйка кошки с дедом в контрах, таким способом она мстит ему.
- Интересно, - протянула Катерина. – Интересно не то, что они враждовали - между соседями постоянно происходит тайная или явная вражда, а то интересно, что человек в мокалинах знал кошкины привычки – сидит на подоконнике и хозяйку поджидает. Одна на улицу не выходит. Оставил кошке отравленную еду и спокойненько вышел – придет, съест. Так и вышло - кошка сделала свои дела на соседский коврик, прыгнула на подоконник, увидела нежданное угощение и слопала, а через некоторое время умерла... Слопала накануне, а умерла на следующий день. Будто бы всё сходится.
- Что сходится?
- Не важно, - отмахнулась Катерина. - Вован, но это всё предположения, доказательств у нас нет. Манипуляции с отравлением мог проделать и дед, которого хозяйка кошки и подозревала. Дед уж точно знал о привычках домашнего животного. И Оливия, которой осточертело чистить свой коврик, тоже знала и могла угостить кошку отравой. Я бы нашла другой выход, более легкий - убрала бы к чертовой матери злосчастный коврик и дело с концом.
- Дед, дед, дед, - задумчиво повторил Вован. – В тот день я деда, вообще, не видел... Так его и не было! – воскликнул он. – Он гостил у своей сестры, она живет в области. Я встретил на лестничной площадке дедова сына, он приходил квартиру проверять, расщедрился и дал мне сто рублей.
- С чего это он расщедрился?
- Я... ему машину помыл.
- А чего ты стесняешься? Не украл, заработал, а дедов сынов - жмот! Мог бы и больше денег заплатить.
- Я не очень старался, - признался Вован.
- Когда дед вернулся?
- Утром того дня, когда кошка померла. Потому на него все и подумали.
- Кроме неформенных мокасин у «полицейского» были еще какие-нибудь приметные особенности?
- Я его ваще не запомнил, только обувь в глаза бросилась... От сорока до пятидесяти, в этом районе. Рост... высокий...
- Толстый, худой?
- Не толстый и не худой.

- Поговорили, - разозлилась Катерина. – Усы у него были? Тоненькие, как ниточка? Над самой губой.
 - Усы... Усов не было. Не сомневайся. Если говорю, не было, значит, не было. Но усы – дело нужное – сегодня есть, завтра нет.
 - Согласна – можно сбрить. А можно приклеить и отклеить, - пробормотала себе под нос Куприян. – Цвет волос запомнил?
 - Так он в фуражке был.
 - Фуражка – не вязаная шапочка, глубоко не напаялишь. Блондин он был или брюнет?
 - Кажется, брюнет. Но это не точно.
 - Цвет глаз?
 - Ну, ты спросила! С такого расстояния разве разглядишь.
 - Может, заметил какие-то особые приметы? Глубоко посажены глаза - даже тени под глазами залегают? Или губы... выдающиеся, как у женщин, которые накачивают губы гиалуроновой кислотой?
 - Глаза, как глаза. Губы, как губы, - пораскинув заспиртованными мозгами, выдал Вован.
 - Ты вот что, Вова... Если вдруг увидишь этого человека, то сразу мне позвони. Договорились?
 - Сомневаюсь я... Все внимание было на полицейскую форму и обувь. Снимет он форму и станет другим человеком, ни в жизнь его не узнаю.
 - Тебе так кажется. Сейчас его не помнишь, а увидишь, и сразу вспомнишь.
- Куприян черкнула свой номер телефона на листке бумаги из блокнота и вручила Вовану.
- Извини, но денег на бутылку я тебе не дам. Пойдем со мной в ближайший магазин, я тебе продуктов куплю...

Люсинды Мартыновой, как назло, не оказалось дома. Ближайшие соседи ничего о ней не знали: её, вообще, никто не видел с тех самых пор, когда произошла история с отравлением любовника, после чего молодую женщину «осрамили перед всем народом», как сказала одна из соседок, интеллигентного вида дама в открытом сарафане с большими розами. Тем самым, дала понять, что уверена в невиновности Люсинды. Эта же дама предположила, что Люсинда может находиться у матери, но где живет мать, не знает, знает одно – у матери частный дом и большой сад. Люсинда угощает ее фруктами из материнского сада. Номера мобильного телефона Мартыновой женщина не дала, скорее всего не захотела, но прикинулась несведущей.

Пришлось Куприян оставить свой номер телефона интеллигентной даме в сарафане с розами с просьбой передать его Люсинде, с которой ей необходимо переговорить по весьма важному делу.

Катерина Куприян рассчитывала выяснить у Мартыновой, приобретал ли ее возлюбленный недвижимость в агентстве «Вектор П», в котором работает риелтором Оливия Михалко. Теперь придется ехать в это агентство, что-то сочинять, чтобы выудить нужную информацию.

Только Катя отъехала от дома Мартыновой, как ей позвонила любимая подруга. Начальник послал ее в налоговую инспекцию, она быстро провернула все дела и может пару часов уделить расследованию.

- Я еду в риелторскую контору, тебе там лучше не появляться – Оливия знает тебя в лицо.
- Наоборот, мне можно там появляться – Оливия в курсе, что я хочу поменять квартиру, она ничего не заподозрит. А если Оливии не будет на месте, еще и лучше. Можно сослаться на нее, вернуть погибшего Горшенина А.С. Кстати, ты не выяснила, как его зовут?
- Откуда? В нашем городе Горшениных чуть меньше, чем однофамильцев моего мужа.
- Наверное, Александр Сергеевич. Как Пушкина.
- Соловей, не пудри мне мозги! Откуда тебя забрать?
- Я буду стоять на пересечении Космонавтов и Комарова.

- Жди...

Когда к машине приблизилась женщина в красивом платье до колена цвета свежей зелени, Катя ахнула:

- Боже мой, это что за красота неописуемая!

- Это всего лишь я, одинокая женщина на пятом десятке, - застенчиво промолвила Алешечкина.

- Никому не говори про пятый десяток, ты выглядишь максимум на тридцать пять. Непристойных предложений никто не делал?

- Тоже, скажешь! – вспыхнула Натка. – Но мужчины глазами пожирали.

- Тебе нужен мужчина с фамилией Рудый. Станешь Рудовой – рыжая бестия Наталья с фамилией Рудова, что в переводе с польского означает рыжая.

- Блещешь красноречием, к чему бы это?

- Так повлияло твое преображение. Купи себе еще несколько подобных платьев, тебе очень идет.

- Зачем?

- Что за глупый вопрос! Ты же не собираешься постоянно ходить в одном и том же платье? Вечером стираем, утром надеваем.

- Хорошо куплю, - согласилась Натка и окинула себя придирчивым взглядом. - Вчера я в этом же виде притащилась на сви... на встречу с Канарейкиным, - поправила она, - а этот гад доброго слова не сказал.

Алешечкина намеренно скрыла, что при ее появлении Эдуард восхитился – заявил, что она офигительно выглядит. Но Катке об этом лучше не знать.

- Гад, - подтвердила подруга. – Что-то ему от тебя было нужно, факт.

- Тобой не интересовался, если ты на это намекаешь.

- Соловей, сама подумай – зачем мне какой-то Канарейкин, если у меня есть муж, отец моих детей. Прекрасный человек! Кто еще станет выносить мои выкрутасы?!

- А я про что! Канарейкин – птица перелетная: сегодня здесь, завтра там. Как приехал, так и уедет... Но нагадить может.

- Если я ему позволю. А я ему не позволю влезть в мою устоявшуюся жизнь.

- Лично мне очень хочется узнать, за каким чертом он сюда приперся. Сто лет не приезжал, а сейчас заявился. Я справки навела. Оказывается, его родители давно уехали из города. Возникает вопрос - что он здесь забыл? На родину потянуло? Канарейкин не из тех людей, которые ностальгируют по прошлому. И нормальных друзей у него никогда не было, одни приспешники.

- Что-то он о себе рассказывал?

- Куприяшка, не поверишь – ни слова. Я попыталась разузнать, а он сделал вид, что не слышит. Не выношу, когда повисает пауза, потому балаболила, как заведенная.

- А Канарейкин?

- Безучастно молчал. Не перебивал. Оживился, когда я устроила взбучку Пантыкину. Жаль, ты не видела наших разборок. Удивительно, что в тот злополучный день, когда умерла Лика Волчегорская, а я «шла по следу» и столкнулась с Канарейкиным, он заметил Пантыкина.

- Наверное, ты к Пантыкину взгляд приклеила, трудно было не заметить, что ты за ним следишь.

- Кать, вдруг Эдик оказался в том районе неслучайно?

- Куда ты гнешь?

- Он знал о действии препарата, который оказался в организме невестки Оливии... Он все рассчитал. Возможно, сам назначил Лике встречу в кафе.

- Пришел понаблюдать? Наблюдал, естественно, издали. Кроме Лики заметил и тебя. Убедился, что всё прошло по плану, и унес ноги, но недалеко. Ждал развития событий... Если он отравитель, то не стал бы тебя затрагивать. Зачем ему светиться неподалеку от места происшествия. Логично?

- Не знаю, - промямлила Натка. – Может быть, всё вышло спонтанно. Затронул меня, а потом одумался, да поздно... Или намеренно затронул, чтобы выведать подробности происшествия в кафе.

- Если бы не слезка за Лысым, ты бы обязательно разоткровенничалась – не каждый день на твоих глазах умирает человек.

- Это, да, я бы растрепала в подробностях. Но я промолчала и скоренько смылась. Канарейкин остался ни с чем. Начал тебе названивать, потом принялся меня доставать. Звонил, цветы прислал, свидание... встречу назначил у памятника Горькому. Что я дура, не понимаю, что никакой симпатии у него ко мне нет. И не было никогда. В школе был спортивный интерес – почему я не как все: не бегая за ним, в рот не заглядываю. Надо бы меня вовлечь в гарем.

- А если ты всё усложняешь? Почему бы Эдику не проникнуться к тебе чувством, слегка похожим на любовь, которое может в итоге стать настоящей любовью?

- Пригласил на свидание и стал ждать у моря погоды? Следил за моей реакцией – я должна была кинуться ему на грудь, облобызать и сказать: «Эдуард Витальевич, я ваша навеки!»

- А ты не оправдала оказанного тебе высокого доверия. Не кинулась, не облобызала... А ведь, знаешь, с кем дело имеешь. Эдик первым не признается.

- Катя! – предупреждающе произнесла Алешечкина, - я не собираюсь вешаться на бывшего одноклассника, первого красавца школы, даже если... даже если влюблена в него по уши. Была. Или не была, какая разница. Все давно забыто.

- Ну, да, воспитание не позволяет бросаться-вешаться.

- Причем здесь воспитание... Хотя, и воспитание тоже играет не последнюю роль... - Натка сердито посопела и поинтересовалась, - какие у нас новости?

Катя на вопрос не ответила, продолжила мусолить тему Канарейкина.

- Я не думаю, что Эдик мог пойти на преступление ради Оливии Михалко, не тот она экземпляр.

- А ради кого мог пойти на преступление?

- Ради себя любимого, ради собственного спокойствия. Эдик мог где-то пересечься с Волчегорской, закрутить с ней роман выходной недели. Ты сама говорила, что девица была симпатичной...

- Только очень худая. Святые мощи.

- Опять же на любителя. Эдику всегда нравились девушки с модельной внешностью. А модели все худосочные. И вот закрутил он с ней романчик, уехал и забыл. А Лика его отыскала и давай мозг выносить – клялся в вечной любви, обещал жениться. Если не выполнишь обещание, а все расскажу твоей жене. И надо было случиться такому совпадению – Лика живет в его родном городе. Он приехал, они встретились после работы, где-то посидели, выпили по бокалу вина – заметь, вина, после чего расстались. Но Канарейкин назначил ей свидание на определенное время в определенном месте, в кафе «Магнолия». Эдик знал, когда девица, которая его прессингует, очокурится. Специально вывел ее в свет, чтобы полиция подумала на кого угодно - на работников, служащих кафе или на посетителей, только не на него. Девица пришла вовремя, а Эдик задерживался. Она заказала кофе, на это и был расчет.

- Ну, закажет, выпьет кофе, что дальше? Экспертиза покажет, что в кофе отравы не было.

- Покажет, что не было, но время будет упущено – преступник успеет унести ноги из города.

- Ты вступаешь в противоречие со своим недавним высказыванием: зачем Канарейкину приспичило меня затрагивать?

- Подумал, что ты его приметил, когда он крутился возле «Магнолии». В то время девица была еще жива. Решил разведать: видела или не видела? Ты могла его заметить?

- Наверное, могла. Но мой интерес был сосредоточен на «Миниплатье», которая устроила концерт по заявкам. Занятная особа. Ее мужу, Луарсабу, несказанно «повезло»...

- Но он своего «счастья» осознать не успел, - вставила Катя.

- Мамаша постаралась.

- Бедная Оливия, - сокрушенно заметила Куприян, - и не знает, какие сети вокруг нее плетет начинающий сыщик рыжего окраса.

- А ты выбираешь в качестве злодея Эдика Канарейкина? - нахмурилась Наталья.
- Ну, не знаю, - протянула подруга.
- Эдик мог договориться с Ликой полюбовно – дать денег и все дела. Откупился и забыл о приключении выходной недели.
- Откуда ты знаешь, что он не пытался от нее откупиться? Пытался, но Лика осталась непреклонной: ты и только ты - вцепилась в Канарейкина зубами, не оторвешь. Девочке захотелось замуж на красивого и обеспеченного мужчину из самой столицы.
- То, что она глупенькая, я сразу догадалась, не надо быть ясновидящей.
- Конечно, глупенькая, - согласилась Катерина, - была бы умной, денежки бы взяла и успокоилась, а не продолжала шантажировать.
- А так успокоилась навсегда, - вздохнула Алешечкина.
- Как тебе моя мысль?
- Даже не знаю, - выдержав паузу, ответила Натка. – Но Канарейкина не надо исключать и списка подозреваемых... Куприяшка, а ведь он мог и меня вчера... того. Я свидетель - видела его рядом с «Магнолией». И еще неизвестно, как бы вчера развивались события, если бы не Пантыкин и моя соседка, мать Костика Олиешко. Оба видели меня в компании с Эдиком, и если бы со мной что-то случилось, то мать Костика обязательно вспомнила о мужчине, с которым я провела вечер.
- Пантыкин тебя не знает, а мать Костика... это да, она бы могла... если бы... не дай Бог... с тобой что-то бы случилось. Наташка, мне даже страшно подумать, что тебя могли убить. И кто?! Канарейкин, с которым десять лет проучились в одном классе. Кто бы знал, что ты отправилась с ним на встречу? Никто, мне бы ты ни слова не сказала. Соседу Костику без разницы, с кем и куда ты идешь, он сделал свое дело - превратил полукрасавицу в истинную красавицу, получил свои деньги и забыл.
- Костик не взял с меня ни копейки.
- Надо же...
- Катя, успокойся, это одни домыслы. Ты начала, а я развила твою бредовую мысль.... Забыли... Забыли?
- Забыли, - неуверенно кивнула головой Куприян. - Соловей, я предлагаю...
- Я так и знала! – рявкнула на нее догадливая подруга. – От этого дела я не откажусь!.. Ты же меня одну не бросишь? – заискивающим голосом поинтересовалась Натка.
- Могла бы не спрашивать.
- Что еще нового стряслось? – повторилась Алешечкина.
- Катерина была рада переключиться на людей, которые к ним не имели отношения.
- С утра меня понесло к дому Михалко. Я познакомилась с одной колоритной личностью. Вованом кличут. Он мне рассказал, что незадолго до того, как умерла кошка, любимица соседки Оливии, он видел возле дома мужчину в полицейской форме и гражданской обуви, в темно-синих макасах. Кроме высокого роста, других совпадений с мужчиной из рощи, с которым прогуливалась Михалко, нет.
- Если пролонгированный срок действия отравы не менее двенадцати часов, то мужик в мокасах вполне мог отравить кошку. И тогда...
- Тогда я могу с уверенностью сказать, что кто-то очень хочет подставить Оливию Дмитриевну. Сама подумай... Умерла кошка ее соседки. Кошка постоянно гадила на коврик у двери Оливии. И все об этом знали, включая хозяйку...
- Но хозяйка обвинила деда, которому кошка досаждала своим мяуканьем, - перебила Натка. - На Михалко даже не подумала. С виду она такая добренькая, хорошенькая, а на самом деле, ей убить человека, что раз плюнуть.
- Соловей, что ж ты в нее въелась! Нормальная баба, живет и никому зла не делает. Даже свою невестку терпела, зубами скрипела, но терпела.
- До поры, до времени, - вставила Алешечкина. – Пока чаша терпения не переполнилась.
- Оливия слишком любит своего сына, чтобы наносить ему душевную рану. Мужчины не всегда предпочитают положительных женщин, которые устраивают их матерей. Приходится

матерям терпеть и принимать невесток такими, какие они есть, чтобы сохранить отношения с сыном.

- Куприяшка, ты меня всё равно не переубедишь! Я считаю, что Оливия Михалко убила невестку ради свободы сына.

- Мы эту тему уже обсуждали, и не хочу к ней возвращаться. Ты правильно сказала – у нас разные мнения по этому поводу. И мы должны докопаться до истины. Только так мы поймем, кто был прав.

- Что еще нового?

- Я заезжала к Люсинде Мартыновой, но ее не оказалось дома. Соседи ничего не знают. Ее никто не видел с тех пор, как ее увезли в полицейский участок. Одна соседка предположила, что Люсинда может быть у матери, но никто не знает, где мать живет. Я оставила соседке свой номер телефона, чтобы та передала его Люсинде.

- Замкнутый круг какой-то... Катя, у тебе телефон разрывается, не слышишь, что ли? Может, это Мартынова объявилась.

- Это мой личный информатор – дочь моей хорошей знакомой. Я ей утром звонила, просила навести справки о гибели Тони Пеликиной...

Информатор сообщила интересные подробности в деле погибшей Пеликиной. Чтобы их осмыслить, Куприян прижалась к обочине.

- Вот этого я точно не ожидала, – пробормотала она. – Незадолго до... утопления Тоню накормили большой дозой аспирина.

- Ну и что? – задержала головой Наталья. – Я ничего не понимаю! У Тони была аллергия на аспирин?

- А ты знаешь, что смертельная доза ацетилсалициловой кислоты всего пятнадцать граммов?

- Ты хочешь сказать – кто примет больше пятнадцати граммов, тот упокоится на кладбище?.. Не знала... Вот так поворот... Но пятнадцать граммов лекарственного средства – это ого-го как много. Только человек без вкусовых рецепторов проглотит и не заметит... Но мы почти ничего не знаем о девушке Тоне. Только то, что она химик по образованию и призванию...

- И что?

- А то! Могла получить химический ожог во время лабораторных испытаний, поэтому проглотила пятнадцать граммов..., а может ей и меньшей дозы хватило..., потому проглотила и не заметила. И смотря с чем подать лекарственное средство. Если с чем-то огненно-горьким, то могла и не заметить. Или с кофе. Если человек привык пить кофе без сахара. Засыпал в чашку с кофе смертельную дозу аспирина, довел до нормального уровня горечи с помощью сахара, подопытный кролик выпил и не заметил...

- Вот дает! Тебе бы, Соловей, детективы писать, всех бы перетравила, для каждого нашла свой личный способ отравления.

- Ты хорошо сказала – личный способ отравления. Раньше травили людей странным ядом, потом перешли на аспирин в больших дозах... Путают следствие сволочи... Что дальше будет?

- Даже думать боюсь. Не много ли трупов вокруг Оливии Дмитриевны?.. Но с Антониной Пеликиной мог расправиться другой человек, и эти два убийства – Лики и Тони – никак не связаны. Тоню мог приревновать несдержанный поклонник, который узнал о восстановлении ее отношений с Луарсабом Михалко.

- Так не доставайся же ты никому?

- Почему, нет.

- Быть такого не может! – уверено заявила Алешечкина. – Эксжених Тони не имел возможности ее отравить аспирином, если она льнула к Луарсабу, то обходила его десятой дорогой.

Куприян не стала с ней спорить, и направила автомобиль к «Вектору П», где им могли предоставить необходимые сведения о гражданине Горшенине...

В дверях подруги столкнулись с Оливией Дмитриевной Михалко. Она вылетела как угорелая из помещения риелторского агентства, расположенного на первом этаже длинного многоэтажного жилого дома. Женщина едва не «посчитала носом» три ступеньки, так торопилась.

Алешечкиной, лично знакомой с риелтором, показалось, что та сильно озабочена.

Озабоченная дама не обратила внимание на двух особ, рвущихся в агентство, запрыгнула в свой автомобиль, но уехала не сразу. Попыталась кому-то дозвониться по мобильному телефону. Дверца авто была распахнута, Оливия привычно выставила напоказ свои голубые незагорелые ноги.

Сообразительная Катя отставила затею с проникновением в риелторскую контору «Вектор П», сделала несколько шагов назад и замерла неподалеку от автомобиля Михалко. Когда той ответил неизвестный абонент, она твердым голосом заявила:

- Лиза, ты мне нужна!.. Да, именно, как адвокат. Меня вызывает к себе следователь...

Голубые ноги исчезли в салоне авто, дверца захлопнулась. Больше Катя не услышала ни слова. Оливия укатила на своем авто, по всей видимости, договорившись с адвокатессой Елизаветой встретиться в кабинете следователя.

Куприян пересказала сногшибательную новость подруге, маячившей у дверей «Вектора П», спиной к машине Михалко.

- Земля горит под ногами Оливии, - глубокомысленно изрекла Алешечкина. – Потому обратилась к знакомому адвокату.

- Это обычная практика. Не обязательно, что человек чувствует за собой вину.

- Не слабо ее обложили, раз перешла к... обычной практике. А я поначалу подумала, что Оливии сообщили еще одну страшную новость, о гибели еще одного человека, с которым она была знакома.

- Соловей, тебе лучше сейчас помолчать, дабы беды не накликать. Второй день каркаешь и каркаешь.

- Ты еще не знаешь, что я хочу сказать.

- Знаю! Ты скажешь, что сообщник начал «косить» всех подряд, чтобы его возлюбленная была более сговорчивой.

- Что-то в этом роде. Смерть Антонины Пеликиной это первое предупреждение. Сообщник – человек больной на всю голову, это Оливия поняла, и еще поняла - он пойдет до победного конца. Его надо остановить во чтобы то ни стало. Поэтому Михалко позвонила своему адвокату. Она признается в соучастии в убийстве Анжелики Волчегорской, а также в отравлении бомжа из рожи, соседской кошки и, возможно, Горшенина А.С. Вечером ты позвонишь Нинель Сушке и услышишь подтверждение моих слов. Нинель обязательно будет осведомлена о последних событиях с ее приятельницей.

- Как она узнает, если ее приятельницу посадят в следственный изолятор ?

- Могут и не посадить, если она пойдет на сделку со следствием. Отпустят, как и Мартынову, под подписку о невыезде... А Люсинде несказанно повезет – с нее снимут все подозрения в убийстве милого друга Горшенина.

- Не факт, что отравление Горшенина и другие отравления - преступления одной цепи.

- А мы сейчас убедимся, что он был клиентом «Вектора П», - уверенно заявила Наталья, подхватила подругу под руку и затащила в помещение агентства недвижимости...

Как Куприян и Алешечкина не старались, нужной справки так и не получили. Кроме администратора, в агентстве не было ни одной живой души, а администратор осталась непреклонной к просьбам двух женщин, которые сначала зашли издалека, затем конкретизировали свой интерес. Отправила женщин к директору – оказывается, в офисе была еще одна живая душа. Если директор даст добро, то, пожалуйста...

Женщины потоптались, к директору идти не решились, и отравились восвояси ни с чем.

- Злыдня, - обозвала администратора Натка, погружаясь в автомобиль Куприян. – Катя, ты довезешь меня до работы?

- С легкостью... А все из-за тебя!- взорвалась подруга, решив расстаться с безбрежным терпением.

- Что значит – из-за меня?

- Кто скажет правду человеку, у которого физиономия цвета яркого костра?! Сразу ясно – этот человек врет! На самом деле, Горшенин – это предлог. Этот человек с пунцовой рожицей замышляет большу-у-ую неприятность. Зря мы сюда сунулись. Больше чем уверена, что все сотрудники агентства знают, что приключилось с Горшениным, к ним уже приходили, задавали каверзные вопросы. А потом... являются две особы – одна нормальная, другая... выглядит, как малоопытная террористка, и учиняют допрос. Еще повезло, что администраторша не вызвала полицейский наряд.

- За террористку тебе отдельное спасибо. А свои соображения могла бы высказать раньше, до того, как мы сунулись в этот Вектор-шмектор. Давай уносить ноги...

Как только Катерина избавилась от подруги, ей позвонила Люсинда Мартынова, которая вернулась от матери в свою квартиру. Соседка сразу рассказала ей о визите незнакомки, оставившей свой номер телефона.

Голос у Люсинды бы совершенно несчастный. Неожиданно поделилась своими проблемами, толком не выслушав вопрос Катерины. Та ее внимательно слушала, привычно пристроив автомобиль на обочине.

Мартынова сама ответила на вопрос, который мучил и Катю, и Наталью. Действительно, Горшенин, которого девушка называла не иначе, как Лешечка, приобрел двухкомнатную квартиру в агентстве недвижимости «Вектор П», в старом фонде. В хорошем состоянии, требовался небольшой косметический ремонт. Вскоре Люсинда и Лешечка собирались пожениться. Лешечка Горшенин давно пребывал в разводе, от первого и единственного брака у него была дочь. Куприян поинтересовалась, не встречался ли с кем-то Горшенин накануне своей смерти. Девушку не удивило любопытство незнакомки, она была готова рассказать все что угодно и кому угодно, лишь бы ее оставили в покое.

Оказалось, что Лешечка знакомился с кавалером дочери. Они встретились в ресторане, после чего расстроенный отец приехал к любовнице.

- Чем же он был расстроен? – уточнила Екатерина Викторовна.

- Ему не понравился выбор дочери. Девушке всего восемнадцать лет, а жених ей в отцы годится – почти ровесник Лешечки. Знакомы без году неделя, а туда же – жениться.

- Люсинда, а вы рассказали об этом в полиции?

- Конечно, рассказала. Следователь проверил. Да, они встречались в ресторане, дочь была удивлена, что я «перевожу стрелки» на нее и ее избранника, честного и порядочного человека. Зачем ей или ему убивать отца, будущего тестя? Если бы отец и начал возражать против их союза, это бы ничего не изменило, у них серьезные намерения, разница в возрасте тому не помеха.

- А вы видели избранника дочери Алексея?

- Никогда не видела.

- А как бы мне встретиться с его дочерью? Вы знаете, где она живет?

Люсинда Мартынова назвала адрес, по которому проживала дочь Алексея Горшенина, Светлана, вместе с матерью...

Прежде чем отправиться по указанному адресу, Катерина заехала домой. Отыскала среди старых фотографий ту, где они с Наткой и Эдиком сняты на фоне родной школы в день выпуска. Нагло отчекрыжила ножницами себя и подругу, оставила одного Канарейкина. Хотела пририсовать ему усы-ниточку, но передумала. И очень понадеялась, что Эдик не сильно изменился с тех пор. Натка утверждала, что он по-прежнему молод и красив...

Дом Оливии располагался географически ближе, чем дом семьи Горшениных. Поэтому Куприян сначала направилась к дому Оливии Михалко, чтобы отыскать друга Вована и

предъявить ему фотографию своего школьного приятеля, который может оказаться тем самым полицейским в мокалинах.

Только сейчас до Кати дошло, что описание, данное Элеонорой Павловной, владелицей кусачей пуделихи Виолетты, подходит Эдуарду Витальевичу Канарейкину. Натка ничего не говорила об усах, но усы – дело наживное, это понял даже Вован.

Куприян знала, что Вован живет на первом этаже, в одном подъезде с Михалко и Нинель Сушкой.

Катя припарковала автомобиль на свободном месте, вблизи нужного подъезда, отметив по себе, что машины Михалко нет. Окна квартир первого этажа радовали глаз блеском, чистотой, красивым тюлем и красивыми портьерами. Вряд ли в этих квартирах проживает запойный алкоголик. Пришлось Катерине обогнуть дом. Окна квартиры Вована она вычислила без проблем – их прикрывало подобие бесцветной тряпицы.

Катя проникла в подъезд и постучала в нужную дверь костяшками пальцев, звонок не работал. За дверью слышались шаги, дверь распахнулась. На пороге застыла молодая симпатичная женщина, впечатление портило злое выражение лица. Наверное, решила, что нагрянули собутыльники Вована. При виде незнакомки, лицо разгладилось, но в голосе все равно проскользнуло недовольство.

- Вам кого?

- Мне нужен Владимир.

- Он... не здоров.

- Он опять напился? Но как же так – он мне слово дал!

- Вам? А вы кто?

- Мы случайно сегодня познакомились. Я в этот двор по делу приезжала...

Пока Катерина на ходу пыталась сочинить причину, женщина усталым голосом произнесла:
- Возможно, если бы выпил, то ничего бы не случилось. Но рано или поздно это должно было произойти.

- Что произошло? Он жив? - испугалась Катерина Куприян, невольно обвиняя себя в самом страшном.

- Жив, что ему делается. Но сердце не железное, прихватило так, что пришлось «Скорую» вызывать. Хорошо, что успел мне позвонить.

- Вы его жена?

- Жена, но мы вместе не живем. И не разводимся. Мужик он хороший, пока не пьет... А вам он по какому делу понадобился? – опомнилась женщина.

- Я... мне... Я частный сыщик, - «честно» призналась нерешительная гостья, - веду расследование убийства... одного человека. Сегодня утром я разговаривала с вашим мужем. Он мне очень помог. Я хотела показать ему одну фотографию.

- Чтобы он опознал убийцу? Так я сейчас, я мигом его разбужу и показывайте свою фотографию. Вовка будет только рад помочь расследованию. Это его подбодрит. Вы проходите, не обращайтесь на бардак, я не успела прибраться. В кухню проходите, там более-менее чисто, а я сейчас...

В кухне, действительно, было более-менее чисто, вернувшаяся хозяйка постаралась. Была и приличная встроенная мебель, и различные бытовые приборы, которые не распродал любитель выпить, руки не поднялись. Катя присела на край стула и принялась ждать появления Вована.

- Так ты все-таки сыщик, - хриплым голосом утвердился он, появляясь в кухне. Из былой «роскоши» у него остался лишь пожелтевший фингал под левым глазом. Она нем были спортивные штаны, чистые, и футболка нежно-лимонного цвета, совершенно новенькая.

Едва мужчина устроился на табурете, жена поставила перед ним стакан с водой и сунула в руку горсть таблеток.

- Прими без разговоров.

Вован безропотно выпил лекарство, при этом его лицо перекошилось.

- Ты бы так кривился, когда свою водку поганую пьешь.

- Юля, не начинай, - укоризненно заметил муж. – При посторонних людях-то не надо.
- Владимир, я хочу показать вам фотографию одного человека. Но сразу предупреждаю – фотографии давнишняя, ей более двух десятков лет, но этот человек несильно изменился за эти годы – он узнаваем.

Катерина с тревогой положила на стол перед Вованом фото улыбающегося Канарейкина в выпускном костюме темного цвета и белой сорочке. На фото Эдик был необычайно хорош собой.

- Вован взял фото трясущимися руками. Долго изучал, потом сказал:
- Точно не скажу, но похож. И хорошо, что он снят во весь рост. Так мне легче его узнать. Строение... телосложение у этого похоже с тем полицейским.
- Но все-таки есть сомнения, что не он?
- Говорю же – не стопроцентно, что он, - вспомнил излюбленное словечко молодой мужчина. Куприян поблагодарила за содействие и поспешила к дочери Алексея Горшенина, Светлане Горшениной...

Екатерина Викторовна быстро отыскала нужный дом. Прикинула, в каком подъезде находится квартира Горшениных, и позвонила в домофон. Очень надеялась, что Светлана окажется дома. В динамике прозвучал писклявый девичий голос. Куприян сообщила:

- Я к Светлане.
- А что вам нужно? – любопытствовала девчушка. Катя решила, что это младшая сестра Светы. Люсинда не говорила, что у Лешечки было две дочери, но могла просто упустить.
- Я частный детектив, расследую дело об убийстве Алексея Горшенина.
- А кто вас нанял?
- Кто нанял? Его друг нанял, - нашлась Екатерина Викторовна.
- Дядя Вадим?
- Да, Вадим... э-э-э...
- Вадим Андреевич Шляпужников? – подсказала юная добродетель.
- Именно, - согласилась «сыщица».
- Ладно, входите. Пятый этаж.

Зазвучал зуммер, дверь открылась, Катя вошла в подъезд. Поднялась на лифте на пятый этаж.

У раскрытой двери стояла белокурая девушка. На вид не больше шестнадцати. Оказалось, что это и есть Светлана Горшенина, юная добродетель с писклявым голосом.

Девушка принялась расспрашивать о ходе расследования убийства ее отца. Куприян отвечала односложно, больше всего боялась, что девушка потребует у нее документ – доказательство ее слов, что она частный сыщик.

- Я не понимаю, зачем дядя Вадим вас нанял, все и так ясно – отца отравила эта дура Люсинда. Отец не хотел на ней жениться, признался ей в этом, она его убила.
- Я узнала, что накануне вечером ваш отец ужинал в ресторане вместе с вами и вашим женихом.

- Да, так всё и было. Я хотела познакомиться отца с Толиком.
- Вашего избранника зовут Анатолий? - спросила Куприян из желания получить более развернутую информацию о поклоннике Светланы.
- Анатолий Бельский. Он немногим моложе моего отца. Отца сначала это напрягло, но потом они пообщались, отец понял, как Толик ко мне относится, и шепнул мне на прощание: «Держись за него, дочка». Если бы я только знала, что мы видимся в последний раз.

По щекам Светы покатались крупные слезы. Девушка стартанула с места и выскочила из гостиной. Кате показалось, что она стыдится плакать при постороннем человеке. В ванной зашумела вода. Вскоре Светлана успокоилась и вернулась. Глаза у нее покраснели, губы обиженно выгнулись дугой.

- Мы можем продолжить?
- Пожалуйста, - прогнусавила девушка.

- Светлана, отец сам вам сказал, что не хочет жениться на Люсинде Мартыновой?
- Он намекал, прямо не говорил. Но и так было понятно, что он на ней не хочет жениться. Хотел бы, давно женился. Они хороводятся много лет.
- Возможно, ваш отец хотел сначала обзавестись собственным жильем, а уж потом... А где он раньше жил? До того, как купил себе двушку в старом фонде?
- За городом. У дяди Вадима есть обустроенная дача. Раньше было ничего – у отца был плохонький автомобиль, а потом автомобиль окончательно «сдох», отцу приходилось ездить на работу на пригородной электричке.
- Мог бы жить у Люсинды.
- Не хотел у нее жить, вот вам и подтверждение моих слов. Она ему была нужна для удовлетворения сексуальных потребностей. Только и всего.
- Ваш жених поддерживает вас в таком страшном горе?
- Ему пришлось ненадолго уехать. Дела, знаете ли... У него бизнес в другом городе. Скоро переберется в наш город, и мы поженимся. Конечно, выдержим траур. Как думаете, полгода достаточно?
- Я не знаю.
- Я думаю, вполне достаточно.
- Света, вы совместное селфи с женихом не делали? Сейчас девушки любят фотографироваться и выкладывать фотки в соцсети.
- Толик ненавидит фотографироваться, утверждает, что не фотогеничен. Один раз я его сфоткала тайком. Так он так психанул, потребовал удалить фотографию из мобильного телефона.
- И давно вы знакомы с Анатолием Бельским?
- Почти две недели.
- И уже решили пожениться? – удивилась Катя.
- А что здесь удивительного? Да, решили. Двух недель вполне достаточно, чтобы узнать человека и понять, любит ли он тебя.
- И Анатолий вас любит? - с издевкой уточнила Куприян.
- Очень! – эмоционально ответила Светлана. – Я всегда мечтала о таком муже.
- Света, а вы можете мне его описать? Хотелось бы понять, какой внешностью должен обладать взрослый мужчина, чтобы заинтересовать молодую хорошенькую девушку.
- Толик высокого роста, пропорционально сложен, необычайно красив. Бешено красив. Глаза темно-карие, почти черные.
- Брюнет, блондин?
- Брюнет.
- Глаза глубоко посажены? Или... ваш Толик лупоглазый? – выкрутилась Куприян, задав сначала слишком прямолинейный вопрос, который мог выдать ее с потрохами.
- Тоже скажете - лупоглазый... Может быть, немножко глаза у него и глубоко посажены. Совсем немножко. Но это обстоятельство не портит впечатления. Губы у него такие, что так и хочется их целовать и целовать, - мечтательно протянула Светлана.
- Припухлые? Красиво очерченные?
- И то, и другое.
- Нос картошкой? - доброжелательно усмехнулась Катерина.
- Нос правильный, на зависть носатым – у которых один нос на лице и есть.
- Усы, борода?
- Толик всегда гладко выбрит.
- У меня с собой есть фотография моего одноклассника. Случайно в сумке завалялась. В школьные годы у нас был красивый роман. Но потом мы расстались. Я о нем ничего не знаю. Не знаю, помнит ли он обо мне. А я о нем всегда помню. И когда вы описали мне вашего Толика, я вспомнила свою школьную любовь. Света, посмотрите, они похожи? – Куприян протянула девушке фотографию Канарейкина.

Девушка долго ее рассматривала, время от времени поглядывала на «сыщицу». В глазах притаилось недоумение – как мог такой писанный красавец связаться с такой пигалицей без ярко-выраженных внешних достоинств.

- Что-то есть у них общее, - в итоге призналась она. Катьке не показалось, что Светлана хотела что-то скрыть.

Уже в дверях Куприян вспомнила о Вадиме Андреевиче Шляпужникове, друге отца Светланы. Сказала, что его координаты записаны в договоре о сотрудничестве, в договор в офисе, а ей необходимо срочно с ним связаться. И не могла бы Света...

Света покопалась в своем мобильнике и продиктовала номер телефона Шляпужникова.

- Адрес дяди Вадима я не помню наизусть, но найду где он живет с завязанными глазами.

- Адрес у меня записан в договоре. Но время не терпит, надо срочно с ним созвониться, заезжать не обязательно. До свидания. Света. И спасибо вам за помощь...

Телефон неизвестного Шляпужникова Катька спросила на всякий случай. Могла и сама отыскать его координаты, не впервой, но зачем надрывать.

Время пролетело быстро, день клонился к вечеру, а Куприян успела только позавтракать налегке. Очень хотелось есть.

Проезжая мимо ларька с надписью «Вкусные блины», она остановилась, купила себе блин с ветчиной и сыром, слопала за пару секунд, и поехала дальше. Путь лежал в рощу микрорайона Западный, где должна в это время прогуливаться Элеонора Павловна со своей любимицей Виолеттой.

По дороге кстати вспомнила, что ее зовут Фелицитатой. Мысленно поблагодарила за новое имечко подругу. И о том вспомнила, что взрослый сын поступает на журфак и пишет статью в журнал. Опять же, на всякий пожарный случай.

Роща выглядела совсем иначе, чем при предыдущем посещении. Груды мусора и обрезанных веток вывезли. Вероятно, в выходные коммунальщики и жители провели субботник.

Элеонору Павловну Катерина заметила сразу, едва вошла в рощу. Та беседовала с мужчиной своих лет посередине дороги-тротуара неподалеку от входа. Мужчина держал на поводке среднего размера собаку неизвестной породы – смесь бульдога с носорогом. Собака недобро поглядывала на пуделиху Виолетту. По причине недоброго взгляда своего собрата Виолетта держалась от него подальше, пряталась за своей заботливой хозяйкой.

Мужчина что-то сладострастно вещал Элеоноре Павловне, Элеонора Павловна внимала с кокетливой улыбкой. Увидев Куприян, приветливо помахала ей рукой. Быстро распрощалась со своим собеседником и поспешила к той, которая улыбалась ей во весь рот, как своей близкой знакомой.

- Фелицитата, как вы кстати появились! – издали заявила пенсионерка.

- Добрый вечер, - поздоровалась с ней Куприян. – Что-то случилось? Есть новости о вашем погибшем соседе или о его вдове?

- Нет, никаких. Но могло произойти еще одно убийство, - призналась Элеонора, стреляя глазками по сторонам. Было заметно, что она находится в приподнятом настроении, жеманничает и хочет, чтобы ее забрасывали вопросами.

Катька приняла игру:

- И кто же следующая жертва?

- Вы видели мужчину, с которым я разговаривала? Он не дает мне прохода! Предлагает выйти за него замуж. Ему крупно повезло, что неожиданно появились вы, Фелицитата, иначе я бы за себя не отвечала.

- Назойливый кавалер?

- Не то слово! А вы пришли в рощу прогуляться или вашему сыну снова нужна помощь?

- У меня в руках оказалась фотография одного мужчины. Полиция подозревает его в совершении целого ряда преступлений. Помните, вы нам с подругой рассказали, что видели мужчину в компании нашей с Ефросиньей знакомой. Мы волнуемся за нее. Вдруг это тот самый убийца.

- Да, показывайте уже его фотографию, не нервничайте меня! – Элеоноре хватило одного брошенного взгляда. - Что вы, это не он. Этот молоденький, мальчик совсем.
- Я не успела вам сказать – этому снимку более двадцати лет. Мужчина изменился, повзрослел, заматерел, но прежние черты сохранились. Присмотритесь хорошенько.
- Даже не знаю, что вам сказать, - с явным недовольством произнесла Элеонора Павловна, предпочитавшая знать ответы на все вопросы.
- Похож или нет?
- Но столько лет прошло...
- И все-таки? Могу пририсовать ему усики, если это поможет.
- Фотография нечеткая, - заупрямилась пенсионерка.
- Значит, это не он.
- Я этого не говорила.
- Элеонора Павловна!
- Могу сказать только то, что молодой человек на фотографии очень похож на того мужчину с усиками, который бегал по роще с дамой, несимпатичной и чрезмерно упитанной.
- Насчет несимпатичности дамы могу с вами поспорить, - внезапно окрысилась на пенсионерку Катерина. – Представьте себе – у нее от кавалеров нет отбоя.
- Что меня очень удивляет, - поехидничала Элеонора.
- На вкус и цвет...
- Фелицитата, довольно обсуждать вашу знакомую. О ком, о ком, а о ней мне совершенно не хочется говорить. Лучше скажите – вы еще не передумали?
- Элеонора Павловна, вы кого имеет в виду?
- Милая моя! – возмутилась ее забывчивости пенсионерка. – Я имею в виду моего соседстоматолога. Марса Ивановича. Вы бы ему очень понравились, он обожает восточных женщин. Он тако-о-ой мужчина!
- Старая перечница, - осудила ее мысленно Екатерина Викторовна и поспешно распрощалась...

Никто из опрошенных четкого ответа на вопрос не дал. Катя разозлилась не на шутку, отыгралась на дверце любимого автомобиля Иванова – с силой ее захлопнула. Как не злиться – целый день промоталась по городу, сочиняла, подстраивалась, и все без толку. Никто твердо не сказал – он! Светлана Горшенина отрицала, что ее возлюбленный в теперешнем виде похож на молодого человека с фотографии. Могла и прилгнуть – сообразила, что у «сыщицы» интерес не праздный. И теперь позвонит своему жениху и предупредит. Если ее кавалер – Эдик Канарейкин, умник, запутавший следственные органы города с одной целью – отравить бывшую любовницу Анжелику, которая его шантажировала, то можно с уверенностью сказать - Эдик спешно покинет город. Это он девушке сообщил, что ему надо срочно уехать по делам, чтобы она под ногами не путалась, а сам проводит подготовку к очередной операции по ликвидации ненужных свидетелей - любознательных тетенок, возомнивших себя великими сыщиками Пуаро. Прознав, что сыщики Пуаро далеко зашли, он ускорится, приведет план в исполнение раньше срока, и вот тогда уберется из города.

Не надо себя пугать и накручивать! - приказала себя Куприян. – Еще ничего неизвестно: Вован усомнился, что на фотке тот самый полицейский в мокалинах – не стопроцентно, Элеонора тоже не уверена. Доказательств вины Канарейкина нет. Надо сосредоточиться на Оливии Михалко, как бы мне этого не хотелось. Натка вцепилась в нее зубами и беззаветно верит, что Лику отравила ее свекровь с помощью подельника, мечтающего стать свекрови мужем. Лично мне в это не верится. Но пустые верю-не верю к делу не пришьешь. Михалко вызвали к следователю, она перепугалась и позвонила своему адвокату Елизавете. Что произошло в кабинете следователя, что последовало за допросом, может знать Нинель Сушка. При условии, что Оливия на свободе, а не сидит в следственном изоляторе. Пока выжду, поеду домой, отдохну, поужинаю, а потом позвоню Сушке. Если она что-то знает, то со мной обязательно поделится...

Оказавшись в родных стенах, Катерина вывалила их холодильник всю имеющуюся еду, придирчиво ее оценила: позаглядывала в кастрюли, будто не сама всё готовила. Без долгих размышлений поставила на газовую плиту кастрюлю с голубцами. Отрезала себе большой кусок сыра, отломала половину багета, и принялась жевать хлеб с сыром, пока голубцы подогреваются.

В момент, когда рот был забит сухомытной едой, зазвонил мобильный телефон. Катя поняла, кто ей звонит, попыталась проглотить, подавилась, зашлась кашлем, принялась пить воду, но питье не способствовало усмирению набросившегося на нее кашля. Но она все-таки нашла в себе силы отозваться на звонок бывшего одноклассника, пусть и хрипела, подкашливала, почему-то шмыгала носом.

Бывший одноклассник - недавний Наткин кавалер-молчун - сухо поздоровался и, без вступления, спросил:

- Катя, насколько я осведомлен, ты сейчас в отпуске? - В голосе присутствовали отцовские нотки при разговоре с непроказничавшим ребенком.

- В отпуске, - покрхтывая, подтвердила Катя, одновременно заглядывая в кастрюлю, в которой зашипели голубцы. Она убавила газ и прежним осипшим голосом поинтересовалась, не удержались от любопытства, - а почему ты спрашиваешь?

Она нисколько не надеялась, что разочаровавшийся в Натке легкомысленный кавалер вдруг решил перекинуться на нее: с кандидатками на роль подруги-любовницы таким тоном не разговаривают. Хотя... Это же Канарейкин. Он не как все мужчины, этим «не как все» и берет разных дурочек... типа ее и Натальи Романовны. Обе шагнули на пятый десяток, а ума в вопросах отношений с мужчинами до сих не набрались. Опыта маловато.

И Катерина нисколько не испугалась: не подумала, что бывший одноклассник, подозреваемый ею во всех смертных грехах, прежде чем перейти к жестокой расправе – провести испытание нового ядовитого вещества на ее хилом организме – будет названивать и спрашивать, в отпуске ли она. Для испытания «случайно» столкнулся бы с ней на улице, завел в кафе, отвлек, подсыпал ядику и прощевай, душа-девица. Причем применил яд недлительного действия – она бы окочурилась минут через десять после расставания с ним – чтобы никто не узнал, с кем жертва общалась перед смертью. Чтобы успела подальше отойти от кафе, от свидетелей.

Если Канарейкин позвонил, что это говорит только об одном - не до конца вытянул информацию из Алешечкиной. Следующим разведывательным этапом у него - попытка прогулка с ней, с Куприян Екатериной Викторовной, бывшей одноклассницей, открыто влюбленной в Виталича в чудесные школьные годы...

- Я не спрашиваю, я уточняю, - перешел в атаку добрый молодец.

- Ну, уточнил, что дальше? - осведомилась Куприян, плотоядно поглядывая на оставленный на столе недоеденный кусок багета и живописно надкусанный кусок сыра. - Знаете ли, уважаемый Эдуард Витальевич, если у вас есть ко мне некое... деловое предложение, то прошу его озвучить, не ходить кругами. – В слово «деловое» она вложила все имеющееся у нее язвительное презрение. Такого у нее имелось без излишка, сказать по правде – совсем мало. По натуре Катерина была человеком добрым, редко-язвительным, и то по отношению к дорогой подруге. Язвительность носила благожелательно-воспитательный характер.

- У меня есть для тебя дружеский совет...

- Даже так! – не сдержала удивления Куприян, рассчитывавшая получить приглашение – встретиться у памятника... Горькому. А чего голову ломать, напрягаться. Он приложит силы для других... дел.

- Катерина, ты так и будешь постоянно меня перебивать?! Я...

- Не буду я тебя перебивать, - все-таки перебила женщина.

- Катерина, я хочу дать тебе дружеский совет...

- Может, пора непосредственно перейти к совету, а не мямлить одно и то же?

- Я никогда не мямлю, люблю говорить по существу, не терплю, когда меня останавливают после каждой недосказанной фразы, - с завидным терпением перечислил все мужчина.

- Ты молодец, Эдик! – с подковыркой похвалила Катька.
 - Неужели тебе совсем не интересно, что я хочу сказать?
 - Не люблю, когда мне дают непрошенные советы, дружеские, недружеские, никакие. Если я об этом попрошу, тогда пожалуйста, излагай... себе на здоровье.
 - И все-таки. Я тебе настоятельно рекомендую...
 - А я тебе рекомендую пойти... - Куприян хотела рекомендовать приятелю пойти в полицию и чистосердечно признаться во всех преступлениях, но вовремя притормозила: во-первых, она не уверена, что все преступления совершил он, во-вторых, нельзя раскрывать карты, тем самым, вызывать огонь на себя.
 - Что ж ты замолчала? В отличие от тебя я спокойно выслушаю твои рекомендации.
 - Езжай-ка ты, Эдуард Витальевич, в столицу-матушку! Пора тебе домой возвращаться, - менее уверенно добавила она.
 - А откуда ты знаешь, где мой дом? Вдруг мое постоянное местожительства здесь, в моем родном городе?
 - Когда-то было, - вставила Куприян. – Где это видано, чтобы люди из столицы в провинцию перебирались.
 - А если назрела необходимость? – спросил Канарейкин таким намекающим голосом, что Катька утвердилась в своих недавних сомнениях: Лика Волчегорская была его любовницей, а стала шантажисткой. Перед Ликой были проведены некоторые испытания, яда, естественно, после Лики – убирались ненужные свидетели-подельники. – Что, Катя, сказать нечего? - вернул ее в пугающую действительность потенциальный противник.
 - У меня всегда есть, что сказать, но сейчас... я готова выслушать твой совет, твою рекомендацию. Любопытно стало. - Куприян пыталась говорить небрежным тоном, но у нее это плохо получалось.
 - Готова – слушай: уезжай-ка ты, Катерина, из города. И чем скорее, тем лучше.
 - Это... угроза? – опешила она, не думала, что он окажется таким наглым и уверенным в себе. Забыла, каков он был всегда.
 - Всего лишь совет старого друга. Предлагаю к нему прислушаться.
 - А то что?! – взвилась женщина.
 - Ничего хорошего, - обронил Канарейкин, - и своей дорогой подруге передай, чтобы сидела тихо и носа не высывала. А еще лучше – прихвати ее с собой.
 - А если...
 - Прощай, Куприян...
 - Блин горелый! – взорвалась Катя и швырнула мобильник на стол, возле пустой тарелки, приготовленной для разогретых голубцов. – Вот такие, значит, дела... Выдал он себя. С головой выдал. Черт! Над звонить Наташке!
- Но прежде выключила газ, взяла себя в руки, попыталась совладать с раздражением. Испуга от звонка-предупреждения не было, внутри поселилось разочарование – неужели такое возможно? Неужели хороший парень Виталич, положительный во всех отношениях, пусть и наглец, который использовал ее чувства в своих целях, пусть и самоуверенный - ни капельки не сомневался, что только поманит ее пальчиком, и она к нему побежит, превратился в закоренелого преступника?
- Усердно поработала челюстями – доела багет с сыром, вкуса не почувствовала. Аппетит пропал напрочь. Ему на смену пришла уверенность в своих силах. Они с Наткой вместе, их не сломить.
- Даже Канарейкину, в руках которого обе становятся мягкой глиной.
- Эдик неплохой психолог, был им и остался, и без труда разобрался, когда она мягкая глина, когда кремень. С кем глина, с кем кремень.
- Неужели ему не хватило десяти лет школы, чтобы разобраться, что «глина» способна затвердеть в определенный момент – момент «перегиба».

Кроме непрошенных советов Куприян не выносила угроз. С ней происходила резкая перемена – «глина» твердела. Внутри хилого организма от угроз-дровишек разгорался протест-костер.

Екатерине Куприян хотелось сделать назло, хотелось сделать обратное!

Прожитые годы ее не изменили...

Соловьева-Алешечкина на телефонный звонок подруги отзываться не желала. Сначала Катя обозвала ее «глухой тетерей», а потом высказала вслух противоположное мнение:

- Умница, девочка Наташа. Здорово, что ты не слышишь звонка. Сейчас я приду в себя, и снова перезвоню. Расскажу о диалоге с бывшим одноклассником с юмором, как я это умею. Чтобы Соловья не напугать... А зачем я ей вообще, звонила? И пусть он рекомендовал нам обеим уехать из города и сидеть тихо... Рекомендовал и бросил трубку... Нет уж, дорогой товарищ советчик, будьте любезны, объяснитесь. Думал, я приму к сведению твою рекомендацию и брошусь собирать чемоданы, хватать за руку Соловья и бежать сломя голову? Щас!.. Сейчас-сейчас, - пробормотала она, хватая уверенной рукой со стола мобильный телефон, - сейчас позвоню этому... Виталичу и серьезно поговорю.

Но охнула и бухнулась на стул.

Натка! Почему она мне не ответила? Что с ней случилось? А если... Нельзя думать о плохом! С ней ничего не случилось, иначе Канарейкин не затронул в рекомендательной речи мою подругу, дорогую подругу, как он сам выразился...

Канарейкин долго не отвечал, раздумывал, стоит ли общаться с той, которой всё уже сказано. Катерина выказала наглейшую из наглейших настойчивость.

И он снизошел, причем голос был нормальный, без сухости, без пренебрежения, без ненависти. Что немаловажно.

- Да, Катя, что-то еще? – по-деловому спросил он.

- Послушай, Эдик, - надавила она на его имя, - а ты не подумал, что я могу позвонить... кому следует и обо всем рассказать? Неужели ты решил, что можешь меня запугать? Меня и Натку? Не на тех напал.

- Погоди, Катя...

Женщина представила, как он хмурит брови, как поджимает губы. Сердце зашло от ненужных и неуместных чувств-волнений.

- Не хочу я годить! – запротестовала она. – Лучше ты меня послушай...

- Я сказал – погоди, - твердо высказался Канарейкин. Так сказал, что Катька мигом закрыла рот. – Я не хочу слушать твой бред, уж извини меня за прямоту.

- Почему сразу бред? – неуверенно пробормотала Куприян.

- Мне удивительно, что при твоей осведомленности ты не знаешь, чем я занимаюсь, - произнес он совсем не то, что она ожидала услышать.

- А чем ты занимаешься? – автоматически поинтересовалась Катерина. – Я правда ничего о тебе не знаю. Откуда бы я узнала, сам подумай.

- Мало ли, было бы желание.

- Желание было, но мне не удалось о тебе ничего накопать. Ты засекреченный агент? - спросила она и глупо хихикнула.

- Ха-ха, - брякнул Эдуард без малейшего намека на веселье – выказал неуместность ее радости, даже кратковременной, в данную ответственную минуту.

Катька разволновалась по причине собственного кретинизма, который время от времени появлялся в самый неподходящий момент. И в очередной раз поразила бывший объект любви и поклонения своим мерцающим помутнением рассудка.

- Виталич, ты женат?

- Женат. Но к делу это не относится.

- А что относится к делу?

- Что вы с Соловьевой зашли слишком далеко. Это опасно.

- Это угроза? – повторила свой недавний вопрос Куприян и продолжила гнуть своё, - нас так просто не запугать! – Сказано было с революционной непримиримостью. Помутнение рассудка уже не мерцало, а ярко светило, уходить на покой не спешило.
- Никто не собирается вас запугивать. Вовсе это не угроза, всего лишь дружеское предупреждение... Предупреждение от человека, которого беспокоит судьба двух милых женщин, с которыми он учился в одном классе, - высказался о себе в третьем лице господин Канарейкин.
- Десять лет учился, - зачем-то уточнила бывшая одноклассница. – Эдуард Витальевич, ты можешь мне сказать правду?
- По секрету? – усмехнулся он. Катя представила его хитрые темно-карие глаза «с чертятами». Сердце снова зашло в ритмичном танце.
- Я буду нем... нема, как могила. Только Натке скажу, если ты не возражаешь.
- Но раз ее это тоже касается, то скажи, я не против.
- Ну, - поторопила она.
- Меня командировали в родной город по важному делу. Я занимаюсь расследованием загадочных преступлений.
- Так ты следователь?
- Следователь следственного управления по расследованию особо важных дел, - в своей важной манере отрекомендовался Канарейкин.
- Черт, как же я сразу не догадалась. А вопрос можно?
- Валяй.
- Ты занимаешься расследованием отравления Анжелики Волчегорской?
- И ее тоже, - расплывчато ответил важняк.
- Но почему прислали такую значимую фигуру из самой столицы?
- Корни этого дела уходят в далекое прошлое... Подробностей не будет...

Сразу после телефонного разговора с Канарейкиным, успокоенная и окрыленная новостью Куприян позвонила Алешечкиной. Та, наконец, ответила.

- Катя не вывалила на нее всё и сразу, а промурлыкала:
- Наташка, ты любишь голубцы?
- Терпеть не могу, а то ты не знаешь, - отрешенным голосом сообщила подруга. В трубке слышалась однообразная музыка и чужое бубнение.
- Ты где?
- Хожу по магазинам. Ты сама мне рекомендовала прикупить несколько платьев.
- Прошу тебя, не произноси при мне слово «рекомендация», мои глаза сразу ищут режущий предмет, чтобы вонзить его в человека, который его произносит.
- Но ты же... Ладно, не стану нарываться на неприятность... Но в связи с чем у тебя появилось неприятие... к некоторым словам?
- Об этом не по телефону, - без намека на тайну сказала Катерина. – Хочешь, приезжай и всё узнаешь.
- Не могу приехать, я хочу порадовать себя... чем-нибудь таким...
- Каким? - томно, очень похоже на голос подруги, покривлялась Катерина.
- Не скажу!
- Что-то уже выходила, шоппингистка?
- Два платья уже купила. Одно песочного цвета, это самый модный цвет в этом сезоне, другое... ты будешь ругаться, другое красного цвета.
- А что, вполне, - пробормотала Катя. – Продолжай в том же духе, радуй себя чем-нибудь таким-эдаким... А дело стоит!
- Наше общее дело? – напряглась Алешечкина.
- Ну, если ты не хочешь голубцов, приготовленных знатной кулинаркой, - якобы отклонилась от темы подруга-интриганка.
- Голубцы - это предлог? Есть новость, сбивающая с ног?

- Сногшибательных новостей... как будто... и... есть, - запинаясь, произнесла Куприян, в итоге выдала нескладную фразу. На этом не успокоилась, развила кулинарную тему, с которой ей «жилось» проще. - Есть не только голубцы, есть еще щавелевый суп, он же зеленый борщ, называй как хочешь. Но ты его тоже не любишь. Так что не обессудь...

- Больше потчевать нечем, - договорила за нее Наталья Романовна, вспомнив известную басню о лисе и журавле. - А чем ты можешь еще меня... попотчевать? Ведь не хлебом единым жив человек.

- Ты мне больше не друг, Соловьева! - не в тему брякнула Екатерина Викторовна.

- Куприяшка, у меня складывается впечатление, что ты оглохла на оба уха.

- Выборочно оглохла, - уточнила Куприяшка. - Я уже всё сказала, даже дурак бы понял. Тебе решать.

- Хорошо, скоро приеду, - смиренно произнесла Наталья...

За ужином Куприян поделилась с подругой последними новостями, но решила отложить на потом самую главную новость прошедшего дня - признание Канарейкина. Именно на него, основного подозреваемого, Катерина потратила сегодня столько времени. Вернулась домой ни с чем, села «у разбитого корыта», а тут появился Эдик «из тридевятого царства» и подбросил пищу для размышлений.

Екатерина Викторовна, вольный «стрелок», начала свой рассказ с визитов к Вовану и дочери Горшенина, долго мусолила тему с фотографией бывшего одноклассника, в заключении поведала о разговоре в роще с Элеонорой Павловной. Больше говорила о романе двух пенсионеров-собачников, сути дела почти не коснулась. С восторгом пересказала сватовство Элеоноры - опять предлагала познакомить Катю с Марсом Ивановичем, стоматологом, не обремененным принципами морали.

- На фиг он тебе сдался, - фыркнула Алешечкина. - Больше поговорить не о чем и не о ком?

- О тебе забочусь, дурочка!

- Элеонора сама говорила, что я не в его вкусе.

- А Марс ей взял и рассказал о своих вкусах.

- Не хочу говорить о стоматологах, зубы ломит, как от холода. Давай поговорим о Канарейкине. Что ты обо всем этом думаешь?

- Я думаю, что Канарейкин - опасный преступник.

- Преступник? Но как же так, - всплеснула руками Алешечкина, - у тебя нет этому никаких подтверждений.

- Угу, - невразумительно высказалась подруга, озадачив Натку.

Натка разом сникла - головой поникла и пробормотала:

- Человек может измениться за двадцать с лишним лет, но не до такой же степени.

- Если на кону стоит твоя беспечная устроенная жизнь, но укокошишь даже близкого человека, что уж говорить о мимолетной любовнице - любовнице выходной недели, явившейся, как черт из табакерки. - Подруга жестко высказалась и в ожидании ответной реакции посмотрела на Наталью.

Всё внимание той было сосредоточено на веточке петрушки, которую она вращала туда-сюда, зажав двумя пальцами. Веточка петрушки при вращении расправляла свои листья, Натке это очень нравилось, больше, чем безрезультатный поход Катерины по родному краю, тем более - осуждение опасного преступника, которого Катерина сама же усадила на скамью подсудимых.

- Понимаю, тебе совсем не хочется разочаровываться в человеке, которого знала с другой стороны, - с сочувствием произнесла болтушка Куприян.

- Сначала я согласилась с твоей версией, но потом долго думала и пришла к выводу, что ты ошибаешься. Эдик не может быть убийцей-отравителем.

- Не может, потому что Оливия Михалко - не та женщина, ради которой он пойдет на преступление. Это первый вариант. Или он верный муж, который путешествует по родному краю и по заграничным курортам только вместе с супругой? Это второй вариант.

- Для того, чтобы быть верным, не обязательно быть прищипленным к юбке супруги булавкой, иносказательно выражаясь. Может развиваться ответная реакция – верному мужу захочется досадить супруге походом налево. Но мужу и жене лучше проводить отпуск вместе, не врозь, притушенные чувства загорятся с новой силой – где, если не на отдыхе, когда голова свободна от забот. Это мой первый, философский, ответ на твой второй вариант. Теперь что касается Оливии Михалко... Кать, ты сама понимаешь, что разглагольствовать на тему союза Канарейкина и Михалко бессмысленно, потому что этот союз нереален. Канарейкин – эстет, для него внешность женщины стоит на первом месте. А на втором месте стоят родственные связи потенциальной невесты. Так что, извини, но принять и понять твои слова о Канарейкине я не могу.

- Не веришь, значит...

- Не верю.

- А у меня есть доказательства.

- Сфабрикованные? – усмехнулась Натка. Вид у подруги был еще тот – как у фокусника, который провел несколько неудачных выступлений, но все еще надеется поразить публику своим «выдающимся» искусством.

- Почему сразу, сфабрикованные.

- Потому что у тебя все написано на физиономии.

- Не веришь мне, твоей самой близкой подруге! – закатила глаза от возмущения Куприян. Размякла на стуле, одомашнилась, перестала быть судьей, широко улыбнулась и тихо проговорила, - и правильно делаешь, что не веришь.

Наталья смотрела на нее с непониманием.

- Я говорю, правильно, что мне не веришь, - повысила голос Катерина. Выхватила из пальцев Натки ненавистный «куст» зелени, и засунула его себе в рот.

- Жуй, жуй, глотай, - растерянно пробормотала Алешечкина, при этом выглядела совершенно несчастной, лишенной любимой игрушки.

- Тебе, вообще-то, интересно, или будем закругляться и прощаться?

- Хотелось бы еще выпить кофейку. Пирожных у тебя случайно нет? - мстительно проговорила Наталья Романовна, сообразившая, что все это время Куприяшка водила ее за нос. А она-то распиналась, адвокатствовала.

- Сладкое для твоей фигуры вредно, - парировала Катька, немного обалдевшая от безразличия подруги к ее заявлению запутанного характера.

- Это правильно, а то не влезу ни в одно новое платье, - согласилась Алешечкина и сообщила с воодушевлением. - Я не только купила два платья – красное и песочное, но еще и комбинезон. Бесподобный! Угадай, какого цвета? Нипочем не угадаешь! Оливкового! Тоже писк сезона! А еще...

Она выдержала паузу, во время которой подруге захотелось ее чем-нибудь огреть. Например, кастрюлей с остатками голубцов.

- Что же еще ты себе купила? – сдерживая рвущийся наружу праведный гнев, поинтересовалась подруга.

- Кать, а почему у тебя такое красное лицо? – перепрыгнула на другую тему Натка. – Тоже врешь и краснеешь?

- Я почти никогда не вру, только по необходимости. А лицо красное от...

- От того, что назрела необходимость помотать подруге нервы! – с гордо поднятой головой договорила Алешечкина. - Я все бросила, прискакала к ней домой, голубцами ее давила, а она тут разглагольствует... не по делу! Обезьяна африканская!

- Разве обезьяны в Африке живут? – призадумалась Катька, но быстро нашла ответ на свой вопрос, пробубнив строки из «Айболита», - в Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы...

- И мини горилла по имени Куприяшка, плутишка и обманщица, – ей в тон продолжила Алешечкина.

- Извини, я была не права...

- То-то же...

- Наташ, показывай свои наряды!

Этого Наталья никак не ожидала услышать, но продолжила игру.

- С огромным удовольствием! Меня переполняют радостные эмоции! Не хочется ни думать, ни говорить о каких-то там преступлениях.

Терпение Екатерина Викторовны Куприян закончилось.

- Попрыгунья Стрекоза, вот ты кто, Соловей! Скачешь с цветка на цветок, срываешь честного человека с места, человек входит в твое положение, пытается помочь, целыми днями бегают по городу, рыщут, собирают информацию, унижаются, заискивают, а стрекоза уже обо всем забыла. Ей прежний цветок не интересен!

- Я так живу. Я такая. И ничего с этим не поделаешь, - развела руками Алешечкина.

- Не хочу с тобой больше разговаривать! И дружить с тобой больше не буду! Никогда!

- Я миллион раз это слышала. И миллионный раз извиняюсь. Катюша, извини меня, пожалуйста, я больше не буду. Я тебе за все благодарна. Отрицательный результат – это тоже результат.

- Соловей, ты меня слышала? Я сказала, что люди, которых я сегодня опрашивала на предмет сходства таинственного мужчины с Эдуардом Канарейкиным, не ошиблись – это, действительно, был не Канарейкин.

- Что ты говоришь! - прощбетала подруга. Был еще кто-то четвертый, чьи слова были достоверными и не требующими других подтверждений?

- Представляешь, был и четвертый? – Катя решила отыграться, ответить на издевательство, позабыв про свое первоначальное издевательство над доверчивой Наткой. – Он мне позвонил и начал угрожать, мол, выметайся из города, тем более, у тебя отпуск, не забудь прихватить с собой подругу. Будете путаться под ногами, вам головы отрежут.

- Трагическая история, - отчужденно проговорила Алешечкина.

- Я что-то не понимаю...

- Да все ты понимаешь, не придуривайся.

- Наташа, я совершенно серьезно.

Доверчивая Наташа напряглась, позабыла про обнови – кучу платьев модных оттенков и комбинезон, про что-то еще, о чем не успела рассказать.

- Угрозы с отрезанием голов – это серьезно? - без малейшего волнения спросила она.

- Разве таким вещами шутят.

Куприян попыталась изобразить отчаяние, даже руки хотела заломить, как актриса, исполнявшая роль ее тезки в финале спектакля «Луч света в темном царстве», но быстро отказалась от заламывания рук – Натка не поверит. Для достоверности своих слов нашла применение поднятым рукам – закрыла ладонями лицо, поставила локти на стол и замерла в позе безысходности и отчаяния. Повисла пауза.

- Я никого не боюсь, - теперь с беспокойством сообщила Алешечкина. – Но тебе лучше уехать из города... И прости, что втянула тебя в это дело.

- Есть другие предложения? – из-под ладоней спросила хныкающим... от сдерживаемого смеха голосом Катерина.

- Н...нет. Я тебе благодарна, что ты сразу не обрушила на меня эту новость, как-то подготовила, даже пыталась развеселить. Я решила, что ты меня разыгрываешь.

- Я тоже не покину город, в знак солидарности с тобой.

- В знак солидарности, - задумчиво повторила Натка.

Куприян исподтишка наблюдала за ней. Та поводила указательным пальцем по столу, будто что-то выписывала на нем, потом смахнула невидимую соринку, отряхнула ладони, убрала с лица волосы, после чего поинтересовалась вкрадчивым голосом:

- Кать, а почему ты просила по телефону не упоминать в разговоре слово «рекомендация»?

- Потому и просила, что этот... который мне звонил с угрозами сказал, я вам рекомендую... Рекомендует он... себе бы порекомендовал гирьку на шею повесить и утопиться, чтобы не попасть в спецкамеру для приговоренных к пожизненному заключению.

- Скот паршивый, - чувственно выразилась Алешечкина.
- Соловей, я тебе еще не все сказала.
Катка сложила руки на столе, как прилежная ученица и взглянула на подругу так, как смотрят на жертвенного барана.
- Давай уж, выкладывай, - разрешила Наталья.
- Не хочу тебя об этом просить, но должна...
- Ты сама будешь заботиться о своих детях, все будет хорошо, - не дослушав, торопливо произнесла Наталья.
- Нет, я обязана тебя об этом попросить.
- Ну, ладно... раз ты хочешь. Я готова тебя выслушать...
- Соловей, ты... покажешь свои покупки?
- Что? А?
- «А» и «Б» сидели на трубе! Покажешь покупки?.. Натка-тормоз!.. Зайдем с другого бока... Соловей, что ты еще прикупила, кроме платьев и комбинезона?
- Что купила... Колготки десять деп купила, - монотонно проговорила Наталья, она же тормоз, продолжая с непониманием пялиться на повеселевшую подругу.
- Одноразовые, что ли?
- Почему одноразовые, колготки известной фирмы, отличного качества, - пробубнила Натка, находясь мысленно далеко от купленных колготок десять деп.
- Что еще? – потребовала полный отчет Куприян.
- Про три... про два платья и комбинезон я тебе уже говорила, про колготки – тоже...
- Десять деп, – услужливо подсказала Екатерина Викторовна.
- Да, - кивнула женщина опешившего вида, которой сообщили о ее скорой кончине, осталось всего пару дней. И спрашивается, за каким чертом она потратилась? – Еще я купила летний костюмчик. Цвет такой необычный. Для меня.
- Какой же? – доброжелательно спросила Катка.
- Ярко-розовый, тоже нынче модный цвет.
- Устроим показ одежды летнего сезона? - бодрым до противности голосом произнесла подруга.
- Не знаю, - проямлила Натка. – Позже... Сейчас я что-то не в настроении... Кать, зачем я все это накупила, если поносить не успею, - растерянно пробормотала она и почувствовала, как по ее щекам потекли теплые противные слезы.
Катерина поняла, что переборщила.
- Не реви! Я сказала – не реви! Никто тебя не убьет. Кроме меня, если так и будешь рыдать или нести околесицу.
- Точно не убьет? Ты с ним договорилась? Нам придется уехать? Но я не хочу уезжать из города.
- Никуда мы не уедем... Прямо, спешим и падаем. Не дождется. Я с места не сдвинусь. Возможно, буду более осторожной, чтобы он меня не засек.
- Тебе лучше уехать, у тебя дети.
- Ты тоже не одна на всем белом свете.
- Мог бы догадаться, что угрозами нас не проймешь! А то: Катя, я тебе настоятельно рекомендую... Пошел ты!.. Видишь ли, дружеский совет он нам дает! Видали мы таких советчиков – третий год могилку крашу! – вспомнила она «черный» юмор из детских времен.
- Да, кто он-то?! Ты его узнала по голосу?
- А вот теперь я тебе все честно и обстоятельно расскажу. Сама виновата, что мне пришлось так поступить. Впредь не будешь спорить и ерничать!..

Екатерина Викторовна Куприян в красках рассказала о телефонных переговорах с Канарейкиным. Алешечкина не обиделась на розыгрыш. Выслушав с большим вниманием подругу, выпалила на одном дыхании:

- Получается, что Эдик не мог предположить, что мы – две вездесущие девушки, справочное бюро, не владеем о нем никакой информацией?
- Слезы успели высохнуть, она была прежней решительной особой, готовой к штурму недостижимой высоты.
- Он был очень удивлен!
- А мы ничего про него не накопили и гениально навешали на него всех собак: раз не зря ошивался возле «Магнолии», то сразу преступник. Катька, у нас с тобой головы без мозгов! Это ж надо было до такого додуматься!
- Не зря наш Эдик ошивался возле «Магнолии», в этом мы оказались правы: его вызвали на место преступления. А приехал он в город, скорее всего, после того, как случилось отравление бомжа в роще в микрорайоне Западный. Провели вскрытие, которое показало отравление странным ядом непонятного происхождения. Наверное, отравление подобным ядом уже где-то мелькало. Не у нас, где-то в другом месте... Серия похожих преступлений, случившихся когда-то давно, и повторившихся сейчас... Канарейкин сам обмолвился. И сказал, что подробностей не будет.
- Очень жаль...
- Для расследования серии загадочных убийств привлекли лучшие силы страны, - хорошо поставленным голосом доложила диктор Куприян.
- В лице твоего дорогого Канарейкина, - съязвила Натка. – Не надоело петь ему дифирамбы? Что он, что ты – «прекрасные» люди. Один строит из себя секретного физика, другая... издевается над подругой, пугает ее до смерти.
- Что ж ты такая у меня пугливая.
- Ага, тут не станешь пугливой, когда читаешься страшилок из полицейской хроники.
- Сама влезла куда не надо.
- Тут я не спорю – сама влезла.
- Канарейкина можно понять – он за нас переживает.
- За себя он переживает, чтобы мы ему малину не испортили. А то глядишь, и заткнем за пояс великого сыщика – сами найдем преступника и принесем ему на блюдечке с голубой каемочкой.
- Ты уж его не принижай. Не зря высшее руководство его командировало в наш город. Именно, он возглавил группу по расследованию серийных отравлений. Так что, пой, не пой ему дифирамбы, а ясно одно – Канарейкин свое дело знает лучше, чем кто-либо другой.
- Теперь мне понятно, почему Эдик загорелся желанием встретиться со мной возле памятника Горькому. Цветы прислал, чтобы я согласилась, возомнила себе, что у нас свидание, хотя, в записке было ясно написано – надо поговорить. Прежде чем начать разговор, решил меня послушать – в море бреда всегда найдется капля здравого смысла. Свободного времени у него было крайне мало, но он терпеливо ждал, когда я заведу разговор на интересующую его тему. И тут на сцене появляется еще одно действующее лицо из предыдущего акта – товарищ Пантыкин собственной персоной, которому я устроила взбучку. Канарейкин догадался, что я вхожу в коалицию, которая рьяно сражается с товарищем графологом, преследующим свои корыстные цели. Канарейкин, гений сыска, успокоился. Недолго тихая музыка играла: сегодня он заметил тебя, моя дорогая подруга, и понял обратное – каким-то боком мы в этом деле увязли. Сопричастность отмел сразу, а вот вездесущность никуда не денешь, никуда не скроешь. Вспомни, как он удивился, что мы не знали, при какой он должности. Наш пострел везде поспел. Почти везде поспел - Канарейкин хорошо зашифровался, о нем мы ничего не накопили.
- Было бы желание, копали бы глубже, - фыркнула Катька.
- Действительно, а то у нас других дел не было, - подхватила подруга. – И когда Канарейкин сообразил, чем мы занимаемся, он позвонил и предупредил, сначала в грубой форме, потом сжалился и попросил по-хорошему: сидели бы вы, девочки, дома, а то любопытной Варваре в одном торговом месте по носу дали так, что едва очухалась. Но нас, что проси, что не проси, все без толку.

- Особенно меня.
- И надо же было тебе, Катька, засветиться?!
- Конечно, лучше бы, как некоторые, шлялась бы по бутикам, платьице себе покупала.
- Ну, извини. И хватит о Канарейкине, надоело! Давай рассуждать дальше... После кошки и бомжа отравили Горшенина. Его любовницу, Люсинду Мартынову, задержали для отвода глаз, чтобы не спугнуть настоящего преступника.
- Отравление бомжа и Горшенина тоже было сделано для отвода глаз, основной его целью являлся тот, кто был его последней жертвой.
- Волчегорская?
- Да, Анжелика Волчегорская, - подтвердила Катерина. – Антонина Пеликина – не в счет. Для нее нашли другой способ устранения, чтобы никак ее не связать с чередой отравлений неизвестным ядом.
- Она была замешала в тех ужасных отравлениях?
- Предполагаю, она была соучастницей. Но это всего лишь мои предположения. Канарейкин мне ни слова не сказал, даже не намекнул.
- Тогда преступником является сын Оливии, Луарсаб Михалко, - перешла на трагический шепот Алешечкина.
- А вот здесь нестыковочка – Луарсаб не мог убить свою жену Лику, он ее безумно любил, и все об этом знали.
- Куприяшка, ты не обижайся и не ори на меня, но ты сама подвела к Оливии Дмитриевне Михалко. Мать Луарсаба и его бывшая возлюбленная действовали заодно... Причем при помощи специалиста в подобных делах, - пораскинув мозгами, поделилась соображениями Натка. – Именно он пришел в подъезд и отравил кошку – провел испытания яда на несчастном домашнем животном...
- О том, что кошка любит сидеть на подоконнике и ждать хозяйку ему рассказала Оливия, - добавила Катерина.
- Но почему они не провели испытание на бродячей собаке? – в очередной раз вспомнила Наталья Романовна.
- Кажется, я знаю ответ на этот мучительный для нас вопрос. Сообщники должны были выяснить, как яд действует на живой организм. Вероятно, они подозревали или только предполагали, что у яда пролонгированное действие.
- Это только цианидом, а может чем-то еще, можно отравить за секунду. Выпил и конец всему живому.
- Вот именно! – возрадовалась Куприян, как будто подруга узнала формулу ядовитого вещества, от отравления которым скончалось несколько человек и одно несчастное домашнее животное. - Иду далее... Следи за моей мыслью. Отравили бы бродячую собаку, так бы и не узнали, в какое время она отбросила коньки. И отбросила бы вообще - вдруг угостили маленькой, недостаточной дозой.
- Активированный уголь принимают в количестве, соответствующим весу человека, - некстати вспомнила Наталья.
- Помолчи, а? Собака бродячая – где ее носит, никто не знает, а соседская кошка на глазах, пусть не у всех жителей дома, а на глазах своей хозяйки, которая точно не промолчит, а огласит всю округу о своем несчастье. Все-таки, скончалось ее любимое животное.
- Проверили яд, а заодно избавились от кошки, которая гадила на коврик у входной двери.
- Одним ударом поразили две цели.
- Катька, а как быть с бомжом?
- А что бомж? Им нужен был человек. Для испытаний яда. Животное это одно, человек – совсем другое. Реакции разные. Выбрали человека без определенного места жительства. Бомж постоянно отирался в роще, Элеонора об этом говорила. Оливия с сообщником пробежались по роще, увидели всё, что хотели увидеть, и сообщник стал действовать.
- Но зачем им понадобился Горшенин? – возмущенно передернула плечами Наталья. – Неужели им недостаточно жертв, недостаточно испытаний этой отравы?

- Кто его знает. Может быть, он им понадобился для чистоты эксперимента, может быть, Горшенин чем-то насолил риелтору Михалко... Нет, последнего быть не должно – они не работали вместе, иначе бывшего клиента «Вектора П» легко связали с агентом по недвижимости, который занимался именно им.
- Если не для чистоты эксперимента, то что еще? – прицепилась к Катерине подруга.
- Сообщник мог приревновать свою возлюбленную к этому типу. Или выбор пал случайно.
- Или очередная подстава – подводят под монастырь Оливию Михалко.
- Соловей, ты прониклась к ней симпатией?
- Люблю, когда все по-честному. А ты звонила Сушке?
- Не успела. Сейчас позвоню, выясню, что там у Оливии происходит...
- Нинель не стала разговаривать, сослалась на занятость. Но прилипчивая Куприян спросила, когда она может ей перезвонить, дело очень важное.
- Я сейчас нахожусь в квартире Оливии, с ней совсем плохо. Как только ей станет лучше, я вернусь домой и сама тебя наберу.
- У нее в квартире был обыск? – вырвалось у Кати.
- Ты говоришь ерунду... Всё, не могу больше разговаривать...
- Я тоже об обыске подумала, - высказалась Наталья, когда телефонный разговор прервался.
- Одно понятно - Михалко у себя дома, после допроса ее не задержали. Но допрос так на нее повлиял, что она занемогла, причем занемогла серьезно. Очень хочется узнать подробности того, что происходило в кабинете следователя... Эдик, наверное, наблюдал за допросом, он в курсе всего, поэтому... виновный не уйдет от наказания, а невиновному ничего не грозит.
- А вот если бы в расследовании не участвовал Канарейкин, гений сыска, пересажали бы всех подряд, даже тех, кто сует свой нос туда, куда не надо. Суют нос, значит, имеют свой интерес, - поерничала Алешечкина.
- Не желаю обсуждать гения сыска, - с обидой проблеяла Катерина.
- Давай в ожидании новостей от Сушки займемся одним делом, которое поднимает настроение.
- Это чем же?
- Устроим модный показ. Я хочу услышать твое мнение о моих покупках.
- Натка, кто о чем, а вшивый о бане. И как ты можешь так легко переключаться с одного на другое?!
- У меня стресс... после моральных издевательств...

Всю дорогу от следственного управления до своего дома Оливию Михалко трясло, как при повышенной температуре. Жаркий летний день раздевал жителей города, Оливии хотелось натянуть шерстяные носки, теплую пижаму, закутаться в плед с головой и забыть обо всем.

Уснуть, проснуться, понять - это был дурной сон.

Ничего не случилось, все живы... Включая Лику.

Нельзя делать людям гадости, нельзя радоваться чужой смерти, всё возвращается бумерангом, причем в двойном размере.

Следователь, ну и крендель, сразу начал обвинять ее в нескольких преступлениях. После чего помолчал, посмотрел на нее с материнской заботой и предложил написать чистосердечное признание. Просто и понятно – не отвертись. А если напишешь, тебе же лучше – меньший срок впаяют.

Пока адвокат, а по совместительству приятельница, Елизавета Выволочкина препиралась со следователем, сыпала буквами законов, ее подопечная пыталась осознать, в чем ее подозревают.

Во-первых, в соучастии в убийстве Анжелики Волчегорской. Многие знали о сложных отношениях свекрови и невестки. Свекровь мечтала избавить сына от жены, которая не имела права находиться с ним рядом.

Во-вторых, в отравлении человека без определенного места жительства в роще жилого микрорайона Западный. Именно в этом микрорайоне проживает подозреваемая Михалко. Конечно, Оливия не сдержалась, жестко отреагировала – в роще не гуляю, некогда мне по рощам разгуливать, и с бомжами не являюсь. На что крендель-следователь заявил, что она страдает провалами в памяти, в роще бывала, тому есть свидетели – видели ее в обществе высокого мужчины с усиками.

- Свидетели ошибаются, - жестко парировала женщина. Старалась быть уверенной в себе, но предательский голос дрогнул.

Следователь впился в нее взглядом, скривил рот и бросил: «Допустим». Было заметно – не поверил. Сказать правду Оливия Дмитриевна не могла.

После своего «допустим», хотел перейти к следующему обличительному факту, но вмешалась Елизавета Выволочкина:

- Это всё голословные обвинения. У вас есть доказательства?

Оказывается, доказательства у следователя были, он их пока придерживал, решил для начала перечислить все преступления, организатором которых является гражданка Михалко, но раз адвокат настаивает.

- Во внутреннем кармане пиджака, который был на человеке без определенного места жительства, нашедшего пристанище в роще, была обнаружена обычная столовая ложка из... алюминия, без всяких вензелей, как намек на причастность к дворянскому столовому серебру.

– Это он так грубо пошутил. Выдержал театральную паузу. Оливия недоуменно на него посмотрела и втиснулась в паузу:

- Если вы намекаете на то, что это ложка из моего столового набора, то всё может быть: я могла случайно выбросить ложку вместе с пищевыми отходами в мусорное ведро. Выбросила мусор в мусорный бак, а бомж ковырялся и нашел мою ложку. Простое объяснение.

- Мы можем сличить ваши столовые приборы с... хм... алюминиевой ложкой, найденной в кармане убитого, можем пересчитать ваши ложки. Но согласитесь, если бы всё было так, как вы говорите, то на ложке не остались бы четкие отпечатки ваших пальцев. Кроме отпечатков пальцев убитого и ваших отпечатков, других отпечатков нет.

- У меня была одна старая алюминиевая ложка, с ее помощью я рыхлила землю в горшках с комнатными цветами. Очень удобно. Никакие совочки не нужны – в маленьких горшках рыхлила землю обратной стороной ложки, в больших – привычной. Но давно этого не делала. Возможно, ложка до сих пор лежит на лоджии в шкафчике на полке.

- А возможно, вы ее отдали человеку без определенного места жительства, в более привычном качестве – как столовый прибор. Присовокупили к еде, приправленной ядовитым веществом.

- Это все ваши додумки!

- Допустим, - в очередной раз произнес свое излюбленное словечко следователь. – Но есть еще одно: в том же внутреннем кармане криминалист обнаружил волос. Была проведена экспертиза ДНК. Без вашего согласия мы взяли у вас материал для проведения анализа ДНК...

- Ваши действия неправомерны, - вставила Выволочкина.

Следователь взглянул на нее, как на надоевшую ворону, которая замучила своим непрерывным карканьем. И, как ни в чем ни бывало, продолжил:

- Теперь я могу уверенно сказать, что это ваш волос, Оливия Дмитриевна.

Опять вмешалась адвокатесса. Она что-то говорила о неадекватности преступника, который оставляет на месте преступления улики против себя. Что-то еще... Говорила долго и убедительно. Следователь слушал и покачивал головой, больше осуждал, в итоге опять произнес свое «допустим», вновь с материнской заботой взглянул на подозреваемую и добавил, обращаясь к адвокатессе:

- Всё требует тщательной проверки... Но всем было бы гораздо лучше, если бы ваша клиентка... рассказала обо всех преступлениях, совершенных в сговоре с другими лицами. В соответствии со статьей 111 УПК РФ я оформил бы ей явку с повинной.

Клиентка адвоката пребывала в прострации, голоса, женской и мужской, доносились до нее издали, как будто уши заложили толстым слоем ваты. Адвокат спорила, следовательно прокуратура стоял на своем.

Раз его предложение на нашло отклика, он продолжил.

Оказывается, было еще и в- третьих, и в-четвертых, и, в-пятых.

В урне возле подъезда, в котором проживает гражданка Михалко, в тот день, когда ранним утром умерла кошка ее соседки, та же соседка, хозяйка кошки, обнаружила смятую пачку сигарет с неким содержимым, напоминающим кошачий корм. Женщина догадалась, что ее кошку отравили, взялась найти отравителя с помощью специалиста в подобных делах. Обнаруженную в урне пустую пачку сигарет женщина аккуратно упаковала в полиэтиленовый пакет и отнесла участковому, который принял заявление. Спрятал улику в сейф на глазах сыщика-любителя, насмотревшегося детективов. Пришлось отдать пачку сигарет на экспертизу, потому как хорошо знал хозяйку умершего животного – с ней лучше не конфликтовать. В пачке, как уже было сказано, эксперт обнаружил следы кошачьего корма и микроскопические остатки яда. Подобным ядом позже была отравлена Анжелика Волчегорская и, по всей видимости, упомянутая выше кошка. Также на пачке сигарет были обнаружены отпечатки пальцев гражданки Михалко.

Та же участь постигла гражданина Горшенина Алексея Семеновича, который был клиентом агентства недвижимости «Вектор П», в котором работает Оливия Михалко. Горшенин мог оказаться случайным свидетелем того, как Оливия Дмитриевна общалась в роще с бездомным человеком. Знакомая Алексея Горшенина рассказала, что они часто прогуливались вечерами в роще микрорайона Западный, слушали пение птиц. Не только слушали, но и фотографировали. Алексей Горшенин обожал снимать на мобильный телефон живую природу и ее обитателей. Всегда мечтал купить хороший профессиональный фотоаппарат, но его мечтам не суждено было сбыться: он неожиданно скончался. Но незадолго до своей смерти, в одну из прогулок по небезызвестной роще, Горшенин мог случайно снять на мобильный телефон общение женщины-риелтора с бездомным. Кажется, ничего особенного, накормила добрая женщина голодного человека. Но Горшенин был знаком с этой женщиной, опять же слухами земля полнится – о смерти бомжа судачили все, кому не лень. Возможно другое: Горшенин, сам того не подозревая, зафиксировал на камеру мобильного телефона невинную встречу знакомой ему женщины и неким мужчиной, который хотел сохранить свое инкогнито, тем более – не желал, чтобы их видели вместе. В любом случае, в мобильном телефоне Горшенина сохранилась улика против риелтора. Накануне своей смерти Горшенин спешил в ресторан, где его ждали дочь и ее жених. Горшенин остановил частника, чтобы добраться до ресторана. В машине вспомнил, что забыл принять лекарство. Он постоянно пил таблетки за пол часа до еды, у него были серьезные проблемы с печенью. У водителя в салоне лежала запечатанная бутылочка с водой. Алексей Семенович набрался смелости и попросил воды, чтобы избежать серьезных осложнений со здоровьем, водитель услужливо дал бутылку. Горшенин запил таблетку водой. Ночью он скончался от отравления. В его портфеле мы обнаружили полупустую бутылку с водой, экспертиза показала наличие в воде ядовитого вещества. Ночь Горшенин провел у своей знакомой. Вечером они долго разговаривали, он не ограничился рассказом о встрече с дочерью и будущим зятем, поведал ей о поезде в такси и об отзывчивом водителе. Бутылку с остатками воды он засунул в портфель и забыл. Кроме отпечатков пальцев Горшенина на бутылке есть еще отпечатки гражданки Михалко и отпечатки неизвестного. Его отпечатков нет в базе данных МВД. Вам несказанно повезло, Оливия Дмитриевна, что с первого раза удалось ликвидировать опасного свидетеля, иначе пришлось бы искать другие способы. Но вы знали о его проблемах со здоровьем, догадались, что в спешке, волнуясь и переживая по поводу серьезности шага своей единственной дочери, он забудет принять лекарство. Вы успели хорошенько узнать Горшенина: будучи дотошным и требовательным человеком, он слишком долго был вашим клиентом. И еще одно недоразумение произошло в тот злополучный день с потерпевшим – у него пропал мобильный телефон. Кинулся пропажи уже в ресторане. Наверное, телефон выпал в такси.

Вот незадача. Жаль, не успел перекинуть фотографии на компьютер. А то бы мы с вами с удовольствием полюбовались птичками-синичками. Согласны со мной, Оливия Дмитриевна? Ну, что, не хотите назвать имя своего поделщика? Так и будете упираться?

А на днях произошла еще одна трагедия. В реке был обнаружен труп Антонины Пеликиной. Все знакомые утверждают, что девушка отлично плавала. Она обожала воду, ее прозвали за это Русалкой. Проводила в воде много времени. Так вышло и в тот субботний день. Компания приехала на берег реки, Пеликина сразу вошла в воду. Никто за ней не следил, бросились искать, когда было поздно. При вскрытии в крови Пеликиной была обнаружена смертельная доза ацетилсалициловой кислоты. В то утро вы, Оливия Дмитриевна, нанесли ранний визит в дом Пеликиных, пили с ними кофе, имели возможность добавить в чашку Антонины аспирин. Антонина в спешке выпила кофе, вкуса не почувствовала. Большая доза аспирина – редкостная гадость, скажу вам, Оливия Дмитриевна. И снова удача вам улыбнулась. Одно не пойму – зачем было прибегать к такому легко выявляемому средству? Неужели яд закончился? А, Оливия Дмитриевна? Или яд был у Пеликиной, вашей поделщицы, которая начала вас шантажировать? Вы испугались и накормили ее аспирином. Что было под рукой, о чем знали, тем и накормили. И теперь повезло нам: отпечатки пальцев Антонины Пеликиной полностью совпадают с отпечатками пальцев на бутылке с водой, которой запивал лекарство Горшенин. Мы не знаем, кто был за рулем автомобиля, на котором Алексей Горшенин добирался до ресторана, мужчина или женщина, он не говорил своей знакомой, но нам всё понятно и так...

Адвокату удалось добиться того, чтобы ее клиентка осталась на свободе во время следствия.

Оливия Дмитриевна старалась держаться, поблагодарила адвоката, с трудом добралась до дома. Оставила входную дверь открытой, успела позвонить подруге Нинель и потеряла сознание.

Прибывшая на вызов «Скорая» констатировала микроинсульт. Михалко написала отказ от госпитализации. Подруга Нинель Сушка обещала врачам хороший уход за больной. А больной дала обещание взять под свое крыло и ее сына Луарсаба, который был помещен в неврологическое отделение областной клинической больницы после несчастного случая с Тоней Пеликиной. В подробности ее смерти его не посвятили...

Через неделю Оливия Дмитриевна почувствовала себя совершенно здоровой и, несмотря на уговоры подруги и на жесткое указание лечащего врача соблюдать постельный режим, вышла на работу. Заявила, что среди людей ей гораздо легче забыть о проблемах. Следовательно ее больше не беспокоил, Оливия попыталась абстрагироваться от всей глупости, которую он на нее вывал. Надеялась, что всё рано или поздно разъяснится.

Она похудела за неделю, рассталась с целыми пятью килограммами. Для нее потеря веса незначительная, но все-таки двигаться стало легче, одышка почти не мучает. Еще бы кривая настроения пошла вверх, было бы вообще отлично. А причина к медленному росту вверх была – Луарсаба выписали из больницы, он постепенно возвращался к привычному ритму жизни. С матерью общался каждый день, пусть и по телефону. Обещал на днях заехать. Они говорят о посторонних вещах, не касаются больных тем.

Звонила Янина Цирельсон, ее приезд в Россию пока откладывается. Оливия сообщила, что сумка у нее, ждет своей хозяйки. Янина спросила, всё ли у нее в порядке – голос тоскливо-печальный, Оливия ответила, что у нее небольшие проблемы со здоровьем. Она считала свое болезненное состояние временным. Все проходит, пройдет и это...

Пять рабочих дней пролетели незаметно. Оливия Дмитриевна старалась не загружать себя работой, днем заезжала домой, обедала налегке, отдыхала и возвращалась к нелегкому труду риелтора...

Как вспоминали после коллеги, не посвященные в события ее жизни, вторую половину пятницы Михалко была чем-то сильно озабочена. Много курила, хотя, до этого дня не бралась за сигарету, уверяла, что рассталась с пагубной привычкой навсегда.

Вечером, около девяти, к ней заглянула подруга Нинель. Оливия отказалась от ее помощи по хозяйству, сказала, что у нее все есть, и она хочет побыть одна. Нинель обиделась, но вида не показала. Но Оливия догадалась, решила смягчить свою резкость, они немного поболтали, выпили по чашке чая и расстались.

Не сказать, что Михалко чувствовала недомогание, будто бы ничего не болело, но ощущалась непонятная тревога. Вернее будет сказать – понятная тревога, которая поселилась после сегодняшнего общения с одной молодой женщиной. То, что сообщила ей она, не было сногсшибательной новостью. Что-то подобное она подозревала, молодая женщина лишь подтвердила ее догадку. И теперь Оливия не знает, что ей со всем этим делать. Вполне возможно, что женщина сказала ей неправду, но с чего бы она заводила разговор на животрепещущую тему – о том, о чем Михалко думает постоянно. Думает и придумывает небывлицы. С помощью незнакомки нашла подтверждение своим выводам, рожденным в период бессонных ночей. Благо летние ночи коротки, не так много времени, чтобы додуматься до галлюцинационной чуши. Остаток ночи, похожей на белые ночи северной столицы, Оливия проводила во сне – засыпала сразу, едва озарится небо на востоке, спала без сновидений и пробуждалась по звонку будильника. Вставала бодрой, без намека на недосып. Обзывала себя ведьмой, которая творит безобразия в темное время суток. А едва запоют петухи, ведьма укладывается в постель и погружается в сон человека со спокойной совестью.

У Оливии Дмитриевны совесть была беспокойна, но она спала крепко, но мало. В итоге к пятнице ее слегка пошатывало от слабости, но она успокаивала себя тем, что скоро суббота, единственный выходной, который она обязательно проведет в кровати. Заранее напьется на ночь снотворного, пораньше ляжет спать и будет спать столько, сколько того требует уставший и не совсем окрепший после болезни организм.

Михалко захотелось купить к обеду чего-нибудь вкусенького. Не сладости, а обычную здоровую пищу. Готовую, нужно только подогреть. С этой целью она заехала в кулинарию при ресторане, которая ее ни раз выручала, когда организм требовал еды, но готовить было лень.

Оливия застыла перед стеклянным прилавком. Изучала салаты, котлеты, отбивные, фаршированные перцы, жареную рыбу. Подумав, остановилась на овощном рагу – легкой пище, которая не позволит риелтору быть полусонной мухой в осенний период предсписки. Приняла из рук продавца свой пластиковый контейнер с рагу и направилась к отделу с выпечкой. В плетеных корзинках здесь лежал хлеб разных видов. Хлеб выпекали в пекарне при ресторане. Оливия выбрала багет с сыром, расплатилась и поспешила домой, чтобы дома с удовольствием подкрепиться овощным рагу и половинкой багета. Вторую половину багета она разрежет вдоль, намажет сливочным маслом и положит на масло тонко порезанный сыр. Нальет большую кружку чаю и под чай слопают очень вредный белый хлеб с маслом и сыром. Того сыра, которым был посыпан багет, женщине явно было недостаточно. Тоже мне – здоровая пища! Но Оливия считала – если получаешь от еды удовольствие, то она здоровая: организм сам знает, чего ему хочется.

В предвкушении вкусного обеда Михалко вывалилась на улицу и направилась к своему автомобилю. Возле автомобиля, согнувшись, стояла молодая женщина. Она смотрелась в прикрепленное к авто зеркало заднего вида, усердно ковыряясь в правом глазу уголком носового платка.

Оливия пикнула брелоком сигнализации, женщина от испуга резко выпрямилась и отскочила в сторону.

- Ой, извините, - сама испугалась прыткости незнакомки Оливия Дмитриевна.

Даже с красным правым глазом и с недовольным лицом от неожиданно прозвучавшего звукового сигнала молодая женщина была очень хороша собой. Фигуристая шатенка с волосами до плеч. По-детски удивленные карие глазки-вишенки смотрели на автолюбительницу без укора, с ожиданием продолжения - та обязана сделать еще что-то из ряда вон выходящее, а она, кареглазка, - включиться в игру.

Красотка приложила носовой платок к правой щеке, по которой проползла слезинка и промолвила:

- Это вы меня извините, мне что-то в глаз попало, а посмотретья было некуда, выскочила из дома без сумки, прихватила только кошелек и ключи от квартиры. Я живу неподалеку, в эту кулинарию часто наведываюсь.

- Я тоже, но вас ни разу не встречала.

- И я с вами никогда не пересекалась, - пристально присматриваясь к Михалко, произнесла незнакомка. – Вы очень красивая. Вас трудно не заметить.

- Конечно, трудно – с такой-то фигурой, - усмехнулась Оливия Дмитриевна.

- Вам очень идет полнота, - искренне заявила девушка. – Вы исключение из правил.

- И на том спасибо.

- Наверное, я лезу не в свое дело, но мне кажется, вас что-то тревожит. Не удивляйтесь моим словам - я только увижу человека, как сразу могу понять, что происходит у него внутри. Не только вижу душевные проблемы, но и внутренние болезни. Излечить не получается, но диагноз ставлю уверенно, ни разу еще не ошиблась. И это, согласитесь, немаловажно – врачи знают, с какой бякой им надо бороться.

- Откуда у вас такие способности? – напряженным голосом произнесла полнотелая женщина.

- Я попала в автомобильную аварию вместе с родителями. Родители отделались легким испугом, а я едва не погибла. Год пролежала в коме, потом пошла на поправку. Никто не верил, что я смогу полностью восстановиться. А я не только восстановилась, но и стала видеть людей насквозь, как рентген. Но поняла это гораздо позднее, когда повзрослела.

- О чем-то подобном я как-то слышала, но никогда не приходилось общаться с людьми, наделенными волею несчастного случая такими способностями. Вы так молоды... И как вы с этим живете? Непросто вам живется?

- Мне тридцать пять. Не так уж и молода. А просто или нет мне с этим жить, я не задумываюсь. Живу и живу, возникает необходимость, помогаю людям. Толпы страждущих у моих дверей не толпятся.

- Неужели вам тридцать пять? Я бы вам дала меньше тридцати.

- Наверное, людская благодарность помогает мне хорошо сохраниться, - улыбнулась женщина.

- Извините, что спрашиваю... Вы замужем?

- Как сказать. У нас гостевой брак. То я у него живу, то он у меня. Но долго друг друга не выдерживаем. И друг без друга тоже долго не можем. Вот такие пироги с котятами... Послушайте, а пойдете ко мне? Я уже говорила – я тут близко живу, всего один квартал пройти. Меня Инной зовут.

- Оливия Дмитриевна, - назвалась женщина.

- Оливия, - попробовала на вкус Инна. – Прелестно, просто прелестно! Так согласны отправиться ко мне в гости, Оливия Дмитриевна?

- Согласна, если мы не будем обсуждать мои внутренние болезни. Скажу прямо – хочу с кем-то поговорить по душам. Наболело.

- И это заметно.

- Вдруг вы именно тот человек, который мне нужен. Может, что-то подскажите, посоветуете.

- Идет!

- А машина моя? Не хочу потом сюда возвращаться, я тоже живу в той стороне, где и вы, только мне два с половиной квартала надо пройти.

- Вы пока заводите свою машину, а я забегу в кулинарию, куплю вкусенького к чаю.

Михалко не успела ничего сказать, как женщина-пуля влетела в кулинарию. Вернулась очень быстро, держа в руках пластиковый контейнер с пирогом, который назывался чайным – слои песочного теста чередовались прослойками вишневого джема.

- Вот и я! – возвестила она водителя...

Квартира Инны была небольшой, но очень уютной. Оливия ожидала увидеть разную атрибутику вещуний-колдуний, но ничего подобного здесь не было. Обстановка больше

походила на спартанскую, на жилище одинокого мужчины, которому кроме компьютера и холодильника со съестными припасами ничего не нужно. Возможно, еще необходимо место для сна, но это уже второстепенная штука.

В небольшой кухоньке тоже все было без изысков: немного мебели, газовая плита, холодильник, круглый стеклянный стол, на котором лежали два плетеных круга под посуду. Инна поставила на каждый кружок по чайной паре и по десертной тарелке. Выложила чайный пирог на блюдо, порезала на одинаковые кусочки.

- Чай я заварила перед уходом. Кофе вам не предлагаю, вам кофе вреден для здоровья.

- Это правда, от кофе мне пришлось отказаться. Как и от сигарет, - призналась гостя. – А где можно вымыть руки?

- Идите прямо по коридору и упретесь. Санузел совмещенный.

За чаем Оливия больше молчала, только вставляла удивленные реплики.

Могла просидеть и до вечера, но вспомнила, что пора возвращаться на работу.

Не сказать, что ее удивили слова Инны, озадачили или поразили.

Оливия задалась вопросом, который задает себе любой человек, который оказался в сложной жизненной ситуации: «За что мне это?» Одним вопросом не ограничилась, добавила «как он мог так со мной поступить?» и «что мне теперь делать?»

Вопросов было немало, ответов не было. Чтобы как-то выпутаться, надо, во-первых, хорошо всё обдумать, во-вторых, посоветоваться... с кем-то. Вот с кем, проблема...

Утром Нинель Сушка пробудилась с непонятной тревогой в душе. Позвонила стареньким родителям, у них все было хорошо, если может быть все хорошо в их глубоко пожилые годы. Потом набрала Оливию. Та не ответила. Нинель знала, что сегодня у Оливии выходной, а завтра, в воскресенье, дежурство в агентстве. Звонила ей несколько раз с завидным упорством. В итоге, набралась наглости и потревожила Луарсаба, с которым успела подружиться во время его лечения в неврологическом отделении. Луарсаб сказал, что разговаривал вчера вечером с матерью по телефону, и она была какой-то странной. Больше молчала, а потом начала извиняться. Нинель подтвердила, что Оливия была в подавленном состоянии, и добавила:

- Не к добру всё это. Луар, ты бы приехал. Что-то мне боязно одной идти к твоей матери.

- Я сейчас приеду.

- Не забудь прихватить ключи от квартиры. Ой, а зачем я это сказала, - испуганно прошелестела Нинель.

- Сказали и сказали, вырвалось, - напряженным голосом сказал молодой мужчина. – Я сам пугаюсь своих мыслей. Такой бред в голову лезет, страшно становится.

- Это и понятно - столько всего произошло за последнее время, столько всего на тебя навалилось. Но ты не думай о плохом.

- О плохом не думай, хорошего не жди, - выдохнул Луарсаб...

Пока он добирался до дома своей матери, Нинель все-таки спустилась на этаж ниже и позвонила в дверь квартиры Михалко. Ей никто не открыл. Тогда Нинель достала из кармана свой мобильник и набрала номер домашнего телефона подруги. В недрах квартиры отчетливо слышался залиvistый телефонный звонок, но трубку никто не брал.

Открылась соседская дверь, выглянула хозяйка погибшей кошки.

- Что-то случилось? – спросила она у Нинель.

- Да, вот, Оливия должна быть дома, а не открывает и на звонки не отвечает, - озабоченно ответила та.

- Собаке собачья смерть! – зло заявила тетка и яростно захлопнула дверь.

Вскоре появился Луарсаб. Открыл своим ключом дверь квартиры. С порога позвал мать. Никто ему не ответил. Он двинулся дальше, Нинель последовала за ним. Луарсаб резко затормозил на пороге гостиной, Нинель не ожидала и врзлась в него. Молодой мужчина не удержался от напора крупногабаритной женщины и по инерции сделал два шага вперед. Нинель пошла «прицепом», выглянула из-за его спины и охнула.

В гостиной на диване лежала Оливия Михалко. Сначала вошедшим показалось, что она безмятежно спит. Неестественный, серо-зеленый цвет лица утверждал обратное.

Рядом на журнальном столике стоял пустой стеклянный пузырек.

- Вот тебе и доказательство, - без уверенности произнесла Сушка.

Луар очнулся, повернул голову в ее сторону и процедив сквозь зубы:

- Не смей. Даже думай не смей.

- Надо позвонить... куда-то, - примирительно прошептала женщина. – Как думаешь?

- Конечно, надо позвонить в полицию, - отрешенным голосом сказал Луарсаб. И очень медленно подошел к дивану. Передвижение в пять метров длилось долго, Нинель сжимала в руке мобильник и наблюдала за сыном покойной Оливии. Он согнулся и осторожно дотронулся до материнской руки. Быстро отдернул руку, рухнул на колени возле дивана и уткнулся лбом в диван. Макушка касалась бездыханного тела. Луарсаб ничего не говорил, не стонал, не кричал, не плакал. Просто стоял на коленях перед матерью, будто просил у нее прощения. Потом разогнулся, обхватил себя руками, и приступил к пристальному изучению лица покойной матери, как будто пытался его запомнить. Долго не выдержал, сел на пятки, опять уткнулся лбом в диван. Несколько раз повторил свои подъемы-изучения. Визуальные изучения материнского лица становились все короче, а упоры лбом в диван все продолжительнее.

Наблюдавшая за Луаром Нинель поняла, что первый шок прошел, он не будет биться в истерику или терять сознание, вышла в прихожую и позвонила в полицию...

Оливия всегда говорила сыну, чтобы после смерти ее тело кремировали, а прах развеяли над рекой. Той самой рекой, которая унесла жизнь Антонины Пеликиной.

На прощание с Оливией Дмитриевной Михалко пришло много людей, в том числе и мать погибшей Тони и ее бабушка, тем самым они показали, что не верили и верят в ее причастность к убийству их самого родного человека. Тем более, не допускают мысли, что Тоня и Оливия Дмитриевна действовали заодно.

А пустая склянка, выразительно стоявшая на столике у дивана, ничего не доказывает. И пусть на склянке обнаружили только отпечатки пальцев Оливии Дмитриевны, а в склянке - следы ядовитого вещества, унесшего жизни нескольких людей. Неизвестно, как отпечатки пальцев оказались на склянке, и когда склянка попала в квартиру Михалко – до ее смерти или после.

Результаты вскрытия были написаны, как под копирку – причиной смерти Михалко является отравление все тем же ядовитым веществом неизвестного происхождения.

И что же произошло – убийство или самоубийство? Следствие склонялось к самоубийству. Нервы не выдержали. Что не мудрено – столько людей отравила на тот свет, включая свою поделницу.

Выпила чай с ядом в районе обеденного времени, скончалась ближе к утру. Пустую склянку выставила напоказ, как доказательство своей вины.

Все знакомые и друзья Михалко бурно обсуждали последние события. Основная часть не верила в виновность Оливии Дмитриевны, другая часть открыто не говорила о своей уверенности, но показательно помалкивала и недовольно хмурилась.

Были и сомневающиеся – державшие нейтралитет. Эти верили в лучшие качества следственных органов, которая докажут вину или невиновность.

Дело пока не закрыто...

Метавшаяся из одной стороны в другую Наталья Алешечкина на этот раз была уверена, что Оливия невиновна. Она не совершала самоубийства, которое могло явиться следствием преступных действий по отношению к разным людям.

Натка считала, что преступник совсем обнаглел и действует грубо. Подруга, недоверчиво посматривающая на нее, поинтересовалась:

- И кого ты считаешь убийцей?

Решительная Натка на этот раз уклонилась от прямого ответа:

- Не знаю, но кое-какие мысли у меня есть.
- А я знаю! Ты подозреваешь сына Оливии, Луарсаба!
- Эка ты хватила! Нет, я его не подозреваю. Но уверена, что злодей выйдет на него...
- С какой целью?
- С какой-то, - дала «развернутый» ответ Алешечкина.
- Ты предполагаешь, что преступник захочет расправиться и с ним? Или прежде чем расправиться, захочет получить какие-то сведения. Луарсаб будет более стоворчивым, чем был до этого.
- Получается, что преступник уже что-то требовал, получил отворот-поворот, и приступил к угрозам в виде устранения близких ему людей? Звучит бредово. Но в любом случае нам нельзя выпускать Луарсаба из вида.
- Ты же постоянно на работе, – напомнила Катька, догадываясь, куда клонит подруга.
- Мы будем следить за ним попеременно – ты днем, я вечером... У нас нет другого выхода.
- Да, зацепиться нам больше не за кого.
- Из-за предстоящей слежки за Луарсабом подруги не пошли на прощание с Оливией Михалко – не захотели светиться.
- В один из дней Куприян позвонила подруге на работу и потребовала, что та не задерживалась и сразу направлялась к ней домой.
- Что случилось? – безнадежным голосом спросила Натка. Как и многие другие, косвенно посвященные в дела недавно минувших дней, она боялась подобных заявлений.
- Ничего не случилось. Пока. У меня новостей нет.
- Так ты просто так... Или есть причина для спешки?
- Как сказать... Могу и приоткрыть завесу тайны. Я пригласила на ужин одного человека.
- Это мужчина. И зовут этого мужчину Эдуард Витальевич Канарейкина.
- С тобой неинтересно, ты все знаешь.
- Никаких сложностей – кого бы ты еще могла пригласить.
- Сушку, например.
- Сушку? – задумалась Катерина с такой серьезностью, как будто подруга предложила Нинель в каком-то особом качестве - посаженного генерала на свадьбе сына. – Могу, конечно, и ее позвать, все-таки она тоже «в деле», но... Сушка будет нам мешать.
- И я буду вам мешать.
- Кому это нам? – не сазу сообразила Куприян, а сообразив, завопила, - ты в своем уме! У нас будет деловой ужин!
- Ага, я помню – надо поговорить, - с явным недовольством пошутила Алешечкина, вспомнил послание Канарейкина, которое она получила вместе с букетом цветов. – Неужели Канарейкин согласился прийти на ужин?
- Без долгих уговоров.
- Удивительно.
- Соловей, ты сегодня в чем вырядилась? – потребовала дать отчет Куприян.
- Платье карамельного цвета.
- Это хорошо, даже очень хорошо.
- Какая связь между моим платьем карамельного цвета и ужином с Канарейкиным?
- Не хочу, чтобы он тебя видел в новом комбинезоне оливкового цвета. Тебе так несвойственно ходить в комбинезонах...
- Дальше...
- И если ты вдобавок к оливковому комбинезону напялишь на свою расчудесную голову любимый «индейский» парик, сменишь каблук на плоскую подошву – станешь ниже ростом, намалюешь лицо, как в тот раз, чтобы тебя мать родная не узнала...
- Не индейский, а индийский, - вклинилась в монолог подруги Натка и снова скорректировала, теперь себя, - не индийский он вовсе, самый обычный, жгуче-брюнетный.
- Называй его как угодно.
- Я догадываюсь, куда ты клонишь. И твое предложение звучит заманчиво.

- Мое предложение пока не прозвучало. Но ты догадливая, душа моя. Старый школьный приятель, который строго-настрого наказал нам сидеть дома и ни в коем случае не высовывать носа, не предполагает, что мы можем превратиться в других людей, совершенно не похожих на себя.

- Катька, я рада, что ты не оставила меня за бортом нашего общего дела.

- Я возлагаю операцию на тебя!

- Ты предлагаешь мне следить за Луарсабом в одиночку?!

- Чего ты орешь на всю округу, тебя могут услышать, ты же на работе!

- А сама-то!

- Я дома. Мне можно.

- А я закрылась в туалете, здесь, кроме меня никого нет. Так я одна обязана за ним следить, раз стала инициатором расследования загадочных отравлений?

- Не одна. Успокойся. Я тоже кардинально изменю свою внешность. Встану на высокую платформу - вырасту сантиметров на пятнадцать за мгновение, куплю блондинистый парик, нацеплю очки с обманчивыми диоптриями...

- Я помню, у тебя такие очки есть. Ты купила их, когда первый раз шла читать лекцию по своей любимой экономтеории – чтобы казаться солиднее. А что предпочтешь из одежды?

- Ты мне одолжишь свое балахонистое платье.

- Ты в нем утонешь.

- Разберемся, - успокоила подругу Катерина. И чтобы в восемнадцать часов была у меня, как штык. Эдик приглашен на восемнадцать тридцать...

Катька накромсала три вида салатов, постругала колбасу и сыр, на горячее приготовила свое коронное блюдо – голубцы, чем очень порадовала Алешечкину. В прямом смысле этого слова – Натка не наестся до отвала после тяжелого трудового дня. Впрочем, в присутствии Канарейкина ей кусок в горло не полезет. Наверное. Или, напротив, станет запихивать в себя всё подряд от волнения. Но только не голубцы, их Натка с детства терпеть не может из-за противных мягких капустных листьев, в которые упаковывается мясной фарш.

Канарейкин пришел вовремя, сказано – человек ответственный. В одной руке он держал бутылку крымского шампанского, в другой – торт «Прага».

Натка так расцвела при виде торта, на котором был сосредоточен ее взгляд, что смутила Катерину Куприян. Хозяйка поспешила перехватить любимое лакомство подруги, при этом напевала «с глаз долой, из сердца вон». Из чего подруга заключила, что Катька пребывает в сильном волнении, причем, как и она. Куприян всегда сыплет неподходящими пословицами и поговорками, когда пытается решить простейшую задачу нематематического свойства. Сложные она щелкает без проблем, потому что уверена - осложнений не будет. Маленькие проблемы рождают большие осложнения. Или бьют по голове непредсказуемыми сюрпризами.

К чему приведет... деловой разговор с ноткой ностальгии – ностальгия по прошлому обязана присутствовать, как вступление к главному, - куда разговор завернет, и чем всё закончится Екатерина Викторовна даже не догадывалась. Но лелеяла мечту, что все пройдет гладко. Как надо ей и Натке...

Наталья вырвала из рук подруги бутылку шампанского, принесенную бывшим одноклассником, и с шуткой сказала, что они с Катькой в «завязке». Бывший одноклассник удивленно поднял брови, но никак не прокомментировал заявление Натальи, но та решила пояснить:

- Мы «сидим» на диете, - при этом бросила выразительный взгляд на торт, который подруга протянула в ее сторону, как будто хотела сказать – раз забрала один презент, забирай уж и второй, чего мелочиться.

Натка торт с радостью приняла, восхищенно поблагодарила – можно подумать, завидный кавалер ей подарил колечко с брюлликком, а не обычный торт, пусть и «Прага» - из элитной кондитерской на центральной улице города. Тортики из этой кондитерской Натка очень уважала, но позволяла себе купить крайне редко ввиду небывалой дороговизны. Ингредиенты

в тортах были сплошь натуральные, не химия из сочетания букв и цифр, почти как знаменитый первый ход Остапа Бендера в шахматной партии «e2- e4», как шутила Катерина.

- Сладкое и мучное нам можно, - выпалила Алешечкина. - Вот такая... заморская диета: можно практически всё, за малым исключением. Запрещены все виды алкоголя. Оказывается, в алкоголе очень много калорий. Но не это самое страшное: даже пригубив спиртное, у тебя возникает бешеный аппетит. Да, Катя? – обратилась Наталья к худосочной подруге, чей вес не менялся со школьной скамьи.

- Да, Наташа, - выдохнула Катя, делая ей непонятные знаки. В ответ Наталья поиграла губами – свернула в одну сторону, затем в другую, словно решила проделать гимнастику для стареющего лица.

Алешечкину вновь взяла в плен несообразительность.

- И кто... тебе... рассказал... об... этой заморской диете, - с паузами проговорила Куприян, подталкивая подругу к озвучиванию одной очень важной фразы, после которой разговор потечет в нужном русле. Параллельно она по-дружески взяла гостя под руку и повела в гостиную, где был накрыт стол.

- А мне рассказала о диете... - задумчиво протянула и смолкла Наталья Романовна, следуя с тортом и шампанским за хозяйкой и гостем, который выразительно помалкивал – за пять минут успел произнести одно приветствие.

Его взгляд красноречиво «выносил вердикт» об отсутствии ума у двух не молоденьких особ.

Но во взгляде не было придирчивой укоризны: глуп тот, кто выставляет напоказ свою ограниченность, а того, кто внимает речи умных людей, не берет инициативу в свои руки, нельзя назвать глупцом.

Ранее, в далеком прошлом, обе одноклассницы не причислялись к тупицам - закоренелым двоечникам и троечникам, но время неумолимо бежит, всё меняется, не всегда в лучшую сторону. И их поведение, с «порога», тому подтверждение. Еще хорошо, что «придержали коней»...

Как бы Натка не была взволнована встречей с Канарейкиным, что отразилось на сообразительности, все-таки заметила его разочарованный взгляд.

- Что ты, Катя, право слово, завела разговор на... неинтересную тему, - с осуждением пробормотала она. – Тебе известно, что мужчины не любят разговоры о диетах, это чисто женская тема для обсуждения.

- Я завела?- хмыкнула Куприян. Собралась дать характеристику подруге, но быстро перекинулась на прежнее – на тему диеты, - я пыталась вспомнить, кто тебе рассказал о заморской диете... Кажется, одна знакомая нашей одноклассницы. И знакомая, и наша одноклассница «сидели» на этой диете, результат просто потрясающий!- всплеснула она руками, выпустив из-под контроля гостя.

Гость собрался занять свое место за столом, к которому его подвела хозяйка, но решил воздержаться – пусть за стол первыми сядут дамы. Джентльмен.

Дамы не заставили себя долго ждать. Натка устроилась за столом прямо с тортом и шампанским. Опомнилась и со словами «унесу в холодильник» исчезла из вида.

- О ком речь? – между делом спросил Эдик в продолжении прерванного разговора.

Вернувшаяся из кухни женщина-ракета Алешечкина, отличающаяся не только скоростью, но и отличным слухом, отмахнулась:

- Ты ее не знаешь!

- Одноклассницу? – усмехнулся Эдуард Витальевич.

- Э-э-э... - затянула Натка старую песню на новый лад.

- Лаврентьева, - ляпнула Катерина первую фамилию, которая пришла ей в голову. Нинель Сушку «сдавать» было никак нельзя – через нее потянется ниточка к Оливии Михалко.

Обвести Канарейкина вокруг пальца трудновато, но нельзя прокалываться с самого начала.

- Лаврентьева, - повторил Эдик. – И давно вы с ней виделись?

- С месяц назад, - ответила хозяйка орудую ложкой – раскладывала салаты по тарелкам.

- Вы какую Лаврентьеву имеете в виду?

- Как какую? Нашу Марину Лаврентьеву. В нашем классе была одна Лаврентьева, - перетянула на себя инициативу Наталья Романовна.

Медленно, но она приходила в себя, восстанавливала мыслительный процесс после встречи со «звездой школы», который расцеловал ее и Катюку в обе щеки – по-дружески. Раз восстанавливалась от стресса, то уловила иронию в словах приятеля. Обратилась с мысленным вопросом к подруге, которая успела усесться на стул и азартно принялась нервно покусывать губы. Тоже чувствовала подвох в словах Эдика.

- Или это была не Лаврентьева? – поморщилась подруга, оставив в покое свои губы. В голове уверенно поселилось опасение провала в самом начале операции.

И пусть, - успокоилась она. - Посидим, поговорим... Без задних мыслей с нашей стороны. Так даже лучше: в голову следака Канарейкина не заползет подозрительность: они сидят дома, не влезают в чужие дела.

- Точно не Лаврентьева, - успокоил друг приятель. – Потому что Марина Лаврентьева скончалась в то время, когда мы оканчивали школу. Ей неудачно удалили аппендикс.

- И как я об этом забыла, - снова засуетилась гостеприимная хозяйка. – У нее был сепсис. Почему я вспомнила о Марине?

- К дождю, наверное, - брякнула «находчивая» Алешечкина.

- К дождю покойники снятся, - уточнила Куприян.

- Катюша, я столько не съем, - запротестовал гость, обозрев свою полную еду тарелку.

- А ты постарайся, - успокоила она его.

Натка ковыряла вилкой в непонятном салате из многочисленных ингредиентов, потупив взор. Катюка шарахнула ее под столом ногой и заискивающе пролепетала, оставив на потом дружеские воспоминания:

- Рецепт этого салата мне дала Наташенька, а Наташеньке, в свою очередь, дала рецепт ее знакомая, у которой она гуляла на юбилее. Гостей было очень много, включая... дочь именинницы и ее зятя. – На «зятя» сделала ударение.

Натка решила тщательно обдумать заявление подруги, чтобы в очередной раз не попасть впросак. Обдумывать было нечего – у нее не было подруги с дочерью и зятем.

Между тем, Куприян продолжала тем же заискивающим голосом, словно выпрашивала у нее еще один кулинарный рецепт:

-... Соловьева давно не виделась со своей знакомой, увы, она уехала за кордон. Замуж вышла за богатого иностранца. А ее... дочь здесь мучается без материнской поддержки – зять без тещи совсем распоясался.

- Теща имела на зятя влияние? – спросил без всякого интереса Канарейкин – лишь бы как-то отреагировать.

-- Как сказать, - пробормотала зашедшая в тупик Куприян.

Ее подруга была сосредоточена на салате, рецепт которого сама ей якобы и дала.

- Наташа, как получилось, что теща научилась управлять своевольным зятем?! - на повышенном тоне потребовала немедленного ответа Катерина, незаметно пиная подругу под столом. Наташа в ответ лишь передернула плечами.

- Налетела грусть? – вставил свое слово Канарейкин.

- Что ты! – очнулась Алешечкина. – Я так рада тебя видеть...

- Мы обе рады тебя видеть, Виталич, но...

- Очень хочется узнать о ходе расследования, - договорил за Катю Виталич. – И все эти монологи о теще, о дочери, о зяте – лишь уловка. Имели в виду не тещу, а свекровь, не дочь, а сына, не зятя, а невестку. Я прав?

- Захочешь, сам расскажешь, - нашлась Наталья, решив прикрыть собой амбразуру – раз опростоволосилась. – А не захочешь, мы из тебя клещами информацию не вытянем.

- Я тебя пригласила в гости... просто так. Давно мечтали с тобой... вот так посидеть, поболтать, повспоминать. Да, Соловей?

- Правда, Эдик, мы всегда тебя помнили... Ой, что-то я то... Одним словом – соскучились.

- Мда, - отреагировала Куприян – то ли поддержала, то ли осудила. Последнее – вероятнее. Вспомнил Эдик о Пышке – об Оливии Михалко – и Натка загрустила, ей было искренне жаль эту женщину. Она считала себя виноватой в том, что подозревала ее в нехороших делах.

Хозяйка и гость начали болтать на отвлеченные темы, естественно, вспоминали школьные годы. Взгрустнувшая Натка взбодрилась, стала поддерживать разговор. Болтали без всякого напряжения со всех сторон. Начинали каждую фразу «А помнишь...»

Наталья Романовна неожиданно рассказала о случае с собакой, которая загнала ее на дерево. Естественно, умолчала о своей боязни – о трусиках в цветочек, который могли стать достоянием гласности.

За голубцами (Наталья ковыряла вилкой сваренный картофель, посыпанный укропчиком) Куприян посчитала возможным завести разговор о расследовании – теперь напрямую, без всяких намеков-переглядываний. А там, будь что будет: захочет – приоткроет завесу тайны, не захочет – Натка правильно сказала, клещами вытягивать не станут – бесполезно.

Начала с Оливии Дмитриевны Михалко.

Натке опять взгрустнулось. Как она могла ее заподозрить во всех смертных грехах!

Катя, напротив, была возбуждена, глаза горели, как два фонарика – два фонарика из пионерского детства, во время шествия по главной аллее кладбища.

Алешечкина подумала о своей находчивости – вовремя унесла с глаз долой пузырь шампанского, а то бы Катка устроила показательный «судебный процесс».

Для начала Канарейкин напомнил, что они обещали не лезть не в свое дело. По-дружески просто напомнил, без всяких дополнительных нравоучений.

На что хозяйка заметила:

- Мы не лезем. Сидим, как мыши в норке, но хотим узнать новости. Косвенно нас это тоже касается. На глазах у Натки скончалась Анжелика Волчегорская. А когда мы были в гостях у Нинель Сушки, то случайно узнали, что Анжелика приходится невесткой соседке Нинель, Оливии Михалко. При нас пришел сын Оливии – Луарсаб – и сообщил, что его жену убили. Отравили. – Нагло врала Катерина, не всё, серединка-напополам.

- Хотелось бы побольше узнать о том веществе, от которого скончались несколько человек и кошка, - вставила Наталья.

- И все-то они знают, - с ноткой восхищения произнес Канарейкин.

Несмотря на ностальгические воспоминания, любезную перепалку и смех, он охотно поглощал салаты, голубцы и успевал петь оды восхитительной хозяйке. Хозяйка смущалась, но не терялась – тарелка гостя не успевала опустеть.

– Надо отрабатывать вкусное угощение, - насытившись, заключил он, чем весьма ободрил подруг, который отчаялись получить нужные сведения. – Лучше вы что-то узнаете от меня, чем будете рыскать по городу и получите неприятности на свои горячие головы.

- Это правильно, ты просто обязан остудить наши горячие головы, - проникновенным голосом проворковала Куприян, поглядывая на Эдика преданными глазами.

Подругу выводило из себя ее предательское проникновение, но она надеялась, что дальше взглядов дело не пойдет. Эдик Канарейкин уже не тот – не видит необходимости спускаться с высот к средним величинам. Ему и на высотах живется неплохо, ничто не угрожает падением. Каткиному «не нужен» она верила так, как верят сладкоежкам, которые обещают ограничиваться двумя конфетами в день.

- Начну с того, почему мне поручено заниматься убийствами граждан нашего города. Корни похожих уголовных дел уходят в двадцатилетнее прошлое. Да, более двадцати лет назад это ядовитое вещество уже мелькало в сводках происшествий. Конкретнее – в начале девяностых. Преимущественно аналогичные преступления отмечались в столице. В те годы от отравления этим ядом скончались несколько человек, совершенно не знакомых друг с другом. Потом всё затихло, преступника не нашли. И вот, спустя годы, яд напомнил о себе в моем родном городе.

- Что-то выяснили: откуда он взялся, кто ее создал? – не удержалась от вопроса торопыжка Куприян.

- А теперь самое интересное... Если быть точным, то корни уходят в далекое-предалекое прошлое, во времена Ивана Грозного.
- Подруги переглянулись, словно мысленно спросили друг у друга – верить ли словам следователя, который их попросту может «развести». Сочинит сказку с примесью были, и думай, что хочешь. Догадливый приятель обо всем догадался.
- Вы мне не верите? Но какой резон мне сочинять? В данном случае никакой тайны следствия нет.
- Верим, верим, продолжай, - суетливо окрылила сказителя все та же Куприян, взявшая на себя функцию переговорщика с официальным лицом. Показалось, что окрылила, на самом деле, официальное лицо выдавало текст сухим тоном, никаких эмоций:
- Ваше дело верить или не верить. Мне все равно.
- Эдуард Витальевич, что ты в самом деле, ведешь себя, как обиженный мальчик, - выдала Алешечкина. – Обиделся? – с вызовом спросила она, в ответ получила обворожительную улыбку и покачивание головой.
- Эдуард продолжил как ни в чем ни бывало:
- Не знаю, известно ли вам, что во времена Берии в Варсонофьевском переулке находилась лаборатория НКВД. Здание лаборатории вплотную примыкало к зданию бывшей тюрьмы НКВД. Ученые собирали рецепты отравляющих веществ и токсинов, который разрабатывались в Египте, Индии, Германии, Японии. Использовали даже летописи Ивана Грозного. У царя была в услужении одна примечательная личность, свой лейб-отравитель - Елисей Бомель. Звали его не иначе, как дохтур Елисей. Бомель имел диплом врача, мастерски создавал по указу царя яды. Одни яды убивали мгновенно, - другие – медленно: человек гнил месяцами и умирал в страшных муках в назначенный день и час. Были и такие яды, которые тоже убивали человека в назначенный день и час, но человек до последней минуты ничего не чувствовал. Жил, что-то делал, разговаривал, спал, ел, а потом неожиданно умирал. Со стороны выходило, что с ним случился сердечный приступ. Иван Грозный сам побаивался своего лейб-лекаря. В итоге Бомеля постигла участь всех тех, в ком царь видел потенциальную угрозу. Через несколько веков судьбу Бомеля повторил придворный отравитель Сталина, начальник той самой секретной лаборатории – Григорий Майрановский. Долгие годы в его лаборатории создавались яды, которые не оставляли следов. Как-то на партийный съезд в Северную Корею прибыла делегация одной дружественной страны. Неожиданно все члены делегации скончались во сне.
- Дружно так, взяли и умерли. В знак солидарности с друг другом, - некстати пошутила Куприян. – Видно, делегация была из очень «дружественной» страны.
- Наверное, - кивнул Эдик. - А дальше все как обычно. Провели вскрытие, никаких причин не выявили, тем более не нашли признаков отравления. Пока не провели спектральный анализ внутренних органов. Благодаря спектральному анализу выявили следы яда – курарина. Курарин – усовершенствованное «снадобье» дохтура Елисея. Именно курарин использовал Майрановский в своих разработках. И ни он один. После смерти Сталина Майрановского посадили за... незаконное хранение сильнодействующих препаратов. Он не признал себя виновным и вскоре скончался от... сердечной недостаточности. О Майрановском я вам рассказал для общего развития, чтобы вы понимали, «откуда ноги растут». Переходим в день сегодняшний. Вскрытия всех погибших людей показали наличие в их организме ядовитого вещества из девяностых. Яд был выявлен без проблем, никаких сложных анализов проведено не было. Формула яда была уже известна.
- А если бы вскрытие не проводилось? – заинтересовалась Натка. – Так ведь бывает – внезапно скончался человек, его близкие не хотят знать причину, отказываются от проведения вскрытия, им и без вскрытия всё ясно, а врач, руководствуясь историей болезни умершего, пишет заключение о смерти. Или еще бывает - патологоанатом филонит – отписывается: человек скончался по причине сердечной недостаточности. А на самом деле - человека отравили!

- Если бы вскрытие не проводилось, то можно было предположить, что причиной смерти является сердечная недостаточность, - как бы повторил за Наткой Канарейкин.
- И что все это значит? – озадаченно протянула Катерина. – Неужели этот яд... к нам «пришел»... от Ивана Грозного? Правильнее – от дохтура Елисея Бомеля?
- Именно так. После серии убийств с отравлением в девяностых ученые долго копались в архивах, проводили эксперименты, и в итоге им удалось расшифровать формулу яда. Невероятно, но факт – яд пришел к нам из далекого прошлого.
- Но как этот яд - яд дохтура Елисея в чистом виде, без всяких примесей и добавок, как в лаборатории из лаборатории Майрановского перескочил в наше время без всякой машины времени? – призадумалась Алешечкина и сама же ответила, - кто-то из засекреченных сотрудников лаборатории Майрановского его умыкнул... тайно... для своих личных целей
- решил избавиться от близкого друга или от жены, которая отказывалась дать развод.
- Этого не могло случиться. Вынести из секретной лаборатории одну из разработок или любую составляющую было невозможно. Никто и не пытался. Слишком тяжелой была расплата за хищение. В то серьезное время разговор был коротким.
- К тому же в лаборатории работали все проверенные-перепроверенные люди с «чистой» биографией, - поддержала приятеля Екатерина Викторовна.
- Но как-то яд дохтура всплыл в девяностых, - резонно заметила Наталья Романовна. - Не из шестнадцатого же века прибыл прямым рейсом. Значит, из лаборатории Майрановского. Другого способа я не вижу.
- Неужели это столь важно, - перешла на трагический шепот Куприян. Ей стало как-то неуютно в своей квартире, как будто разговоры о кровожадном правителе Руси перенесли ее в то страшное время, из квартиры в царские Палаты.
- Может, и не столь важно, - согласилась Натка. – Нас больше волнует теперешний убийца, который отравил несколько человек и спокойно разгуливает на свободе. Пустая бутылочка из-под яда на столе возле покойной Оливии Михалко – это не подтверждение того, что яд закончился, и можно спать спокойно.
- И не подтверждение того, что Оливия наложила на себя руки, - влезла со своим замечанием Катерина.
- Подруги вопросительно посмотрели на Канарейкина.
- Канарейкин промолчал. Не стала молчать Алешечкина, из которой фонтаном били новые и новые идеи.
- Мои предположения следующие - в руки теперешнего убийцы яд попал случайно. Этот убийца не имеет ничего общего с тем убийцей-отравителем из девяностых. Найти убийцу, который действовал в девяностые годы прошлого века, весьма-а-а затруднительно, если не сказать – невозможно.
- Возможно, если между ними была или есть родственная связь, - запротиворечила подруге Катерина. Эдик поворачивал голову то в одну сторону, то в другую- следил за каждым оратором. – Скорее была – бывший убийца-отравитель провел серию отравлений и затаился, а яд хорошо припрятал. После его смерти... по старости, его наследник, молодой и ретивый, долго ковырялся в его доме, все облазил-обыскал, и нашел странную бутылочку с неизвестным содержимым. Не подумал, что это отравка для крыс или спиртовая настойка для растирки больных коленей... Он явно не профи в таких делах, его познания в химии ограничиваются курсом школьной программы. Но не пожелал привлечь к делу специалиста, сам решил провести испытание...
- На кошке, - подсказала Наталья.
- И не на абы какой кошке, на домашнем питомце соседки Оливии Дмитриевны. Давно «точил зуб» на Оливию, нашел способ отыгаться. Видно, ему не хватило околоточечных попаданий, решил угодить в яблочко – отравить саму Оливию, но подделать под самоубийство.
- Мы с Катей никогда не верили в виновность Оливии Михалко, - тихонечко пискнула Алешечкина и густо покраснела.

- Конечно, мы не верили, - торопливо поддержала подругу Катя, - но должны были показать настоящему преступнику, что подозреваем именно ее. Он-то держал руку на пульсе – старался быть в курсе всех событий.

- Послушайте, милые девушки, а не далеко ли вы зашли в ваших доморощенных расследованиях?!

- Не было никаких расследований, - брякнула Наталья – милая девушка с пылающим лицом. – Мы тоже... как бы это выразиться...

- Также хотели быть в курсе событий, - подсказала Куприян, не поразив новой идеей. – Я же говорила – Анжелика Волчегорская скончалась прямо на глазах Натки. Потом оказалось, что она приходится Оливии Михалко невесткой. Раз мы оказались в этом деле... не по своей воле, то почему бы не попытаться... что-то узнать. Сами мы ничего не предпринимали, действовали через Нинель Сушку, нашего информатора. Сушка дружила с Оливией, та с ней делилась проблемами.

- Также мне, подруга. Оливия Михалко перед ней душу выворачивала наизнанку, а та ее тайны разбалтывала всему белому свету.

- Зря ты так, Эдуард, - покачала головой Катерина. – Всё для пользы дела, не во вред Оливии... А вы... я имею в виду следствие... подозревали Михалко? Теперь ты можешь нам обо всем рассказать – Оливия мертва.

- Но дело пока не закрыто.

- Из чего я могу заключить, что вы, наше доблестное следствие, тоже не поверили, что это было самоубийство.

- Я тебе сколько раз говорила, что преступник действует топорно, - выпалила на одном дыхании Наталья Романовна. – Но дураком его не назовешь. Вывод? Он специально подводит под монастырь другого человека. У преступника очень большой круг «друзей», которые обязаны получить по заслугам.

- Я наблюдал за допросом Оливии Михалко и кое-что понял – она что-то знает и скрывает. А скрывает, потому что не совсем уверена в своих догадках. Обвинять человека голословно было не в ее привычке. Тем более, обвинять человека, который ей дорог или был дорог в прошлом. Их что-то связывает до сих пор.

- Я об этом уже думала, - монотонным голосом произнесла Алешечкина. – Раз он ей дорог, то она бы его не сдала даже под страхом собственной смерти, что уж говорить о даче показаний против него. Она хотела разобраться, поговорить с ним, обсудить возникшую проблему, вместе найти выход из сложившейся ситуации... Не думаю, что преступником является ее сын, - заключила она, кося глазом на столичного следователя, который обязан подтвердить или опровергнуть ее слова.

Следователь молча накладывал себе в тарелку очередную порцию голубцов. Самостоятельно накладывал, без помощи «придремавшей» хозяйки.

Хозяйка внимательно следила за его монотонными действиями, не горя желанием оказать посильную хозяйскую помощь. Когда гость взялся за нож и вилку, поставила вопрос ребром:

- Эдуард Витальевич, так скажи нам прямо – сын это или не сын?

- Могу с уверенностью сказать, что Луарсаб является родным сыном Оливии Дмитриевны Михалко, - выкрутился следователь. – А вы сомневались?

- Шутник, - прошипела Катя.

- Если отравителем является другой человек, не сын Оливии, а ее близкий друг, а она о его... проделках, мягко выражаясь, не подозревала, то кому в угоду он действовал, - вспомнила о своих прежних догадках Наталья. - Если ради нее – чтобы добиться расположения – то обязан быть прийти и рассказать о своих подвигах...

- А теперь, сестра-девица, на тебе хочу жениться, - внесла свою лепту Катерина. – Заслужил стать мужем любимой женщины после победы над ее врагами. Но она его об этом не просила. Это его личная инициатива... И что дальше? Сестра-девица отказала ему в резкой форме, ему пришлось с ней расправиться. Подражая Натке: вывод – он, поклонник и преступник в одном лице, человек больной на всю голову. Оливия это поняла, но было поздно. И этого

- больного человека она пыталась вразумить! Причем без привлечения посторонних, которые могли стать тормозом для его дальнейших действий!
- Сразу скажу – предъявить обвинение нам пока некому... И еще... Чтобы спасти свою шкуру убийца пойдет на крайние меры, так что лучше вам, милые девушки, оставаться в стороне. Я потому вам честно обо всем рассказал, чтобы вы понимали степень серьезности.
- И это называется «все рассказал», - поехидничала Катерина Куприян. – В общих чертах, больше о прошлом, очень далеко и не очень, а о настоящем ни гу-гу, одни пожелания... милым девушкам.
- Эдик, Эдуард Витальевич, - поправилась Наталья, - следствие уже знает, с кем контактировала Оливия в последний день своей жизни?
- Вам об этом знать не обязательно.
- Ладно. Расскажи хотя бы о гибели Антонины Пеликиной. Мы слышали, что ее тоже отравили, но большой дозой аспирина - нашли другой способ убийства.
- Опять же мы слышали, что аспирин ей подсыпали в кофе. Неужели Тоня ничего не почувствовала? - призадумалась Екатерина. - И будто бы это сделала Оливия, когда пила кофе вместе со всеми Пеликиными у них в гостях.
- Но мы в это не верим, - повторилась Алешечкина. Подруга утвердительно кивнула – поддержала.
- Ну, хорошо, приоткрою чуть-чуть завесу тайны, вы же все равно от меня не отстанете. И только потому, что тайны никакой нет, при желании вы можете найти другой источник информации. В то утро, когда Антонина собиралась на реку за ней должен был захватить Луарсаб Михалко. Они договорились встретиться неподалеку от ее дома, чтобы никто не видел, с кем она уезжает. Луарсаб на этом настоял, чтобы не судачили, что он быстро оправился от потери любимой супруги. Даже просил не говорить своей матери, которая не особо тужила из-за смерти невестки, а всегда мечтала, чтобы ее сын и Тоня поженились.
- Почему матери нельзя сказать?
- Чтобы не доставала его новой женитьбой.
- Это кто сказал?
- Сам Луарсаб. Он же рассказал о событиях того субботнего утра. Он едва отъехал от своего дома, как понял, что ночью ему прокололи два колеса. У него в багажнике автомобиля была всего одна «запаска», поэтому пришлось ехать в шиномонтаж, еле туда добрался, повезло, что добираться было недалеко. А Тоне он позвонил и предупредил. Та уже ждала его в условленном месте. Возвращаться домой девушке не хотелось, она сказала, что будет ждать его на летней веранде своего любимого кафе, неподалеку от ее дома. Тоня заказала кофе, она обожала кофе, могла пить его ведрами – в этом они с погибшей Ликой были схожи, и стакан апельсинового сока. День выдался жарким уже с утра. Едва Антонина приступила к кофе, как заметила вяло бредущую по улице девушку. Та еле доковыляла до летней веранды кафе и бухнулась на стул соседнего столика. - Вам плохо? – спросила Тоня, - я могу чем-то помочь? Девушка пояснила, что она находится на ранней стадии беременности и испытывает тяжелейшую форму токсикоза, решила прогуляться, пока не так жарко, но ей стало дурно, голова закружилась, и ноги подкашиваются. Срочно надо выпить стакан ледяной минеральной воды с лимоном, сразу станет легче. Ни раз вода с лимоном ее выручала. Отзывчивая Антонина не стала ждать официанта, поспешила в кафе, чтобы самой принести заказ беременной женщине. Та выпила воду с лимоном, сказала, что чувствует себя способной продолжить прогулку, расплатилась, и пошла своей дорогой. Вскоре приехал Луарсаб. По дороге на пикник Пеликина рассказала своему спутнику о молодой женщине из кафе. И пожаловалась, что ее напоили, как ей показалось, просроченным апельсиновым соком. Сок показался ей «гадостным», как она выразилась. Пришлось выпить еще одну чашку кофе, чтобы заглушить неприятный привкус. Три чашки кофе для одного утра – это уже перебор, высказалась Антонина. Луарсаб признался, что в то утро девушка была слишком возбуждена.
- От трех-то чашек кофе за короткий период не будешь возбужденным!

- Ладно кофе, с кем не бывает. Но зачем пить гадостный сок? Целый стакан! – удивилась Екатерина Викторовна.
- Она выпила не весь стакан, сделала несколько глотков, но ей и этого хватило. И зря, что не осушила весь стакан, интоксикация наступила раньше, на берегу, а не тогда, когда она находилась в воде. Могли бы вовремя оказать медицинскую помощь. Я не врач, но, вероятно, Антонину Пеликину могли спасти.
- Эдуард, но ты сам понимаешь, что женщина-убийца тыкала пальцем в небо – могло срастись, а могло и не срастись. И где вероятность того, что... Хорошо, оставлю в покое Луарсаба. С колесами все понятно – колеса на его автомобиле проткнули шилом намеренно, чтобы оттянуть его встречу с девушкой.
- Катя, а откуда тебе известно, что колеса проткнули шилом? – подобралась Наталья.
- Непроизвольно вырвалось. Лично я бы, если бы потребовалось, протыкала шилом.
- Ну, слава Богу, а то я уж подумала, что это твоих рук дело.
- Ехидна! – рявкнула на подругу Куприян.
- Приятно познакомиться – Наталья Романовна, - хихикнула Алешечкина.
- Как хорошо, что ни-че-го не меняется: вы по-прежнему шпыняете по-доброму друг друга, - улыбнулся Канарейкин.
- Виталич, не обращай на нее внимание, - отмахнулась порозовевшая Катерина. – Так я продолжу. Как состыковался кофе на летней веранде с беременной женщиной. Она что, в засаде сидела?
- Преступники готовились заранее, изучили все привычки Пеликиной. Они знали, что она будет ждать Луарсаба на летней веранде кафешки, неподалеку от своего дома. Времени на шиномонтаж будет затрачено немало, не по улицам же ей болтаться с тяжелой сумкой в руках.
- А кто был инициатором поездки на пикник?
- Вам нужна фамилия организатора пикника? Увы, я не знаю, людей в компании было предостаточно. Но Луара вытянула Антонина. Он долго отказывался, потом согласился.
- Это с его слов?
- С его.
- А в компании все были сплошь незнакомые ему люди?
- Как раз наоборот, все знакомые. Они все учились в одном классе. Как мы с вами.
- Кто-то из работников кафе видел беременную женщину без признаков большого живота? Кто-то ее смог описать?
- Девушка-официантка увидела ее в спину, когда она покидала веранду. Официантка подошла убрать использованную посуду.
- Унесла пустой стакан из-под минералки с лимоном, и что было дальше? - Катя вопросительно посмотрела на Эдика.
- Еще есть голубцы? – внимательно изучая свою пустую тарелку, обиженным голосом спросил Канарейкин.
- Тебя легче убить, чем прокормить, - беззлобно возмутилась хозяйка и успокоила, - еще есть парочка, сейчас подогрею.
- Когда она удалилась, Эдик положил свою ладонь на руку Натальи и прошептал:
- Ты офигительно выглядишь.
- Ты мне это уже говорил при нашей прошлой встрече. Мне показалось, что Максиму Горькому твои слова не понравились: мало литературности, развернутого восхищения.
- Бывшие одноклассники рассмеялись.
- Наташа...
- Эдик, насколько я знаю – ты женат. Так что не начинай, ни к чему всё это... Я не их тех, с кем можно скоротать свободное время.
- У меня нет свободного времени, - ляпнул совсем не то, что рассчитывала услышать Алешечкина.
- Тем более! – с недовольством высказалась она.

Вернулась с подогретыми голубцами хозяйка, подозрительно посмотрела на милую парочку и выразительно хмыкнула. После чего напонила:

- Эдуард Витальевич, так что рассказала официантка в кафе о якобы беременной женщине? Пусть она видела ее со спины, но могла что-то заметить...

-- Шатенка. Волосы до плеч. Рост средний. Хорошая фигура - песочные часы. Была одета в короткий облегающий сарафан лазурного цвета.

- Сарафан к делу не пришьешь, - озабоченно повздыхала Куприян. – Как и цвет волос и их длину, а также рост и фигуру. Тоже мне – описание!

- Другого нет.

Эдик быстро справился с оставшимися голубцами, после чего троица стала пить чай с тортом. От расстройства Натка слопала целых три куска. Язвительная подруга заметила:

- И это называется диетой.

- А ты сомневаешься? - отозвалась Наталья, - как ты могла заметить, я ела одни овощи, поэтому могу себе позволить сладкое и мучное.

- Девочки, не ссорьтесь, - осадил их Эдуард Витальевич. – Не грех полакомиться таким вкусным тортиком. В Москве таких нет.

- Это у тебя ностальгия разыгралась, - заявила Катерина, позабыв, что еще недавно говорила подруге, что у Эдика нет и не было ностальгических чувств. Годы берут свое.

- Возможно, - с едва заметной грустью произнес Канарейкин и покосился на Алешечкину, как будто именно она являлась причиной внезапно появившейся печали.

Вскоре Эдуард стал прощаться, Алешечкина не знала, как ей поступить – тоже уйти, вместе с ним, или остаться, чтобы он не подумал, будто она ему навязывается. Присоединится – дескать, ей тоже пора, и Канарейкину, как джентльмену, придется предлагать себя в сопровождающие.

И он предложил, когда услышал робкое «мне тоже пора». И расцвел как майский куст, как будто только и мечтал о том, чтобы стать сопровождающим.

Наталья решила отказаться, замекала-забекала – передумала, решила переночевать у подруги. Теперь, как майский куст, расцвела подруга.

Но у Натки есть три веских «против» ночевки у подруги: во-первых, ей утром надо идти на работу, в связи с чем надо сменить одежду, во-вторых, ей очень хотелось, чтобы ее проводил красавец-мужчина, в-третьих, Катка предостерегающе на нее поглядывала. А не надо ее предупреждать! Взрослая, что хочет то и делает.

- Ну, ладно, Соловей, бери его себе, - прошептала на ухо Алешечкиной подруга, улыбаясь, и чмокнула ее в щеку.

Натка в ответ тоже улыбнулась, склонилась в ее уху и сообщила, тоже шепотом:

- Он не вещь, дарить не надо.

Канарейкин уже стоял в подъезде и терпеливо ждал, когда подруги распрощаются.

От дома Куприян до дома Алешечкиной можно пройти за полчаса неспешным шагом. Именно таким шагом передвигались из пункта «К» в пункт «А» мужчина и женщина. Они напоминали семейную пару со стажем, которая не растеряла за долгие годы чувства друг к другу. Наталья держала Эдуарда под руку, на лицах обоих застыла мина вечного счастья.

У подъезда Алешечкиной Канарейкин замер в ожидании. Сам ничего не просил, не намекал, отлично знал, что сморозит банальную ерунду. Алешечкина тоже всё понимала. Оба делали вид, что друг от друга им ничего не нужно. Сопроводил до дома, не более того.

Женщина ограничилась коротким «пока». Хотела скрыться в подъезде, но Эдик удержал ее за руку:

- Наташка, а помнишь, как мы реагировали в школе на слово «пока».

- Помню - за пока бьют бока и ломают ребра, - усмехнулась она. – И несмотря на это, я еще раз повторяю – пока, Виталич! – И унеслась в родной подъезд.

Миновала лифт, поднялась к подъездному окну, чтобы посмотреть вслед Канарейкину. Он не двигался с места. Натка уже решила «передумать», но в это время возле столичного

следователя остановился автомобиль импортного производства, следователь устроился на заднем сидении, авто скрылось с Наткиных глаз...

Как только Алешечкина переступила порог своего дома, позвонила подруга, сидевшая в руках с секундомером. Не иначе.

- Ты дома? – требовательным голосом спросила она.

- Дома, - отчиталась Наталья Романовна.

- Одна?

- А с кем я должна быть? Алешечкин не вернулся, хвала всем богам!

- Значит, одна, - успокоилась Куприян. – Как, вообще, всё прошло? Целовались?

- Сдурела?

- Понятно. Переживаешь. Соловей, зачем он тебе сдался? Индюк столичный.

- Куприяшка, ты сейчас о чем?

- Ни о чем, вслух рассуждаю.

- Чем намерена заняться завтра?

- Хочу поехать к своему другу Вовану, который живет в одном подъезде с покойной Михалко. Может, он заметил кого-то во дворе. Вован парень наблюдательный, тем более сейчас в завязке, глюков у него нет... Эта женщина вошла в доверие к Оливии Дмитриевне и напоила ее ядом.

- Какая женщина?

- Женщина, которая под села в кафе к Антонине Пеликиной, женщина, которая сидела за рулем такси, которое мчало Горшенина к ресторану. Вероятнее всего, в последний день своей жизни Михалко тоже общалась с женщиной. Одним словом, шерше ля фам - ищите женщину.

- Шерше ля не шерше ля, а надо во всем разобраться, - вздохнула Наталья. – Надо искать того, кому выгодно. Что этой женщине с фигурой песочные часы сделала плохого несчастная Оливия?

- Ничего, - сразу нашла ответ Катя. – Ничего не сделала, я в этом уверена, как уверена в том, что они были незнакомы.

- Никаких женщин Оливия не подозревала в череде отравлений. Она подозревала некого мужчину, - напомнила Натка. - Откуда он взялся? Канарейкин толком ничего не рассказал.

- Не рассказал, потому что сам не знает, кто убийца. Одно сказал – предъявить обвинение пока некому.

- Ты поверила?

- Не знаю. Скорее, да, чем нет.

- Куприяшка, а вдруг Оливия познакомилась с мужиком на отдыхе? Или на сайте знакомств? Нинель рассказывала, что в мае Михалко ездила на заграничный курорт. После курорта решила устроить свою личную жизнь.

- Не было на курорте никакого курортного романа. Если бы роман был, Оливия не стала бы отвисать на сайтах знакомств.

- Отвисала ему в отместку. Он взбесился и пошел...

- Всех косить, - договорила за подругу Екатерина Викторовна.

- Звучит глупо?

- Не хочу тебя обижать... Завтра я поеду к Вовану на разведку.

- Кать, ты только звонить не забывай. А может мне взять еще один больничный лист?

- Так и без работы остаться недолго.

- Ты права. Потерплю еще неделю.

- А что измениться через неделю?

- Забыла? Я уйду в отпуск!

- Не было печали, купила баба поросю...

После телефонного разговора Катя двинулась на кухню. Без трудового энтузиазма взглянула на гору грязной посуды и отправилась в гостиную.

Села за неубранный стол, взяла в руки столовую ложку, придвинула к себе остатки торта «Прага» и принялась задумчиво его поглощать. Время от времени запивала торт холодным чаем. Она не понимала вкус торта, все мысли сосредоточились на расследовании.

Вспомнила, какими сведениями о страшном яде наградила их с Наткой Эдик Канарейкин.

Она тоже как-то читала, что в средневековой Италии были алхимики – мастера медленной смерти. Они готовили яды, которые не вызывали никаких симптомов...

Как яд дохтура Елисея оказался у отравителя? У того самого мужчины, с которым Оливия прошла по роще? Успокаивает одно – у них есть описание того типа. Распывчатое, но это лучше, чем никакое.

Оливия Михалко как-то обронила в частной беседе с Нинель Сушкой: «И так проблем выше крыши, а тут еще этот...» - «Кого ты имеешь в виду?» - заинтересовалась Нинель. Оливия отмахнулась со словами «не хочу о нем лишнего раз вспоминать».

О ком шла речь? Стопроцентно, как говорит Вован, о том самом мужчине.

Он вернулся в ее жизнь из далекого прошлого.

В связи с чем, уверен в своей безнаказанности.

Он никогда не будет фигурировать в деле о серийных убийствах. О нем никто не знает, а кто был с ним когда-то знаком, давно забыл о его существовании, а кому он о себе напомнит – а таких единицы, те никогда не раскроют его инкогнито.

- Этот человек когда-то был рядом с этой женщиной. Исчез и за долгие годы ни разу не заявил о себе. Он был. Его нет, как будто и не было, - вслух проговорила тихим голосом Куприян.

Если они не встречались многие годы, то она ему безразлична.

Какой смысл в этих убийствах?

Ненависть, желание мстить - не будут ждать столько лет. За столько лет они зачахнут.

Это только умные слова, ничем неподкрепленные: мечь – это блюдо, которое подают холодным.

В случае с Оливией, это блюдо уже высохло, мумифицировалось.

Но отравление кошки говорит об обратном: мужчина в полицейской форме не просто провел испытание яда, но выбрал для этой цели домашнее животное, хозяйка которого соседствует с Михалко. В этом доме он не живет и никогда не жил, кто-то стал его осведомителем: рассказал о привычках кошки и ее хозяйки, о кошачьих пакостях...

Однако преступник большой везунчик: у него все получается с первого раза. Недолго «окучивал» Лешечку Горшенина, который случайно сфотографировал его вместе с Оливией Михалко в роще. Был уверен в Оливии, своей старой знакомой - она его не выдаст. Почему? Чем он ей так дорог?

Кто-то его подстраховывал, когда он был в роще с Михалко. Он «светил» Оливию – хотел, чтобы люди в роще ее заметили. О себе не беспокоился – никаких особых примет у него не было. Одни усики. Которые сегодня есть, завтра их нет. Другое дело – фотография.

Именно его сподвижница заметила фотографа Горшенина. Именно она сидела за рулем автомобиля, который мчал Горшенина в ресторан на встречу с дочерью и ее женихом...

Жених по описанию напоминает «друга» Оливии Дмитриевны. И одновременно напоминает Эдика Канарейкина.

Потому пошла по ложному следу.

Жениха Светланы Горшениной можно вычеркнуть из списка подозреваемых.

Сообщница преступника засветилась в летнем кафе, в котором Антонина Пеликина поджидала Луарсаба Михалко.

И снова преступникам сопутствовала удача – прямое попадание с первого раза. Зачем расправились с Тоней? Что она могла знать? Она знакома с преступником? В виду своей профессии помогла установить, что за жидкость он... где-то нашел. И стала опасным свидетелем. Свидетелей надо убрать.

Оливия Дмитриевна тоже своего рода свидетель. У нее нет подтверждений виновности этого человека, но есть весомые догадки. Она может пойти с этими догадками к следователю.

Везунчику фартило и с Ликой Волчегорской. Забежал в салон красоты перед закрытием. Якобы записаться на стрижку... Значит, с Ликой он был незнаком.

Или заgrimировался до неузнаваемости.

Или все гораздо проще: мужчина перед закрытием забежал, записался, но прийти не смог. Ничего странного. Это был другой мужчина, не имеющий отношения ко всем преступлениям.

В этом случае, возникает вопрос: где Лика выпила вина с ядом? Где-то на стороне, в перерыве между половиной девятого и десятью часами вечера? Салон красоты покинула в половине девятого, домой вернулась в десять. Со слов мужа. Скончалась на следующий день в кафе в районе двенадцати часов, точнее ближе к половине первого.

Вернулась домой, приняла ванну и легла спать. Опять же со слов Луарсаба.

Пролонгированное действие отравы – не менее двенадцати часов.

Что привело Лику в кафе «Магнолия»? Обычное желание выпить кофе? Вряд ли. Таким особам всегда нужна компания, лучше, если мужская.

Ее пригласил в кафе мужчина. Преступник. Сам остался в стороне и тайно наблюдал за происходящим.

Ясно одно – в салон красоты он не приходил. Все-таки, это был другой мужчина. Записался на стрижку и не смог прийти. Сам говорил, что уезжает в командировку.

Преступник подждал Лику после работы. Они вместе провели полтора часа. С ним Лика пила отравленное вино. И он пригласил ее на свидание на следующий день в кафе «Магнолия». Уже знал срок действия яда. Яд прошел испытание неоднократно...

Следующим после кошки «подопытным кроликом» стал бомж в роще. Одним ударом поража́л две цели: «светил» Оливию, проводил испытания яда на человеке.

Горшенин сам нарвался... Так подумал преступник.

Если преступник не боготворил Михалко, не исполнял ее «прихоти», то зачем устранил ее невестку?

Кому было выгодно убийство Лики Волчегорской? К этому убийству он шел через проверки-испытания. Его целью была именно Анжелика.

Кому была нужна ее смерть? Кроме Оливии.

Неужели его поделнице?..

Девушка с фигурой песочные часы. Шатенка с волосами до плеч. Среднего роста.

Описание что надо! Ничего не скажешь.

Эта девушка встрети́лась с Оливией Михалко в последний день ее жизни. Едва ли они были знакомы. Почему Оливия за ней пошла? Как яд оказался в ее организме?

Оливия попала в трудную ситуацию. Ей хотелось выговориться, предпочтительно с незнакомым человеком. С незнакомыми проще. Как с соседями по купе. Поговорил, раскрыл душу, полегчало, вышел на своей станции.

Когда незнакомка с ней заговорила, она откликнулась...

Как пустой пузырек, в котором хранился яд, оказался в квартире Михалко?

Во время разговора девушка могла ее отвлечь, отыскать в сумке ключи от квартиры и снять слепок.

Везучим всегда везет.

Но сбой должен где-то произойти!

Или преступники сделали свое дело и скрылись из города?

Тогда пиши-пропало.

Одна надежда, что они еще в городе, что их здесь что-то удерживает. Или кто-то...

На следующий день, прихватив с собой, на всякий пожарный случай, парик, платье Алешечкиной и любимые очки, Куприян отравилась к другу Вовану.

Дома была одна Юлия, его супруга. Она сразу узнала «сыщицу», пригласила на кухню, предложила чаю, но Катя отказалась. Сразу приступила к делу.

- Мне очень нужен Владимир.

- Он в больнице. Проходит курс реабилитации. – Юлия выглядела счастливой – видимо, курс реабилитации прошел успешно, отношения супругов восстанавливались.

- Я по поводу гибели вашей соседки, Оливии Михалко. Накануне ее смерти вы не видели ее вместе с девушкой? Шатенка среднего роста, с красивой фигурой.

- Когда же это было, - призадумалась Юля. – У меня уже все дни перепутались.

Катерина назвала число.

- Я в тот день была на сутках, а Вовик – под моей опекой, в больнице. Так что дома никого не было. Рада бы помочь, но увы...

На лестничной площадке первого этажа Катя чуть не столкнулась с Луарсабом Михалко. Он поджидал лифт, уперев взгляд себе под ноги.

Выглядел он ужасно. Краше в гроб кладут, - отметила про себе Куприян и просочилась во двор.

Забралась в салон автомобиля, но уезжать не спешила. Рассчитывала, что Луарсаб долго в квартире матери не задержится. Так и вышло.

Неспешным шагом он вышел из подъезда и направился к припаркованному на стоянке белому «Опелю».

Екатерина Викторовна решила проследить за молодым мужчиной. Действовала спонтанно. Кого-кого, а Луара она точно не подозревала.

Но надеялась, что преступник им заинтересуется...

Луарсаб Михалко медленно тянулся по улицам города на «Опеле», Катя ползла за ним на своей машине.

Однажды ей показалось, что мужчина петляет по городу, желая оторваться от преследователей. Неужели кого-то заметил. А может быть, ее?

Катка приотстала, пропустила впереди себя два автомобиля и маршрутное такси. Пришлось маршрутку обогнать, чтобы не упустить из вида объект наблюдения.

Они добрались до окраины города. В основном здесь преобладал частный сектор. Были и старые хрущевки из белого кирпича, но в малом количестве. Хрущевки стояли отдельным полуостровом. Перешейком к «материку» из частных домовладений служила четырехэтажная школа. С другой стороны хрущевки-полуостров прикрывало зеленое лиственное море. Это была настоящая роща, не то что в микрорайоне Западный – запущенный, дикий парк.

К одной из пятиэтажек приулилась кирпичная пристройка с вывеской «Товары на все случаи жизни». Случаи бывают разные, но судя по лицам входящих и выходящих покупателей, в основном в магазин тянулись «профессионалы своего дела». Возможно, район был неблагополучным.

Возле магазина и припарковал свой «Опель» Луарсаб Михалко.

Катерина подумала, что он приехал к кому-то из жильцов дома. Нинель говорила, что детский тренер часто навещает на квартиры своих подопечных. У многих детишек неблагополучные семьи.

Луарсаб Михалко заглянул в магазин, что Куприян не удивило – хочет купит гостинец для ребенка.

Сначала Катерина терпеливо ждала, потом начала елозить и нервничать. Подумала, что Луар действует, как в старых детективах – прошел через черный ход, скрылся от преследователей. Если всё так, то это наводит на нехорошие мысли: он что-то скрывает. Или кого-то боится.

Поглядывая на дверь магазина, чтобы не упустить объект из вида, Куприян натянула на себя чужое платье, напялила блондинистый парик, нацепила очки и вылезла из автомобиля. Платье оказалось таким длинным, что волочилось по земле хвостом, путалось под ногами. Катка забыла прихватить обувь на высокой платформе. И ростом выше бы казалась, и в платье было бы сподручнее передвигаться, не боясь наступить на подол и завалиться.

Пришлось прихватить платье с обеих сторон пальчиками и с видом «дамы на балу» направиться в магазин «Товары на все случаи жизни».

В магазине кроме продавщицы и Луарсаба никого не было. Мужчина, уперев локти на прилавок, что-то увлеченно рассказывал девушке, она смущалась, улыбалась, бросала в ответ короткие реплики.

Катя внимательно изучила ассортимент.

- Вы что-то хотели? – через пять минут ее изучения спросила продавщица. Ее визави оглянулся на «блондинку»-покупательницу через плечо.

- А хлеб у вас свежий?

- Ночной.

Катка кивнула и протянула деньги. Взамен получила буханку хлеба – «хоть об дорогу бей», так называла ее мать хлебулочные изделия с «коньячной выдержкой». И неспешно покинула магазин.

Вскоре показался Михалко. С пустыми руками. Устроился в автомобиле и отправился в обратный путь. Как потом сообразила преследовательница.

По дороге она размышляла на тему «Как не будучи элементарно симпатичной, заполучить в кавалеры красавца-вдовца».

Девушка-продавщица не просто была не симпатичной, она была страшенькой.

Возможно, Луар полюбил ее за прекрасную душу. Все может быть. Но Куприян не верилось, что молодой мужчина будет кидаться из одной крайности в другую – после красотки жены выберет пугало с прыщавым лицом и с «тремя волосинами в пять рядов».

Значит, ему от девушки-пугала что-то нужно. У него есть цель, он к ней идет, невзирая на трудности общения, невзирая на нежелание.

Становится уже интересно...

Катерина скрыла от подруги последние новости. Чтобы та ее не доставала. Хотелось поразмыслить в тишине и покое.

Сказала, что решила заняться подготовкой к новому учебному году. Обновить лекционный материал.

Как ей показалось, Натка не расстроилась, пощebetала про Канарейкина, понимания не нашла и распрощалась.

Несколько дней Катерина была привязана к Луарсабу Михалко. Чтобы не вызвать подозрений, меняла вид транспорта – следила то на своем, то на реанимированном автомобильчике Алешечкиной – подруга позволила ей на нем рассекать по городу по причине «сложной поломки авто Иванова». Поломку надо устранить до приезда супруга.

Катя сказала подруге, что хочет последить за женихом Светланы Горшениной. Натка считала затею пустой, поэтому в спутницы не набивалась, но напомнила, что скоро грядет запланированный отпуск.

Куприян надеялась, что до ее отпуска всё разъяснится.

Каждое утро Луарсаб ехал на тренировку. Был в зале до полудня, обедал дома, потом заезжал на квартиру матери – каждый день! - после направлялся на окраину города, в магазин «Товары на все случаи жизни», к прыщавой продавщице. Водил с ней «сю-сю му-сю» и возвращался домой.

Катке надоел до чертиков его распорядок дня. Но она терпела.

В один из дней Луар отправился в магазин на окраине позже обычного. И был «при параде» - привычные джинсы, но вместо футболки белоснежная шведка.

В магазине задержался недолго, вышел вместе с продавщицей.

- У нее еще и ноги кривые, - не сдержала удивления Куприян, наблюдая за счастливой парочкой из своего автомобиля. Конечно, мужчину нельзя назвать счастливым – на челе всегдашняя печаль, но девица светилась счастьем за двоих.

Они сели в «Опель» и покатали в центр города. Погуляли в парке, покатались на «колесе обозрения», потом засели в одном из многочисленных открытых кафе. Заказали шашлык и бутылку красного вина.

- Сволочи, шашлык жрут, - возмутилась Куприян, развалившись на скамейке под раскидистым каштаном.

Неподалеку продавали напитки и мороженое. Пришлось оторвать зад от скамейки, купить воды и «рожок» с клубничным джемом.

Упелла мороженое в два счета, а парочка продолжала наслаждаться мясом, запах которого долетал до голодной сыщицы...

Когда стемнело, Луар и его спутница покинули летнее кафе, вышли из парка, прошли квартал и свернули во двор одного из домов.

«Опель» остался на парковке у парка.

Если вдоль центральной улицы стояли дома с «историей» в прекрасном состоянии, хотя бы фасад был хорошо отреставрирован, то в шаге от центральной улицы можно снимать фильм «Жизнь и нищета людей с неудавшейся судьбой».

В одном из таких домов с облупленным фасадом и жила спутница Луарсаба Михалко. Двухэтажная развалюшка, вход на второй этаж которой осуществлялся по металлической лестнице. Девушка поцокала по металлу каблучками, Луарсаб взобрался тихо, как зверь, преследующий добычу...

Куприян поняла, что ждать его скорого возвращения бессмысленно...

Янина Цирельсон приехала в Россию, несмотря на то, что была осведомлена о смерти Оливии Михалко.

Мобильный телефон Оливии Дмитриевны ее сын Луарсаб подарил Нинель Сушке, как память о его матери. Мобильник был почти новым, дорогим, Нинель не смогла бы себе позволить подобную покупку. Поэтому приняла подарок с благодарностью.

Телефон был рассчитан на две сим-карты. У Оливии имелся еще один мобильный телефон – для работы, для связи с клиентами и коллегами. Простенький, затертый, старинной модели. Она говорила, что постоянно забывает где-то старый мобильник, всегда находит пропажу, но если и потеряет, то не большое горе – все нужные контакты у нее хранятся в домашнем компьютере.

Новый телефон она жалела и берегла. Смеялась – он мне нужен для выпендрежа. Номер давала только близким друзьям и мужчинам, с которым знакомилась на сайтах знакомств.

Нинель отвечала на звонки друзей, которые не знали о трагедии. Она терпеливо обо всем рассказывала, «правдиво» - сердечная недостаточность, скончалась во сне.

Однажды позвонила женщина. Решила, что разговаривает с Оливией, поздоровалась и назвала себя – Янина Цирельсон. Нинель сразу сообщила печальную весть. И привычно назвала причину смерти.

- Вы говорите мне правду? – напряженным голосом спросила Цирельсон.

- А почему вы спрашиваете? – с недовольством спросила Нинель: до сей поры никто не выказал недоверия ее словам.

- Мне очень важно знать правду... Возможно, я косвенно причастна к ее смерти.

- Что значит, косвенно? – заинтересовалась Сушка.

- Вы прежде назовите причину смерти Оливии.

- Отравление, - коротко ответила подруга погибшей.

- Я так боялась, что это произойдет!

- Объяснитесь.

- Я прилечу через неделю, пятого сентября. Остановлюсь в отеле «Плаза», у меня уже заказан номер. Мне очень нужно с вами встретиться. Я вам все объясню, и мы вместе подумаем, что делать дальше. Как вас зовут?

- Нинель, я близкая подруга Оливии... Вы меня заинтриговали... Хотя бы намекните, о чем идет речь.

- Не по телефону. Я вам обязательно позвоню...

Точно пятого сентября Янина Цирельсон позвонила по известному ей номеру телефона.

Всю неделю Нинель Сушка не находила себе места.

На этот раз она держала рот на замке – ни одной живой душе не рассказала о звонке Янины, которая была знакома с Михалко. Нинель поняла, что дело серьезное. И опасное.

Янина сама предложила приехать к Сушке, когда та сказала, что они живут с Оливией по соседству...

Нинель увидела перед собой худощавую пожилую женщину небольшого росточка. Она с порога заявила, что хочет попасть в квартиру покойной Михалко. Как бы это осуществить.

Женщина говорила таким требовательным голосом, что Сушка даже не подумала с ней спорить.

К тому времени Луарсаб Михалко уже побывал в квартире своей матери. Во время одного из его визитов, еще в первые дни после смерти Оливии, Нинель тоже туда нагрянула – ей было поручено поливать цветы, Нинель сама вызвалась делать уборку – и застала картину, от которой ее сразу начали душить слезы.

Луар сидел в уже знакомой Нинель позе у дивана, на котором они обнаружили бездыханное тело его матери. Он ничего не слышал, никого не замечал.

Нинель выскочила из квартиры, осторожно прикрыв за собой дверь.

Луар приходил в квартиру строго по расписанию – с двух часов дня по половины третьего.

Сушка старалась забегать на квартиру в любое другое время. Чаще после ухода убитого горем сына ее покойной подруги.

У нее выдалось две недели отпуска. На отпуск были свои планы, но она всё отменила, осталась в городе, хотя душный август выгонял жителей на юг.

Нинель считала себя ответственной за Луарсаба. Несмотря на то, что они почти не общались, но она была в зоне досягаемости. Он знал, что может на нее рассчитывать в любую минуту.

На могилу Оливии они ходили вместе, Луар об этом просил. Признавался, что одному ему на кладбище страшно. Не стыдился признаться в своем страхе.

После посещения могилы матери, он тянул ее на могилу жены.

Кладбище они посещали каждую среду и субботу. Луар так решил. Нинель беспрекословно подчинялась...

На всякий случай Сушка нажала кнопку звонка, хотя, знала, что Луар покинул квартиру матери немногим менее часа назад. Затем открыла ключами дверные замки и попросила Янину подождать в подъезде.

Нинель сразу заглянула в гостиную, потом прошлась с проверкой по всей квартире. Квартира была пуста. Тогда Нинель пригласила войти Янину. Та переступила порог и замерла. Нинке даже показалось, что она задержала дыхание.

- Всё нормально, проходите, - шепотом пригласила Сушка, чувствуя себя не в своей тарелке. Ей тоже показалось, что Оливия где-то здесь. Притаилась и наблюдает за ними. И осуждает подругу, которая водит к ней кого ни попадя.

Янина сняла обувь, прошла по длинной прихожей, заглянула в гостиную.

- Говорите прямо, что вам здесь понадобилось? – так же шепотом потребовала Нинель.

- Прежде чем ответить на ваш вопрос, я обязана вам кое-что рассказать.

- Тогда пойдемте в кухню, там нам будет удобнее разговаривать...

Янина Цирельсон рассказала, как познакомилась с Оливией в аэропорту, как попросила ее об услуге... Обо всем по порядку...

- Оливия должна была вернуть мне ту самую сумку, к которой находилась урна с прахом моего деда.

- Да? – с явным недовольством изрекла Нинель, мысленно обвиняя женщину в жлобстве. Произошла трагедия, а она над сумкой трясется, интригует по телефону, заставляет волноваться, ночами не спать, а оказывается... ларчик просто открывался - все мое должно оставаться моим.

- Вы не подумайте, что мне нужна моя сумка, - запричитала Янина, уловив укоризненный взгляд Нины. – Чтоб она сгорела, эта сумка. Чтоб ее выбросили на помойку и никто не подобрал...

- Объясните толком, хватит недомолвок.

- В этой сумке было... потайное место... В нем я спрятала... кое-что... предназначенное для моей двоюродной сестры. Она меня очень просила передать ее ЭТО вместе с урной с прахом деда. Хотела использовать для своих целей.

- Что ЭТО?

- Это... яд. Яд находился в маленьком мешочке из толстого полиэтилена. Я его аккуратно запаяла. Вспомнила, что в детстве мне подарили на день рождения красивую немецкую куклу. К кукле прилагалась расческа и шампунь. Шампунь находился в подушке из толстого полиэтилена. Так выглядела тара для шампуня. Очень надежное хранение шампуня, как я ни давила на подушку, она не лопнула...

- Хватит вам про подушку из детства и про немецких кукол, говорите по существу дела.

- Я посчитала, что так надежнее всего передать сестре яд.

- А зачем ей понадобился яд?

- Она... хотела избавиться от... одного человека. Они были соучредителями одного бизнеса, и постоянно конфликтовали по любому поводу, даже пустячному... Он ей угрожал... Я вам об этом говорю только потому, что моя сестра погибла. Ее враг к ее гибели непричастен. Автомобильная авария. Она ехала на автомобиле на большой скорости, был сильный ливень. Дина спешила в аэропорт встречать Оливию.

- Почему вы решили, что враг непричастен к гибели вашей сестры?

- Я наняла частного детектива через одного моего хорошего знакомого из прошлых времен. Детектив всё подтвердил. Я не могу сомневаться в его словах, ему нет смысла вступать с врагом сестры в сговор. Сыщик – известная в столице личность, он дорожит своей репутацией.

- Если бы ваша сестра не погибла, ее враг скончался бы от яда, который вы ей передали. Сестра погибла, ее врагу повезло, но не повезло другим людям: каким-то образом яд попал в руки человека, который отравил несколько человек, включая Оливию Михалко. О чем вы думали? Вы, взрослая женщина, наверное, не глупая.

- Сестра меня умоляла, говорила, что ее жизнь висит на волоске... Конечно, я понимаю – мне не надо было ей уступать. Всегда нашелся бы другой выход... Могла продать ему свою часть бизнеса и перебраться ко мне... Но для нее бизнес был всем.

- У кого в руках побывала ваша сумка?

- Оливия мне рассказала при последнем телефонном разговоре, что сумка осталась на фирме, где работала Дина. Оливия отнесла туда прах деда. И правильно сделала. У нее не было другого выхода... Сыщик проверил, с прахом моего деда поступили честь по чести... Я просила Оливию забрать сумку. Хотела приехать в Россию, а сумка побыла бы пока у нее... Я не могла предположить, что яд в запаянном мешочке из полиэтилена кто-то обнаружит.

- И зачем вам теперь понадобилась эта пресловутая сумка?

- Хочу убедиться, что яд все еще в ней... И убийство Оливии никак не связано с этим ядом.

- Я могу и без сумки вам сказать – связано. И не с одним убийством, а с целой серией убийств ни в чем неповинных людей...

- Не может быть, - задуманным голосом произнесла Янина после того, как Сушка в красках ей обо всем рассказала.

- Но вашу сумку мы все-таки поищем, - подобралась Нинель. – Хочется ее проверить...

Сумка-цилиндр черного цвета небрежно валялась на нижней полке невысокого стеллажа в прихожей, долго искать не пришлось. Сумка была упакована в пакет из гипермаркета, куда Оливия постоянно ходила за покупками.

В районе потайного места, где хранился пакетик с ядом, подкладка была сначала распорота по шву, потом подкладку не очень аккуратно зашили. Естественно, тайник был пуст.

- Я должна пойти в полицию и обо всем рассказать следователю, который ведет все дела об отравлении! – уверенно заявила Янина Цирельсон.

- Я согласна, вы обязаны пойти к следователю! – поддержала ее Нинель Сушка. – Я с вами!..

По дороге они рассуждали, в чьи руки попал яд, и сошлись во мнении, что это руки кого-то из бывших коллег Дины Рубанчик...

В следственном управлении, когда узнали, с чем дамы пожаловали, сразу отвели в кабинет главного начальника. Им оказался мужчина слегка за сорок с очень располагающей внешностью. Он не успел представиться, как Нинель завопила:

- Эдуард Витальевич! Канарейкин! А мне Натка Соловьева говорила, что ты в городе, но я думала ты в отпуск приехал, а ты... - Нинель окинула взглядом большой кабинет, выказывая связь большого кабинета с занимаемой должностью его хозяина.

Канарейкин сразу дал понять, что выражать эмоции в кабинете не стоит, что она здесь лишняя, и так красиво выставил Сушку, что та не заметила, как оказалась за дверью. Даже за дверью продолжала радостно улыбаться. Потом опомнилась и присела на один из стульев...

Янина Цирельсон повторила свой рассказ уже следователю.

- А как яд попал к вам? - спросил он, когда она смолкла и потупила глаза.

- Эту отраву нашел мой дед... В девяностые годы он устроился в строительную фирму, которая принадлежала моему мужу. Он был нашим шпионом, выявлял человека, который приворовывал. Жили мы в то время в столице. Фирма получила хороший заказ на реставрацию старинного особняка в центре. В то время родственники бывших владельцев возвращали себе права на недвижимость. Когда вскрыли полы, то обнаружили останки человека. Особо впечатлительные выбежали вон, особо ответственные побежали звонить в милицию, а мой дед, особо любопытный, приступил к обследованию скелета в тряпье. В его обветшалом кармане он обнаружил стеклянный пузырек, горловина которого была залита сургучом... Дед присвоил себе стеклянный пузырек. Позже вскрыл, понюхал с осторожностью и несколько капель добавил в миску с собачьей едой. У нас в то время был домашний питомец – очаровательная болонка Люся. Люся прожила у нас много лет, состарилась, а когда она умерла, мы подумали – от старости. Оказалось – ошибались... Дед признался мне во всем перед своей смертью. И сказал, где прячет остатки яда. Я сопоставила все события девяностых, и поняла, что стало причиной смерти друга моего мужа, который обворовывал нашу фирму... Не он один скончался по вине моего деда, который нажил себе немало «друзей» за свою жизнь. Вот и решил с ними поквитаться... Я корю себя за то, что не вылила эту гадость...

- Когда вы спросили у Оливии Михалко по телефону о сумке, вам не показалось, что она озадачена вашим вопросом?

- Не в том смысле, на который намекаете вы. Сегодня Нинель тоже подумала, что я трясусь над своим добром. Так же подумала и Оливия. Испуга у нее не было, она не пыталась увильнуть, сказать, что выбросила сумку. Или кому-то подарила. Она обещала забрать сумку у коллег моей сестры и подержать сумку у себя до моего приезда...

В один из дней безрезультатной и порядком надоевшей слезки, Катерина заявила подруге, сидящей рядом с ней в салоне автомобиля:

- Если сегодня опять не будет ничего существенного – одни ухаживания кавалера за дамой, я прекращаю наше сотрудничество. У меня семья – муж, дети, если ты не забыла. Работа, в конце концов! А я тут с тобой ерундой занимаюсь. Больше двух недель я таскаюсь за Луарсабом. Я его уже видеть не могу. И хочу напомнить... некоторым слишком загруженным делами, что по милости... этих некоторых я потратила впустую часть своего летнего отпуска. А могла бы мухам дули крутить.

«Эти некоторые» придержали при себе резкое заявление – могла бы и не убивать часть отпуска, ехать на все четыре стороны, сама бы справилась. Во-первых, не справилась, более того – через неделю запал улетучился, об убийстве девицы «Миниплатье» быстро забыла. Во-вторых, не хотелось обижать Куприяшку: она, действительно, исправно исполняла обязанности сыщика, которые на нее наглым образом возложила инициаторша, она же «эти некоторые».

Чтобы смягчить напряженную обстановку и одновременно принести извинениями, напрямую не высказывая их, Алешечкина вздохнула и с ноткой печали протянула:

- Да, лето пролетело так быстро, что мы и не заметили. Повезло, что осень пока мягкая: солнце светит и греет практически по-летнему... А на море бархатный сезон, - брякнула она с ностальгией.

- Вот и чеши на свое море! Ты же в отпуске!

- Не могу тебя бросить... Не имею права! Ты же свой отпуск потратила на... мои прихоти, - просюсюкала Наталья. – Великое тебе за это спасибо. Кто бы еще на это согласился. Да, Катя, ты – человек... с большой буквы.

- Дифирамбы в мою честь мне не нужны, тебе меня не разжалобить, не задобрить. Сказала - больше не буду участвовать в этой аванюре, значит, не буду. Иванов, мой доверчивый муж, который не разу не заподозрил меня в измене, начал искоса на меня поглядывать – подозревает в неверности. И правильно делает! Если бы его постоянно не было дома и не было бы на работе, какие мысли лично у меня возникли? Кобелирует. Сил уже нет кормить его «признаниями», что моей подруге крайне необходима моя моральная поддержка. Соловей, я тебя конечно люблю и уважаю, но на первом месте у меня моя семья.

- И это правильно. Я никуда не денусь, могу пообижаться и остыть, а мужья и дети требуют твоей постоянной заботы и внимания. Не ровен час, возникнут недоразумения.

- Это хорошо, что ты меня понимаешь... Когда Иванов постоянно проводил будние дни в командировках, а дети гостили у бабушки, это одна тема, теперь его командировки закончились, чему я весьма рада, дети вернулись в отчий дом, чему я невероятно рада, я обязана исполнять свои обязанности жены и матери... А не мотаться по городу как угорелая за сыном покойной Оливии и его пассией. Могу нарваться на студентов, что они подумают о своем преподавателе.

- Согласна, сегодня наш последний совместный день слежки, завтра я самостоятельно буду за ними приглядывать. Увы, надолго меня не хватит - мой отпуск почти подошел к концу. Конечно, могу взять еще недельку отпуска, начальник сам мне предлагал: у меня еще пятнадцать дней отгулов... Могу, но не хочу.

- Может быть, сегодня нам повезет, - без особой надежды рассудила Екатерина Викторовна.

Если быть честной, то ей тоже хотелось довести начатое дело до конца, все-таки, столько сил и времени потрачено, жаль, если впустую. Опять же имеют дело с Эдиком Канарейкиным. Не мешало бы утереть нос этой важной столичной персоне. А вдруг получится? Но пока суд да дело, семья распадется по ее милости. Иванов, конечно, человек терпеливый, но и у него есть предел.

- О чем задумалась? Гадаешь – повезет или не повезет?

- Хочу найти отравителя и сдать его... Канарейкину, - неожиданно призналась Куприян.

- Это понятно, - хмыкнула Натка. – Нам бы только перед Виталичем побахвалиться.

- Ерунду говоришь... Слушай, Соловей, бери свои отгулы и вали из города.

- Ты на что намекаешь? Что в городе становится небезопасно? Так я никого не боюсь! Эдик не даст нас в обиду.

- Он пока развернется-повернется, тебя преступник схватит и...унесет за высокие горы, за синие реки...

- Меня, значит, унесет, а тебя оставит, - хмыкнула Натка.

- Зачем я ему? – передернула плечами Катерина. – Маленькая, страшненькая... Не то что ты, красавишна.

- Ага, красавишна, когда сплю лицом к стене... И вообще, - опомнилась Алешечкина, - причем здесь красота-не красота! Можно подумать, он выбирает жертвы по внешнему виду. Он, преступник этот, входит в клуб по интересам. Членом клуба является кто-то из окружения Оливии Михалко. Вот, кто – вопрос из вопросов! Ты считаешь, что это ее сын. Сам того не подозревая, Луар стал невольной причиной для устранения его матери.

- Наташа, я ничего не поняла из того, что ты сейчас сказала. – Катерина взглянула на свои наручные часы – совсем скоро у магазина «Товары на все случаи жизни» должен появиться Луарсаб Михалко.
- Я сама не поняла, что сказала, - откровенно призналась Наталья Романовна. – Сколько еще осталось?
- Минут пять – семь. У меня часы неточно идут.
- Нинель тебе не звонила?
- Я ей звонила.
- Есть новости?
- Никаких. Но мне показалось, Сушка темнит.
- Зачем ей это?
- Кое-кто сказал держать язык за зубами.
- Канарейкин? Каким боком здесь Нинель? Ее опросили как свидетеля, не более того... Она могла что-то пронюхать и доложить Канарейкину? Тоже мнит из себя великого сыщика?
- Ты у меня спрашиваешь?
- Кать, а у кого мне еще спрашивать! Ты в этом деле с первого дня...
- Ты тоже, - напомнила Куприян.
- Но ты главная в нашей группе. Ты постоянно в деле, а я - от случая к случаю. Опять же с Нинкой постоянно контактировала ты.
- Спать хочу, умираю. Вчера легла поздно, утром встала ни свет, ни заря. У меня сегодня было две лекции на первом и на втором курсе. Эти первокурсники, как дети малые, честно слово. Ведут себя как средняя группа детсада.
- Люди радуются, что поступили в хороший вуз. Привыкнут, освоятся, все будет ок.
- Пока они привыкнут и освоятся, я сбегу... Что-то наш подопечный опаздывает. Очень странно... Может, мы зря его сюда не провели? Надо было ждать его у дома, а не ехать напрямиком к магазину.
- Погоди, не паникуй, сейчас зайвится. Луар к этой девчонке привязался. Нельзя его осуждать за то, что не выдержал положенное время траура. Скорее всего, здесь не играет роли интерес, он просто нашел тихую скромную девочку, которая его жалеет, нервы не треплет, как некоторые... Купряшка, чего ты в мою сторону глазами зыркаешь? Не понравилось, что я сказала? Но это мое мнение. Тот, кто не привык к одиночеству, ужасно его боится. Луар из их числа.
- А ты?
- И я, - призналась Алешечкина. – Еще хорошо, что бывший не звонит и не объявляется, а то... не знаю, что бы я выкинула.
- Неужели бы приняла назад?
- Принять бы не приняла, но... сорвалась... Бог с ним, хороводится со своей малолеткой, и пусть... Как говорит Нинель Сушка: пройдет и по нашей улице многоопытная сваха.
- Ну, ждите, ждите.
- Не сбивай меня с правильного настроения!
- Тебя сбить с настроения, что плюнуть.
- Я развиваю в себе самовнушение.
- Что ты развиваешь?
- Я учусь вселять в себя уверенность - жизнь наладится, мои мечты обязательно исполнятся.
- И для этого ни-и-ничего не нужно делать, - поерничала Катя, - лежи себе на печи и мечтай!
- Ой, смотри – Луар идет. Сегодня он не литературный - график нарушает... А что это у него в руках? Всегда приходил с пустыми руками, даже цветочка девчонке не приносил, а сегодня... с презентом.
- Натка, быстро натянивай свой парик и дуй в магазин. Не смотри на меня как баран на новые ворота. Что-то мне подсказывает – лед тронулся, господа присяжные заседатели!
- Из-за пакета с презентом у тебя родилась такая гениальная мысль?

- Каждый труд благослови, удача, - процитировала Куприян поэта Блока. - Не зря с Луаром «сроднилась», стали почти как сиамские близнецы, читаю мысли на расстоянии. Иди, Соловей! Ни пуха...

Натка, выполнив подготовительные мероприятия, поковыляла в магазин, но уже через пару минут выскочила из магазина, прижимая к груди железобетонную буханку хлеба.

Катя некстати удивлялась – интересно, в этом магазине бывает когда-нибудь свежий хлеб? Или пока не распродадут из предыдущей доставки новый держат в подсобке? Потом опять помянула недобрым словом сиамских близнецов, на этот раз касательно себя и подруги, которая не нашла ничего лучше, как тоже купить буханку хлеба.

Подруга приближалась в обнимку с хлебом и буравила взглядом передний бампер автомобиля Иванова – сегодня выпал ее черед катать сыщиц Пуаро. Катя заволновалась – вдруг не заметила и помяла бампер. Не выдержала, выскочила из машины, проверила, успокоилась и вернулась назад.

- Ты чего мечешься? – спросила Алешечкина, плюхнувшись на пассажирское сиденье и от избытка чувств сильно припечатав дверцей.

- Слышал бы этот звук Иванов, он бы скончался от разрыва сердца, - не отвечая на вопрос, возмутилась Катерина.

- Извинись перед ним за меня.

- Сегодня мне несказанно повезло, что он оставил автомобиль в гараже – после работы с коллегами будет отмечать чей-то день рождения.

- Вернется слегка пьяненький и по уши в тебя влюбленный. Все как обычно. Но это лучше, чем являться домой вдрызг пьяным и вступать с супругой врукопашную.

- Оставим в покое Иванова. Что там? Докладывай!

- Даже не знаю, что тебе сказать, - промямлила Наталья.

- Говори, как есть. После обмозгуем.

- Я успела заметить, что Луар передает девушке бутылку вискаря, а она... ставит бутылку на стеллаж, среди себе подобных. Что бы это значило? Как думаешь?

- А вот это уже о-о-очень интересно. Теперь кое-что становится понятным: как я и предполагала, Луар эту девицу использует.

- Для особо тупых, разжуйте, пожалуйста.

- За этой бутылкой придет кто-то из постоянных покупателей - любителей вискаря. Продавщица продаст ему не абы какую бутылку, а ту бутылку, которую принес ее кавалер... Долго он ее окучивал, втирался в доверие, и добился-таки своего - девица потеряла голову от любви, готова убить любого, на кого он укажет.

- Уби-и-ить? – растянула короткое слово на «три минуты» Алешечкина. - Я... не могу... п... поверить, - покачала она головой. – Получается, Луар влюбил ее в себя и, девица готова на любые гадости ради своего суженого-ряженого.

- Бедный Луар, почти три недели на нее ухандокал. Стойкая девица попалась, прям, как оловянный солдатик.

- Не могу поверить.

- Погоди ты, Соловей, это пока одни мои предположения... Что ж ты у меня такая доверчивая!

- Это хорошо или плохо? – невнятным голосом спросила подруга.

- Смотря в каком случае. Но по моему мнению – это лучше, чем быть Фомой-неверующим – тяжело жить, когда всем подряд не доверяешь, везде ждешь подвоха. В твоей доверчивости есть особая прелесть – ты как малое дитя. Рядом с тобой и я становлюсь ребенком. Ты заметила, что мы постоянно пикируемся, как девчонки-школьницы. Постоянно вспоминаем разные стишки из детства, считалки-обзывалки. Кто-то со стороны нас услышит и подумает: кажется, тети сошли с ума. Но мы не тети, себя таковыми не считаем. Мы – молодые девчонки... - Счастливое лицо Катерины вмиг сменилось миной неудовольствия. - А вот и господин Михалко. Ты полюбуйся, какой у него довольный вид.

- Сделал дело, гуляй смело.

- Радуется скотина, что добился своего – обманул девчонку-кремня... Сейчас еще в пляс пустится... Не пустился, сдержался... Сел в свой автомобиль... И чего ты головой вертишь, олух?

Взгляд Луара не успел добраться до подруг, они свернулись пополам – спрятались. Стороннему наблюдателю показалось бы, что в салоне припаркованного автомобиля никого нет. Натка долго усидеть в такой неудобной позе не могла, к тому же разбирало любопытство. Чуть разогнулась и одним глазком посмотрела на волю.

- Фух, отъезжает... Катя, а нам что делать?

- Будем ждать. Вероятно, нужный покупатель скоро заявится. То, что это произойдет сегодня, это точно. Завтра в магазине другая смена, подружка Луара не станет оставлять бутылку в магазине. И с собой брать не захочет.

- Вот бы сегодня все произошло... Хотя, что - всё? Как мы узнаем, кто купит вискарь? Покупатель не положит бутылку в авоську «прощай молодость»...

- Будем рассчитывать на то, что возле магазина появится или девица с фигурой «песочные часы» - та самая - а ля беременная, которая крутилась возле Тони, она же таксистка, отравившая Лешечку Горшенина, она же заговорила несчастную Оливию Михалко за несколько часов до ее смерти.

- Именно с этой особой видела Оливию уборщица из кулинарии, куда Оливия постоянно наведывалась.

- Еще повезло, что Нинель вспомнила об этой кулинарии. У них с Оливией был постоянный спор на тему домашнего питания. Нинель ужасно ее ругала за употребление в пищу еды сомнительного качества. Но Оливия утверждала, что ей готовить для себя лень, а в кулинарии продают нормальную еду.

- Уборщица вышла на порог веником махнуть и в последний момент заметила, как незнакомая девица, которая перед этим отоваривалась в кулинарии, подседа к ней в автомобиль, и они вместе уехали. Точно не на квартиру Оливии. Скорее всего, к этой девице...

- Уехали вместе, и ниточка оборвалась.

- Будем ждать девицу, - бодро заметила Натка.

- Или мужчину, с которым Оливия прогуливалась в роще. Он похож на нашего Канарейкина. Так что узнаем его не проблем.

- А тоненькая ниточка усов? Думаешь они у него будут?

- Не зацкливайся на усах. А то сейчас начнешь выделять из толпы одних усатых высоких брэнетов.

- Не только усатых и высоких, а еще тех, у которых близко посажены глаза, правильная форма носа... Короче, на суперских мужиков...

- Которые употребляют виски, - подсказала Катерина. Выдержала паузу и вкрадчиво произнесла, - раз у тебя, Наталья Романовна, хорошее настроение, то хочу тебе кое в чем признаться. Надеюсь, мое признание твоего хорошего настроения не испортит. И ты не четвертуешь гонца, который принес тебе нерадостную весть. Плохой ее не назовешь – слишком громко для нее.

- Вступление такое, что хочется пойти и повеситься.

- Если из-за каждого козла вешаться, то веревок и мыла не напасешься.

- Значит, речь пойдет о мужчине.

- Вы чрезвычайно догадливы... Помнишь того, с кладбища? - беспечным тоном спросила Куприян. - Шефов, кажется?

- Только не говори, что ты с ним встретишься... случайно, совершенно случайно и вы...

- Нет никаких мы! – перебила подругу Катерина. – И «вы» тоже нет. Есть они.

- Ты видела его с дамой?

- Случайно столкнулась с... ними возле моего университета. Он меня узнал, но вида не показал. Вот придурок! Больно мне нужны его «здрости».

- А она? Как выглядит?

- Бабец! И весь тебе диагноз.

- Красатень в три обхвата?
- Словами не описать, глазами не обхватить. Так ему и надо! Правда, Соловей?
- Пошел он на фиг! Я о нем давно забыла. Поначалу еще надеялась, что у нас что-то получится... Кать, а что может быть в бутылке с виски? Яд? – перекинулась на другое Алешечкина. Настроение у нее не испортилось, но новость была неприятная, чего уж скрывать. Успокаивало одно – рядом с Шефовым была бабец!
- Не знаю, что в той бутылке с виски. Но в виски явно что-то добавлено. Какой смысл Луарсабу приносить в магазин обычный виски?
- Никакого смысла.
- Мне кажется, что того самого яда у Луарсаба нет.
- И не было?
- Не могу утвердительно ответить на этот вопрос... Если яд попал к преступнику через Луарсаба, то он соучастник преступления... Если... Соловей, а почему мы не подумали о том, что Луар мог самостоятельно вычислить преступную банду? Вычислил, выследил, узнал их привычки и пристрастия и решил их судить своим собственным судом.
- Кишка тонка. Это с виду он здоровый мужик, вполне себе симпатичный, девочки на таких клюют, то мы-то с тобой взрослые девочки, заметили, что он слизняк. Один красивый фасад, а за фасадом-о-ом... безвольность и трусость. Трусоват наш мальчик. И привык быть под чьим-то чутким руководством.
- Но не глуп.
- С этим я соглашусь. Правда, ум у него своеобразный - «привык чужими руками жар загребать», мать приучила – все за него делала, жил ее умом, но иногда взбрыкивал – как в случае с Ликой. Позже понимал, что восстание себя не оправдало – надо было мать слушать. Но как в этом признаться?
- Соловей, куда ты клонишь? Решила, что Луар... кого-то нанял для устранения своей жены? У самого рука не поднялась, как не нашел в себе сил признаться матери в своей ошибке с женитьбой на Анжелике, поэтому нашел исполнителя. Ручного исполнителя, который действует по его указке...
- Действует по указке заказчика, работает топорно... И что? Зачем профессионалу прислушиваться к заказчику? Заказчик дал задание, и не его ума дело, как это задание будет исполнено. Ведь так?
- Так. Если исполнитель «поет по нотам», то он не профессионал и... считает заказчика авторитетом...
- Или не смеет спорить, дабы заслужить доверие... Вернуть прежние отношения.
- Куприяшка, - испуганно прошепелявила Алешечкина, - если всё так, как ты сказала, то Луар нарочно подставляет своего подельника, исполнителя всех убийств. Отводит от себя подозрение. Но почему он так уверен, что исполнитель его не выдаст? Или у Луарсаба нет ни тени сомнения, что к его подельнику полиция придет поздно? Когда тот не сможет дать против него показания.
- Убийца последует за своими жертвами... Вот тебе и кишка тонка.
- Но Луар опять действует чужими руками, - напомнила Наталья.
- Гад, девчонку подставляет... Помнишь, как ты... или я говорила, без разницы, кто говорил, важна суть: один хочет убить человека и не может, а другой убивает в угоду первому. Своеобразный клуб по интересам.
- Вот-вот! Получается, что Луар... хотел избавиться от жены, которая его не любит, которая ему изменяет, и нашелся человек, который... сделал это бескорыстно... Потому что его любил... любит и хочет вернуть себе его любовь... Фигуристая деваха?
- Она пошла на убийства ради Луарсаба? Все сделала, а он решил ее «отблагодарить», своеобразно, чтобы уснула крепким сном и не проснулась.
- А мужик с усами? Тот, что был с Оливией в роще? Он здесь каким боком? - призадумалась Натка.

- Мужик? Оливия с ним познакомилась по Интернету. Другого объяснения у меня нет. Она с ним пробежалась по роще, попрощалась и забыла. А он ей прохода не давал. Вот почему Оливия говорила Нинке: тут еще и этот! Это она говорила о навязчивом поклоннике, мол, у нее и так проблем хватает, а разные кавалеры, неинтересные ни по сути ни по содержанию, пристают с ухаживаниями.

- Нам не хватает всего одной детали – откуда у Луарсаба мог взяться яд?

- Откуда? – по-попугайски повторила Катя. – Я тут подумала – может Нинель Сушка что-то знает. При нашем последнем телефонном разговоре она вела себя очень подозрительно. У меня сложилось впечатление, что она играла роль доверенного лица президента. Даже разговаривала со мной свысока – кто ты есть?! Вот я!.. Как бы из нее информацию вытянуть? Как к ней подкатить? С чем?

- Катя, а ты ей позвони и скажи, что... очень скоро преступник будет у нас в руках. Она обязана нам помочь. Если не поможет, то убийца уйдет от заслуженного наказания. Вся вина будет лежать на ней. Короче, забей ей баки, запугай, она все и выложит...

- Что, прямо сейчас звонить?

- А кто тебе мешает? Покупателей вискаря на горизонте не наблюдается. Всё под контролем.

- Описание девицы у нас есть... Но таких фигуристых шатенок с волосами до плеч в городе, сама знаешь, сколько.

- Авось повезет...

- Ладно, звоню Сушке...

Как Алешечкина не пыталась подслушать монолог запуганной Катериной Нинель Сушки, так ничего и не поняла, одни обрывки фраз. Но судя по опешившей физиономии Куприян, новости были сногшибательными...

Чтобы не терять драгоценное время, Катерина пересказала все с быстротой пулемета. Натка едва поспевала ловить мысль за хвост, изредка вставляла короткие вопросы-уточнения.

- Лично мне всё ясно, - изрекла она после пулеметного монолога подруги. – Луарсаб нашел яд в сумке, которую Оливия у него забыла.

- Думаю, даже не он, а Лика. Станет мужчина щупать чужую сумку. Лика нащупала под подкладкой сумки какой-то мягкий предмет и сообщила об этом мужу. Он отмахнулся, но призадумался. Тайно от жены распорол подкладку и нашел подушку с ядом. Вскрывать не спешил. Отправился к своей старой подружке Антонине Пеликиной, химику по образованию. Та проверила. Новость Луарсаба ошеломила. Он завел с матерью разговор о сумке, та ему рассказала об урне с прахом... Теперь у Луарсаба было на руках страшное оружие против врагов. Первым была супруга, растоптавшая его чистое чувство... Вот мразь хитрая...

- Натка, я хочу в туалет.

- Иди в кусты. Вот их сколько вокруг. И ни одной живой души...

- Не скажи, вон парочка идет... Стоп! Соловей, ты видишь эту парочку?

- Блин горелый, - задохнулась от нахлынувших чувств Алешечкина. – Ходят себе по улицам и никого не боятся.

- А кто их будет искать в этом богом забытом районе.

- Девица подходит под описание. А мужик? Мужик не очень...

- Усов нет, - хмыкнула Катерина, неотрывно наблюдая за мужчиной средних лет и молодой женщиной лет тридцати.

- Причем здесь усы! - придушенно проговорила Алешечкина. – Рост, да, соответствует – высокий рост. Глаза...

- Приглядишься, дальновидная ты моя, глаза у него близко посажены?

- Не разберу! У того мужика волосы были тщательно зачесаны назад, а у этого три пера...

- Хочу тебе напомнить, что люди давно изобрели парики. – Куприян дернула парик на голове подруги, парик съехал и закрыл один глаз.

- Этот мужик не может быть тем мужиком! Катя, сама подумай – между женщиной Оливии и девушкой Луарсаба может быть связь? Нет и не может быть между ними никакой связи по определению!

- В нашу версию их связь никак не укладывается.

- Ну, чего они там застряли?

- Соловей, а ты пойдешь и спроси у них, чего они застряли в десяти метрах от входа в заветный магазин, где продают много-много вкусного, но опасного.

- Пойду и спрошу... Боже, какая любовь! Стыдоба! Мужик лет под пятьдесят, приблизительно, я издали точно возраст не определю, но не тридцатник, как его спутнице, а он, несмотря на преклонные годы на улицах зажимается... Хотя, чему я удивляюсь, Алешечкин от него недалеко ушел.

- Кажется, он ее на что-то подбивает.

- Ага. Ему что-то надо, а она отказывается. Жаль, не слышно, о чем они говорят... Я сейчас выйду из машины и пройду мимо них, вдруг удастся что-то подслушать...

Куприян не успела ее остановить. Натка выпорхнула из автомобиля, как была - в парике и босой – обувь осталась в салоне авто.

Прошла мимо них, встала в непосредственной близости, задрала голову и принялась изучать фасад дома из белого кирпича – вся отдалась архитектуре хрущевского «ампира».

Парочка продолжала мягко спорить и прижиматься друг к другу с периодичным повторением в паузах между предыдущим спором и последующим. Мужчина еще чмокал девушку в кончик носа. Она морщилась и улыбалась – чмокание доставляло ей удовольствие. Несмотря на все мужские уловки, она стояла на своем. Мужчина не терял надежды, потому они топтались на месте.

Натка не обращала на них никакого желания, будто пришла к дому с одной целью – пересчитать все кирпичи в кирпичной кладке.

Во время временной передышке в чужом диалоге, она неожиданно закричала на всю округу, напугав вездесущих голубей:

- Валентина! – Набрала в легкие воздух и опять, - Валентина!

- Чего орешь! – ответно прокричала ей дама с формами, выкатываясь на балкон второго этажа. Дама была так коротко острижена, что издали казалась лысой. Понижила голос и добавила по-приятельски, - а то ты не знаешь, что в это время я всегда дома. Давай, поднимайся.

- Сейчас кое-что прихвачу из машины и поднимусь, - успокоила сообразительная Алешечкина и направилась к автомобилю, в котором сидела подруга.

Подруга кляла ее на все лады – зачем заставила обратить на себя внимание?!

- Ты совсем сдурела? – возмутилась Катя.

- А что мне еще оставалось делать? Постоять рядом с ними и вернуться назад? Подозрительно. Но как ловко вышло с Валентиной.

- Рассказывай.

- Оказывается, у мужчины проблемы с сердцем. Но несмотря на проблемы с сердцем, он хочет отметить свой день рождения. Две недели провалялся на больничной койке, только вчера его выписали из больницы. Наверное, они в этом магазинчике постоянно отовариваются. Ассортимент спиртных напитков в нем богатый, несмотря на то, что магазин находится в захолустье, сюда в основном наведываются алкаши.

- Рядом оазис природы, вечерами сюда магнитом притягивает влюбленных парочек. Устраивают пикники, переходящие в непотребство. Для полноты чувств приобретают алкогольные напитки, коих в магазине на любой вкус... Меня одно смущает – если девица так волнуется за этого мужчину, то зачем ей Луарсаб? Наша версия летит в тартарары.

- Потом разберемся с нашей версией. Сейчас нам крайне необходимо, чтобы они договорились в нашу пользу – зашли в магазин за покупками.

- Неужели повернут назад? Если повернут назад, нам в любом случае надо за ними проследить... Теперь моя очередь. Ты уже засветилась.

- Направились к магазину...

Парочка пробывала в магазине минут пятнадцать. Вышли оттуда с полными пакетами – видимо, собрались устроить пир по случаю дня рождения мужчины.

- Катя, ты их отпусти... А потом мы за ними на машине двинем... Еще немного... Пора...

Мужчина и молодая женщина прошли мимо школы и направились в частный сектор. Немного попетляли, в итоге остановились у добротного одноэтажного кирпичного строения с тремя окнами на фасаде и под серой черепичной крышей. Дом легко просматривался через забор из сетки-рабицы.

Парочка застыла у металлической калитки, выкрашенной в ярко-зеленый цвет. Пока женщина копалась в сумочке – видимо, искала ключ, мужчина что-то ей увлеченно рассказывал. Женщина нашла ключи, открыла замок. Парочка оказалась на территории частного домовладения.

Женщина шла впереди, мужчина следовал за ней.

- Надо звонить Канарейкину, - уверенно проговорила Куприян.

- А если мы ошибаемся – и это обычные люди, решившие отметить день рождения одного из них. Девушка подходит под описание, но никаких особых примет у нее нет.

- У меня интуиция!

Подруга не стала с ней спорить – пусть выпячивается перед Эдиком. Сама будет виновата, если произойдет ошибка.

Катерина поискала в списке нужного абонента и нажала вызов.

- Эдуард Витальевич, - обратилась она к бывшему однокласснику, а ныне важной столичной персоне, - если ты хочешь задержать подозреваемого в убийстве нескольких человек до того, как он отправится в мир иной, то поспеши по адресу...

Наталья Романовна шепотом подсказала адрес дома, издали прочитав табличку на доме...

Прибывшая на место оперативная группа во главе с Канарейкиным, провела задержание тихо и незаметно для посторонних глаз.

Канарейкин приставил к «двум доморожденным сыщицам», как он сам выразился, сопровождающего, который проследил, чтобы сыщицы благополучно добрались до дома...

- В бутылке с виски был обнаружен антабус, - поведала поздней ночью Алешечкина своей подруге. У той сон как рукой сняло.

- Кто сказал?

- Канарейкин позвонил. Видите ли, мы должны об этом знать – заслужили. Тебе не имел права звонить – ты у нас замужем. Потому позвонил мне.

- И что это за антабус такой?

- Этим препаратом лечат алкоголиков. Если во время принятия препарата выпить каплю спиртного, что сразу летальный исход. Сама понимаешь, что значит сочетание виски и антабуса. У Оливии отец был алкоголиком, его лечили антабусом, а внук на ум накрутил...

- Луар хотел отомстить убийцам своей матери?

- Для начала расскажу, кем оказался мужчина, которому мы с тобой спасли жизнь. Ему и его любовнице, Инне Черпухо, с которой он познакомился по приезду в город. Любовь с первого взгляда.

- Рада за них, - съязвила Куприян. - Хотелось бы узнать о мужчине, который, как я понимаю, был организатором всех преступлений... Но как у него оказался яд дохтура Елисея Бомеля? Яд, попавший к Оливии Михалко совершенно случайно, методом «тыка» - на нее пал выбор Янины Цирельсон.

- О мужчине! - оповестила дикторским голосом Наталья Романовна, млевшая от полученных новостей, практически из первоисточника. – Это бывший муж Оливии Дмитриевны Михалко, первый и единственный. Зовут его Магар Василий Степанович. И он, и его подельница Инна Черпухо уже дают признательные показания.

- Погоди ты с показаниями! Что с Луарсабом? Он в деле?

- Несмотря на то, что сын едва не отправил отца на тот свет, отец стоит на своем – сын ничего не знал, это была лично его инициатива.
- Откуда тогда он взял яд?
- Утверждает, что от Оливии.
- Брешет.
- Ничего, Луарсаба прижмут к стенке, он быстро расколется. Слюнтяй. И сволочь распоследняя! Мать за него была готова жизнь отдать, а он... Как мне жаль Оливию... Получила благодарность от единственного сына.
- Наташа, неужели такое возможно? Будто бы все правильно предугадали, но я до последнего надеялась, что мы ошибаемся... Не может сын убить родную мать, пусть не сам, не своими руками, но с его подачи и не без его подсказок отравили Оливию.
- Мне сложно судить Оливию Дмитриевну – у меня детей нет – но, наверное, она что-то упустила в воспитании сына, вырастила его черствым эгоистом. Когда сын остался без отца, она взяла на себя не только материнские обязанности, но и отцовские. Поставила крест на своей личной жизни, всю жизнь ему посвятила... Прошло более двух десятков лет, когда на горизонте возникла знакомая фигура Василия Степановича Магара. В рощу он ее пригласил, чтобы поговорить по душам, обсудить возможность встречи с сыном. Отец якобы раскаялся и хотел с ним встретиться, в мать – во всю отказывала отцу во встречи с сыном. Можно подумать, они говорили о четырехлетнем ребенке. Мужчине нужен был повод – чтобы Оливию, никогда не бывавшую в той самой роще, заметили. А с сыном он давно встретился и поговорил. Тот заявил, что прощение возможно, если он окажет ему услугу... Испытания яда проводились с далеко идущими планами – Оливию заранее делали убийцей. Папаша заверил сына, что бывшая супруга категорически запрещала ему видеться с сыном. Самовольно лишила сына отца. А сын признался, что мать не дает ему свободно вздохнуть, достает своей опекой и постоянными указаниями.
- Соловей, а я еще там, у магазина, не могла отделаться от мысли, что мужчина мне кого-то сильно напоминает. Луарсаб его точная копия. Ничего не скажешь, красивый был у Оливии муж. Но гад первостатейный. Я тут на досуге мозги включила, обдумала кое-что и позвонила Нинель Сушке. С одной целью – поразузнать о бывшем муже Оливии Михалко.
- Значит, ты догадалась?!
- Ну, догадки были, не скрою.
- И что тебе Нинка рассказала?
- Нинка рассказывала, что Оливия не любила говорить о бывшем муже. Был и сплыл. Всё. Но однажды, будучи подшофе, проболталась, что будто бы у него была судимость. Время от времени они связь поддерживали по переписке. Связь возобновилась, когда бывший муж оказался на зоне.
- За что же он туда угодил?
- За какие-то финансовые махинации. Организовал типа финансовой пирамиды. Дело было в девяностых. Пока сидел в колонии ему срок добавили... В драке кого-то порезал. Но вменили непредумышленное убийство при самообороне... В письмах к жене, Василий Степанович каялся, просил его принять после освобождения. И Оливия дала согласие. Но муж как в воду канул. Наверное, продолжил колесить по нашей необъятной родине, находить разных дураков и дурочек, которые несли ему свои денежки на блюдечке. Затем начались проблемы со здоровьем – сердечко начало пошаливать. Вспомнил о сыне – кровинушке.
- Такое бывает, - поддержала подругу Наталья Романовна.
- Вспомнил, вернулся в родной город, без труда нашел сына, встретился...
- И началась душевная беседа о наблевшем. Как заслужить доверие взрослого сына? У каждого отца свои способы...

Заключение.

Осень пришла незаметно. Окропила пока не затяжным дождем, обсыпала яркой листвой, в основном зелено-желтой, заставила приодеться и переобуться.

Наталья Романовна купила себе новое пальто зеленого цвета, черные ботиночки. В новом пальто и ботинках отправилась на работу.

Неожиданно днем небо затянулось тучами, к вечеру полил дождь.

У Натки был на работе «дежурный» зонт - старенький, но вполне надежный: от дождя точно укроет, а с ботинками ничего не случится: она, как чувствовала - утром побрызгала на них специальной защитой для обуви.

Несмотря на плохую погоду, настроение у Соловьевой было великолепным.

Вчера она получила новый паспорт на старую, девичью, фамилию, и так радовалась этому событию, как будто ей сообщили, что с этих самых пор с прошлым покончено раз и навсегда. Впереди счастливое будущее.

Натка шла по тротуару, лавируя между луж, и бубнила себе под нос:

- Что такое осень это небо, плачущее небо под ногами...

Натка шла, ее душа парила где-то там, наверху, над темными грустными тучами.

Она подошла слишком близко к кромке тротуара. Проезжавший мимо автомобиль окатил ее дождевой водой с ног до головы. Голове досталось меньше всего – прикрыл старый зонт.

«Мокрая курица» в некогда красивом зеленом пальто опешила. Открывала и закрывала рот, как рыба, оказавшаяся на суше. Наталья Романовна пыталась высказать возмущение, но возмущения было так много, что она не знала, с чего ей начать.

Автомобиль-наглец решил вернуться на тихих парах, чтобы не усугубить положение. Из автомобиля показался мужчина с покаянным лицом.

- Девушка, простите меня пожалуйста. Мне так жаль... Я не увидел яму на дороге.

- Еще скажите, что во всем виноваты дорожные рабочие, коммунальные службы.

Незнакомец смотрел на нее жалостливыми глазами.

Наталья подумала: жалость – показатель душевности и нравственности... Жалость – дар сильных людей... Или намек на заинтересованность.

Исподтишка она рассматривала мужчину. Он был весьма привлекательным. Всё при всем, как сказала бы Катерина Куприян. И лицо такое беззащитное, милое... Но ей без разницы, какое у него лицо и что он из себя представляет.

- Не скажу! Не привык сваливать свою вину на других, - совсем другим тоном, игривым, проговорил мужчина. – Я обязан как-то исправить положение.

- Интересно, как? Купите мне новое пальто? Или отвезете меня в экспресс-химчистку?

- Я сделаю для вас всё, что пожелаете.

- Даже так? – безрадостно проговорила Соловьева, рассматривая свое некогда новое красивое пальтишко. Не сдержалась и зашептала,- нет, ну надо же такому случиться: столько лет мечтала о драповом пальто, но утверждала, что драповое пальто это непрактично. Убедила себя купить пальто, и... утвердилась, что оно не практичное.

Мужчина-водитель услышал ее стенания, подхватил ее под руку и начал тянуть к своему автомобилю.

- Куда вы меня тащите? – тусклым голосом спросила женщина в испачканном пальто пятнистого цвета: темная зелень чередовалась со светлой зеленью, не пострадавшей от грязной дождевой воды.

- Мы едем покупать вам новое пальто! И не спорьте!

- Я к незнакомым мужчинам в машину не сажусь.

- А с таксистами вы тоже знакомитесь, прежде чем занять пассажирское место?

- Обязательно.

- Позвольте представиться – Марс Иванович Покрышкин.

- С... стоматолог? – посвистев в начале, удивленно протянула Соловьева.

- Вы были у меня на приеме? – задумался Марс Иванович. – Но я всегда помню всех своих пациентов.

- Надеюсь, вы не станете просить меня открыть рот и показать вам зубы.

Мужчина никак не отреагировал, он исследовал ее румяное лицо цепким взглядом.

- Если бы ко мне на прием пришла такая обворожительная девушка, я бы обязательно ее запомнил. Как вас зовут, прелестница? И откуда вы меня знаете?
- Слухами земля полнится, - с подтекстом произнесла Соловьева. – А зовут меня Наталья Романовна.
- Наталья дочь Романа, никогда не верьте слухам! Чтобы составить собственное мнение о человеке, его нужно получше узнать... Вперед! За новым пальто!
- Это судьба, - прошептала Натка и позволила усадить себя в автомобиль...

Август-октябрь 2016г.